

К 84(2)
З-81

Леонард Золотарёв

СУМЕРКИ
В КАРФАГЕНЕ

Леонард Золотарев

**СҮМЕРКИ
В КАРФАГЕНЕ**

Трагедии, драмы, комедии

Орел, 2009

Вместо послесловия, автор литературно-критических статей – И. Л. Золотарев.

Золотарев, Л. М. **Сумерки в Карфагене**: трагедии, драмы, комедии. – Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2009. – 416 с.

В сборник трагедий, комедий, одноактных драм «Сумерки в Карфагене» большого русского писателя – драматурга, поэта, прозаика – Леонарда Михайловича Золотарева входят исторические трагедии «Манускрипт императора», «Я полюбил тебя на Волге (Разина любовь)», современные комедии «Аппаратчики», «Веселый поезд», а также одноактные драмы «Сумерки в Карфагене», «Не сотвори себе кумира», либретто к операм «На Гоголевском бульваре», «Голубая дивизия». В исторических, современных трагедиях, драмах Л. М. Золотарева поднимаются острые проблемы нашей жизни.

Комедии с тонкой иронией, нескрываемым юмором злободневны, характеры живы, сценичны, язык ярок, естествен и органичен.

Драматургия Л. М. Золотарева рекомендуется как для широкого чтения, так и для сцены, кинематографа.

© Золотарев Л. М., 2009 г.

© Издатель Александр Воробьёв, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Н. Осмоловский. Предисловие.	4
Манускрипт императора (<i>трагедия</i>)	5
Я полюбил тебя на Волге (Разина любовь) (<i>трагедия</i>) . .	73
По дороге к Храму (На Гоголевском бульваре) (<i>либретто к опере</i>)	146
Голубая дивизия (<i>либретто к опере</i>)	194
Аппаратчики (<i>комедия</i>)	231
Веселый поезд (<i>комедия</i>)	285
Сумерки в Карфагене (<i>одноактная драма</i>)	339
Не сотвори себе кумира (<i>одноактная драма</i>).	374

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы писатель Леонард Михайлович Золотарев проявляет себя как зрелый, опытный драматург. Им написаны десятки драматических произведений в стихах и прозе, в которых талант мастера раскрывается в исторических трагедиях, современных психологических драмах, блестяет острым словом, наполнен юмором, иронией в его искрометных комедиях. Назовем отдельные из них. Это трагедии: «Прометей», «Крещение Руси», «Бедный Рюрик, или Путь из варяг в греки», «Манускрипт императора», «Княжна Тараканова», «Я полюбил тебя на Волге (Разина любовь)» и др.

К современным внутрличностным, психологически развернутым драмам относятся «Любящая Мария», «Тургеневский бережок». «Брызги французского» и др. К одноактным трагедиям и драмам можно причислить трилогию «Господа Каменские», «Сумерки в Карфагене», «Не сотвори себе кумира» и др. Список комедий составляют «Аттаратчики», «Веселый поезд», «Скиф, едущий на трамвае», «По чем фунт лиха», «Паркетчики и телефонисты» и др.

Самое главное, что отличает драматургический талант Леонарда Золотарева, – это то, что герои его живые, насыщены мыслью, чувством, музыкально-поэтическими соответствиями с божественным сознанием. Звучит музыка русского слова, история и современность слиты воедино. В эстетике драматургии, как и в прозе, поэзии, выделим основные моменты: фундаментальность, этичность и в то же время лиризм, внутренняя психологическая мотивация конфликтом как в самом человеке, так и вовне его, во Вселенной, определяющих, по словам Ф. М. Достоевского, «фантастический реализм» как эстетику будущего. Красота, тайна (содержание) и соответствия (форма) выражают любовь и дух творческой состоятельности Леонарда Золотарева.

О. Н. Осмоловский,

доктор филологических наук,
профессор

*Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.*

А. С. Грибоедов.

МАНУСКРИПТ ИМПЕРАТОРА

(трагедия)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАИСИЙ – иеромонах Орлейского мужского монастыря, в миру – бывший учитель истории.

НАДЕНЬКА, по мужу Тарнавская – дочь Паисия, арфистка Губернского симфонического оркестра, из детей индиго.

ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ – Око государево в Орлее, городе среднерусских традиций.

РАДА СЕМЕНОВНА – жена Недремова.

ДУХ ПУШКИНА.

ПРИЗРАКИ САМОДЕРЖЦЕВ:

ПАВЛА I – императора, самодержца Российской империи.

АЛЕКСАНДРА I – его сына, участника заговора против отца.

СВЯТОЙ ВОИН АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – во гробе перед всем православным народом.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА – жена Паисия, возникающая в его памяти.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН – друг Паисия, директор областной филармонии.

АВТОР.

Серединная Русь. Жители старинного города Орля. Ангел-хранитель в белом. Эхо в храме. Черный человек, он же послушник. Участники крестного хода к храму Михаила-архангела, куда на три дня и три ночи привозят из Санкт-Петербурга на поклонение мощи святого Александра Невского.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Центр города на Оке. Храм Михаила-архангела. Площадь перед храмом. Сюда с иконами и хоругвями движется крестный ход. Во главе его – армейский бронетранспортер с почетным караулом. Из Санкт-Петербурга прибывают мощи князя Александра Невского – святого воина, защитника Русской земли.

С почестями воины проносят мощи в собор.

Иеромонах Паисий, учитель истории, с другом детства Алексеем Куницыным, в числе первых ступают за порог храма. У алтаря, на возвышении, уже сияют в золоте мощи. Людской поток стремится к ним. Крестьясь, православные прикладываются к окладу, выходят в боковые врата.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*наклоняясь к другу*). Долгожданное такое событие во граде нашем, в жизни мирян.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Год не был тут, в этом соборе. Как все преобразилось! Алтарь зияет, деревянный, резной, как Приамов, иконы в окладах, священники в позлащенных ризах... а ты все в черном...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Мне так надо.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. В епископы собираешься, в вышние сферы?.. Сколько еще тут работы! Только отдельные фрески расчищены. Вон место особо мне нравится: Казанская божья мать с младенцем.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Так семьдесят с лишним лет атеисты правили. Зерно, хомуты хранили – все отсырело, фрески осыпались... И твой отец, Алексей, был в «воинствующим атеистом», колокол с Михаила-архангела сбрасывал... А сам хорош, Алеша, – божий ты человек. Твоя, что ль, идея была – устроить тут органной зал, от филармонии?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*шепотом*). Органный? Совсем пропадать стал храм-то, уже разбирать с угла начали... на кирпичи...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Ну и что – надо было еще и подкапываться под него, под фундамент?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А куда раздевалку девать? Где раздеваться? Вот и делали там, внизу, раздевалку.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*раздраженно*). И стенки поехали, да?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Пришел я в Белый Дом и говорю: прекратите, не то вовсе храма лишимся. А орган уже привезли...

ИЕРОМОНАХ ПОИСИЙ. И где же сейчас он?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Да где-то в сарае.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. О боже!

ИДУЩИЕ РЯДОМ. Да тихо, вы.. тшшшш...

Медленно, медленно – торжественно, крестясь троеперстием, православный люд продвигается по собору к святым мощам, к алтарю. У правой колонны Куницын подходит к иконе, прикладывается к ней, ставит свечу.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*Паисию*). Никола-угодник поставил чудотворцу нашему...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. В помыслах и делах чудотворец-то?

Пауза. Запахло ладаном от священника, размахивающего кадиллом. Совсем уже близко святые мощи.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Трепет-то какой чувствую в теле.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Слышу скрежет металла и скрип зубовный, удары мечей, предсмертные хрипы.

А вот и мощи – темное где-то внизу, в золотом окладе. Два брата священника, в белом – по обе стороны мощей. Паисий прикладывается губами к пальцам брата, к стеклу над мощами. Куницын слегка запинаясь – правый брат тут же сует ему пальцы, Куницын поспешно наклоняет голову.

У выходных врат можно и постоять. Куницын как проваливается наружу, а Паисий задерживается.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*оглядывая храм изнутри*).
Глядите-ка, лесенка в хоры для певчих. И кафедра... в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге анафеме с такого амвона предавали Льва Толстого. А тут где-то, скорее всего, у алтаря, где сейчас мощи, покоилось некогда тело государя – императора Александра Первого. Его, почившего в бозе, провозили тогда из Таганрога... на север, в столицу... в собор Петропавловский...

(*В сторону.*) Господи! А что, если бы этот... Куницин... поставил бы тут орган, сделал бы из православного храма органный зал? Да нет, почему же? Кафедральный собор в Санкт-Петербурге был, в Исаакиевском. Так что ты там видел, Паисий, помнишь? Гляди, и тут, и везде по православным храмам иконы, фрески – плоскостное изображение... Христа, Богородицы, всех святых... А в Исаакий не только иконы, но и скульптуры, объем, выпуклость, как у католиков... А ведь Исаакий – храм кафедральный, главным был на всю Россию... Нагрешили, вот оно и откликнулось... до сих пор катится по столицам и весям... по земле и небесам... горим в геенне огненной...

Когда был учителем истории в школе, возил детей в Польшу. Так пан Болеслав, наш гид, водил группу по Кракову, по католическим храмам. Входя, крестился сам и все оборачивался: почему это мы не крестимся? Христине ведь, тоже ведь верим в Христа.

А дети после допытывались у меня: «А почему это он коммунист, а крестится?» – «И почему они, поляки, тоже вроде славяне, а католики?» – «И почему в храмах у них орган играет, а у нас, мамка говорила, поют?»...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*глядя вверх на хоры для певчих, на кафедру*). А почему это я в черных одеждах, а не в золотых... Как эти священники. Не в белых, как те...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ (*возникая из ничего, шепча ему на ухо*). Не спеши, архиерей, в епископат. Чтобы ходить в золотых

одеждах, надо сначала побыть чернецом, походить в черных одеждах. Всякий настоящий солдат носит в ранце маршальский жезл. Маршал должен побыть сначала в шкуре солдата... Вон, видишь, мощи святые Александра Невского, князя? Сразу, что ль, стал он князем, святым? Сперва пострадай, на смерть постой за Отечество... Отравили Александра ордынцы, когда ездил к ним туда за ярлыком на княжение. Прикоснись к святости, душой прикоснись...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Понял, понял тебя, ангел мой, мой хранитель, мой друг.

Сцена вторая

Там же. Сумерки. Храм покидает последний верующий, врата затворяются. Прячась в углу, за колонной, иеромонах Паисий остается один. Появляется церковный сторож. Заметив монаха в черных одеждах, кивает ему, приняв за своего, за охранника. Уходит и возвращается вскоре.

СТОРОЖ (*Паисию*). На всю ночь, до утра?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*пожав плечами*). Да вот... стою...

СТОРОЖ (*подавая ему кусок хлеба, три яблока*). Возьми, подкрепись-и-иссь...

ЭХО (*где-то вверху под сводами*). ...пись...пись...пись.

Черные птицы за окном, вострепнувшись, улетают вслед уходящему Сторожу.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в сторону*). Керры – души умерших... переходят черту... И пойдут потом, полетят: одни – в рай, в райские кущи, другие, вкусив яблока, – в ад... в геенны огненные, стихии огня... Наши пращуры – предки особые, скифы – сколоты, выращивали тут, в наших местах, хлеба. И отправляли их туда, на юг, к Геллеспонту – Черемному – Чер-

ному, Русскому морю. А уж оттуда, через греческие города – полисы хлеб везли в Грецию, вскормили всю Элладу: Гомера, Эхила, Платона, Аристотеля, а через них подняли всю европейскую, мировую цивилизацию, – вот какова цена здешнему хлебу, полям, человеку земли!...

И воину, защищающему их.

ГОЛОС АВТОРА.

С ВОСТОКА НА ЗАПАД Северным Причерноморьем, по двенадцать километров в сутки – вслед заходящему Солнцу – двигались несметные стада. Где-то в устье Днестра, по легенде, у скифов был рай, туда и стремились пращурь, где каждый, а не только властители – по пути, защищаясь, мог стать победителем, героем и вознестись на небеса...

Святые воины, идущие по облакам там, южнее, где Керчь, керы – души умерших – бились о скалы, бора – северный ветер топил корабли тех, кто попадал сюда от Колхиды, отправляясь за золотым руно – за добычей, и пропадал где-то в пучине от жадности... Тут, южнее Керчи, у скифов, был ад... Но почему? На месте греческого поселения, еще во времена Гомера, было тут уже княжество, форпост, Тьмутаракань – праславянский исток, отдаленный – еще византийской, греческой Веры, а мать городов русских Киев потом уже, через тысячу лет...

Славного воина – графа Николая Михайловича Коменского, командующего Дунайской армией, отравленного в Кишиневе агентами Наполеона, везли к устью Днестра, в райские кущи. Это он был автором «скифского» плана ведения войны с узурпатором...

Святые воины, идущие по облакам,

Вслед заходящему Солнцу.

И вот везут тело почившего где-то там, в Таганроге, неподалеку от Тамани – Тьмутаракани, самого государя-императора Александра I и, провозя через этот город серединной Руси, устанавливают гроб тут, в этом храме. Слушок прошел, что во гробе-то тело не государево, а полицмейстера Таганро-

га, очень сходного телом с царем, а сам Александр, под видом старца, окажется после где-то в Сибири, вблизи Тобола, тогдашней столицы сибирской...

* * *

Иеромонах Паисий переступает с ноги, выходит из-за колонны, движется к алтарю, перед которым и покоятся святые мощи Александра Невского – защитника Русской земли.
Темнота вокруг и таинственность.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в сторону, холодея от страха*). Из всех углов лезут керры. Что-то предчувствую нехорошее, что? Да вот же, вот он, гроб с телом государя – императора, рядом с мощами. Как стоял еще тогда, так и стоит, никуда не девается...

Тени ползут из углов храма. Из гроба встает видение – призрак государя-императора Александра I, приближается к святым мощам на возвышении.

ПРИЗРАК ИМПЕРАТОРА (*шепча, но так что эхо раздается под сводами*). Я – Александр и ты – Александр, государи на Неве...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*заслоня собой святые мощи*). Не приближайся, не подходи. Он – святой, мощи святые, а ты кто такой?

ЭХО В ХРАМЕ. Кто тако-о-ой? Ой...ой...ой...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Спроси у святых мощей, кто он такой – Александр Невский!.. А ты...ты?...

ЭХО В ХРАМЕ. Невский, Невский, Невски-и-ий...ский...ский...ски-и-фы-ы... Он – святой, а у тебя – ноги не омыты-ы-и...

ПРИЗРАК ИМПЕРАТОРА. Эй, а ты кто такой, кто ты?

В другом углу возникает другой призрак, видение, дух, еще один Александр – это Пушкин, поэт.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*каменя от ужаса*). Все три – Александры! В это невозможно поверить... Древний князь – государственная особа и глашатай эфира, эфиоп, потомок Ганнибала...

ЭХО В ХРАМЕ. Прадед – был тринадцатым сыном царя Эфиопии.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*хватаясь за голову*). Лунатизм, смешение света и тьмы... Боже! Защити меня, грешного...

ДУХ ПУШКИНА (*указывая на мощи*). Он – святой, он герой, по облакам идущий! Сюда к нам – от битвы со шведами на Неве. А с ним и мой предок – Ослябя, из нашего рода. Вот они прямо на коленях по мосткам рвутся с берега в шведские лоды. И князь Александр под знаменем с мечом и Ослябя, сметая врага, мощной палицей валят шведа в невскую воду...

А что скажет он? (*указывая на гроб и призрак в нем императора Александра*.) Скажи нам...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*насторожась*). Молчит.

ЭХО В ХРАМЕ. ...чит ... чит... чт чет-нечет... черт – не черт... Тогда пусть скажет сыну – душегубу Павел... отец... загубленная душа...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Вон кафедра наверху. И тень на амвоне убиенного отца. Как быстро возникает, чтобы вещать... Смотрите, Александр ложится в гроб, не хочет говорить. Нашел поэт управу на царей, пусть скажет Павел...

Иеромонах Паисий подходит ближе к лесенке, ведущей на хоры.

ДУХ ПОЭТА (*останавливая его*). Они творили, им и отвечать.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*лицом к кафедре*). «Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?» (*И в сторону*.) Смотрите-ка, тень Павла I все явственней, резче. Рвется сюда к нам, стоит как перед святыми мощами.

Сцена третья

Там же. Те же. Иеромонах Паисий перед призраком императора Павла I, возникшем почти реально, осязаемо перед ним тут на кафедре, в соборе Михаила-архангела.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в закрытые врата*). Как бы служители не вошли, не застали меня, грешного, в храме; зачем я тут, для чего? А истину узнать даже через века. Вон блики мелькнули по потолку – машина промчалась по улице. Еще блики – это люди прошли с факелом, сейчас войдут и увидят его тут... прости меня, Господи...

Паисий достает из кармана яблоко и начинает есть его жадно, с хрустом. Недоеденное – кладет обратно в карман.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вверх глядя, на призрак Павла I*). Смотрите-ка, тело стало плотнее, уже не воздушное, проглядываемо насквозь. А лицо еще резче, реальнее. Синева какая-то появилась, от удушья подушкой... Смотрите-ка, история человечества развивается витками: все то же, но выше, на другой волне повторения. Так было, так есть и будет... И еще один Александр – самый первый, от которого все: Македонский! Все мы оттуда, «дежа вю», от античности. Вот и отец Александра – Филипп, царь Македонии, предвидя полчища с Востока, создает войско. А если войско есть, то оно должно воевать, повелевать. Они и убили Филиппа, посадили на трон сына его Александра, и уже Александр повел войско... Так, да?

Иеромонах Паисий вглядывается в императора Павла I, тень императора вглядывается в него. Взгляд убиенного не выдерживает взгляда живого. И, как Косыгин, премьер-министр, когда-то в Парижском аэропорту, сперва говорит, потом тянет из кармана бумагу – манускрипт и сперва поглядывая искоса, а потом, как по нотам, начинает читать по бумажке.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*вслух Паисию*). Вольные каменщики прошли к нам, в Россию, с Запада и захватили сознание.

Тайная глобализация: общее к частностям. Так было, так есть и так будет. Вот и я, император, самодержец, попался на эту удочку. И сын мой тоже... И даже Пушкин где-то там, в Кичиневе, слава богу, ненадолго... И вот я тут на три дня и три ночи вместе с мощами. Я знал, предчувствовал это, сидя в своем дворце – Инженерном замке, окруженном водой. Тени мне говорили, что офицеры придут по душу мою от имени сына... Тайные знаки, готика, сообщества тайные: тени, мистика ночи, Бактрия и Согдиана, – все эти исчадия шатают уже нашу веру, державу... Знают, военным путем Россию не взять...

Ну ладно. Возьмемся за главное: за разговор по душам – отца, убиенного сыном. А не отца Императора с Императором – сыном. Впервые за столько лет сатанинской истории! С сыном, как бы в семейном кругу. С чего начать – даже не знаю...

Вот гроб! Вот – сын, зрящий во гробе! Да и сын ли он мне, несчастному отцу, восставшему из гроба, чтобы людям что-то сказать. Но что я слышу от стен? Вообще-то, а это уж не подмененное ль тело? Сын ли это, может, и нет... Ты знал, мой сын Александр, судьбу Александра Великого. Убив Филиппа, они во главе с Александром пошли на Восток, на самую мощную тогда из империй – на персов. И завоевали весь известный мир, и вот Александр, сын Филиппа, в Багдаде. Ты знал, мой сын Александр, судьбу Александра Великого: его отравили в Багдаде. История ходит кругами, и факты каждый раз возникают на новом витке повторения... Но ты, мой сын, самодержец российский, так тени говорят, положил в гроб кого-то вместо себя, а сам ушел от судьбы... в люди...

И вот мне предоставлено право судить. Конечно, мы, государи, живем не как все, для нас законы не писаны. Но какие – людские, а божьи?... Ах да, о чем я? О библейских заветах. О заповедях жития. Вот манускрипт. Поэт перевел их, все десять – в стихи. Вот первая заповедь.

Призрак Павла I разворачивает свиток.

«Ты есть на Земле, ты рожден Человеком.
 Кто Бог тебе, кто – Судия?
 Подобно текущим по млечности рекам,
 Божественна поступь твоя.
 Иди к своему всемогущему Богу,
 Держи совесть в лоне своем.
 Пройди Человеком такую дорогу,
 В такой уходи окоем,
 Чтоб Духу Святому не смеркнуться днесь,
 А в нем не иссякнуть ключу.
 Ступая по пядям, храни ту свечу,
 Моля во спасенье о хлебе,
 Знай, часть того света, возможно, и здесь.
 А все остальное – на Небе».

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*переводя глаза со сводов храма на Паисия*).

Ты понял, монах, о чем говорит тебе не тень императора, а человек?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*потрясывая губами, всем телом*). Я понял, понял, отец.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. А это вот то, что помогает устоять в суетном мире.

Заповедь третья.

«Не поминай же Бога всуе.
 Для утвержденья, без нужды,
 Стихии гордые рисуя
 И заматая их следы...»

Прорезается Дух Пушкина (начиная читать вслед за императором).

«Все так. И оттого, напрасной
 Обремененный суетой,
 Не жди от Неба воли ясной,
 Сам на ногах потверже стой.

Когда б к себе мы были строже,
 Взывали реже к небесам,

Покрепче б знали: тут я сам.
А там – возвышенное, божье.
И не роптали бы на Бога.
Что счастья мало, горя много».

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*оживая, со стихом к Паисию*).

Ну, что, монах,
Проникся словом?
Запечатлелась на устах
Святая божия основа?
Иль не проникся, а, монах?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*крестясь на алтарь, на святые мощи, на призрак во гробе императора Александра*). Проникся я, отец, проникся.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*показывая на гроб императора Александра*). А вот это ты зря. На кого тут, во гробе, молиться? Предвижу в роду цепь кровавых убийств. Все наши потомки будут плохо кончать. Он должен покаяться, но как это сделать, когда его уже нет? Скажи, монах.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*крестясь на мощи*). Вот он – святой он скажет.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*мощам*). Что скажешь, Александр святой?

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО (*во гробе зряще*).

Чтобы народ молился за царей,
А не убий, кровищу зря не лей.
Так люди откровенно говорят
И про царей, и про царят.

Сцена четвертая

Там же. Те же.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*иеромонаху Паисию, сворачивая манускрипт*). А это и так, без свитка, помню наизусть.

Заповедь шестая

Не убий, не убий, не убий!
Ни телесно и ни духовно.
Черный князь, темный свет, страшный вий –
Эти серые, мстящие кровно.
Есть такие, что ставят к стене.
Но такой, что, загнав тебя в угол,
Точит в тайне, страшнее вдвойне, –
Этот серый из черного круга.
Ты в углу. у тебя только Бог –
Твой единственный страж и спаситель.
Чем-то черным обвили обитель.
Кто кого, несшибаемый, с ног?
Ни его, ни других не убий!
Возлюби, и исчезнет твой вий!

Свернув манускрипт, император Павел I исчезает. Кафедра на хорах пуста. Звенящая тишина. Иеромонах Паисий всматривается в белое пятно на кафедре – на месте государя-императора. Черная птица за окном бьется в стекло. Начинает светать.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*стоя за колонной*). Все трое – властители, все трое – Александры... Александр Македонский, Александр Невский и Александр I – самодержец российский... И еще один Александр – из племени Прометеев.

Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Тот «столп», вытесанный из гранита на Дворцовой площади Санкт-Петербурга стоит, ни разу не покачнувшись под собственной тяжестью, а мимо – другие поэты, цари, революции, войны, эпохи.

Цари никогда не любили поэтов,
Поэты всегда не любили царей.

Иеромонах Паисий переступает с ноги на ногу. И шепчет под нос себе, подражая поэтам.

Цари никогда не жалели людей,
Они же идут к ним на поклоненье.
Во имя каких-то... каких-то, каких-то...
Каких же идей?..
Такое, такое,... такое-то... мнение...

Тыфу! Как это сказал Лев Толстой: «Писать стихи – это все равно, что пахать и за сохою танцевать. Это прямо-таки неуважение к слову». И что же ты сам-то – согласен со «львами»? Львы тоже цари, но – зверей... А Павла я просто не узнаю: как он опростился там, перейдя Рубикон. Взывает к Богу, к душе. Надобно умереть, чтобы почувствовать жизнь... оттуда – сюда...

Скрежет металла. Иеромонах вздрагивает: служители открывают врата.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ *(в сторону)*. Сейчас поток людской возобновится, как и вчера, рекой потечет.

«Они любить умеют только мертвых»...

Да, так, Александр?

ДУХ ПУШКИНА *(исчезая последним)*. Да-да, да-да,

«И мальчики кровавые в глазах».

* * *

Мужской монастырь. Келья. Иеромонах Паисий в одиночестве, на своем жестком ложе.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Да много ль мне надо? Съел яблоко – и сыт. А сон?.. Я кто – сова или жаворонок? Всю жизнь прожил, уж что там осталось, но так и не понял, кто я. Поют слова, мол, царь – сова. А монахи нового времени - вчерашние светские люди?...

Появляется Алексей Куницын, друг Паисия, директор областной филармонии, музыкант.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Куда ты пропал? Где был вчера? Кого ни спросу, все пожимают плечами.

ПАИСИЙ (*многозначительно*). Не тех спрашивал.

АЛЕКСЕЙ. А кого бы?

ПАИСИЙ (*пальцем в небо*). Его.

АЛЕКСЕЙ (*живо*). Ты знаешь, о ком я подумал, глядя на святые мощи?

ПАИСИЙ. Ну-ну.

АЛЕКСЕЙ. О Чернявском – баянисте нашего хора. Уж с год прошло, как не стало его, уже позабыли. На купол собора забрался и бросился вниз – зачем, как ты думаешь? Неужто, коли уж было надо, нельзя было к мосту на речку пойти или лечь под поезд? Один поэт все допытывался: да не столько зачем он это сделал, а сколько, зачем именно на купол, на собор Михаила – архангела? Как ты думаешь? Любил высоту, для известности хоть на момент?..

ПАИСИЙ (*отворачиваясь к стене*). Трудно было.

АЛЕКСЕЙ. Ну и что?

ПАИСИЙ. Богу верил, думал – спасет.

АЛЕКСЕЙ. Ну и что!

ПАИСИЙ. Чем жить, прозябая, лучше раз поближе стать к Богу, взлететь – орлом прилететь, а там что Бог даст!

* * *

Полдень. Собор Михаила-архангела. Людской поток неиссякаем: протекает в одни ворота, вытекает из других. Иеромонах Паисий включается в движение внутрь храма, к мощам Александра Невского.

Во двор перед храмом въезжают машины. Прибыл Губернатор Недремов. Заметив Паисия, подходит, здоровается с ним за руку.

ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ (*заметив Паисия*). Ну и как поживаешь, учитель?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*замявшись*). Видите, монах я теперь, в черной рясе.

ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ. Для нашей семьи ты учитель... Дочь учил в школе. Для меня лично учитель истории... Ну, и как, почему в черных одеждах?

ПАИСИЙ. Да так. Что – не знаете?

НЕДРЕМОВ (*с участием*). Что? Не знаю.

ПАИСИЙ. Сан фами, жена пропала. Вот ушел в монастырь.

НЕДРЕМОВ. Как пропала? Кажется, Устинья Николавна?

ПАИСИЙ (*дрогнувшим голосом*). Ушла и пропала.

ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ (*приостанавясь*). Как это можно... пропасть?

ИЕРОМОНАХ (*перекривившись*). А-а. (*Махнув рукой.*) Да что вы не знаете, как пропадают?

ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ. И давно?

ИЕРОМОНАХ. Больше года.

Губернатор подзывает кого-то из свиты, что-то шепчет на ухо.

НЕДРЕМОВ (*Паисию*). Разберемся.

Подает Паисию руку, вместе со свитой проходит вперед – к алтарю, к святым мощам Александра Невского – защитника Русской земли.

Сцена пятая

Там же, в людском потоке, уже внутри храма. Иеромонах Паисий, застыв на момент, смотрит вслед Губернатору.

ПАИСИЙ (*в сторону*). Как будто не знает... про Устинью-то. Все про каждого в области знает, держит все под контролем, а про Устинью не знает, не помнит... Пропала сразу после того, как сходила к нему на прием... Нашли труп женщины... идентификация ничего не дала...

Поклонившись мощам, Губернатор с женой возвращаются обратно, в эти врата. Подходят к Паисию.

ГУБЕРНАТОР (*прощаясь за руку*). Помню, конечно, помню. А ты, учитель, держись. И вообще... в черных одеждах... рассчитывать будем на лучшее...

РАДА СЕМЕНОВНА (*подавая Паисию руку*). Конечно, мы о вас помним. Рассчитываем на лучшее.

Губернатор Недремов с женой уходят.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*проводя их взглядом*). Как у Льва Николаича: ударили по правой щеке, подставь левую? Оба сияют, в белых одеждах. Ваше сиятельство... и наше плебейство...

ЭХО ХРАМА (*возникая над ним*). Монах! Не кощунствуй. Молись и помни, помни и молись.

Как и вчера, коснувшись святых мощей, иеромонах приостанавливается у самого выхода. И, отделясь от потока людского, становится за колонну под хорами, у лесенки, ведущей под своды, на кафедру.

Среди последних, выходящих из врат, оказывается и дочь Паисия – Наденька. Заметив отца, она бросается к нему с рыданием в голосе.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*отступив на шаг*). Что с тобой, доченька?

НАДЕНЬКА. Вадима убили... на Кавказе... в горячей точке...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*опершись о колонну*). О Господи! Еще и это!

Стоят, обнявшись, какое-то время.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ (*пролетая над ними*). Вадим – это кто?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Муж вот ее. (*Показывая на дочь*.) С полгода как вышла замуж... Уффф? (*Скрипнув зубами*.) Что же ты не уберег ее? Зачем же тогда ты витаешь над ними?

НАДЕНЬКА (*рыдая*). Папа... папа...

ПАИСИЙ (*глядя ее по головке*). Иди, иди домой. Я приду, непременно. Жди, моя дорогая, единственная...

Наденька уходит. Иеромонах остается под колонной, где и вчера.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*обращаясь к святым мощам*). О князь Александр! Землю нашу, всю нашу Русь защищаешь, а человека русского, одного-единственного, мужа дочери моей – ее любимого человека, пошто ты не защитил? Меня – отца своей дщери – убиваешь, не даешь продохнуть... О государь-император Александр I, лежащий во гробе, пошто задал тон, построил такую систему, что, Господи, века уж лишаешь жизни нас, гробишь нашей детей? Европа нацелена на Восток, а Восток на Европу, и все через нас, срединных, через нашу судьбу...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ (*возникая*). Если не та тебе, человек, эта ось, то тогда другая: Север – Юг, Юг – Север, а все равно – через судьбу...

ЭХО ХРАМА. У...у...у... судьбу-у... о...о...о... ось-сь-сь... у-у-у...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*оглядываясь*). Храм-то как живет звуками.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ (*наклонясь*). И легендами.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*глядя в окно*). Ветер, что ли, поднимается? Черные птицы бьются опять о стекло?

Возникает видение государя императора Александр I, оно в призрачном гробе. Гроб перед иеромонахом начинает вдруг подниматься, становится стоймя.

ПАИСИЙ. Ты ли это, государь-император Александр I или в образе твоём тело таганрогского полицмейстера? Пошто молчишь? Не хочешь или не можешь со мной, живым, разговаривать?

На верхотуре возникает другое видение: государь-император Павел I, отец, когда-то задушенный подушкой.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Опять ты явился, пришел сюда из небытия?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Не тебе говорю, а сыну. Вот ему. *(Указывая на гроб, стоящий перед ним стоймя.)* Все с него началось. И пойдет по династии морок: одного отравят, другого взорвут, третьего расстреляют вместе с семьей... *(Паисию.)* А ты отойди, ты из другого мира, не путай, я ему говорю. *(Указывая на призрака Александра I во гробе лежащем.)* Вот ему говорю о Зле, объявшем Отечество...

Кадриль пошлая, птицы бьются в стекло, пляшут керы – души усопших, тобой усыпленных вместе с Наполеоном в войне, о какой вы договорились прежде на середине Немана, – это ты так, Александр, ополчился на меня, твоего отца? Все тебе скажу, вот послушай. И тебе говорю, и другим в наидание.

Существует три принципа. Выбирай – что подходит лично тебе.

Делаешь людям пользу (Добро) – получаешь зло. (По теории «разумного эгоизма», делай каждому то, что ты хочешь от него получить).

Делаешь людям пользу (Добро) – вправе рассчитывать тоже на пользу (себе лично).

И еще. По Конфуцию. Польза другим – себе все во вред. (Так живут только поэты).

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ *(себе самому, не выдержав)*. Ого! *(И призраку Павла I.)* На что сам хоть рассчитываешь?

ПРИЗРАК ПАВЛА I *(усмехнувшись, указывая на другой призрак – Александра I во гробе стоящем перед ним стоймя)*. Его спроси. Добро ему вроде делал, на свет божий пустил его, а что получил?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Ты же государь, христианин. А жизнь по-христиански – это благо, Добро.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Себе же во зло.

Сцена шестая

Там же. Те же.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*призраку Павла I*). Опять будешь сыну читать мораль? Нашел, где читать. Читать надо тогда, когда класть можно еще поперек лавки. Он уже император, как ты.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Ну тогда я еще почитаю, из библейских заветов. Каждому послушать не лишне про житие.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Ему-то зачем?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Тебе.

Заповедь пятая

Чти отца своего, свою мать.
Возрастай под их светлой рукой.
Будь достоин родительской стати –
Приумножь, проводи, упокой.
Чти таких, что дают тебе встать,
Не жалея добра своего.
Чти отца своего, свою мать,
Все мы дети отца одного.
Как откроешь небесные дверцы,
Как с земным свяжешь душу и плоть,
Так тебе и положат на сердце
Твой преломленный хлебный ломоть.
Чти седые, ушедшие были,
Чтобы после и нас не забыли.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. В храме слышатся посторонние звуки: хруст какой-то. Опять идет этот сторож церковный. Тот, который вчера давал ему яблоко. Идет и хрустит, так что в стенах отдается. Жизнь бьет ключом, когда уже рассвело и пора уходить. Хруст яблока напоминает о доме, дочери. Страх за нее как вломился в грудь монаху, так и сидит, никуда не девается. Даже тут в божьем храме – перед ликом Христовым, перед алтарем. Какой гнусный он в нем, этот нечеловеческий страх.

* * *

Мужской монастырь. Келья иеромонаха. Сам Паисий на голом топчане, в грубых резиновых сапогах, обрезанных по щиколотку. Под образом Николая-угодника едва цедится лампадка.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*сам себе*). Привратник приходил, сказал: дочь была – Наденька, спрашивала меня. Даже он заметил: сама не своя. Мать для нее была все: Устинья Николаевна, тоже учительница... Только ей и доверяла дочь сердечные тайны. Все, бывало, шепчутся, шепчутся. И когда мать пропала, а я с горя запил... потом взял и ушел сюда, в монастырь. Для Наденьки таким единственным, угодником стал этот Коля... а теперь нет и Коли...

Паисий трогает двумя пальцами слабенький фитилек, заставляя лампадку гореть поярче. Паисий встает и крестится в угол.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*Николаю-угоднику*). Без тебя, как без рук. Люди жестоки, заняты только собой. (*Светильнику*.) А ты тлеешь вот, святисься, даешь надежду... Помогите, боже, Наденьке – дочери моей в этой жизни, горе дай перемогти, и дальше пойти дорогой любви...

Забыл и дорогу домой. Только и знаю, что хожу сюда, в свою келью. Молюсь за всех страждущих и болящих. Думалось, что нас-то хоть, нашу семью обойдут эти горести, а не обнесло, зацепило. И за что хоть? Угодник, прошу тебе: помоги Наденьке – дочери моей, она молодая, не успела еще нагрешить, отведи от нее черные, жестокосердные силы...

Устинья Николаевна! Моя дорогая, родная, явись, подсоби! Усовести Николая-угодника, ну что ему стоит повернуться с ликом своим святым к нашей дочери?..

Дверь кельи распаивается ветром, появляется тень – это Устинья, его жена, пропавшая в прошлом году.

ПАИСИЙ. Устюша? Господи, наконец-то! Даже не верится.

Тень Устины Николаевны молча стоит на пороге. Молча слушает его. Кольхнув воздух, молча уходит, порога не переступив.

ПАИСИЙ *(в сторону)*. О чем заставляют думать: о дщери. О своей и о губернаторской. Если бы не она, не были бы так несчастны. Власти никогда не жалеют людей. Ни в военной, ни в мирной стихии. Когда Екатерине доложили, сколько солдат погибло при взятии турецкого Рушука, императрица сказала: «Ничего-ничего, русские бабы еще нарожают». Русские роты, батальоны, полки, даже целые армии посылались в войну на убой. И вот я молюсь теперь тут за всех убиенных невинно. Познав историю, ушел в монастырь, чтобы молиться за всех... не только невинных, но даже и грешных... Но покамест душа на святые мощи молится, а за него *(показывая на гроб стоямя Александра I)* – нет.

А что Павел I? Создал образцовую армию, муштровал в Гатчине, гонял по плацу. Но армия, если она существует, должна воевать. И она, как когда-то ... Филиппа, убила его. И сын повел полки на персов... Но почему один Александр велик, а за другого душа молиться не хочет?...

Вот манускрипт в руках – душа отца убиенного императора Павла I. Вот первая ночь, речь с кафедры... Судить царей могут только Боги. А человека – цари, наследная власть? А Власть от человека, от людей? Президенты, губернаторы, воеводы – часто двойные стандарты. И тут одна правда – по законам, которые пишут для всех, по-божески. Другая – своя, маленькая, греховненькая, чтобы усидеть, дожить до рассвета.

В таких пределах мы и живем: рождаемся и пропадаем. Одни – властители, другие – «зомби». Да здравствуют «зомби», да здравствуем мы, все дело – в свободе и хлебе, а все остальное – на небе...

Выглянув за дверь, иеромонах затворяет ее поплотнее. Оглядевшись, достает из-под своего топчана книгу.

ПАИСИЙ (*Николаю-угоднику*). Слушай! (*Читает*.) Николай Федоров. «Философия общего дела». Воскресение через Веру, очищение через Господа-Бога.

Сцена седьмая

Там же. Паисий сидит под лампадкой с желтеньким, лисьим хвостом. Под угодником, исполнителем всяческих богоугодных дел.

Стук в дверь.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Кто там?

ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Почтальон Печкин.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЯ (*открывая*). А, это ты, Алексей, друг мой, божий ты человек.

Входит Алексей Куницын – друг детства Паисия, директор филармонии.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*вздыхнув глубоко*). Пришел вот выразить сожаление.

ПАИСИЙ. По какому поводу: по тому еще или уже по другому?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*вздыхнув еще глубже*). По-третьему.

ПАИСИЙ. Типун тебе на язык. Ты что – провидец?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Дочь береги. Перестала ходить на репетиции, арфу забросила. А ты все же отец, повоздействуй.

ПАИСИЙ (*сметая полой рясы с голого топчана*). Садись, поговорим.

Достает книгу из-под полы, протягивает Алексею.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А-а, Николай Федоров – друг Льва Толстого. Главная мысль – о бессмертии, без Гомера не было бы ничего.

ПАИСИЙ. Что конкретно – его «Одиссея», развитие по спирали?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Самая прекрасная легенда у человечества – от скифов, наших далеких предков. Помнишь, царь Одиссей у Гомера после Троянской войны должен был отправиться в новое путешествие? Чтобы достойно быть похороненным в земле родимой Итаки. И куда, думаю. А в земли, где бы весло в его руках приняли бы за лопату. То есть туда, где выращивали хлеб. И куда именно? А сюда к нам, в Белую Скифию, к скифам-сколотам, хлеборобам. А попутно он и слышит от пращуров наших – скифов миф о бессмертии, легенду прекрасную...

Века за веками, волна за волной шли племена по степям – от Урала по Северному Причерноморью – по двенадцать километров в сутки вслед заходящему Солнцу. Шли они со всеми своими стадами по ковылям... на небо, в рай, за бессмертием... Помнишь, Паисий, мы зачитывались этим в детстве... Где в устье Днестра был рай у скифов. Здесь герои, а не только цари, ходили на небо, в бессмертие... люди, идущие по облакам...

ПАИСИЙ. Вот, что написано у Федорова? «Он прежде всего придумывает нравственные предпосылки бессмертия. Главное для него – пробудить любовь к отцам, сознание нравственного долга сынов перед ними»...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*иронично*). А сам ведь был внебрачным сыном князя Гагарина, оставившего его на произвол судьбы...

ПАИСИЙ (*продолжая читать*). «... рождение есть принятие, взятие жизни от отца, т. е. лишение отцов жизни, – откуда и возникает долг воскрешения отцов, который и дает бессмертие».

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Что ж, по-твоему, это естественно сынам отправлять отцов на тот свет, чтобы самим становиться бессмертными?

ПАИСИЙ. Так в природе вещей: весной рождаются, осенью умирают.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А у людей?

ПАИСИЙ (*несколько замямшись*). У простых людей, может, и так.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А не у простых? Например, у царей?

Паисий встает и решительно начинает ходить по келье: три шага вперед – два шага назад. Берет у Куницына книгу и сует назад себе под подушку.

ПАИСИЙ (*уверенно*). Только не у царей.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Почему?

ПАИСИЙ. Приходи завтра в храм Михаила-архангела, останься на ночку со мной – там увидишь.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Что, монах, охраняешь мощи?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*односложно*). Приходи.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. И что увижу?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А всех сразу: отца и сына, и святого духа... Как ты думаешь, император Павел I как человек ничего, тебе нравится?.. А сын его Александр?..

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А, оба вольные каменщики. Я вообще-то не монархист, особа, приближенная к республиканскому образу мышления.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А все же. Александр участвовал в заговоре против отца.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Земля мыслится «как кладбище всех погребенных поколений». А Федоров мыслит воскрешение все умерших на земле через любовь... Воскрешение отцов через любовь деток, их сыновей. Представляешь, что может быть, если это случится?..

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вспыхнув*). Приходи завтра в храм! Услышишь, что скажет с кафедры император.

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. Ты это всерьез? Или так, крыша поехала?

ПАИСИЙ. Вчера ночная фантастика, завтра – реалии дня.

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. Друг мой! Монах! Так есть, в конце концов, Бог или нет?

ПАИСИЙ. Речь о другом. Две ночи отец читал манускрипт сыну. И стены, возможно, это записали навечно. Могут и воспроизвести. Если их, конечно, хорошенько попросят.

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. Два атеиста! Никак не разберемся в одном: в идее бессмертия. Это божественная идея, бессмертие тут не при чем. Еще у греков античных было.

ПАИСИЙ. Между прочим, что у Велимира Хлебникова сказано о «двойниках»?

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. А что ты имеешь в виду?

ПАИСИЙ. Циклы в 365 лет. Как у Земли, так и у Человека. Впереди-сзади у нас «двойники».

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН (засмеявшись). А-а, вот ты про что. Один поэт начинал с Хлебникова. Стал искать, есть у него самого «двойники»? В Италии. Франции, Англии, России... все перерыл – нет у него никого. «Тьфу, бездарь!» – думает он про себя.

А нашел где, по-твоему? В Бельгии, среди художников. Ян Брейгель – старший... И написались тогда тем поэтом такие стихи...

ПАИСИЙ. Твои, что ли, под псевдонимом?

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. Такие! Стихи!

ПАИСИЙ. Завтра прочитаешь. Во храме.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

Храм Михаила-архангела. Третий день пребывания святых мощей Александра Невского в городе. Между тем, поток людской не иссякает. Приезжают даже из других городов. Появляются иеромонах Паисий в неизменной своей старенькой рясе и Алексей Куницын, друг его – музыкант, в новеньком, тоже черном, костюмчике.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*удивясь девушке с явно монгольским обликом*). А ты тут чего?

Девушка, хмыкнув, молчит.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*Куницыну, недовольно*). Что ты к ней пристаешь? Пришла, значит, надо так. Ну читай.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. «Двойников»? Так, читаем:

«Надо мною проплывают облака,
Это длится уже годы и века.
Жил когда-то Брейгель-старший,
Я – братишка его младший,
Я – двойник его, на мне его рука.
Наши годы коротки и велики.
Я узнал, что существуют двойники.
В той же Бельгии когда-то
Жил художник, вроде я там
Делал маслом свои первые мазки.
Надо мною проплывают облака,
Воплощаются в меня мои века.
Я пою, а Брейгель-старший
Мне нашептывает марши,
Все слова живописует свысока.
Хорошо, что существуют двойники.
Поживем, хотя и годы коротки.
Где ты мой, братишка младший?
На сонет мой, чуть увядший,
Ты положишь свои свежие венки».

Пауза.

ПАИСИЙ. Твои? Надо думать, твои. С двойным дном.

Конец дня. Поток людской иссякает. Рассматривая частично сохранившуюся роспись по стенам храма, иеромонах Паисий и Алексей Куницын садятся на скамью возле задней стены. Поток ис-

сякает, врата затворяются. Паисий и Алексей укрываются за строительные леса.

Тишина. Где-то капает капля. Появляется церковный сторож. Идет, хрустит на весь храм яблоком. Подходит к возвышению со святыми мощами. Перекрестившись, перестает жевать, уходит. Гнеущая тишина.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*Паисию, шепотом*). Ну и где твои императоры?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*дрожа всем телом*). Скоро увидишь.

Подходят к святым мощам, крестятся. Придвигаются к лесенке, ведущей на хоры, к кафедре.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*нетерпеливо*). Ну, где же, где они?
ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А вот.

Показывая на мощи, рядом с ними на табурет.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Где, где?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ, Да вот, на табурете. Видишь?

Гро-о-о...о...о...

ЭХО В ХРАМ, ...о-о-ппп... о-о-о-ппп...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*дрожа всем телом*). Вижу, вижу-у-у... Гроб с телом государя-императора Александра I... А Павел I где?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*указывая вверх, на кафедру*). Да вон на амвоне, видишь?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Не слышу.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А еще божий человек, называется. А ничего не видишь, не слышишь во храме господнем.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А где же еще?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*переставая дрожать*). Холодно, что ли? (*Раздраженно.*) А теперь-то хоть видишь?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Теперь-то? Вижу. Гроб на табурете, возле мощей. А в нем кто-то есть, кажется, император...

ПАИСИЙ. Александр I?

АЛЕКСЕЙ. Александр I. (*Оживясь.*) Ну да, Александр I, государь-император... А Павел I где?

ПАИСИЙ. А Павел I, где хоры, на кафедре, видишь?

АЛЕКСЕЙ. И Павла I вижу, вижу.

ПАИСИЙ. И что Павел I делает?

АЛЕКСЕЙ. Держит свиток какой-то, манускрипт. И что он говорит?

ПАИСИЙ. Не говорит, а читает. Сейчас будет читать... Ну слышишь? Что слышишь?..

АЛЕКСЕЙ. Капля капает. Капля где-то и камень долбит.

ПАИСИЙ (*вовсе тихо, едва слышимо*). Это вот – дальше, за каплей. Пианисси-мо-о, слышишь?

АЛЕКСЕЙ. Пианиссимо слышу. Музыка слов... небесные сферы...

ПАИСИЙ (*удовлетворенно*). Ну вот. А еще говорил, что отец у тебя атеист.

АЛЕКСЕЙ (*поправляя*). Дед, дед был «воинствующий атеист». Общество было такое, сбрасывали колокола.

ПАИСИЙ. А ты музыкант?

АЛЕКСЕЙ. Музыкант.

ПАИСИЙ. Да еще крестился недавно.

АЛЕКСЕЙ. Когда стало можно. (*Затаенно.*) Да, слышу, слышу... музыка сфер...

ПАИСИЙ. И гроб встает стоямя.

АЛЕКСЕЙ (*следом*). И гроб встает.

ПАИСИЙ. И свиток дрожит в руках императора.

АЛЕКСЕЙ. Манускрипт.

ПАИСИЙ. Ну да. Манускрипт, манускрипт... Ну вот ты и готов к восприятию духа...

АЛЕКСЕЙ. К восприятию мира.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вздыхнув реально*). Сейчас отец с сыном будут выяснять отношения.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*все так же, в сомнамбулическом трансе*). А мы слушаем их через поколения, через века-а...

ЭХО ХРАМА. ...а...а...а... века ... а... а... а...

Гроб с государем-императором Александром I, покачнувшись, занимает и вовсе вертикальное положение. И тихий, слабый голос из гроба.

ГОЛОС ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*туда к хорам, отцу Павлу I*). А почему мы здесь выясняем? Что – нельзя выяснить у себя там, в соборе Петропавловской крепости?

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*кивнув на Паисия и Алексея, стоящих под хорами*). Да вон они так хотят, свидетели эпохи.

ПАИСИЙ (*Алексею*). Ты так, что ли, хочешь?

АЛЕКСЕЙ (*дрожа всем телом*). Н-нет, я н-не хочу...

ПАИСИЙ (*решительно*). А я хочу – у-у!

ЭХО ХРАМА (*недовольно*). ...у...у...у...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Черные птицы бьются крылом о стекло. Души усопших – керы слетаются, чтобы все слышать, все знать, все в том и этом мире осознавать. Слышите, капля капает? Это вода. А жизнь через воду, а с ней и через человека, его проявления ходит туда-сюда, через поколения и эпохи.

Сцена вторая

Там же. Те же. Паисий с другом своим Алексеем. Замерев, стоят они в храме перед призраками двух императоров-самодержцев всероссийских, перед отцом и сыном – Павлом I и Александром I. Один внизу, во гробе стоямя, другой вверх, на кафедре перед ним.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*с четким, ясным лицом – сыну сюда, во гробе стоящему*). Ты убил меня с офицерами! Ты участвовал в заговоре против отца! Покрыл позором династию, и как ты думаешь отвечать за содеянное перед Временем?

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*с неясным, размытым лицом – отцу туда, в хоры*). Я ответил уже... ушел с трона, покинул его вместе с жизнью... Я не Власть уже, я – Никто.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Ты ушел воровски, не отрекшись. Грех великий лежит на тебе. После тебя, я предвижу, все цари станут уходить неестественной смертью...Николая I после Крымской войны, скорее всего, отравят («Скажите ему, чтобы они ружья свои не чистили кирпичом»), Александра II – Освободителя бомбой на куски разорвут («Скажите им, чтоб «черный передел» землю не переделает»). Александр III сам от излишеств, скорее всего, уйдет. («Скажите ему, чтобы пузрь не совал за ботфорты, увидев императрицу»). Николая II расстреляют вместе с семьей («Скажите им всем, что все это, в конце концов, отольется России слезками – миллионными жизней, распадом империи»)...

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*качаясь во гробе, как маятник, туда-сюда, то в тот мир, то в этот*). Я, что ли, виноват, что Грузия всему миру явит тиранов – одного и другого?

ПРИЗРАК ПАВЕЛ I (*раскатывая манускрипт сверху до низу, до самого полу*). Все с тебя и началось. С греха твоего первородного. Вот читаю.

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I. Стихами?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Послание вольных каменщиков, зашифрованное поколениям... И азъ воздам... Боги тщания требуют через очищение, а очищение – через любовь. Очищенье любовью невинной души. Кто возьмет на себя наши грехи?... Вот записано:

«И азъ воздам грехам твоим соразмерно»...

«Однако! Блаженны те, кто, претерпев гоненья,

И, путь торя, свой беззаветный путь,

Не потеряли радости, горенья,

Кому любовь еще вздымает грудь.

На смерть готов, но смерть одолеваешь.

Готов страдать, давая жизнь другим.

Так сам себе, свой крест и понимаешь.

Стоишь за Правду, можешь и моги!

Останься благ в кипящих сонмах зла!

Останься светел во грядущей тьме!
Идешь босым по терниям, кроме –
Кровь по следам твоим еще тепла...
И подвиг твой, твой дом, который будет,
Признают, наконец-то, люди!»

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*расхохотавшись во гробе*).
И ты, отец, идешь босым в «кипящих сонмах зла»? Ты светел «во грядущей тьме»? Эти слова для простых смертных, а не для нас, царей. Мы – власть, мы – грешники и должны за содеянное терпеть, кипеть в сонмах, мучиться за других, пока существует Вселенная...

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Ты таков! Ты не готов страдать, давая жизнь другим. И крест свой не готов нести.

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I. Чего ж ты хочешь от меня?

СВЯТЫЕ МОЩИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО (*оживая рядом, на возвышении*).

Что проклято людьми,
То проклято и Небом.
И люди проклянут тебя.

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*растерянно*). Но кто меня судит? Кто обо мне что знает?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вмешиваясь*). «Есть грозный судия, наперстники разврата!»

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*перебивая его*). За – Пушкина?
И что – обоих на одну доску?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Они – властители, они обои грешны.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*решительно*). Ну нет! Я не согласен. Сын согрешил, против отца пошел – свершил переворот... «революсьон» сподобил... а я, отец, за сына отвечай?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Отец за сына отвечает. Отец! За то, что сын убил его. И тем пресек связь поколений...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Мы что-то гнем не то, живые. Вмешались вдруг, в стихах заговорили.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Трагедия. Как будто у Шекспира Гамлет. Там братец посягнул на брата, а тут прообраз воин гражданских – братоубийственных по сути. Семейные дела: сынок убил отца...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Ну нет, я не согласен. В простой семье, у нас, у смертных – да. А тут – цари! И даже императоры! Не плотником уж – каменщиком пахнет... Давай-ка спросим у героя. *(Показывая на мощи Александра Невского.)* Он тоже с берегов Невы. Хоть раньше в поколеньях жил, а тут.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Святые мощи! Александр Святой! Мне тяжело, я не живу как будто, а все страдаю, тпущь. Ушел в монахи, а все покоя нет... Жена исчезла, власть переменялась. И дочь не как у всех – невинная душа... индиго, говорят... придумали ж такое... Скажи, святой! *(Обращаясь к мощам.)* Как жить, что делать дальше? Во храм пришел тайком, как вор какой-то, преступник. А все за тем, чтобы царей спросить, ответить на вопрос, чтоб Боги подсказали...

А тут цари сражаются друг с другом...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Спроси у Губернатора получше, твою семью он знает. И человек практичный, губернию ведет он хорошо.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Вести-то он ведет, да только вот куда. *(И сам же себя одергивая.)* Чего «куда»? Я против власти не иду. Куда нам до властей?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А до царей? Воззвал же вот царей уж мертвых – отца и сына. И заставляешь раскрываться перед людьми и временем живых.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Перед Богами, а они бессмертны. Не путай, божий человек. Цари далеко, бригадиры близко... Ну я пошел. А ты тут оставайся.

Сцена третья

Там же, во храме. Иеромонах Паисий остается один.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ *(призракам)*. Чур, чур! И вы уйдите. Всю душу истерзали за ночь мне.

Переходя к иконе Божьей Матери.

Богородица! Заступница моя!.. Я редко обращаюсь к тебе, не надоедаю. Но час пришел, к тебе я припадаю... Вчера мне дочь – последняя кровинка – показалась страшной. Зашел домой и не узнал ее. И тянется ко мне руками, все упрекает вроде: куда ушла мать да куда исчезла? Ты виноват, отец... Скрываешь что-то, а чего и сам не знаешь. Дело-то человеческое – наше, семейное... И тут еще любимый мой погиб там где-то на Кавказе, лежит, а это уже сверх меры. Не человечески силы это – темные, сверхсилы. Я вижу там кого-то, как в полусне, в шерсти – бараньей шапке, а тут в папахе... Папаха, папаха, папаша...

И тут Наденька руками замахала, забормотала, что-то как бы освобождаясь от сил откуда-то на нее поднасевших, в меня же страх вошел и вот не покидает... И монастырь не помогает, монаший постриг... и горе... , индиго-дети... все в слова играем... Надеялся, дочь перерастет, пройдет сквозь времечко невинная душа. А вот и не проходит...

О, Матерь Божья! Богородица, заступница наша. К тебе, под крышу твою пришел, а ты все не являешься, молчишь. Зато вот эти императоры словоохотливы! Творцы! Да сразу двое: отец и сын, какой же из них грешнее? Все делят власть и там уж, за чертой. Тут этот мир никак не переделают. Им не до нас, таких вот, сирых, как дочь моя, как все мы. Кому подумать о нас, Матерь, кроме тебя да сына твоего? Вот к вам, особенно к тебе, и припадаю, поскольку сам Он занят всем народом, всем человечеством. Молю, прошу тебя, мать наша, мать божья, беду от душ детей невинных отведи... Изю всего, что вижу тут во храме, она важнее мне всего – моя Надежда, Вера... Пошел вот в монастырь, чтобы молиться, готов и в ад спуститься... тут дело совести, когда душе чего-то не хватает...

ЭХО ВО ХРАМЕ. Э... э... э... грешил и ты, греховное в тебе-е-е...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ *(возвращаясь назад, под кафедрой, к призракам императоров)*. Все в людях ищите грехи, в народе. Народ вам все громоотвод...

Звук монотонный, и капля за каплей тюк-тюк.

ПАИСИЙ. Дождь на улице, а крыша течет. Капля живая, как жизнь туда-сюда. Славно это у человечества – идея бессмертия. Вперед, Россия, через интуицию, через науку, вперед! Да императоры – младенцы в сравненьи с нами! Ну балы устраивали, ну купались в шампанском, чего стоит один только Администратор города, человек из народа. Как он удовлетворяет свои мирские, свои эгоистические интересы: и самолет наготове всегда куда-нибудь в Мальту, и «лимоны» в швейцарской баночке, и родичи по злачным местам...

Себе – все достоянья науки, здоровье, а тебе – дети-индиги, дисгармония чувств. Нам – нравственный долг, земная любовь, а им – все из мистерии благ...

ПРИЗРАК ПАВЛА I *(возникая опять-таки со своим манускриптом – длинным свитком своих высказываний, цитат и программ)*. Итак ты опять докатишься до французской крамолы, аннексий и сатисфакций... как вольные каменщики... ревнителю храмов... спасителю человечества...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Что ж – власть у нас тут так уж опрощена, обезбожена? А как у них там в Парижах? Так ли уж человек у них весь в божественном ореоле, в арийскости чувств, но без совести и любви... смешиваясь, красота спасет мир...

ЭХО В ХРАМЕ. Спасла бы, кабы не была так зла... демоны... демоны... демоны...

Иеромонах утирает со лба испарину.

ПАИСИЙ. И Наденьку вижу с каким-то черным, и сама с черно-белыми крыльями. И сюда ко мне тянет руки, Господи – эти аспиды, да что же это такое? Надя, Наденька, на что

это похоже? Они «захватили» тебя, эти слепые силы природы, и ты переходишь черту... Боги, не дайте ей переступить...

Появляется церковный сторож. Достает из кармана яблоко. На сей раз сторож не видит Паисия. Откусив с хрустом яблоко, он проходит мимо, едва не задав плечом и его, Паисия, и государя-императора Александра в его домовине стоймя.

Перед мощами церковный сторож приостанавливается, кланяясь в пояс, осеняет себя крестным знамением.

СТОРОЖ (*бормоча*). Свят, свят, свят... Когда же придет хоть свет божий, прольется настоящий рассвет?

Иеромонах Паисий осторожно уходит в тень, за колонну под кафедрой, с которой все еще свешивается вниз сюда, как специально для него, манускрипт императора – длинный свиток изречений, стихов, тайных знаков, искаженных провидений и предвидений, положенных на барабан пергамента из тугой бычьей кожи.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в страхе расширив глаза в ритм падающей капли за каплей*). Надя, Наденька, не иди сюда, не переступай. Здесь все уже не такое, как было... Все там уже или почти все там... А ты еще молодая, не надо...

Паисий бьется лбом о колонну, постепенно приходит в себя.

Что это я? Крыша, что ли, поехала? Всю ночь тут, в храме, сам по себе. Или силы откуда-то давят – чужие... Надо вспомнить что-нибудь светлое, чистенькое, из детства...

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла.
Зимой и летом стройная,
Зеленая была.
Но вот, и что дальше?
Приехал мужичок,
Срубил он нашу елочку
Под самый корешок.

О, Господи, Матерь Божья, Богородица – заступница наша! Зачем, он срубил? Зачем ты дала мужичку тому срубить

эту нашу с Наденькой зеленую елочку? Зачем детство человечеству перерубила ты пополам... по полям... елочка, елочка. Зачем срубили тебя эти изверги, черные силы, острые, как топоры?..

Паисий падает на пол храма и начинает скрестись по нему руками, разбросанными по сторонам.

Елочка, елочка! Америка и Европа. В Южной Осетии фатум Свободы, а в Кутаиси ливни смывают дома... И Наденькин мальчик в погонах лежит в потоке с двуглавого Эльбрусе, который несет его на тот свет. А Наденька идет по тому потоку сюда к нам, в храм этот божий, чтобы учиться любви тут уже за чертой...

Сцена четвертая

Там же, в храме. Иеромонах Паисий. Призраки исчезли, оставив его в одиночестве.

ПАИСИЙ (*гулко, на все помещения*). Павел Петрович! Государь-император!... Тишина. Не откликается... Александр Палыч! Государь – император! Тоже не отвечает... Покинули землю обетованную, ушли, скорее всего, на небо. Цари ведь – и святые, и грешные – ходят по облакам... Устинья Николаевна! Устинья – жена моя! Откликнись. Ты меня слышишь? И она не откликается...

Появляется церковный сторож. Замечая его, подходит ближе.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*узнав его*). А, это ты, Паисий, ты звал меня, черный монах?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Звал, но не тебя, а Устинью, Устинью Николавну – жену свою.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Ты чернец, в черной рясе, какая тебе жена? Так что, она не является?

ПАИСИЙ. Нет, не является.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Ну вот, видишь, не является. А если бы была не жива, то явилась бы. Призраком. Значит, жива. Живет где-то, может, даже и припеваючи, а ты тут страдай.

ПАИСИЙ. Как это где-то жива? Быть того не может. Пропала, исчезла из бытия, значит, уже не жива.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Жива, жива. Коли на вечный зов не является. Всяко, брат мой, бывает... Мать одна сына с Чечени ждала. Ходила в храм и ходила, молилась, молилась и – отмолила. Явился сыночек наемни уже откуда-то из Иордании, – живой. Но уже другой веры – не нашей, не православной, а иорданской. Там, говорят, в черный камень верят, а не в человека, не в белые облака, одежды белые. (*Паисию.*) Слышишь?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Что – слышать-то? Всяко разное?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Значит, не слышишь. А я вот слышу. Откуда-то исподнизу сначала, а потом переходит наверх.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Что слышишь-то – голоса?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Зачем голоса? Не голоса, а «варган».

ПАИСИЙ. Орган? Музыка такая существует в католических храмах. А тут быть не может.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Ну, значит, арфа.

ПАИСИЙ. Откуда ты все это знаешь? Про орган и про арфу?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Давно сторожу. Еще, царство им небесное, при атеистах. Филармония хотела «варган» тут устроить, подвал уж копали под раздевалку. Директор сюда все ходил, он тут всем про это рассказывал. Пока крыша не поехала...

ПАИСИЙ. У кого, у директора?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*прикладывая пальцы к губам*). Тихо, тихо... Зачем у директора, у большого начальника. Он «варган» тот и отменил. Арфу поставили. Чтобы, как ветер подует, было слышать.

ПАИСИЙ. Элову арфу?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Хачем Элову – нашу, из Губернаторского оркестра, которым Ренка руководит.

ПАИСИЙ (*не выдержав*). Ух, какой ты грамотный! Все про музыку знаешь.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Слышу все я, слышу. Музыка еще не родилась, только будет, а я ее уже слышу. «Варган» слышу снизу, как бы из подвала, где землю копали, а арфу – сверху, с небес... Ну, слышишь?..

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Чего слышать-то – «варган» или арфу?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*махнув рукой*). А-а, опять «телефонист» попался... Ну, я пошел... Да, а ты тут что – при святых мощах состоишь?

ПАИСИЙ. Да вот, состою.

Церковный сторож уходит и уносит с собой его одиночество.

ПАИСИЙ. Хорошо бы собаку купить, думаю.

ГОЛОС АВТОРА. И начинает слышаться ему что-то слыше, откуда-то с колокольни, из туч, поднасевших на храм, – визг какой-то собачий, зубовный скрежет, а между ними арфа звучит – нежно, нежно.... Наденька, что ли, играет? Кому же еще? Она одна в оркестре играет на таком инструменте...

Надя, Наденька, не иди сюда, там играй, не заходи за черту... вот она – возникает перед моими глазами, вся в белом, с белой арфой, с белыми-белыми звуками. А черные звуки исходят откуда-то снизу, там где-то гудит этот черный «варган». Что это я – совсем офонарел, что ли? Как церковный сторож слышу все и замечаю? Что играют – Баха, скорее всего, или, может, Бетховена? Как в Домском соборе в Риге, где были мы однажды с Надеждой...

Черные птицы начинают биться в окно, насели черные тучи, мечутся по небу, как у Жака Превера, грызутся между собой, как собаки. А карьерный рост? Караван кораблей идет в Марсель через бедствия, через войну и страдания – так оно, Барбара... И вот эта Луна, и луч из нее по окнам, «Патетическая соната»... Одиссей в Белой Скифии... и князь Колаксар на телеге реет под облаками...

Наденька, не обрекай себя на мученья своим музыкальным талантом, не играй в ореоле страданий и сострадания. Твоя мама жива, так говорят манускрипты, и люди верят им или не верят, как знают...

Светает. Иеромонах Паисий видит яблоко на полу, его оставил ему, скорее всего, этот сторож церковный – душа человеческая.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*многочумно вонзая острые зубы в яблоко*). Надо идти в реализм, не то в самом деле, крыша поедет. Кому нужна будет дочь твоя Наденька, а также вся ее белая арфа и аспид этот – многострадальный «варган»?

Сцена пятая

Филармония. Кабинет с портретом. В нем двое: Алексей Куницын – директор и Паисий – монах.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Про орган, небось, уж забыл? Про то, что филармоническое общество органный зал хотело открыть в соборе Михаила-архангела? Сидишь под портретом, а это уж выветрилось из памяти.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Нет, почему же выветрилось? Видишь, дверь напротив? Пригласили из Риги, даже квартиру выбил ему...

ПАИСИЙ. Ну и что?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Боги не дали. Копать стали, подвал делать под раздевалку – стенки поехали. Вместе с крышей, кабы собор в Пизанскую башню не превратился.

ПАИСИЙ. А органист? В Ригу вернулся?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Вишь дверь? Зав. музчастью. А орган на складе валяется.

Пауза.

ПАИСИЙ (*опасливо оглядевшись вокруг*). Японской аппаратурой тебя еще не заплели?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Монах! Ты что это – кабинету не доверяешь или мне лично? Говори, не стесняйся, друг детства.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Кнопку все-таки выключи. Или перейдем, в другую комнату?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Ну давай, если так уж важно, если сов. секретно.

Переходят в другое место. Тут у Куницына комната отдыха: диван, столик с чайным сервизом, электрический самовар.

АЛЕКСЕЙ *(лукаво, пальчиком)*. Хитер монах. Потянуло на чай с огурцами?

ПАИСИЙ. Давно уж не пью – ничего, кроме воды из монастырской скважины... Так про что я: про Устюшу – жену мою Устинью Николавну. Пропала вроде, а сверху показывает: вроде жива.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН *(оживляясь)*. Откуда данные? Кто сказал?

ПАИСИЙ *(нервно катая по столу хлебный шарик)*. Да так. Призраки, понимаешь, в храме предсказывают.

АЛЕКСЕЙ *(вглядываясь в него тщательно)*. Развелось шарлатанов, привидения в моду входят.

ПАИСИЙ. Призракам верю. Они по подкорке бродят как в собственном доме.

АЛЕКСЕЙ, Ух, друг детства, какой впечатлительный!

ПАИСИЙ *(пожав плечами)*. Я же монах.

АЛЕКСЕЙ. А я – музыкант, ну и что?.. Хотя всяко, конечно, бывает. Экстрасенсы, ясновидцы, предсказатели... Лично я люблю параллели, параллельные факты из жизни, очень даже помогает сконцентрировать мысль. Вот хотя бы такое. В соседнем регионе, тоже у директора филармонии, жена однажды куда-то делась...

ПАИСИЙ. Что тебе иголка, что ль, в сене?

АЛЕКСЕЙ. Не иголка, естественно. А куда-то делась. Исчезла, как сон. как утренний туман. Как это бывает иногда у нашего брата – артиста бродячего или у моряков дальне-

го плавания. Пока плаваем по морям-окиянам, по гастролям разъезжаем, жены наши ориентиры меняют.

ПАИСИЙ. Ты мою Устинью-то знаешь. Не иголка, но и не кукла в чьих-то лапах.

АЛЕКСЕЙ. Всяко бывает в бальзаковском возрасте. А бальзаковский возраст может и подзатянуться... В общем, откровенно скажу: нашел тот директор жену. И, знаешь где, – в Калининграде! С кадром одним – механиком дальнего плавания. Вдвоем сели на одну мель... Жуть! Янтарный край, янтаря сколько хошь. Бери, на шею навешивай. Броши, ожерелья всякие стал моряк этот вытаскивать да через друзей на кораблях по всему миру распихивать.

ПАИСИЙ. Ну, а зачем жену-то чужую взял?

АЛЕКСЕЙ. Сейчас мы чайку сварганим. Посидим, погуларим. А то и слово некогда молвить. И некому, откровенно сказать...

ПАИСИЙ. Ну и чем он взял-то ее?

Алексей разливает чаек, ставит на стол печенье, вишневое варенье.

АЛЕКСЕЙ. Во пачечка – цейлонский чаек. От Сиримаво Бандаранаике. Помнишь такую? А, только одну «железную леди» и помнишь – Маргарет Тэтчер. А я помню всех этих деятельниц наперечет: ну вот эта на Цейлоне – Бандаранаике...

ПАИСИЙ. Индира Ганди...

АЛЕКСЕЙ. Индира Ганди, Лолита Торес... тьфу, эта, что в Аргентине, как ее... в Литве премьерша была, затем в Норвегии, красавица в Турции – тоже премьер... в Финляндии сейчас президентом, что ли...

ПАИСИЙ. На Украине Юлия Тимошенко.

АЛЕКСЕЙ. Юлия! Вот от кого не ожидал прыти-то. И патриотизма такого.

ПАИСИЙ. Ну и что дальше-то – про эту, что с моряком дальнего плавания? Чем он взял-то ее?

АЛЕКСЕЙ. Брошь такую сделал ей из янтаря – на злобу дня! С мушкой внутри. Это, говорит, ты так с мужем живешь. И светло, не в темнице, и в то же время в тюрьме. А мы пустим тебя в дальнее плавание...

ПАИСИЙ. Как это – в дальнее плавание? Что – блошки в брошке?

АЛЕКСЕЙ (*нараспев*). Позабыт, позаброшен с молодых, ранних лет... Послал он брошь эту с мушкой на Парижскую выставку всех времен и народов – это вещь! Уникум! А ее королева Великобритании возьми и купи – Елизавета II, представляешь? А потом и говорит, я, мол, хочу видеть, кто до такого додумался: чтобы мушку ту, как Диану, туда навсегда поместить, чтобы она не прыгала...

ПАИСИЙ. Это про Левшу сказка-то?

АЛЕКСЕЙ (*подчеркнуто*). Про талант русский, а он неиссякаем... Пока я тебе тут турусы заправлял, тут у меня мысль созрела.

ПАИСИЙ. Хорошая мысль приходит опосля.

АЛЕКСЕЙ (*наливая в чай по второй*). Да уж какая есть... Ты вот что, поищи ее там, где меньше всего думаешь, понял?

ПАИСИЙ. Ну и где?

АЛЕКСЕЙ. В окружении Губернатора. Найди подход, общайся.

ПАИСИЙ. Да ты что?

АЛЕКСЕЙ. Педагог! В призраки веришь, а реализму не доверяешь. Контрапункт есть контрапункт, особая консистенция.

Сцена седьмая

«Хрущевка». Квартира Паисия. Пусто-пусто, как в домино. Однако еще хранятся следы пребывания и его самого (книги на столе), и жены его Устиньи (халатик перед шифоньером) и дочери Наденьки (ее портрет под трюмо)

Паисий поправляет фото, тупо смотрит в окно.

ПАИСИЙ (*раздумчиво*). «Алексей этот... божий человек... голову заморочил... Ну был я у самого Губернатора, и что? А ведь в Белый Дом так просто не попадешь («ох, рано встает охрана»). Но народ у нас дошлый, знают, как проходить через стенки. Подожди его с утраца перед центральным входом, как выйдет из дому, пойдет через площадь, так его тут и лови. Но, если на машине, дело – труба, подвезут к самим дверям...

Протиснулся вот, стою перед дверью. Увидал он меня – и охране: «Это ко мне». Так и вошли вдвоем в кабинет. Сели, значит, сидим идиллически. И тут, надо же, в дверь охранник обратно и ко мне в сомненьях, в мой пакет рукой.

А Губернатор ему:

– Да ничего там такого быть не может.

– Вот перчатки, говорю. Ношу с собой. А то однажды сперли, говорю. перчатки-то прямо в кабинете директора. У Куницына то есть...

Засмеялся он и говорит:

– У меня не сопрут. Тут у нас высокооплачиваемые...»

В дверь стучат. Монолог Паисия самому себе прерывается появлением друга – Алексея Куницына.

АЛЕКСЕЙ. Ну и как, сходил к Губернатору?

ПАИСИЙ. Рассказал твою балду про мушку-то в янтаре.

АЛЕКСЕЙ. Намекнул про Устинью?

ПАИСИЙ. Губернатор же, слету все понимает.

АЛЕКСЕЙ. Будем ждать результата.

ПАИСИЙ. Какого?

АЛЕКСЕЙ. Как какого – жива или нет? И вообще не до жиру, быть бы живу. А ты думаешь как ходить к Губернаторам.

ПАИСИЙ. Я ему еще про призраки – про Императоров было начал. Мол, че там Губернатор – к самодержцам имеем доступ.

АЛЕКСЕЙ. Ну и что?

ПАИСИЙ. Засмеялся и говорит: боги высоко, цари далеко, а бригадиры близко... Намекнул про одно местечко, куда бабы бальзаковского возраста... ну женщины, женщины... от мужей скрываются. Вот ты, говорит, ушел в мужской монастырь, а у них вроде того... женский... называется санаторий... где лечат женские болезни... весьма длительный процесс... без мужиков не обходится... главврач – главный специалист...

АЛЕКСЕЙ (*строго*). У нас в области как! Главный во всем Губернатор! Если кто сомневается – вон портреты везде, даже по детским библиотекам.

ПАИСИЙ. Ну и что?

АЛЕКСЕЙ. Не догадываешься?

ПАИСИЙ. А, ты про это? Взял и снял я в келье своей Иисуса Христа и повесил портрет Губернатора. Уважаю.

АЛЕКСЕЙ. Да ты что! В келье нельзя.

ПАИСИЙ. Ну тогда я домой сюда принесу. Тут повешу перед зеркалом. Чтоб, когда смотреть на себя, его видел. Чтоб Устинью искал получше. А то Наденька совсем никуда, могу лишиться надежд... лишиться...

АЛЕКСЕЙ. Ну хватит тебе! Запел Лазаря. Еще и инфаркт хватанет, кто тогда за нас, грешных, будет молиться? С такой квалификацией, энциклопедией знаний. В Бога веришь и в Знания – это хорошо, это прекрасно, это что-то особенное... ну я пошел...

Паисий остается один. Держит в руках портрет Наденькин. Как тогда еще, после десятого класса, сняли ее на это вот фото, так стоит она перед глазами, никуда не девается.

ПАИСИЙ (*прикладываясь к фото губами*). Доченька.

И тут же возникают шаги по лестнице: легка на помине. Но шаг что-то тяжеловат: доченька, Наденька! В черной косынке, в темном демисезонном пальто.

(*Бросаясь на шею к нему*.) Папа-а-а! Вернулся домой окончательно? Ушел, наконец, из своего монастыря?

ПАИСИЙ (*вслух*). Епископа из Москвы прислали в епархию. Молодой, амбициозный. Говорят, гайки закрутит, за просто домой уже не приедешь. А у тебя, дочка, что?

НАДЕНЬКА. Делегация солдатских матерей на Кавказ собирается. И я поеду – на могилку хоть гляну.

ПАИСИЙ. Какая могилка – разорвало же в клочья.

НАДЕНЬКА. А могилка должна быть... все равно...

Замечает халатик у шифоньера.

Ой! (*Бросаясь лицом в подушку*.) Ой, мамочка! Да за что же горе так нас пересекло, навалилося! Дыхнуть невозможно...

ПАИСИЙ (*глядя плечи ее*). Ничего, ничего, доченька, как-нибудь перемогнем, перемогнемся. Назад, что ли, домой сюда переходи, если там у них тебе плохо. Тут намоленное местечко, наше с матерью... А я за тебя молюсь и молиться буду, пока жив, пока дышу, пока сердце стучит, пока боги слышат меня. Молиться буду за наших ребят, за Колю Тарнавского – своего, за всех наших воинов от века до века, хожу вот в собор к Михаилу-архангелу, к святым мученикам, к герою нашему – Александру Невскому, все прошу, прошу. пусть он хоть Колю примет туда к себе, в свое лоно, боевое содружество, Колю, Колю нашего, твоего – тоже воина, любимчика нашего, русского человека, богатыря.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

Ночь. Храм Михаила-архангела. Иеромонах Паисий все там же, у алтаря, перед святыми мощами Александра Невского, у колонны напротив хоров. Стоит, подняв голову ввысь – туда, к кафедре, где появляется император Павел I со своим манускриптом – длинным свитком до самого пола. Со свитка этого самодержец и оглашает обычно начертания слов.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в сторону*). Тревожно что-то. Блики бегут по потолку – проходят мимо машины. Вчера Пре-

зидент сказал напрямую по телевидению, после грузино-осетинского конфликта война возможна. В любой момент! А мы – дети еще той войны. Еще от тех битв не отошли, ночью все бомбежки мерещатся, а уж тут делят мир, территорию, деньги... Кризис финансовый, а по радио говорят. военные получают только прибавки до 160 тысяч. А маневры войск вдоль Урала растянулись на тысячу километров. А тяжелый крейсер «Петр Великий» в полном боевом движется по Северной Атлантике к Венесуэле. А этот Хавьер Салана, как и тогда в Сербии, уж Тбилиси против настраивает... Бабка одна московская слушала, слушала это все и сказала – другой, деревенской: «Сколько пенсия у тебя – две с половиной? Так какая тебе разница, под кем быть-то – под Японией или НАТО? Меньше пяти-десяти не дадут».

«А Освенцим? – мне подумалось. – А Сабуровское поле?»

Иеромонах Паисий наклоняется и целует край свитка, который свешивается с кафедры оттуда сверху, до самого полу.

ПАИСИЙ (*крестясь, вслух*). Государь-император! Самодержец российский, хозяин Земли Русской! Появись, объясни. Что нам делать – русским людям, как быть? В самом деле, не класть же голову под японца. Вон по Казахстану. Договорились, вести автобан по Великому шелковому пути до самого Китая, а ведь это кратчайший путь в Азию, это деньги, а еще оттуда на боевых машинах сюда. В Арктику, снова отправляются экспедиции, а ведь это ледовые аэродромы с Северного полюса как покорооче... Был когда-то на БАМе, у тоннельщиков, на Байкале, – на квартиру себе зарабатывал, – Байкальск – город такой – сам основывал. А теперь его целлюлозно-бумажный комбинат отравляет священное море. И стыдоба берет, что же это я, дурак такой, давал жизнь тому и смерть этому...

Отец! Государь-император! Хозяин Русской земли! Скажи Президенту, что ружья «кирпичом», в самом деле, не чистят. А ведь все еще «чистят». Особо по местам присутствен-

ным, по чиновным сусекам – мышинный помет метут, опять будем пятиться, как в сорок первом. до Волги?

Опять Орел мой – город приграничный?

Проходит грань по сердцу моему.

Ни ружья «кирпичом» не чистят, ни наши рожи. Ибо мы тоже люди, че-ло-веки. Тем более рожи у поэтов, мы – трибуна, мы – символ. А то в Адамове – родном моем, героическом городке – на лавочке бабки высокооплачиваемы да низкосидящи. Людей по кварталчику своему подсчитали да и говорят: домики-то пустенькие, двадцать одного отнесли в последнее время.

Высоко на кафедре появляется призрак императора Павла I. Из неясной, неяростной дрожкости формируется узкое узнаваемое лицо.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Ты звал меня, спесивый монах? Вот я пришел к тебе, появился. Оставим Александра в сторонке. На совесть лягут пусть деянья его. Хочу к тебе пройти, через черту, в сознательную жизнь, но керы не дают. Вишь, как стучат в окно крылатые, черные птицы? Так веришь мне, монах? Иль ни во что уж не веришь?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Про совесть говоришь, а сам? Создал такое войско, такой маршрут им задал, что до сих пор по Гатчине, повсюду идут. Две мировых и столько же революций... Со дня «красного террора» – 4 сентября 18-го, по радио сказали, по сей день в лагерях пропало 62 млн. И это только у нас. А в мире насильно в том веке ушло 150 млн. И это без великой войны... только в гулагах...

Что скажешь, император?

Идущие по облакам свое нам сказали.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Читай мой манускрипт. В нем все: от смены декораций до деклараций, эпох. С 2003-го по 2008-й две эры отойдут, мир ждут потрясения, тектонику планеты шатает...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Не уводи вовне, скажи, что изнутри: у нас – в России, как будем жить, к чему влекут нас герои?

Из небытия возникает гроб с призраком Александра I. Шатаясь из стороны в сторону, становится стоймя.

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I. Он сам не знает ничего, ничего, кроме себя.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Нет, почему же? Мы в эру верим. Водолея переходим, России будет отменно, нам всем хорошо.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Кому? Живым и мертвым? Великим и малым? Империи или люду простому, народу? Как в человеке это все обустроить, согласовать? Невидимое с видимым сблизить, как?

Не верю вам, вы свергнуты,
По облакам идущие герои, –
Герой один.

(Показывая на мощи Александра Невского.)

Вот он!

(Обращаясь к мощам.)

Что скажешь нам, святой,

Угодник золотой,

Народу своему!

Как быть ему?

И вы скажите!

Все втроем!

Империи властители,

России самодержцы,

Государи, хозяева земного!

Святые мощи, пошевелись, образуют облако, из облака – образ, из образа – лик, из лика возникает герой. Сам Александр Невский – России первый человек.

И ныне как живой,
Герой, идущий по облакам,
От тех людей к этим –
К нам!

Сцена вторая

Там же, те же.

ЖИВЫЕ МОЩИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО. Ослябя задал тон. Тогда – своею палицей в той битве. Сегодня – задает тон из рода его Поэт. Он – камертон Руси, Земли и Неба, Огня, Воды – всех четырех стихий.

Он – Пушкин!
За ним идут –
От Прометея перед ним,
До Прометеев после, впереди.
Очиститесь – и Боги вас поймут, полюбят,
Разделят участь.

Александр Невский переходит обратно в призрак, призрак превращается в мощи, лежит под окладом недвижно. И тишина.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Видение ли было Александра? Или живым ко мне он приходил?

А вы? (*Обращаясь к обоим императорам.*) В реальности все рветесь – для чего? Чтоб оправдаться? Совесть успокоить?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Меня не трогай, я и так обижен. Вот лучше почитай, монах, написанное некогда тобой.

Колыханием манускрипта монах протягивает нижний край длинного, бумажного полотенца иеромонаху.

«Чаша Грааля».
Pro aris et focus –
В защиту алтарей и очагов.
Из латыни.

Изгоняли из рая самого Люцифера.
И упал изумруд с головы на траву.

Кто-то выточил чашу – служи, полусфера,
Питию и веселью, роду и-ро-до-ву!

И стояла пред всеми высокая чаша,
И Граалем святым нарекли ее дно.
И на вечере тайной, молитвы шабаша,
Сам Христос из нее пил золотое вино.

И, пригубив едва из небесного камня,
В кубке кубков ловя отражение звезд,
О мессии, любви говорил очень странно,
Кой-кому не по сердцу такое пришлось.

А затем в изумруды Грааля сливали
Кровь густую распятого миром Христа.
И на Небо Грааль силы духа призвали,
К двери Веры с небес уж пришла Красота.

Люди пили из чаши и – передавали
Из рук в руки ту чашу и – передают.
И на дне Красоту у Грааля искали.
И все ищут и ищут, да пьют все и пьют.

С той поры эта чаша – священников, магов,
Чей-то ангел-хранитель, зеленый вулкан.
Это в камне Космической Матери влаги,
Мост такой нам на Небо божественный дан.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*шепча в сторону*). Очиститесь,
и Боги вас полюбят, и позабудут дерзкое у вас. Но как очис-
титься, да, как? Через невинную душу, невинной потрясенье?
Катарсис – но через кого? Через Любовь, и Веру, и Надежду?..
Наденька – дочь моя, в тебе слилось все мое, вся Надежда
моя и Вера во времени, все пространства любви человеческой.

Келья мужского монастыря. В келье – Паисий, иеромонах. Входит Наденька, его дочь.

НАДЕНЬКА. Папа, папочка! Ну идем домой, ну идем. Что ты к ним привязался, к этому монастырю? Ты же учитель, вот и работай в школе, детей учи. Ты же хороший учитель истории. А молиться каждый сумеет, дело такое.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Нет, доченька, Богу молиться не каждому дано, дело это очень и очень тонкое, дрожкое, аж дрожит все в тебе. Брать на себя грехи людей, давать пример терпимости, веры... Ты когда-нибудь слышала, чтобы в людях говорили о коррупции в церкви? О чиновниках услышишь, сколько угодно, и законы везде принимают, чтобы страну не растаскивали. А вот о церкви и речи нет.

НАДЕНЬКА. А церковные расколы? Посмотри, сколько золота, роскоши в храмах, в одеждах священнослужителей, зачем? Чтобы меньше люди им верили?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Для Красоты! Наивная ты у меня. Судишь по поверхности, соединенье вещей пока тебе недоступно.

НАДЕНЬКА. И мама говорила. Это ты наивный, ты большой ребенок у нас. Ну зачем ты ушел в монастырь – чужие грехи замаливать, свои у тебя разве есть?

Мама не пропала, она просто ушла. Надоел ты: жил своим монастырем, этой кельей...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. «Отца Сергия» у Льва Толстого читала? Почитай, дочь, проникнись.

НАДЕНЬКА. То, что было для XIX века, сейчас примитивно... Папа, давай маму искать. Через Интернет, а не только через милицию. Через Интернет эффективнее... Я больше не могу без нее. Без мамы мне плохо, я так и сама помру скоро... Ну если бы хоть похоронили ее, на кладбище отнесли – это я еще понимаю. Куда деваться, в конце-то концов? А тут ведь

пропала, ушла из дома, и нет. Да как это ушла куда-то, как это нет? Надо искать, а ты, по-моему этого делать не хочешь...

Папа, папочка! Ты ее разлюбил? Она больше тебе не нужна? Но ведь я-то люблю вас обоих, вы оба мне нужны – вместе, а не врозь, по одному.

ПАИСИЙ. Милочка, девочка моя! Разве я не ищущ? Да с ног сбился. Всю душу вывернуло, измордовало всего, вот в монастыри и пошел, чтобы к Богу оказаться поближе, его уж просить, с ним общаться...

НАДЕНЬКА. Не ври, папа! В монастырь ты пошел до того.

ПАИСИК. До чего?

НАДЕНЬКА. До того, как мама пропала... Все вы врите мне, все! Я у вас обделенная, как чужая. Да, папа, да!

Сцена третья

Там же, в келье. Иеромонах Паисий один, в размышлениях.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в сторону*). Дети индиго – кара Господня. За что? Скорее всего, Устюшка всего этого не выдержала и ушла, сбежала. Вся жизнь натянута, как струна, колоколом звенит. Искры сыплю, бывало, от диалогов с Устиньей; кто виноват, от кого дочь такая – «индиго»?.. А некоторые даже завидуют нам, она, говорят, у вас все видит, насквозь проникает, а главное – добрая, за каждого переживает. А мы с Устюшей, бывало, все берем на себя: на сердце свое, на «шепчушки» ночами... Ох, да и рассказывать-то не хочется... Это тебе не СПИД, где все ясно, материя грубая. А тут филигрань, интуиция. Сегодня, завтра вроде одно и то же – заметишь, а послезавтра результат прямо противоположный...

Плоховато мне даже тут, в келье! Хорошо только там, в храме Михаила-архангела. Особенно ночью, когда созерцается все: живое и мертвое, грешное и святое. Скоро, сказали,

мощи Александра Невского повезут обратно туда к себе, в Питер. Надо еще сходить туда к нему, пока есть возможность. Побывать с ним, еще подпитаться, он действует на меня благотворно, на всю мою душу грешную, как и у многих.

Чувствую, что-то должно произойти – нехорошее! Керры – эти черные птицы, души усопших – бьются уже не только об окна в храме, но и о сердце. Мое бедное, бедное сердце! Как ты мне надоело, в чувствах своих и предчувствиях.

Вечереет. Снова надо идти во храм, к Михаилу-архангелу.

Надо идти к святым мощам, к Александру Невскому.

Надо идти к самому себе, по пядям Неба, ступая прямо по облакам.

* * *

Храм Михаила-архангела. Народ все так же втекает в одни врата, вытекает в другие. Ни сегодня-завтра святые мощи Александра Невского увезут обратно в Питер – в северную столицу.

Иеромонах Паисий ставит свечку Николаю-угоднику. Шепча молитву, просит его о своем, затаенном. О чем – знают только они вдвоем, больше *никто*. К Паисию подходит друг его – Алексей Куницын, директор.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*кивнув на икону*). Ну что, помогает?

ПАИСИЙ. Тлеет лампадка, и хорошо.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН, Наденьку твою видел... вон там. (*Показывает на киоск со свечами, окруженный людьми.*) Сама не своя... глаза провалились, губы дрожат... Ты бы за ней присмотрел...

ПАИСИЙ (*обеспокоясь*). Где, где видал Наденьку, там?

Появляется Губернатор со свитой. Проходят прямо к мощам. Прощаясь с Александром Невским, Губернатор целует золоченый оклад.

Во внутренний двор въезжает бронетранспортер с молодыми солдатами. Два здоровенных монаха подхватывают мощи и несут над собой, уносят.

Храм пустеет. Иеромонах Паисий замирает у той же колонны, всматривается в людей у киоска. Подходит Алексей, кладет руку Паисию на плечо.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Вот и уезжают. (*Кивает на бро-нетранспортер у храма.*) Наполнили храм святым духом.

ПАИСИЙ (*не отводя глаза от мощей*). Лихо мне, лихо. Дурные предчувствия...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*глядя вверх, на кафедру*). Что это – видишь? Опять возник Павел I. Манускрипт... это рабочие повесили полотно, фрески так прикрывают, строительные леса...

ПАИСИЙ (*под нос себе*). Где моя Наденька, дочь моя... где?..

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А ты Бодлера читал с манускрипта – про колокола?

ПАИСИЙ (*растерянно*). Бодлер! Кто тебе это сказал? Это лишь будет... будет...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Храм-то наш православный, за-чем тут Бодлеру быть с сослуживцами.

ПАИСИЙ. Так император же, вольный каменщик... миссионер...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. И плоскостное изображение будет – фрески, а не выпуклое – скульптура. Да вот что. «Домашнюю» церковь сделали в Питере. Был священный Синод, а теперь там Конституционный Суд.

ПАИСИЙ (*рассеянно*). Да?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Напрямую будут с Богом общаться, получать указания.

ПАИСИЙ (*приостанавливая знакомого*). Наденьку мою не видел?

ЗНАКОМЫЙ. Вон там. Пробежала куда-то.

ПАИСИЙ. И птица черная била крылами в стекло.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Где, где? Не вижу... Будет работа судам после Южной Осетии, будет. Пять дней воевали – пять лет разгребать будут. Коррупцию и международное напряжение...

ПАИСИЙ. Да вон же птица, вон! Разве не видишь?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Кого, Наденьку?

ПАИСИЙ. Птицу же, птицу!.. О Господи, лихо мне, лихо!
Дети «индиго»... Дурные предзнаменования...

Что-то мелькает за окном. Черные птицы с криками взмывают
вверх.

Звеня ключами, пробегает Церковный Сторож. Приостанавли-
вается перед Паисием.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Что-то упало – большое, как
человек. С колокольни долой.

И бросается к дверце, ведущей наверх.
А во ворота уж вбегают люди, крича:

– Суицид! Суицид!

Он бежит к ним туда от киоска:

– Кто же?

Вбежавшие:

– Девушка... скорее всего, в лепешку... лежит...

Сцена четвертая

Мужской монастырь. Келья иеромонаха. Паисий лежит на топ-
чане обутый, отвернувшись к стене.
Спиной к двери.

ПАИСИЙ (*скорбно*). Про хриплый колокол сказал... но
он еще только будет... очищение души... Это она спасает нас,
очищает нас, наши души. Молодые способны на поступок,
старость нет, это власть стариков. Вот лежу, не могу встать и
пойти, встать и пойти, да, но куда? Туда к ней, где она лежит с
вечера? Прибрана уже, с венчиком на лбу...

Утром надо ее забирать и куда? Сюда в келью? На квартиру, где они жили с Колей, или туда, где жили мы когда-то втроем? Ночь тянется, тянется – бесконечно. Вальпургиева ночь – ночь ведьм и чертей. Нельзя дать им разыграться, они заберут туда к себе и его, и кто хоронить будет Наденьку – тетка, материна сестра?

Доченька! Святая, невинная душа. Доченька! Ты взяла все на себя, все грехи наши тяжкие – мои и Устиньины. Это с ума меня сводит, жить не дает со вчерашнего, ужас! Как это было?

Сумерки уж, вхожу в свою келью, а за порогом что-то темное – пятнышко. Ай листок за каблук зацепился да и отцепился после, на пол прилег. И пальцами хватить его, а он, листик-то, возьми да и пискни в пальцах-то. Да так жалобно, жалобно, тонко – ужас какой-то! Живое... Мышка это... лежит, как и крот андысь в саду на дорожке... И так жалобно – жалобно, тоненько-тоненько... держится в памяти до сих пор, никуда не девается.

(И высверкивает из памяти.) Да это ж я положил под топчан отраву. Увидел дырочку в стене подле ножки и положил. Чтобы они, мыши-то, не бегали по столу. А она, бедненькая, и попалась. Господи! И так тоненько-тоненько, жалобно-жалобно... Как Устинья боялась мышей, а я нет, не трогал, доверял коту Ваське... На даче, помнится, сапогом хотел пнуть. А она, веселая, до того разыгралась. В стенах – дырки, из одной дырки выглянет, пробежит по полу да в другую глядит. Пока бежит, я в нее сапогом, сапогом, а она нырь, из одной да в третью. И со мной давай играть, я уж сам смеюсь, сапогом-то швыряя... а она тут жалобно-жалобно, тоненько-тоненько... прямо в пальцах... ужас какой-то...

Вот сейчас рассветет, еще разок посмотрю на то местушко, где лежал темный листок... Господи, Наденька, дочка, дочка моя незабвенная!.. Беру все на себя, душа не лежит сказать что-то против. Господи! Святой угодник! Да что же ты так? Хрипел, умолять, просить ведь тебя, в землю лбом ведь бил... Листок лежал, одинокий, хоть ноги о него вытирай, хоть пальцами

бери... а он тоненько-тоненько... Это я положил под топчан пашаничку... зернышки крашенные, под вишневый рассвет...

И тут стук в дверь: Кто? – говорю. – Черный человек, он же послушник, – говорит. – Келью подмести вот пришел. – Да что ж я сам, что ль, подмести не могу? – Новый епископ, – говорит, – приказ такой выпустил: монахам, стало быть, подметать. Чтоб чернота с них скорее сходила. А они пуцай Богу молятся, больше будет так у нас в монастыре КПД. А ты, – говорю, – кто тут, из физиков? – Да, – говорит, – из них. А ты? – А я, – говорю, – из историков. – А-а, – говорит, – прагматики. Те, кто в Бога не верят. – Кто тебе это сказал! – говорю. – У Аристотеля прочитал, в «Поэтике» у него там написано. – Ну мети, – говорю, – давай мети. Только сор, гляди, не выметай.

* * *

Послушник уходит. Паисий остается один.

ИЕРОМОНАХ. Вот как, Господи, боже мой! Ни мышей, ни камней-голышей. Одна тебе в ночи только тьма кромешная. Коррупция, называется.

Страшно встать и пойти туда к ней, где она лежит уже с вечера мертвая. Одна. А это не по-христиански. И лампадка должна гореть, чтобы не было ей так страшно в новом ее состоянии...

Встаю и иду.

Господи! Помоги мне покой обрести, утешение.

ГОЛОС СВЫШЕ. Очистись сирый и несчастный.

Не юродствуй, схимник, встань и иди.

* * *

Городской морг. Паисий стоит перед дверью, не решаясь войти.
Дверь приоткрывается, выходит...

ПАИСИЙ (*так и осев*). Боже! Устинья! Устинья Николавна! Живая!

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Всю ночь пробыла тут, сидела (*заплавав*) с дочечкой моей, Наденькой... А ты чего тут, ирод?

ПАИСИЙ (*склонив голову*). Да, ирод, ирод я, я такой? Не уберег, не сохранил... одну нашу... единственную...

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Это конец всему... Ангел ведь, где были, монах, твои боги?

Сцена пятая

Девять дней спустя. Иеромонах Паисий в храме Михаила-архангела, ставит свечку Николаю-угоднику.

Появляется Устинья Николаевна. Подходит к Паисию.

УСТИНЬЯ. А, вот ты где! Лицо без определенного места жительства.

ПАИСИЯ (*растерянно*). Нет, почему же, Устюша! У меня есть место жительства – монастырь, моя келья.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА (*в том же тоне*). Всю жизнь провел в дурацких фантазиях, все тебе что-то мерещится: дети «индиго», призраки... Так и не научился зарабатывать деньги.

ПАИСИЯ. Нет, почему же, я учителем был.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Учителем! Твои сокурсники уж...

ПАИСИЙ (*приходя в себя, иронично*). ... Столбовые дворяне, да? Князья, маркизы, академики, орденосцы?

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Да, академики.

ПАИСИЙ. Знаешь, сколько академиков надо на миллион населения? Два. А поэтов – один на эпоху. А тут у каждого не грудь, а иконостас... смущать малoverных...

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. А ты и этого не умеешь. Костюм одевать так и не научился, пиджак на тебе, как на чучеле. Галстук не можешь завязывать.

ПАИСИЙ. В монастырь пошел, галстуки тут не нужны.

УСТИНЬЯ (*переходя на рыдания*). Доченьку погубил, Надю нашу, Наденьку мою дорогую...

ПАИСИЮ (*угрюмо*). Не надо было бросать нас с дочерью...

УСТИНЬЯ (*руки в боки*). Ах, я шлюха, да? Я шлюха? А ты черный человек, чурка! Курицу зарубить не можешь, к соседке бежишь, голову курице отрубить. Мужик, называется. С детства тебе династии, троны мерещатся. Да поэты пушкинской поры. Как это?

Цари никогда не любили поэтов.

Поэты всегда не любили царей.

За такое ж в тюрьму содуют. А ты вот до монастыря докатился.

ПАИСИЙ. Проверен, послушником был.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. А теперь подполковник или, как это у вас ... иеромонах. Карьеру сделал, и ради чего?

ПАИСИЙ. Это ты под... полковником... А у нас не ради чего, а потому что. В Бога верю, в народ...

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Ой, держите меня! Ой, умру от взрыва смеха!

ПАИСИЙ (*увещевая жену*). Не надо, Устюша, не надо. Зачем, успокойся. Нервы, но что поделать?

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Полгорода пришло ее хоронить. А тебя, негодяй, закопают в яме для бедных, без всяких свидетелей... Девять дней стукнуло. Поминают покойников, люди пришли, а ты и не подумал... сама провела...

ПАИСИЙ. Я в храме молюсь, свечки ставлю.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА (*собираясь уходить*). На роду написано: кому человеком быть, а кому идиотом.

ПАИСИЙ (*в спину ей*). А ведь из деревни своей в город выбралась – из-за меня.

УСТИНЬЯ (*приостановясь*). Не из-за, а благодаря.

ПАИСИЙ. Кого «благодарить»-то? Ты существо неблагодарное... Ладно, приду домой, включу тебе синхрофазотрон.

УСТИНЬЯ. Какой син-хро-фа-зотрон?

ПАИСИЙ. Ну какой по ночам мужиков тебе голых показывает. Телевизор, называется...

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА (*уходя*). Тоже мне «индиго»! Большой ребенок. Надел уж, небось, и монастырю.

* * *

Там же, в храме. Иеромонах Паисий на привычном месте у колонны, перед лестницей, ведущей к хорам. Силится вызвать на кафедре явление призрака императора. Однако Павел I на сей раз никак не является. Наконец, возникает какая-то зыбкость, реальность вроде, переходящая в миф.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*призраку императора*). Видал, семейные радости? А еще, говоришь, хуже, чем у тебя, не бывает?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Бывает.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А куда делся свиток твой, манускрипт, каким ты мир путаешь?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Мир кутаю. Спроси сына Александра, тоже ведь император, все знает.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Все. Гроб больше не возникает. Я так полагаю: либо Устинья электричество отключила, либо сына твоего – самовержца вместе со святыми мощами, попутно уже тоже увезли в Санкт-Петербург.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*махнув рукой*). Вон видал? Строители свиток убрали. Сняли покровы с фресок, тканьину, штаны, небось, из нее себе сшили. Рабочую одежду. В связи с экономией средств.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*очнувшись, вслед призраку*). Ты и в долларах разбираешься?

И тут на реальный голос Паисия из-за реальной колонны выходит реально церковный сторож.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*твердо*). Разбираюсь, монах, и я в долларах. И все мы тут. Но евро лучше, как-то стабильнее...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Ну кадры пошли – церковная иерархия! То на «западенцев» надеялись, а то свои «бурсаки» валом валят... Что ж ты, друг, называется!

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. А что?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вздыхая тяжело*). Про девять дней дочери-то мне не напомнил.

Сцена шестая

Иеромонах Паисий у наружной стены храма Михаила-архангела.

ПАИСИЙ (*припадая к земле, целуя*). Вот сюда и упала. Сюда холмик насыпать, цветы посадить.

ГОЛОС СВЫШЕ. Разрешение надо спрашивать у предстоятелей церкви, у молодого епископа.

ПАИСИЙ (*подняв голову, глядя ввысь на колокольню*). Вот откуда летела, как птица. Тридцать секунд полета, целых тридцать секунд! И тут вот, в этом самом месте...

Упирается лбом в землю, всем телом дугой изгибается, да так и лежит. Черная птица, пролетев мимо, взмывает ввысь над ним, к колокольне. Черный человек, проходя мимо, превращается снова в Церковного Сторожа с серебряной, звонкий связкой ключей за поясом.

ПАИСИЙ (*приподняв голову*). Чудится мне или въяви?

Поднимается медленно, ловит щекой свежий ветер. Подзывает сторожа.

ПАИСИЙ. Послушай, это ты черный человек?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*склонив голову перед ним*).
Слушаю тебя, князь.

ПАИСИЙ. Я – Паисий, иеромонах, белое солнце в пустыне.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Разум путается. Ветер с реки, скоро дождь.

ПАИСИЙ. Так ты – черный человек?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. В черных одеждах, с серебряными ключами.

ПАИСИЙ. Сверху может лететь только дождь, зачем человеку лететь вниз, когда он еще молодой?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Молодые-то и летают, летальный конец. Бери ключи и иди. А я пошел за метлой. Столько народу было, столько всего после каждого. Эх-хе-хе, грехи наши тяжкие! А невинная, молодая душа искупай...

Церковный Сторож уходит, иеромонах остается лежать.

ПАИСИЙ (*пошевелиясь*). Может, Устюша права? С себя начинать, чистить народ перед Богом, перед самим собой, в поколениях, а не убивать молодых... Молодые погибают, не успев нагрешить. Какой ресурс пропадает у человечества. Формируя узлы памяти вокруг войн, убиваем гордецов в этих узлах... Стюша права: чистить надо Авгиевы конюшни, очищать себя в ощущениях... живу теперь без Надежды, без Надежки, ради чего? На всех грешных таких не хватает божьих ресурсов. Но промысел божий возлагаем себя...

Звоны в отделении: снизу как бы этот «варган» – орган, сверху – голоса: арфа и дождь над ней, шелестенье дождя о звуки, а звуки – от соприкосновения жизни о смерть. Чем ближе к земле, тем больше печали... зачем он оставил ключи мне? Серебро ключей, серебро на висках, серебряные дожди...

Музыка слов, слова музыки – меньше двух видов нельзя, чтобы сферы колебать, выражаясь. «Ей захотелось идти прямо по облакам! – пронзает монаха. – Это ты внушил ей эту мысль. Она и ушла туда, за черту, в облака.

А что сделать тебе, чтобы вернуть ее обратно сюда, в лоно свое?.. Хотя назад во времени не возвращаются даже цари... «наука имеет много гитик»...

Поднимаясь с усилием, иеромонах кипит мыслью: император Поднебесной ради согласия с Небом раз в год соприкасал колени с Землей...

ПАИСИЙ (*решительно*). На колокольню! На колокольню! Скорбь и страх связать с высотой, упоением полета... она летать не умела...

ЭХО ХРАМА (*снизу*). ...Белено мелом, белено мелом... «Наука имеет много гитик»...

Иеромонах появляется на колокольне.

ПАИСИЙ. Вот они близко – небо стозвучное. Немые колокола. Атеисты их научили молчать.

И я, иеромонах, развязываю канаты, протянутые к подвешенным тут колоколам. Совсем близко Небо – я уже не хочу молчать, как молчал перед всеми всю жизнь: перед летящим городом, перед собой с высоты, перед Белым Домом, самими Богами. Перед всеми, кто прежде взбирался сюда к героям, идущим по облакам...

Принимается дождь. Мелкий, подлый такой, бодливый. Он течет уже по щекам – соленые, крупные, прометеевы капли бегут пополам со слезами. Он свободен тут, он может лететь, а они, там внизу. этого сделать не могут... Императоры всех империй, не прикасайтесь коленом к земле! Дайте людям возможность лететь, защитите нас, лишних. Андре Шенье взшел на эшафот. Отмените смертную казнь! Не казните, тайно и явно, не бросайте людей с колоколен!..

ПАИСИЙ (*вдруг останавливая себя*). Что это я говорю? Гарибальди, Жанна Д'Арк, Спартак, Навуходоносор? Сколько свободы мелькнуло по Небу перед глазами Истории.

И все равно! Каждый раз перед нами эти старые храмы, Новые императоры, Новые, новые, новые облака.

Сцена седьмая

Паисий все там же, на колокольне храма Михаила-архангела. Замер, стоит на самом краю.

ПАИСИЙ (*делая взмах обеими руками*). Если бы я был птицей... если бы я был Икаром... если бы я был дождиком... вызываю дождь на себя. Представьте себе, я вызвал его силой своего духа, во имя памяти дочери моей Нади, Наденьки, Надежды своей. Я не могу, не хочу жить без нее, я просто не хочу жить в этом мире, без нее, моей маленькой, моей искорки, моего грома и молнии, пламени с неба в самое сердце.

Я накликал эту тучу, это мелкие капли – слезинки теплые, божьи, бьющие меня по щекам, по лицу. Все яростнее, неодолимее ручьи уже, реки, океаны воды хлещут меня по глазам, по секундам жизни, годам и эпохам. Я ухожу вместе с этим дождем туда, в те эпохи... Звуки арфы, вы где-то там, выше меня, льетесь в мыслях моих потоками воздуха с дождичком и так жалобно-жалобно, тоненько-тоненько. Звуки органа всхлипывают из полуподвалов храма, где-то внизу.

Песнопенья из жестоких романсов летящего города сливаются с хорами сел и деревень. Мне, необмытому, больно за всех тех, кто в зелени сумерек способен повеситься на своем рукаве или, протестуя, пасть с колокольни в беспредель земли. Пора бы очиститься, смыть с себя птичий помет – от черных птиц, грачей...

Внизу у стены храма, на том самом месте, что-то появляется живое, сверху похожее на паука.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Эй, ты зачем там, Паисий? Отойди от края, от беды, земного в себе не усугубляй! И без того все охвачено скорбью...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Прометей! Вызываю огонь на себя. Молнии с неба! Ширяйте мне прямо в сердце... смотрите, они уже вспыхивают и погасают с шипением за спиной в самом Прометее, в цивилизации, предопределяя судьбу...

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*снизу*). Эй, Паисий! Отойди, не умничай, не усугубляй!

ПАИСИЙ. Ты что-нибудь слышишь сверху?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Я вижу, вижу призраки, небо.

ПАИСИЙ. И внемлешь?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Когда бываю на колокольне, то внемлю... Монах! А ты что внемлешь, чему, монах, служишь?

ПАИСИЙ. Какие призраки? Что у тебя за спиной – императоры, русские самодержцы?... Но почему ты косноязычен? Говори же так, чтобы я хоть что-нибудь понимал в этом мире.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Интеллигенция! Косноязыки, как душу с детства захватывают черные птицы, так и держат, не хотят отпускать... А ты, человек, изгони, освободись и очистись. Помоги, Боже, стоящему высоко, устоять, не коснуться коленом земли...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. По радио России сообщили: в Москву из Америки доставлены колокола Свято-Данилова монастыря. Спасая после гражданской войны, их увезли за океан, передали Гарвардскому университету. Почти век звонили они науке и знаниям. И вот, взамен двойников, их привезли домой обратно. И тут уже, как и прежде, ударили в бронзу.

Красота – в звуке,

А звук – в Красоте.

Поющие в бронзе! ты их слышишь, Паисий? Они к тебе ближе.

Осеня себя крестом. Иеромонах делает шаг вперед. Чтобы лучше слышать – из Москвы свято-даниловские песнопения сюда долетающие. Чтобы лучше видеть то самое место у стены храма, на горе нас обрекающее.

В кресле, рядом с Паисием, появляется Церковный Сторож. Берет за плечи иеромонаха, удерживает от последнего шага. Другой рукой служитель ищет канат. Перебирает пальцами, находит нужное положение.

Размах и – первый удар по бронзе. Одинокий звук возник, затрепетал в горле.

ЦЕРКОВНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ (*передавая канат Паисию*). На! Говори с дочерью, с дочерьми людей, с поколениями.

ПАИСИЙ (*с горькой радостью*). Старик! Дождь белый бежит по щекам! Соленые капли дождя! Я пою его голосом, он поет голосом птиц. Колокола не дают нам состариться, умереть в тишине. Сколько их – восемнадцать и у каждого свой голос, своя нота, голос народа, песнопения вечнозеленые, бронзового века, судьбы.

Люди, подойдите поближе!

Вслушайтесь, пойте!

Прекратите сползанье к войне!

Отмените смертную казнь!

Нет и не может быть лишних людей на земле.

Это вопиет совесть, это – голос свыше, Любовь, Красота.

Слышите? Не обрекайте детей на погибель.

ОТ АВТОРА

(Вместо пролога)

Обращаясь к зрительному залу

Представьте себе, что это уже не герой мой, а я, Автор, звоню в колокола собора Михаила-архангела тут в Орле, а слышатся оттуда, аж из Москвы, звоны колоколов Свято-Данилова монастыря, доставленные из мест не столь отдаленных – представьте себе, да, из Америки! Поет себе и под песни «битлов».

Вечерний звон,

Вечерний звон.

Как много дум

Наводит он.

И под эти Свято-Даниловские звоны хорошо ложатся роковые слова переводов Бодлера, среди них и мой перевод, возможно, не самый худший.

И плывут эти звоны с Михаила-архангела, плывут и слова рока.
Вот что говорит человек – этот колокол, герой нашего времени, о себе.

Хриплый колокол

А колокол откуда-то, не знаю,
В мгновение пришел, в мгновение исчез,
Малиновою памятью играя –
Пасхальным звоном, благовестом месс.

Он жив, тот колокол! Не сброшен вниз, не сломлен.
Что Вере в медной сути – зло, века!
Его все бьют, все яростней, все злобней,
А он гремит свое, надтреснутый слегка!

Когда мне плохо, вся душа разбита,
Преследует неумолимый рок,
Мне колокол поет – мой знаменитый!
Мой друг! Я укреплюсь, я не сшиблен с ног!

Хрипишь, старик мой, слабость отвергая?
Песнь вроде та, да жизнь уже другая.

Когда спросят, где ты берешь силы для вечернего звона, я говорю: а с манускрипта императора в храме Михаила-архангела, с длинного, длинного свитка его от громкого неба до тихого дна земли.

Пока мы живы и я вам тут говорю, во врата Михаила-архангела уже втекает новый крестный ход: несут высоко над собой, на руках в окладе мощи Матроны Московской. Неостановимы, неодолимы людей в духе своем.

Вечерный звон,
Вечный покой,
Роковые страсти по средам,
Люди, люди, не бейте кого-то, бейте в колокола!

Сентябрь 2008 г.
г. Орел.

Я ПОЛЮБИЛ ТЕБЯ НА ВОЛГЕ

(Разина любовь)

(трагедия)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЦАРЬ И ПРИДВОРНЫЙ.

НАСТАСЬЯ – любовница Разина, его сподвижница во всех делах и походах, женщина лет двадцати пяти.

САМ СТЕПАН РАЗИН – донской казак, герой русского эпоса. личность отчаянная, трагическая.

ЖЕНА СТЕПАНА – смиренница, больше сиднем сидящая, на домашнем гнезде.

СЕРЕНЯ – их сынок, весь в отца, тоже отчаянная голова.

КРИВОЙ – донской казак, закадычный друг Степана, тайно любящий Настасью, тоже вождь разбойных дружин.

ГАРМАШ – отец Настасьи, из понизовских казаков, из богатеев.

МОКЕВНА – мать Настасьи, жена Гармаша, бабушка многих внуков.

КОРМЧИЙ – управляющий парусным стругом Разина.

ПЕРСИЯНКА – княжна, казачья пленница.

ВОЕВОДА – верный слуга царя, приставленный охранять разбойника в железной клетке.

КАЗНАЧЕЙ – разинский, он же целовальник, тамада с провидческим даром.

ЕСАУЛ – запевала казачьего хора.

ТАЙНЫЙ ЦАРСКИЙ ЛАЗУТЧИК.

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ КУПЦОВ.

СТАРЫЙ КАЗАК.

МОЛОДОЙ КАЗАК.

ВАЛДАЙ – звонарь колокольный в разинском стане.

МОСКОВСКИЙ ПАЛАЧ – в красной рубахе, с секирой на плече, на лобном месте.

Разинская вольница, воронежские и персидские купцы, донские казаки – понизовские богатеи и верхние нищebroды. Стражники казаков и солдатский конвой. Действие происходит на Волге – на Жигулевском откосе, где гуляет и грабит разинская братва проплывающие мимо купеческие караваны; на нижнем Дону, где Степана Разина, продав, заковывают в «железа»; на Красной площади в Москве, где Степана на лобном месте казнят всенародно под набат кремлевских колоколов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Жигули. Волжский утес, разинский стан в крепком предутреннем сне.

Сцена первая

Солнце показывает свой алый краешек из-за Волги. Раздается на всю округу зычный голос:

– Сарынь на кичку-у-у!..

И тут же начинает бухать колокол. Звук летит с утеса далеко за Волгу над вечным покоем.

Стан пробуждается, гудит вяло, после вчерашнего перепою.

НАСТАСЬЯ (*в полном боевом снаряжении появляясь на краю утеса*). Во-он! (*Своим сюда булавой*.) Вон парус! Купец! Идет сверху, из Руси!..

Кричит вниз с откоса.

Эй, купцы! Вы откуда? Полно или худо?..

А, саратовские? Значит, полно. Эй, Кривой! Давай сарынь на кичку... вдогонку...

И еще, гляди-ка, парус! снизу, из Персии...

Перс или русский? Косой парус – русский.

Эй, купец! вы откуда?..

Ах, воронежские?

Земляки Степановы! Ну тады худо-бедно. Тады проваливай, проплывай....

ГОЛОС СО СТРУГА СЮДА. Повидаться хотим со Степаном. С земляком. Кое-что передать.

НАСТАСЬЯ (*туда, вниз, воронежским*). Ну тады причаливай, кунаками будем. (*Кривоуму.*) А ты, брат, дружину в струг и вали на саратовских! У этих трюмы всегда от добра ломятся, полны. В Персию, однако, собрались – есть че везти им туды на обмен. И золотишко у саратовских водится, даже камни сапфирные, яхонты...

ТАМАДА-КАЗНАЧЕЙ, С ПРОВИДЧЕСКИМ ДАРОМ. Богатый народ, а будет еще богаче. Автозавод через три века построят – вот когда заживут...

НАСТАСЬЯ (*тамаде строго*). Бреши поменьше (*И Кривоуму.*) Бери дружину и вали следом. Что возьмете, то ваше. Знайте же, мне только камни...

Появляются воронежские купцы. Поднимаются грузно, припадают на колено перед Настасьей.

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. А где сам-то? Степан где?

НАСТАСЬЯ (*хмуровато*). Да в Воронеж, что ли, пошел к себе, в Воронеж. Проведать жану, сыночка сваво... А меня за себя тут оставил. Я тут дань собираю теперча. Поняли, мужики?..

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Чудно! Баба, а на этом деле стоишь... на утесе то исть...

НАСТАСЬЯ (*строжась*). Ладно, не ваше дело... Вон туда идите. (*Указывая булавой.*) Там котлы, кувшины, там мужики опохмеляются после вчерашнего... Идите туда, я сейчас...

Глянь, опять парус! И теперча снизу. Из Персии, полон ли?.. Эй, тамада-казначей! Бери другую дружину и вали на них, проверяй. Что возьмете, то ваше. И тебе, казначей, в об-

ший котел. И мне, знаете чего – только камни... Нам со Степаном на спине унести...

ТАМАДА-КАЗНАЧЕЙ. Знаем, знаем. С Востока парусо как это будет петься потом: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...»

НАСТАСЬЯ (*сбрасывая шлем с головы*). Во, волосы бабы-то, так по плечам, гляди, и покатились.

КРИВОЙ (*украдкой взглядывая на нее*). Русские, золотого разливу.

НАТАЛЬЯ. Чего стоишь? Уж давно бы на струге был, а то купца потом не догонишь. Уйдет ведь, увезет добычу хорошую.

КРИВОЙ. У нас не уйдет. К парусу у нас в подсобу еще и гребцы. Весла вон какие гребучие, а руки могучие.

НАСТАСЬЯ (*окружающим*). Ну, я пошла. А постойте тут... Куда? Да к костру. К кувшинам да котлам, к котлам, куда же еще? Земляков Степановых угощать... А вы тут за меня поглядите...

Настасья идет к главному костру разинской вольницы. Салится на свое место, рядом с главным – Степановым. Пересаживается в него.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ. Чего это ты? Это место атамана, Степаново.

НАСТАСЬЯ (*кинув плетъ казаку*). На-ка всыпь ему пару горячих.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ (*казаку*). Только попробуй! Из добычи ни черта не получишь. Я тебя причешу.

НАСТАСЬЯ. Ладно. Иди садись к костру вместе со всеми. Пока я добрая.

Обращаясь к главному из воронежских купцов.

Ну, рассказывай, братец, где бывали, что видали? Без брехни. Но чтоб было понятно. Всем понятно (*поведя пле-*

тью вдоль всего большого костра). И интересно... В Персии ж были-то?

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Да в Персии, в Персии. Да не в энтот интерес.

НАТАЛЬЯ. А в чем же?

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Дома весь интерес. Притеснения терпим. Специально хотели идить к Степану... просить его... заступу искать...

НАСТАСЬЯ. Ну и от кого терпим?

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Да самого-то нет, чего языком зря мотать.

НАСТАСЬЯ (*сдвинув брови*). Ну, я тебе что – не помощь?

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Ты – баба, а то – ата-манн!

НАСТАСЬЯ. Много ты понимаешь.

ТАМАДА (*усмехнувшись*). Мужик – голова, а баба – шея. Куды повернет дышло, туды и вышло.

И наливает Настасье в глиняную кружку вина, приговаривая:

Тебе богато, полно. Как Волга на Дону, на доньшке. Скудно. Пока ума не прибавится.

Сцена вторая

Там же, те же...

НАСТАСЬЯ (*тамаде-казначею*). Наливай и по третьей православному люду... Так. Крякнули, рукавом закусили. Не басурманы чай, встали, перекрестились, братья, низко поклонимся Господу-Богу нашему Иисусу Христу. Пущай гости к нам сюда едут, не переводятся, пущай какие плывут мимо, а какие напрямик сюда в лапы к нам... а мы проверим. Порядок наводим, забираем излишки. Если царская власть в бессилии, или тоже самое бедный народ, как басурмане какие...

Оборачиваясь к Главному из воронежских. Ты про это хотел сказать Степану, земляк? Мол, царь грабит воронежских с особым рвением. Ибо Степан – казак-то донской да урожден на окраине Воронежа.

ТАМАДА-КАЗНАЧЕЙ. При чем тут Степан? Короб царя-то не валит. Это все слуги царицы, пакостные, им все мало... Предвижу: через века, а именно, в 1937 году 9 октября эти царицы-слуги под именем НКВД расстреляют ни за что ни про что только в Зубовском лесу под городом сразу десять тысяч. Да еще готовили партию в том числе и отца автора этих строк, а потом кокнут и тех, кто расстреливал, этих царевых слуг, отобравших отца квартиру. Этих расстреляют уж другие слуги народа. А отец уж пошел по этапу... освободить не успеют... Спасибо хоть сынок от него остался...

НАСТАСЬЯ (*сдвинув брови*). Придержи язык, помело! Тайны веков не разглашают.

ТАМАДА-КАЗНАЧЕЙ. А что я сказал-то, подумаешь! Если я с провидческим даром.... если это прет из меня... А ведь был отец-то ударником труда, с Калининным – всесоюзным старостой – сфотографирован. Квартиру в центре города дали, а забрали потом вместе с жизнью. А отец-то строил завод имени Коминтерна, буква «К» («Катюша»). Гвардейские минометы войну хоть на полгода, а сократили. Не то на нас упало бы то, что потом на Японию...

НАСТАСЬЯ. Тамада! Сам пей поменьше, ближних не забывай.

ТАМАДА. А я и не забываю. Вечная память тем... в Зубовском лесу... Из прошлого посылаю поклоны им туда, в будущее...

НАСТАСЬЯ. Эй, звонарь! Как тебя зовут? Валдай? Эй, Валдай! Вдарь-ка в колокол. Призови дух Степана. Пушай поскорей сюда возвращается. Разин свой колокол хорошо слышит.

Звони, звонарь! Бей в бронзу – певчую! Говори, что Степан Разин пришел сюда дать всем волю, а мне – любовь... Запевай, мою любимую, нашу со Степаном!...

Появляется Есаул – запевала казачий, широк голос во широкой степи.

ЕСАУЛ (*слегка кашлянув, сначала тихо-тихо, потом уж набирая силу*). Дедова еще песня, давнишняя...

Ах, я полюбил тебя на Волге,
И билось сердце трепетно в груди.
Мне не забыть твой голос звонкий.
Эх, Жигули вы, Жигули!

НАСТАСЬЯ (*швырнув полную чашу в костер*).

Ах, спадали звонкие мониста,
Кипела молодая кровь.
И поцелуи были чисты,
Как наша первая любовь.

Настасья подходит к краю откоса. Крутнув головой, так что волосы волнами покатались с плеч ее куда-то вниз, в бесконечность, под жигулевский откос, закачались вместе с солнцем на блестящей волне.

НАСТАСЬЯ (исступленно на всю Волгу, аж до того берега).

Степа-а-ан!
Степа-а-а-а...
Сте-е-епь ...
Широка-а-а-я...

ЕСАУЛ (*подхватывая*). Высота ль, высота ль

Поднебесная!
Океан – море
Чудесное.

ВСЕ У КОСТРА (*хором*). Разгуляй, гуляй, гуляй!

Удаль молодецкая!
Душа руцкая, человекская!

Два казака тащат чужака под ручки, бросают к ногам Настасьи.

КАЗАК. Вот тайный лазутчик! Высматривал все тут и запоминал. Язык вырезать хотели, да старшой не велел. Пущай, говорит, атаманше все скажет, потом решим.

НАСТАСЬЯ (*уперев руки в бока, пиная ногой лазутчика*).
Ну! Говори!

ТАЙНЫЙ ЛАЗУТЧИК (*едва шевелясь*). Сам пришел.
Сказать Степану хочу... Войско царево идет на Разина – не-
сметная сила. Немец какой-то ведет генерал... Шопенгаврин,
что ли...

НАСТАСЬЯ. Русский, небось: Сопин... Гаврюха... двой-
ная фамилия...

(*Тайному лазутчику. Сдвинув брови.*) Сволочь! Позабыл
для чего родная мать родила?

ЛАЗУТЧИК (*извиваясь под каблуками Настасьи*). Для
чего, мама?

НАСТАСЬЯ. Для воли! Широкой, как степи эти заволж-
ские. Для песни! Для человеческой жизни!.. Эй, Есаул! Запае-
ва-а-ай... Тамада! Налива-а-а-й...

КАЗАК (*приведший лазутчика*). А это дерьмо куда,
мать?

НАСТАСЬЯ. В Волгу! С откоса! На дно...

ЕСАУЛ (*во всю глотку*).

Эх, матушка – мать! Любовь Степанова,

Дорогая ты наша казацкая!..

Я полюбил тебя на Волге,

И билось сердце трепетно в груди.

Мне не забыть твой голос звонкий

Ах, Жигули вы, Жигули!

НАСТАСЬЯ (*с откоса*). Стеа-а-ан! Степушка-а-а!..

Войско царево идет! Туча-а-а!..

Собирай свою силу на силу!

Сцена третья

Волга – русская река. Струг под парусом. В струге сам агаман со го-
варищи. Возвращаются из Астрахани, где разинцы походили, погуляли
волью. Вот уж скоро и Жигули, откос, где их ждуг с богатой добычей.

По пути пустили на дно персидское судно, а к себе на струг Степан перенес на руках персиянку – красавицу. Вот она лежит на коврах с атаманом. И как в песне поется:

«Всюду... всюду... слышен ропот:
Нас на бабу променял».

СТЕПАН РАЗИН (*грозно*). Кто это сказал?!

(*Тишина.*)

Кто сказал, говорю!

(*Полная тишина.*)

Кто сказал, говорю, так-то вот

Про княжну персиянскую?!

ГОЛОС (*с кормы, из-за спины казаков, молодой казачонок*). Я сказал, я!..

(*И еще.*)

Только ночь с ней провожжался,

Сам наутро бабой стал.

СТЕПАН РАЗИЙ (*оглядывая свою вольницу в струге, всех сидящих на веслах*). Бабой стал? Кто – я?

ВОЛЬНИЦА (*хмуровато*). Сам наутро, а то как же!

В последний раз, врасстяжку целует Степан персиянку, младую княжну. Сладко-то как, не оторваться. И, как в песне, поется поднимает атаман ее над собой и с размаху швыряет в волну набежавшую.

И опять тишина, звончей не бывает, аж в ушах щекотно. И сидит атаман на носу струга спиной ко всем, вперясь взглядом в показавшиеся впереди Жигули.

СТЕПАН РАЗИН (*рытнув зубами*). Весла на воду, пшел!

КАЗАКИ. Эх, какую девку загубили!-Атаман, казачонку бы лучше отдал!

СТЕПАН РАЗИН (*запевая*).

Эх да, я полюбил тебя на Волге,

И билось сердце трепетно в груди...

И пение женское отдаленно откуда-то свыше, оттуда – с откоса:

Мне не забыть да твой голос громкий...

Ах, Жигули, мои вы, Жигули...

КАЗАКИ (*нагрянув на весла*). Настасьин голосок, Настасья кличет, Родина – мать зовет.

СТЕПАН РАЗИН (*взрыв с клетком, по-орлиному*). Ну вот мы и дома! В родных берегах... Братцы! Грянем песню удалую на помин ее души... Наливай, за Настасью, Настасьюшку, за нашу казацкую долю!

* * *

Таща добычу со стругов, разинская вольница идет тяжело в гору – к главному костру, к Атамоновой поляне. Увидев разинцев, все от костра бросаются им навстречу. Впереди всех летямя летит Настасья – любовь, сподвижница Разина.

НАСТАСЬЯ (*ложась к Степану на шею*). Живой! Казак! Цела-а-ай!

СТЕПАН (*улыбаясь*). А че мне? Я заговоренный. Ни сабля меня руцкая, ни ятаган турецкий...

Жадно целуя Настасью, тут же уводит ее в шатер.

В шатре, наконец, насытятся друг другом, все дивятся, милуются, как бы век не виделись.

СТЕПАН. Ну и как ты тут без меня? Никому не давала?

НАСТАСЬЯ (*хохоча*). А тебе-то что? Ай ревнуешь? Сам-то как – ничего там, в Астрахани-то, никого не приласкивал?

СТЕПАН (*улыбаясь*). В Астрахани-то? Да нет, в Астрахани никого.

НАСТАСЬЯ (*хохоча и играя*). Никого, никого?

СТЕПАН. Да так. Бросил одну тут в Волгу.

НАСТАСЬЯ (*отпрянув в испуге*). Да ты шо-о-о!

СТЕПАН. Да это я так. Пошутил.

Мимо тещино дома.

Я без шуток не хожу.

То ей блин намедни комом,
То оглоблю покажу.

НАСТАСЬЯ (*примкнув к нему*). Ух, Степан! Сладкай. Покажи лучше мне... оглоблю-то...

СТЕПАН (*едва оторвавшись от поцелуя*). Ну что зажда-лась, скучала тут? А, Настя? Милая моя, дорогая, любота моя, сухота. Вишь, без тебя, весь иссох, протрезвел. Все пьют, а я как стекло. Про тебя только, толечко-то и думаю. А ты думала обо мне, Настасюшка?

НАСТАСЬЯ. Я без тебя жить не могу, не умею. Не знаю, как жить-то. Степа, Степушка, не ходи больше без меня никуда. Я боюсь. Все мне кажется, что без меня тебе плохо там, а то могут и убить даже, жизни лишить. А я тебя-то укрою, заслону собой, своей грудью. Со мной плохого тебе ничего не случится... Гляди, целый, родной мой, живой...

Настасья гладит Степана по плечам, по плечам, обнимая всего.

СТЕПАН. А чего мне? Вишь, какой я большой и грозный – атаман! От мово только взгляда вязы сохнут, солома на крышах берется полымем.

НАСТАСЬЯ. Только от взгляда ли?

СТЕПАН. Это враги клеветуют. Мол, хаты разинцы жгут. Мы хаты не жжем, мы бедному люду волю даем. Мы дворцы палим, волость царскую отпускаем – пушай живут, а плохих обдираем, а то и вовсе концы в воду, и все табе. Чтоб не пакостили, не смердили... А еще слуги царевы чего учудили: и Юрьев день отменили. Единственный, когда крестьянам можно переходить к другому помещику...

НАСТАСЬЯ. А тебе-то что? Плохо, что ли? Пушай отменяют. Зато все к нам сюда, во широку степь, погуще стало, втрое супротив прежнего. А тебе то и надо. Твое войско в избытке.

СТЕПАН РАЗИН. Кормить надо, а где взять?

НАСТАСЬЯ. У кого есть, у того и бери. А у кого нет, что с них взять?

СТЕПАН (*обнимая Настасью*). Ух ты, моя умница да разумница! Что я без тебя-то – валенок необутый. Неподшитый, старенький.

НАСТАСЬЯ. Старенький, да удаленький.

СТЕПАН. Да какой же я старенький?

НАСТАСЬЯ (*вздыхнув глубоко*). Ненасытный! Ты атаман души моей, всего мово тела, только бери. Горстями. Бери и пей как из Волги. И тела мово, и дела всего атамана.

Сцена четвертая

Там же, на Жигулевском откосе. На Разинской поляне. Те же – вдвоем, Степан и Настасья.

НАСТАСЬЯ (*отстраняясь от него*). Персиянку-то зачем в Волгу бросил?

СТЕПАН (*живо*). Откуда узнаешь?

НАСТАСЬЯ. Лучше бы казачонку отдал. Молодое молодому.

СТЕПАН (*еще потуже притягивая к себе Настасью*). Оно и мы с тобой еще ничего, не старые. В самый раз, Настасьюшка?.. А Кормчему в другорядь башку снесу за такие дела.

НАСТАСЬЯ. За какие? Пошто астраханского архиерея с колокольни сбросил? Церковь все же, не след с церковью ссориться, кровь лишнюю брать на себя. Кормчий сбросил-то, а на тебе кровь.

СТЕПАН. Богу молимся, и хорошо. Когда выпил и ищцо.

НАСТАСЬЯ. Богохульник, молчи! Не то боком тебе все это выломится.

СТЕПАН (*с ленивой, вразтяжку*). Кому, мне?

НАСТАСЬЯ. И мне, и тебе. Мы с тобой одной плетью повязаны.

СТЕПАН. Скажи, не было чего промеж тут с тобой, окромя?

НАСТАСЬЯ. Насчет кладов?

СТЕПАН. Да хоть так.

НАСТАСЬЯ. Лазутчик тайно обнаружился. Сказал про войско царево. Что и так все знают. А я так думаю, что он шнырял тут, воздух нюхал... насчет клада... туточки в Жигулях...

СТЕПАН. Да кто ж про то место знает-то, окромя нас с тобой?

НАСТАСЬЯ. А казначей? (*Холодея.*) Этого что в расчет уже не берем?

Тут же появляется Тамада, он же и Казначей разинский.

СТЕПАН (*нервно, аж засмеявшись*). Как за дверью стоял, стенку слушал.

КАЗНАЧЕЙ. Насчет клада говорите? Лики дюже серьезные. Я так и думаю, лазутчик тут появлялся...

СТЕПАН (*строго*). И что?

НАСТАСЬЯ. Да со скалы его вниз головой, меры приняты...

СТЕПАН. Другого жди, скоро появится. (*Казначеем.*) Так что, брат, приглядывайся. А лучше всего, клад распахать по разным местам. (*Настасья Казначеем.*) Поняли, ватажнички мои дорогие?

Казначей уходит в задумчивости. Пауза.

СТЕПАН (*вслед ему, Настасье*). Засиделся что-то он на двух должностях.

НАСТАСЬЯ. Да шея-то одна, шеюшка. Верно, Степан, мы с тобой не токмо плеточкой, но и кровью повязаны.

СТЕПАН (*многозначительно*). Помыты.

НАСТАСЬЯ. Ну помыты.

СТЕПАН. Этот Казначей не чета нам... тоже разбойничек из разбойничков... По местам разным надоть клад распахать...

НАСТАСЬЯ (*ловя мысль*). Золотишко-то скоро согдится: за оружием к персам сбегать. Может, и вовсе там погодить, а, Степан? Пока войско царево будет ходить тут по крови...

СТЕПАН. Нельзя нам туда, не пустят.

НАСТАСЬЯ. Что – наследили ватажнички?

СТЕПАН. Да уж помахали сабелькой по басурманским головушкам. А они нас жалеют?

НАСТАСЬЯ. Сколько оружия иметь, чтобы от полков царевых отбиться! Сколько золота – серебра! А где взять? Людей-то тьма, только кликни – враз сбегутся. Особо с севера Дона, да все нищebroды.

СТЕПАН. Значит, в понизовье подаваться. В твои, Настасьюшка, родные места. Вот где полки готовые. Поставил под хоругви и на этого... как его... немца с царевым войском... на «Шопенгаврина», что ли?

НАСТАСЬЯ. Письма надо писать «прелестные», прельщать людей. Да по разным местам рассыпать, где покрепче живут, при окружении.

СТЕПАН. Чем прельщать-то?

НАСТАСЬЯ. Новым походом по значным местам. На Персию и на север, по богатеньким городам московским... да и ... это...

СТЕПАН (*задохнувшись*). Че ты, а? И на саму, что ли, на первопрестольную?

НАСТАСЬЯ. Сколько богачеств там, столько и голодьбы, подневольных. А мы и туда придем, да и им всем волю.

СТЕПАН (*задумчиво, глядя прямо перед собой*). Воля-волюшка черная. Богатеньким мы не нужны, а бедных надо кормить... Так с Казначеем по душам и не перегутарили. С божьей искрой он, прозревает. Пушай поживет, сгодится.

НАСТАСЬЯ. Да я что? Я ничего. А ты?

СТЕПАН. И я ничего. Насчет этого дела. Гуляй смело, пока носят ноженьки... Надо коней – подставу еще одну – иметь прозапас. Так, на всякий случай. Да и окруженьице близкое почаще менять, так, Настасьюшка?

НАСТАСЬЯ. Так, так, пан, так. Как говорят, «пшеки» эти – поляки.

СТЕПАН. Что – и туда уже метишь? Там земли не про нас. Там варяги, их вотчина. А мы тутова, по своим отпетым местам. Родина есть родина, никуда не денешься. Это немец, басурманец такой, прет по нашему Дону Иванычу...

НАСТАСЬЯ. Так с него и спросится... опосля всем русским народом... Голову, Степан, выше ставь! Не журишь, в журбу не впадай! Как вечно течет Дон Иваныч в Азов, а Азов – в Черемное море...

Появляется Кормчий, правящий на Волге обычно атамановым парусным стругом. Стоит, глядит молча, с казаками переглянувшись.

СТЕПАН. Че ты ... мнешься-то? (*С Настасьей.*) Я тайн от нее не держу. Говори при ней, как на духу.

КОРМЧИЙ. Да так вот... это... от доносчиков сведения... Жана твоя с сыночком к табе, стало быть, наострилася... скоро будет тут...

СТЕПАН (*потерев ладони, аж искры из ладоней просыпалось*). Видал миндал? Встретим, Жану смиренницу с сыночком-разбойничком.

НАСТАСЬЯ (*исподлобья*). Встретим, встретим – и жену и сыночка твою Сереню.

СТЕПАН (*Настасье строжась*). А ты удались. Хоть на какое-то время, глаза на мозоль. Жана долго тут не набудется. Повидались, и айда – лоб в лоб – сызнава в разные стороны.

Сцена пятая

Там же, те же – Настасья и Степан. На Разинской поляне, в атамановом шатре. Вбегает мальчонка, бросается на шею Степану.

СТЕПАН РАЗИН (*восхищенно*). Сереня! Сынок! Вьюн, дьяволенок!

Входит жена Степанова. Увидев Настасью, так и оседает.

СТЕПАН (*сверкнув на Настасью глазами*). Кому сказал!
Что сказал!

Метнув на жену Степана, убийственный взгляд, Настасья снимает перстень с пальца, швыряет под ноги Разину. Мальчонка уже убежал к коням, Разин с женой остаются одни.

СТЕПАН (*пододвигая лавку*). Садись, смиренница. По-толкуем.

И сам садится на другой конец.

(*Миролубиво.*) Ну и как вы там с Сереней?

ЖЕНА-СМИРЕННИЦА (*разглядывая чулок на колене*).
Да вот дыра. Зацепилась за что-то.

СТЕПАН. Видал миндал? Скорее всего, за шиповник.

ЖЕНА СТЕПАНОВА. За шиповник. Он, проклятый, меня бесчестит.

СТЕПАН (*спохватясь, подозрительно*). Как это шиповник может кого бесчестить? Говори, да не заговаривайся. Пока рот полон зубов... Ну, и как там, говорю, вы с сыночком! Как с властями?

ЖЕНА СТЕПАНОВА. С властями-то? Хорошо. Подол голова сестре твоей поднял, с крыши вам солому содрал? Соль прямо со стола взяли вместе с солонкой? И уж в этом годе коровенку свели со двора.

СТЕПАН. За меня, что ли, мстят?

ЖЕНА СТЕПАНОВА. Дык это... кто мстит-то? Никто.

СТЕПАН (*беспокойно, шевеля ушами*). У тебя спросить надоть – кто?

ЖЕНА (*смирненно*). А-а (*махнув*), на царя все валят, а царь тут при чем?

СТЕПАН (*вразумительно*). Царь за все на Руси отвечает. В каждую дырку гвоздь.

ЖЕНА СТЕПАНОВА. Значит, соль сосед забрал – мужичило пришел, под дверь ростом, а царь тебе виноват?

СТЕПАН (*засмеясь*). Это какой же сосед к тебе ходит – справа ай слева, что к речке? Я ему петуха-то подпущу, дай приеду.

ЖЕНА СТЕПАНОВА. Род их вон какой – дуб ветвистый, до Серени ищщо допнутся. Ты умчался, как ветер, а у нас крышу ветром раскидывает.. Суд намедни наехал со свой ордой...

СТЕПАН (*строго*). Ну и что?

ЖЕНА СТЕПАНОВА. Про разбойников спрашивал? По уездам швыряют, «прелестные» песни читают.

СТЕПАН (*еще строже*). Ну и что!

ЖЕНА-СМИРЕННИЦА. Ничего, говорю, в ваших делах не понимаю. В бунтарских-то...

СТЕПАН РАЗИН (*сверкнув очами*). Каких это в наших бунтарских?

ЖЕНА СТЕПАНОВА. Ну в этих... в справедливости вашей... Шашку наголо, кони-звери, фьютъ и – нетути! А мы тут живи...

СТЕПАН РАЗИН. Зерно перемололи, ай есть еще чего по сусекам мести? Ну тогда потерпи, привезем по новине, опосля Покрова. А сейчас иди, пригляди за сыночком. Ишь, шустряк какой – увязался за теткой... Эт-та баба всему обучит, малыцу пока знать не надобно...

Возникая, издалека слышен женский голос:

Я полюбил тебя на Волге,
И сердце билось трепетно в груди.
Мне не забыть твой голос громкий,
Ах, Жигули, мои вы Жигули!

ЖЕНА СТЕПАНОВА (*приостановясь*). Этому, что ли, научит?

СТЕПАН (*сдвинув брови*). Чему «этому»?

ЖЕНА СТЕПАНОВА (*опустив голову*). Ну песне же, песне.

СТЕПАН (*мотнул головой, восхитясь*). Песне – да! Песню энту казаки любят.

ЖЕНА-СМИРЕННИЦА. Ваша, ватажная!

СТЕПАН (*рубанув пустой воздух, как саблей*). Наша, человецкая! Душу всю вынимает.

Жена Степанова уходит. Вздохнув, Степан остается один. Напевая себе под нос, истоиво:

Эх, да спадали тонкие мониста,
Вскипала молодая кровь.
И поцелуи были чисты,
Как наша первая любовь.

СТЕПАН (*вслух*). Сапожонки новые малому справить, сабельнику подарить. А кому ищщо сынок-то твой нужен будет, окромя тебя, Степа?

Появляется Тамада, он же Казначей, он же у Степана по всяким дробным – бесовским и добрым делам.

ТАМАДА. Конь засекая у тебя, Атаман.

СТЕПАН РАЗИН (*грозно*). Конь?! Какой – Буцефал? Какого я в прошлом годе у астраханского воеводы выменял? Или из-под Воронежа – Воронок? Тоже первостатейный... Буцефал? Кто же это что под копыто ему вогнал?

ТАМАДА. ДА не вогнал, не шип – сам засека.

СТЕПАН РАЗИН. Ты кто у нас – Казначей? Чтоб мигом прикупил ищщо два коня! Нет, три... Смирного – под бабу, под воду и под воеводу. Я – Атаман! Конь подо мной должен плясать. Дончака купи, лучшего. А не то отыми. если не продадут. Чтоб конь у меня завтра был, пока Буцефал на все четыре копыта не встанет.

Как это без коня воевода?

Как это атаман – без народа? –

Будет несода.

Стекляшек, камней сапфирных, на такие дела не жалей! Это в битве кони-звери, а так конь душу гладит. Глядит на Атамана-то по-руцки, по-человечески.

Сцена шестая

Жигули. Разинская поляна. У атаманского шатра сам Степан Разин. Подбегает Кривой – донской казак, закадычный дружок Степана. Наклонясь, что-то ему шепчет на ухо.

СТЕПАН РАЗИН (*отстраняясь резко*). А не брешешь?
КРИВОЙ. Да ты что, брат! Как на духу!

Замечая проходящих мимо ватажников, несущих на плечах рыбацкие сети, подзывает их.

СТЕПАН (*упрекая Кривого*). Это от них ты, на ухо шепчешь? Мне, дружку своему Атаману! У меня от людей тайн никаких! Я не царь, у меня все наружу.

Распахивает грудь.

Вот, видал миндал? Ты занозу мне, Атаману вашему, вонзил в это самое сердце. Своей вестью плохой, нехорошей. Однако повтори все при всех... вот при них... Мы – люди божьи, нам от Бога скрывать нечего. Вот и вторь при казаках, как на духу. Про то, как это ты Настасью бесчестить пытаешься.

КРИВОЙ (*засмеявшись*). Бать, ей Богу! Так у костров нутарят. Мол, Настасья Жане твоей фитесу вставила, что-то подсыпала. Вот она и свалилась, лежит, чуть жива... Не бойсь, мальчонка Сереня, сынок твой, при мамке, она его от себя никуда...

СТЕПАН (*ватажникам*). Ну что, казаки? Разбираться будем али как – на Бога положимся? Коли выживет жана-то, стало быть, так тому и быть. А не выживет, стало быть, не виноватая, отдала Богу душу... так как, казаки?

ВАТАЖНИКИ (*сымая с плеч рыбацкие сети*). Да так... как бы... и не так... кк бы... Кто ж ее знает, Настасью-то, атаманшу?

СТЕПАН РАЗИН. Стало быть, сомневаешься? Ну тады проверять будем. Вот и зови, Кривой, Настасью сюда, к шатру. А там и на сход позовем... если что... Сходом решим: кто прав, а кто виноват. Не персияне ить, где царя-салтана прикармливают ядом с детства, чтобы сразу не околе... Моду взяли персиянскую – людей травить, нам это не следует, не по-божески энто, не по-христиански... Зови Анастасью! Заодно и стражу.

На всякий случай... Но без кривотолков чтоб, как на духу. Мы не цари, у нас на правде все наше дело держится...

И загудела Разинская поляна. Сходка сама собой получилась. Под стражей подвели Настасью сюда к шатру.

СТЕПАН РАЗИН (*не глядя на нее*). А ну за полог зайдем! Погутарим.

НАСТАСЬЯ. Нет, зачем же? Тута бей в бубен, в самое сердце! При народе бесчесть. (*Набирая голосу.*) Жану свою стало жалко. Мол, лежит жана, дали чего-то. А может, сама хватанула. А он мне (*на Степана*) шьет, атаман-то наш, мол, я ее отравила.

Так вот, принародно, при всех, напрямую заявляю: не отравила я Жану его, хоть я и его полюбовница.

СТЕПАН (*наклоняясь к ней, с шипом*). У, глядища! Я тебе ятреба выпущу! Не могла без энтих слов обойтись. Потихоньку бы уехала та, да и все...

НАСТАСЬЯ (*взобравшись на бочку из-под селетки, на весь сход*). Нет, не все! Я на то не согласная. Больше втихую жить не хочу! Не отравила я ее – жану атамана. А лежит она полумертвая отчего? Да кто ж знает-то, может персидский салтан ее отравил? Может сама руки на себя наложила, не хочет со мной счастье свое делить. А я вот делю, я ее принимаю, согласна с ней. А она такая смиренница, а не хочет, может, меня принимать, делиться не хочет.

А у меня к Степану любовь. Вот!

Обнимает Настасья Степана и целует в самые губы врасос.

Не стесняюсь. Целую при всех. Не то, что иные.

СТЕПАН (*растерянно, оглядываясь вокруг*). Ну дак как, казаки? Как с ней быть-то?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Да как? Это тебе не персиянка в Волгу не бросишь... Что удумала... Лекаря надо. за бабкой послать, за травой отворотнo – приворотной... Уж послали, при-

мчали, лечит... Атаман в большом затруднении: две жены – две сатаны – посередке баня...Ничего себе, дядя Ваня.

КРИВОЙ (*выручая Степана*). У баб надо спросить, как тут быть?

ГОЛОСОК ИЗ ТОЛПЫ. Спросить, конечно. Только где они, бабы-то? Кругаля одним мужжики. А Степан заграбастал сабе сразу двух баб, как царь, ему можно...

СТЕПАН (*перебивая голосок*). А, это ты, казачок? Домой захотелось сходить, к своей девке-то? Так идите отседова все, кто устал, уморился терпеть – без похлебки тут, без догляда бабьего. Негодяйство какое! А мы тут кошевым обойдемся. Нам, упорным, отсюда нельзя никуда. Во царево войско прет с верхней Волги, с городов московских... Встречать надо... Братцы! Водку жрать надо переставать, за сабельку браться, с судьбой, может, сегодня опять канаться. Мы, как ветер, пролетел и умчался, и нетути его, глядишь, уже веет во широкой степи...

Братцы! «Прелестные» письма послали, и к нам уж народ потек. Много всякого люду, разного – бумазейного, бумажного. А мы тут кости, косточка военная, казачки – дончаки, огнем испытанные, ворогом битые... Нам на бабах замыкаться нельзя, это все мы потом: и детей наделаем, и постучим долотом...

Братцы! Объявляю учения, беремса за дела военные, самые обнаковенные. Поватажно стройся, в Волге обмойся и – на коня! Стройся позади меня...

Все, амба. Разговор окончен.

КАЗАКИ (*расходясь с Разинской поляны*). У, какой у нас атаман! С чего начал – с баб? А чем кончил?..

ДРУГИЕ КАЗАКИ. Чтoб казак не ослаб! В Волгу мыться, коней холить, сабли точить...

Степан утерев пот со лба, проходит к шатру, где лежит больная жена. Входит к ней, отстраняет сыночка.

СТЕПАН (*наклонясь к жене*). Ну что – оклеймалась, смиренница?

ЖЕНА (*повернувшись лицом к Степану*). Да уж ничего, жива вот.

СТЕПАН (*заботливо*). Отправляйся-ка домой, мать, скоро будет тут горячо.

Сцена седьмая

Спустя месяц там же. Жигули, Разинская поляна. Вид с откоса. Знакомая мелодия, все та же песня издалека:

Я полюбил тебя на Волге,
И билось сердце трепетно в груди.
Мне не забыть твой голос долгий,
Ах, Жигули, мои вы, Жигули!

Вокруг поляны большое скопление народу. Детский плач, приглушенный женский смех – в одной стороне. В другой – ржание коней, звоны о железе железом, тихие голоса казаков.

Появляется Атаман. Идет рядом с конем – весь какой-то усталый, растрепанный. Подбегает Настасья, ловит глаза Степановы.

НАСТАСЬЯ. Ну и как, Степа?

СТЕПАН РАЗИН. Сама видишь: весь табор тут. Разбиты мы под Симбирском, скоро сюда нагрянут. Войска регулярные, с пушками.

НАСТАСЬЯ. И куда же мы?

СТЕПАН РАЗИН. В понизовье подаваться, собирать силы. Богатеям кланяться, за оружием сбегать к персам.

НАСТАСЬЯ. Золота много-о-ого нужно.

СТЕПАН РАЗИН. Родным твоим бить челом.

НАСТАСЬЯ (*решительно*). Не дадут.

СТЕПАН РАЗИН. Тады вольному Дну хана. После нас и понизовских причешут. Сабли дороги, а свобода дороже.

НАСТАСЬЯ. Вчерась были гости персидские. Говорят, англичане заступили к Каспию...

СТЕПАН РАЗИН. А чего им? Пущай, пошныряют, походят по Персии. Нам Русь-матушка свободы дороже...

Приближаются ватажники, с ними Тамада, Кормчий и другие единобразники Степановы, ватажное атаманство. Образуется свита.

СТЕПАН РАЗИН (*махнув рукой куда-то вперед*). Ну пошли по народу, что ль, братцы? Поглядим на беды народные? Может у кого прибавиться совести, лучше биться будем с этим... как его, с немцем...

КОРМЧИЙ. «Шопенгавром», бать.

СТЕПАН РАЗИН. Ты молчи! Не тебя спрашивают, первым поворотил при сражении (*Настасье*.) Как, милая, немца-то кличут?

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ, С ПРОВИДЧЕСКИМ ДАРОМ. Гитлер! Будет такой хлюст через века. Однозначно. Почти что тут, у волжской тведыни.

СТЕПАН РАЗИН. Не может энтого быть! То монголы, то англичане, теперь немцы... То с Востока, то с Запада... Господи, Боже мой! Помоги нам, сын Божий (*ищет что-то на небе*), Иисус Христос (*крестится на дневную луну*), дай, устоять на ногах православному люду...

НАСТАСЬЯ. Не на то, Атаман, крестисься.

КОРМЧИЙ (*уточняя*). На Солнце надоть.

СТЕПАН РАЗИН. А где солнце-то взять? Одни тучи кругом да палицы-вороны, вещают большую кровь, смертный бой.

ТАМАДА. Ажник сердце чего-то заходится.

СТЕПАН РАЗИН (*грозно*). Не трепещи, баламут! Как водку жрать, так мы первые. А как Родину, детей жен защищать, так у нас в глазах темно – одни черные птицы пред нами мотаются... Идем к старикам, послушаем, что деды нам скажут.

Проходят к телегам с задранными оглоблями. Упершись, старики спинами поднимают возы, смазывают дегтем колеса.

СТЕПАН РАЗИН (*полегшее как, понетревожнее*). И откуда бредем мужики, тащимся на таком «гоп со смыке»?

ДЕДЫ (*важно этак, степенно*). Таких слов, атаман, не знаем. Это уже после нас также слова придуманы.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ, С ПРОВИДЧЕСКИМ ДАРОМ. И даже, мы таких слов не знаем. Это Степан берет взаймы у времени, в нашем будущем.

СТЕПАН РАЗИН (*взвившись орлом*). Видал, миндал! Какой молодец! Значит, будем жить в будущем, а, деды! Ха! Никуда Русь великая наша не денется!

ДЕДЫ. Дык идут, говорят, несметно на нас. Говорят, это вы разбоем своим Русь шатаете, ослабляете.

СТЕПАН РАЗИН. «Прелестные» наши письма читали вам? Там все сказано, правда все. Кто кого грабит.

ДЕДЫ (*в пояс кланяясь Атаману*). Мы неграмотные, ты словечко нам скажи, без бумаги. Но так, чтоб поняли.

КОРМЧИЙ (*вставая*). Проняло, чтобы их. Темноту беспредельную.

СТЕПАН РАЗИН. А ты помолчи. холуй! Обойдусь, не поддакивай! Дай погутарить с народом! Вишь народ говорит, а об чем? Что они обо мне, Атамане-то, думают, так? А об чем я сам думаю, знаете а, деды? О народе, о людях. А вот об чем?

В поле кланяюсь вам, в ножки паду. За волю вашу, за добро народу руцкому своему, на плаху лягу, сам себя изрублю на куски, на кусочки... Я не за себя, а за вас, люди! «Я пришел дать вам волю»... Вон у Настасьюшки спросите, что предвижу, какую смерть лютовую вижу себе за народ, за волю нашу всеобщую... Ладонью Волгу не перечерпать, воли людской не избыть, огнушка нашего хоть с лампадку, хоть с фитилек, а и то, после нас что-то останется.

Вон спросите ее у Настасьюшки-то, она знает, какой лютой смерти предадут меня супостаты за все мое доброе людям...

ДЕДЫ (*падая в ноги Степану*). Атаман! Прости, прости нас, что не так, за все грехи наши грешные, на все поколение наперед всем расскажем, какой ты герой у нас... веди нас, дедов, веди молодых, справедливых... Они как Дон Иваныч наш, Волга – матушка, Русь святая, ты наша могучая, неисчерпаемая...

Так с неутертыми, сырыми глазами и вошел Степан Разин в гущу к казакам, что в стороне ковали коней, сабли точили на супостата этого, на «немца». И откуда хоть царь, тоже ить руцкий, на шею?

АТАМАН (*наконец, утерев левый глаз, зычно*). Казаки! Изопьем судьбу свою, Дону великого?

КАЗАКИ (*как один, подтянувшись*). Изопьем, Атаман. Ищцо не все потеряно. На все века запомним, никому не дадим Русь в обиду!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Спустя несколько месяцев. Действие происходит в понизовье Дона, куда ушел с Жигулей Степан Разин от царева войска со своей малой ватагой. Атаман, взлетев орлом, сызнава в широкой степи.

Сцена первая

А пока это только в мыслях. Неудача затмила Степану глаза, однако надежды не покидают души казака. Растерзанный пораженьем на Волге, но не сломлен – таким Степан Разин с Настасьей и явился сюда, в родные места Настасьи, для пополнения рядов.

Степан Разин, держа коня под уздцы, стоит у криницы – посредине станицы. Раннее утро, заполошно кричат петухи. Степан ждет Настасью. Он послал Настасью домой, узнать, примут ли его Настасьины родичи.

Степан достает полное ведро из колодца, поит своего жеребца.

СТЕПАН (*разговаривая с конем*). Что, дончак, глазом лиловым косишься на саблю? Не успел вырвать меня из сраженья, а уже скучаешь по битвам, уже хоть завтра в бой? Оба с тобой теперь мы холостяки. И где жана с сынком, с Сереней? Настасья пошла в свою хату, дай Бог вернется. А то и оставит нас с тобой на произвол судьбы... навсегда...

Наша ватажка милая в соседнем лесочке, в терновнике, а мы с тобой тута пока, в понизовской станице. У богатеев.

Они нас, верховых не любят. А за что любить-то? Известные нищebroды. За храбрость же казацкую любить, за лихость в бою? Как, бывалыча, турка гонять, дырку на линии грудью закрыть, так нас туда, верховых. А как добычу делить, к начальству притулиться, к крестам, так себе... Понял, конь вороной мой, какова стратегия жизни?

Мимо проходит казачка. Оскалилась на чужого-то мужика.

СТЕПАН. Чего скалишься-то, ай знакомиться хошь?

КАЗАЧКА (*задрон*). А че с тобой знакомиться? Известная личность: Степан-разбойник. Атаман. Про какого песни поют.

СТЕПАН (*излягаясь над собой*). Да ты что? Да откеля ты знаешь? Может, я вовсе и не Степан.

КАЗАЧКА (*передернув плечом*). Степан Разин! Настасьин мужик.

СТЕПАН. Так иди сюда, погутарим, из одного ведра водички попьем.

КАЗАЧКА. Ага. Попьешь с тобой, костей после не соберешь. Глаза Настасья повыдерет, тигра такая.

Появляется Настасья. Идет сюда швыдко, торопится, размахивая казацкой плетью.

НАСТАСЬЯ (*увидев казачку – свою станичную*). Уже прилипла, паскуда! Как увидит атамана, так и зачешется у нее, медом ей мазано.

КАЗАЧКА. Да откуда ж я знаю, что это атаман? Может просто казак... проходящий...

НАСТАСЬЯ. Что – не видно, что ль, по оружию? Глянь, насечка: серебро по черни...

СТЕПАН (*примирительно*). Бес в ребро, Настасья, тебе! Ну чего к подружке-то пристала?

НАСТАСЬЯ (*перекрестившись*). К подружке? Да она у меня еще в девках двоих увела!

СТЕПАН (*взбадривая коня*). Ладно, пошли с глаз, к Дону. Там погутаим.

НАСТАСЬЯ (*оглядываясь*). А энта увидела тебя, сейчас же пойдет по станице. Мол, разбойники объявились, шашки наголо...

СТЕПАН (*глядя по плечу Настасью*). Чего это ты? Ай шлея попала под хвост? Ну чего бесишься... Ну и как там, дома? Отец-мать?

НАСТАСЬЯ. Мать хочь сейчас веди коня твоего на баз, а отец ни в какую. Орет: разбойника в дом родовой не пушу...

СТЕПАН (*сквозь зубы*). Старый хрен, Гармаш этот! И в вагагу ко мне не пошел, даже на персов со всеми идти не покусился... Ну дык что делать, Настасьюшка? Силой ломить? Во лесок, в горы надоть – зиму как-нибудь перебьемся, а там видно будет.

НАСТАСЬЯ. Ну да, во лесок. Дома быть и из дома туда на привязь к тебе? Да на что ж это похоже? Идем, говорю! Тут увидим, что делать, что у нас получается...

Проходят широкой станичной улицей. А дом тут же, недалеко от криницы. Дом как дом, как у всех понизовских, квадратный – окнами на все четыре стороны.

СТЕПАН (*под нос себе*). Ишь, какой! Окна все на четыре стороны божьего света.

НАСТАСЬЯ. Я его шепчешь-то? Не боись, казак, навестри себя мужеством.

У ворот отец с матерью Настасьины. А без улыбок. Держатся за коновязи, охраняют. Положил руку на кол старый Гармаш.

МАТЬ НАСТАСЬИНА (*кланяясь низко, в пояс*). Проходите, мои дорогие, проходите. Проходи, дорогой мой зятек, Степанушка, прямо в светелку... Отойди, старый хрыч. (*На Гармаша.*) Свет не засти, не пересекай путя молодым.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*ворчливо*). Супостат это, государев разбойник... На две жаны живет, а ты, мать, его хлебом-солью встречаешь.

МАТЬ НАСТАСЬИ (*живо сверкнув глазенками*). Да, встречаю! И икону ищщо притащу. Ну я побежала.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Далеко?

МАТЬ НАСТАСЬИНА. Дак за иконой же.

Возвращается мигом. Сует икону старому Гармашу в руки.

МАТЬ. На, отец! Осеняй молодых! Жизнь у них вся впереди, пой им многие лета...

Сцена вторая

В доме старого Гармаша. Степан и Настасья настороженно ступают через порог. Мать Настасьи осеняет закладной иконой. Старый стоит рядом, как истукан.

Садятся за стол. По-православному целуют крест, крестятся на лампадку. Поднимают чару за молодых. Не сразу, но налаживается разговор. Наконец-то и старый обращается к ватажному Атаману.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Ну и как ты, Степан, по Персии-то ходил? Рассказал бы хучь, антересно.

МАТЬ НАСТАСЬИ. Ты бы сидел бы, старый хрен, успокойся.

СТЕПАН (*врастяг, применительно к обстановке*). Да ладно. Расскажу, раз ему антересно... А чего сам-то не ходил ни разу? А за счет чего домину взгрохал?

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*показывая ладони*). Вот, за счет этих рук.

СТЕПАН. А че мы одни? А где все, остальные?

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Остальных у нас нет, все первые.

МАТЬ НАСТАСЬИ. Дочерьми богаты мы, сестрами вот ее. (*Указывая на дочь сидящую слева от Степана.*)

СТЕПАН. Ну, и где они?

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*переглянувшись с женой*). Табун угнали тут...

СТЕПАН (*аж привстав*). Кто?!

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Да с Кавказа. Вот они и погнались за теми.

НАСТАСЬЯ (*тоже привстав*). Кто? Мужья, мужики.

МАТЬ НАСТАСЬИНА. А то кто ж, казаки. А казачки – сестры твои – за ними. Увязались, куда ж тебе. Тоже сабелькой помахать.

СТЕПАН (*глядя со значеньем на Настасью*). Ну семейка!

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*подливая Степану*). Все ж таки расскажи сказки, как ходил по Персиде, по персам.

СТЕПАН (*раздумчиво*). По персам-то? Там камней дюже много...

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Одни говорят, пора собирать камни, другие – пора раздавать. Кому, антересно, верить?

СТЕПАН (*кладя резко ладонь на стол*). Верь себе! Да жане своей. Да в Иисуса Христа...

МАТЬ НАСТАСЬИНА. Да в царя-батюшку.

Степан молчит. Старый Гармаш впился глазами в ватажного Атамана.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*тоже плоско кладя ладонь на стол*). И в царя-батюшку, да, слава Богу не нехристи, православные мы, слава Богу...

СТЕПАН (*наконец из себя, через силу*). Да, да, и в царя-батюшку, а не в слуг царевых...

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*удовлетворенно*). Ну дык энто... про Персию-то что расскажешь? А что утаишь?

НАСТАСЬЯ (*с готовностью*). У него во душа – нараспашку, казацкая.

СТЕПАН (*крутнув головой*). Руцкая, мать человеческая!

Обернувшись к старому Гармашу.

Ну а что ты, отец, знаешь, про Персию?

Старый Гармаш, не ожидая такого, однако готов говорить.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Был один тут у нас недавно из Персии...

СТЕПАН (*резко, глядя на Настасью*). Англичанин, что ль?
СТАРЫЙ ГАРМАШ. А откедова знаешь?

СТЕПАН. Да земля слухом полнится.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Ну да, англичанин. Дрейко-пират, называется, так сам про себя сказал. Я, говорит, Дрейко, путешествую по всему миру под черными хоругвями с костями крест на крест!

СТЕПАН (*сдвинув брови*). Ну и что он про Персию пер?

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Да он не про Персию, а про Англию, про моря-окияны. Пират ведь, тоже разбойник. Но не речной, а морской, окиянский. Потопил стругов столько – говорить уморишься, не пересчитать, особо энтих, что с золотом... испанских... сколько на дно было пущено...

СТЕПАН. Во дураки! С золотом и на дно.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Да, с золотом и на дно. Стало быть, не дураки, что пирату этому, Дрейкову, королева ихняя, английская, за то Орден в виде подвязки своей отдала.

МАТЬ НАСТАСЬИ (*косясь на Степана*). А у нас за такие дела голову рубят.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Да, и глазом не моргнут. Ну так что там?.. Как казаки ходили по Персии?

СТЕПАН (*задумавшись*). Фортуна, значит, такая, Хемида называется! Один челобитчик сказал, дюже грамотный, даже в Царьграде бывал... Скажу так (*рубанул Степан по столу*): кабы не мы, казаки, так персы уж были бы тута, скрозь бы гуляли. Казаки держат Каспий, море Хвалынское вот где... в жмене этой...

Ватажный Атаман разжимает ладонь и берется за стопку. какую поменьше, потом даже за бабскую рюмку.

Нам, ватажным, в змии энтот забываться нельзя, дюже это смертельно. По грани ходим, такие дела.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*сочувственно как бы*). Да. такие дела... Ну и как это, про камни-то про персидские, расскажи.

НАСТАСЬЯ (*засмеявшись*). Да не про те, отец, камни-то, про какие ты думаешь? Не по каким ходят, переступают через какие, о какие кони-то засекаются, а какие на пальцах бываю-ют или на шее носят... Алмазы, сапфиры, аметисты... Слыхал такие? «Не счесть алмазов в каменных пещерах». За один ка-мень станицу всю можно выменять...

СТЕПАН (*иронично*). Да еще и на штофчик останется.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*обидясь вдруг вскакивает да за грудки Степана*). Нет, станичники наши не покупаются, не продаются.

Настасья стеной встает между ними. Пауза.

Сцена третья

Те же, там же. Застолье.

СТЕПАН (*Гармашу продолжая*). А за что – за так служат? За так и волдырь не вскочит.

НАСТАСЬЯ. Да это он не про нас, про станичников. Это он про скот наш, какой Кавказ за так у нас каждый раз угоня-ют. Да, Степан? Ты про камни такие?

СТЕПАН. Я про головы собачьи, по каким походили мы там, в энтой Персии.

НАСТАСЬЯ (*задорно*). И на баб не глядели?

СТЕПАН. Их укрыли, им лицо завесили тряпкой. Про-резь только для глаз им исделали...

НАСТАСЬЯ (*вставляя словцо*). Это, чтоб на чужих му-жиков не пялиться.

СТЕПАН. А ведь были открыты ранее лица-то. Дюже от-крыты. Вот такие вирши там слышал. Один грамотей перевел с их персидского нам на руцкий. Дюже нравятся. Об чем не-понятно, но самое интересное я запомнил. Послушайте. Уж не диво ли – Степан Разин Хафиза читает.

Вот, **Трактирная песня**
«Падет ли взор чей гордый,
На голову во прахе,
В трактире на пороге
Лежу я – пьян – на плахе.

Не троньте, – вас прошу я, –
То голова Хафиза.
Богов не поношу я,
Собаками облизан.
Смотрите же, Хафиз лежит!
Не наноси ему обид,
Восторженный пиит!

Не зная меры,
Пил он, пил.
Все существо его из пыли
Трактирных ужасов и былей
И состоит, когда стоит.
Всемилосердный дал тот вид,
А он ведь знает, что творит.

Прохожий, стой, остановись!
Подумай и про это.
Со снисхождением глядя вниз:
Ведь это тут твой брат лежит,
Бедняга-старец, тень поэта,
А мог, состарясь, и ты,
Упав, лежать с Хафизом где-то».

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*едва дослушав*). Ничего себе! Этот Хафиз, эти, как их... хафизы! Не казаки! Они хоть саблю в руках-то держали?

СТЕПАН (*еще под впечатленьем*). А зачем? Их оружие – вирши. Услышав Хафиза, мы не пошли на город, Шираз остался Ширазом.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. А камни? Так были ль в Ширазе
камни ихние, самоцветы?

СТЕПАН. Конечно. Перлы, называются. Вот такие.

«Предав себя судьбе неприхотливой,

Душа моя жила, цвела, любила.

Но твой, о Солнце, пламень вдруг пришел –

Испепелил живое, горы, дол.

И вот смотри, что пепел произвел.

Гордись, казак, высокою породой!

Орел летит, он – гений, он – орел.

Взлетает ввысь – дышать Сободей!»

Видал миндал?

И, наклоняясь, при матери и отце тут, Степан Разин прямо в губы взасос, безмерно долгим, беспощадно жарким своим поцелуем целует откинувшуюся назад любовницу и сподвижницу свою тоже казачку донскую Настасью.

За воротами заржали кони, загремели сбруей. Казаки, приглушенные голоса. Мать Настасьина тут же метнулась во двор. Глядя краем глаза в окно, Степан видел, как она подбежала к конному в башлыке. Наклонясь, казак слушал нетерпеливо, конь всхрапывал, переступал. Затем казак махнул плетью вперед, и казаки рванулись за ним и исчезли.

Входит мать Настасьи. Молча садится к столу.

СТЕПАН РАЗИН (*сдвигая брови*). Что за люди?

МАТЬ НАСТАСЬИ. Да так. Свои.

СТЕПАН (*допытываясь*). Кто свои?

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*вступая*). Да зятя, зятя наши. Да, мать?

МАТЬ НАСТАСЬИ (*глядя строго на дочь*). Ну да. Табун, говорят еще пока не угнали, по балкам тут где-то крутят. Помчались искать.

НАСТАСЬЯ (*настороженно*). А где жены – в пушки заряжены? Сестры мои преподобные.

МАТЬ НАСТАСЬИНА. А нигде. По домам, говорят, разбежались. Че им тут по балкам гонять?

Степан, внимательно наблюдая за ходом разговора, круто переменившем настроенье застолья, переменился в лице, стал набираться, чтобы уйти.

МАТЬ НАСТАСЬИНА (*запричитав, заохав*). О, Господи, Господи – Боже мой! Да куда же ты, мой затек дорогой, мой гостечек? Да я уже вам постельку разобрала, приготовила. С дороги-то чай устали, растряслись на конях. Передохните хоть ночку-то, а там и по делам своим, кому куда надо... А мы со старым вас покараулим, приглядим за погодой...

СТЕПАН РАЗИН (*затягивая потуже ремень*). За какой погодой-то? Чего на нее глядеть? Раздождится – не остановите. А нам с Настасьей обратно на Волгу надоть.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*насторожно*). Это зачем же?

СТЕПАН. За камнями.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. За какими?

СТЕПАН. Какие на шею вешают. Да в Волгу... только крути...

МАТЬ НАСТАСЬИНА. О Господи – Боже мой! Вот жизнь мародерская... Одни камни носят, друже – просят, третьи – сами забирают... Сметанки казацкой возьмите, ситнички... Настасья. Анастасия! В погребе, что под овином, ты знаешь где... где и обычно...

НАСТАСЬЯ (*переодеваясь опять по-походному*). Да знаю, знаю, мама! А рыбы вяленой нет?

МАТЬ НАСТАСЬИ. И рыба тама. И мяса вчерась наварила. Берите в переметные сумки поболее. Чтобы хватило...

Прощались. Вышли во двор. Старый Гармаш держал уж коней под уздцы. Так под уздцы Степан с Настасьей их и повели в ворота, и пошли они по широкой станичной улице, к коновязи.

СТЕПАН (*приостановясь, словно зверь какой-то, озираясь*). Ну и что – видал миндал?

НАСТАСЬЯ (*замерев*). Кто тебе это сказал?

СТЕПАН. А никто ничего... сама видишь... какой табун ищут... скоро их будет тут тыща...

НАСТАСЬЯ, И куда ж мы теперча?

СТЕПАН. К вагажке своей и назад на Волгу. Так-то вернее.

Сцена четвертая

Сухая балка в терновнике. Где-то поблизости лес – крупняк, Дон. Степан с Настасьей лежат на траве, тут же пасутся кони.

НАСТАСЬЯ (*покусывая травинку, Степану*). Ты и вагажников торонишься? Пуглив дюже.

СТЕПАН. Я вот чем... ноздрями... чую ее.

НАСТАСЬЯ. Кого?

СТЕПАН. А опасность. Смерти я не боюсь, смерть всю жизнь за мной по пятам. Боюсь, дело наше с тобой опорочить.

НАСТАСЬЯ. Какое дело?

СТЕПАН (*крыто вздохнув*). Эх, Настасьюшка, Настасьюшка! Любота ты моя безнадежная... нету счастья нам с тобой, Настя... Да воли же, воли мы дали людям вдохнуть. Теперь их не остановишь. Они на нас с тобою глядят, на красоту души нашей, нас в пример берут себе... Вот и боюсь в лапы попасть им, себя опорочить...

НАСТАСЬЯ (*дрожа всем телом*). Лучше уж сразу в Волгу.

СТЕПАН. За Сереню боюсь. Искать будут Сереню, а через него и меня.

НАСТАСЬЯ. Мне, что ли, ехать за ним?

СТЕПАН. А куда его – в Персию? Надо пока погодить, отсидеться надо, а там видно будет. Не те еще вихри грянут, пойдут по Руси, сметут все и перемешают... «Эх, я полюбил тебя на Волге. И билось сердце трепетно в груди».

(*Обнимая Настасью.*)

Любимая, хорошая моя, верная!

Я буду любить тебя всю свою жизнь.

Настасья, глядя в глаза ему, в степь, замирает.
Появляются ватажники Степановы, тоже из донских казаков,
только верхних.

СТЕПАН (*кладя перед ними переметные сумки*). Вот, берите. (*Кивнув на Настасью*.) От матери ее. еда знатная, как для Махмуда персидского...

Ватажники жадно едят приготовленное Настасьиной матерью, запивают ключевой водой.

СТЕПАН (*сделав паузу*). Так, казаки, так. А теперь скажите мне, как на духу: вы табун из станицы угнали? А то, может, не вы, а? Говорите.

КАЗАКИ (*хором*). Какой табун? Какая станица? Да вы что?

СТЕПАН. Ну, хорошо. Вы тут посидите, погутарьте, а мы пока погуляем. Придем – скажете. Все серьезно обсудим... А Кривой где? Дружок мой? Не вижу.

КОРМЧИЙ. С табуном.

Все так со смеху и падают.

СТЕПАН (*усмехнувшись*). Ну вот, сколько раз говорить: не бреши атаману, язык крюком сведет... Что ж вы, братцы, позорите-то меня, Атамана, героя, человека из песни...

КОРМЧИЙ. Из какой?

СТЕПАН. Ну этой... как ее...

Выплывают расписные

Стеньки Разина челны.

КОРМЧИЙ (*подхватывая*). Ну да!

Впереди сидит сам Разин...

И веселый, и хмельной...

ВАТАЖНИКИ. Вы потише, потише. Кони испужаются – понесут.

СТЕПАН. Вот кого (*показывая на Настасью*) вы перед семьей опозорили, перед матерью с отцом, поняли, разбойнички?

БАТАЖНИКИ. Мы не разбойники, бать. Мы за волю – правое дело. Кони-то нам для чего?

СТЕПАН (*уже более миролюбиво*). Видал миндал? Ну да, они не разбойники. Ну тогда так: угнали табун – для чего?

Подходит Тамада, он же Казначей.

СТЕПАН (*удивясь*). И ты тут? Пить нечего, казны никакой, а он ничей: то Тамада, то Казначей. На двух конях сразу.

ТАМАДА Это как вlepили, так и несу... А сам-то тоже на двух кобылицах-то, да?

НАСТАСЬЯ (*вспыхнув*). Как врежу промеж глаз вот... этой пикой, узнаешь. кто такой был...

ТАМАДА. Ну и кто?

НАСТАСЬЯ. Циклон одноглазый, такая зараза!

КОРМЧИЙ. Бать, откуда она про циклопов-то знает?

НАСТАСЬЯ. В Тьмутаракани училась, у греков.

СТЕПАН (*смеясь откровенно*). Видал миндал? Это тебе не в Персии, двух слов по-русски связать не могут. Да, да – Тамада? Тамма, тама, тама – да!

ТАМАДА-КАЗНАЧЕЙ и КОРМЧИЙ (*оба сразу*). А теперь, бать, серьезно, совсем сурьезно... Это мы первый табун угнали, мы еще парочку приглядели. Хотим войско воссоздать, хотя б небольшое, чтоб на Волгу вернуться и все по-новой... поднять и зажечь... как без коней-то, а, бать? А золотишко, фьютъ-фьютъ, просвистели. Ньне конь-то казацкий дорог, годами холим, готовим под казака...

СТЕПАН (*перебив их*). Вот и сами сказали. Годы холит казак коня, а вы хоп, взяли и увели. Не хуже как у крестьянина хлебушек забирают. Пахал человек, сеял, жал ржицу, а и айда. Как после того относиться к власти?.. Так и с конем. Куда, под какие хоругви после того они пойдут к Атаману, соображаете? Так, Настюша?

НАСТАСЬЯ. А то как же. Ищцо как пойдут, если приспичит. Когда тот же хлеб заберут, того же коня уведут, дочь опозорят, так, казаки?

ВАТАЖНИКИ. Так-то как же. Всегда так. Было и будет, бать.

НАСТАСЬЯ. Слышал: было и будет. Однозначно.

СТЕПАН (*повеселев*). Ну вы мне мозги-то почистили! Что – тоже в Тьмутаракани у греков учились? Ай у своих, доморощенных?

ТАМАДА с КОРМЧИМ (*оба сразу*). Нам офицеры нужны. Чтоб как в царском войске. Пушки-то кирпичом чтоб не чистили. Чтобы, отняв единорог, могли бы не только стрелять, но и попадать.

СТЕПАН. Так в Мсокву казаков надо посылать на обучение в Царьграде. Вот войско тады будет как войско, а не ватаги разбойничьи, поняли или нет?

НАСТАСЬЯ. А где деньги брать? Ить если не свой бы конь, так и до Воронежа не доедешь. Деньги что воробьи. Грабить – большие, а тратить – ма-а-аленькие. Однозначно.

СТЕПАН. Вот что! Надобно насторожиться, быть начеку. Чую нас уже ищут. Дозоры выставить, спать одним глазом, а другим туды-сюды рыскать. На днях уходим куда подале, но своих людей оставляем. Сгодятся, с судьбой еще придется встретиться.

Сцена пятая

Несколько дней спустя. Центр все той же станицы нижнего Дона, у коновязи. К столбу звонкой цепью прикован Степан Разин. Вокруг атамана охрана из местных пеших и конных казаков. Все ждуд царского воеводу с отрядом и железной клеткой, чтобы отправить разбойника в Москву.

Избитый и окровавленный – Атман, как собака, валяется у столба. На станичную площадь уже стянулась толпа, а люди все подходят, собираются, подъезжают.

Развязной походкой казак из охраны подходит к атаману, пинает его ногой. Степан поднимает голову, встает пошатываясь, опирается грудью на окровавленный столб. Руки и ноги его в кандалах.

СТЕПАН РАЗИН (*поднимая кандалы над собой*). Сними, говорю, железа, хрен моржовый!

КАЗАК ИЗ ОХРАНЫ (*продолжая лускать семечки*). Молчи, сука! Пока я добрый. Тебе уже яму копают.

СТЕПАН. Знаешь, кто я? Донской атаман.

КАЗАК ИЗ ОХРАНЫ (*презрительно*). Ты? Атаман?

СТЕПАН. Степан Разин. Слышал про такого?

КАЗАК ИЗ ОХРАНЫ. Конокрад – вот ты кто! Табуны с наших станиц уводишь. Таких в яму у нас, и баста!

СТЕПАН РАЗИН (*обращаясь к толпе*). Слышите меня, люди?! Эти бандиты, пока я спал в леваде, утомленный, схватили меня, со всеми моими походами, былыми ранами. Они тайно, ночью схватили меня, вашего Атамана, защитника бедного люда, истинного сына святой Руси, православного и держат тут на цепи, как собаку...

Как на персов идти, так они врассыпную, кто куда. Храбрецы какие! А ты, Степан, иди, заслоняй грудью Дон великий, детей наших, баб, стариков. Помню, помню тебя, бандитская рожка! Как ты первый бежал от персов и увел за собой сотню...

КАЗАК ИЗ ОХРАНЫ. Врет, лиходей! Братцы! Не ходил я на перса. По Кавказу крутил, а перса и в глаза-то не бачил. Брешет он, братцы!..

СТЕПАН РАЗИН. Люди служивые, казаки, слушайте меня, вашего Атамана! Верхушка станичная сговор с царевым воеводой имеет. Деньги за меня, я знаю, уже получили – золотом и ассигнациями. Вон они в сторонке, вроде бы не при чем... Воеводу ждут, чтобы в Москву везти меня, в клетке железной, как какого-нибудь зверя... Не меня – Волгу-матушку бесчестят. Про меня на Волге песни поются...

Развязно этак, поближе сюда, придвигается верхушка станичная.

ГОЛОСА ОТ НИХ. Ну и что? Пусть на Волге поют, а на Дону у нас ты бандит, конокрад. А знаешь, что у нас с конокрадами делают? В яму и амба.

СТЕПАН РАЗИН. Я казак-то донской, по Дону гулял, по Дону Иванычу, заслонял и вас, ваши семьи от супостатов цар-

ских и иных степных обидчиков да налетчиков с гор и Востока...

Позовите Настасью, она ваша, тутошняя, тоже станичная, она вам скажет, кто я такой.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Да в холодной она, не пушают.

СТЕПАН (*аж взвившись, как жеребец*). Видал миндал! С бабой воют! Такая баба – справедливая, сильная, бояться – саблей по башке полоснет.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Ну, ничего вы, казаки, в самом деле? Атаман ить. Попить хучь бы дали, колоды бы сняли. Слово бы дали молвить оправдаться.

СТЕПАН (*кулаком станишной верхушке*). Видали, народу сколько? Дождетесь, они вам покажут еще... за раны мои, за бесчестие мое руцкое, человецкое, за брехню вашу... за лихую мою долю казацкую... Не просился я в атаманы. сами выбирали и на Волге, и на Дону... на том и на энтот Калаче, Ейске и Новочеркасске... по многим станицам тогда провезли...

ГОЛОСА ИЗ ВЕРХУШКИ. Ну вот, провезут и таперча – в железной клетке-то по всему Дону великому, по святой Руси... эту тигру злобную. Конокрады, табунами коней угонять целыми табунами, и что же – терпи?.. Это вон гольтьбе все равно, им терпеть-то нечего, простым казакам, холостякам. Окромя коня для конного строю и нет ничего. добра-то не накопили А нам есть, что терять... табунами уводят – тьфу нехристь!..

И еще голосок из верхушки станичной раздался.

ГОЛОСОК ПОДЛИПАЛЫ (*из-за спины*). Плеть надоть к столу положить. Пуцай казаки секут, такого не жалко. И себя покажут, и ему докажут. А мы тады поглядим -- сымать цепь с него ай не сымать? Пуцай! Может, так останется? Пока царев слуга – воевода не подоспеет к нам сюда, говорят, со своей железной клеткой.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Сам положи плетку перед столбом, сам и ударь.

От станичной верхушки отделяется плюгавый такой человек, морда вся в лишаях. Подходит к железному столбу с плеткой.

Степан через силу встает на ноги во весь рост. Поднялся да как харкнет ему прямо в рожу пополам с кровью. Подымает руки в железах над собой да как хряснет ему по башке, по лишаям-то его.

СТЕПАН РАЗИН (*откинув его ногой из-под себя*). Ваш человек, забирайте.

Утром следующего дня, тут же. Вырвавшись из холодной, Настасья, запалась, бежит на станичную площадь. Бросается прямо к Степану, целует Степановы ноги. Замечает плеть у столба.

НАСТАСЬЯ (*замерев*). Ну?! Поднял руку кто-нибудь на тебя, Степушка?

СТЕПАН РАЗИН. Да ты что! Да кто же на меня, атамана, покусится-то может, на ближнего человека.

Сцена шестая

Там же, в центре понизовской станицы, на площади, у коновязи. Степан Разин прикован к столбу. Тут же при нем и охрана из нескольких казаков. Пьют прямо из штофа. Чуть закусывая лопухом.

СТЕПАН РАЗИН (*охране*). Не берет вас, казаки, ни хмель, ни стыдоба – своего, донского казака, как собаку, на цепь посадили, Атамана.

Вишь (*показывая на плеть*), в бездействии лежит, ищщо никто и не подошел не притронулся, хуть бы вы, братцы, по разочку вдарили, что ли?

КАЗАКИ. Мы на страже. Как поставили, так и стоим. Для порядка. Атаман чай, сам знаешь – дисциплина!

СТЕПАН РАЗИН (*глядя на небо перед собой*). Вон Орел крутит, ходит кругами надо мной. Печень будет клевать, что ли?

СТРАЖНИК, СТАРЫЙ КАЗАК. Смерть чует. Вон и черные птицы на ветлах. Энти завсегда так, сам знаешь. Вороны,

бывало, по степи полки ищщо только идут, собираются, а они уже тут. Сидят черным по белому, расселись по ковылю.

СТЕПАН РАЗИН. Косточки чловецкие чистить.

СТРАЖНИК (*Степану*). Ссадить, что ли? (*Показывая на орла.*) Из ружжа жахнуть.

СТЕПАН РАЗИН. Пушай летает по мою душу, душегуб... (*Запевая легонько.*)

Эх да, ты добычи не дожدهшьси-и-и,
Черный ворон, я не твой.

СТАРЫЙ КАЗАК (*равнодушно*). Это почему же так? Не дожدهшьса...

МОЛОДОЙ КАЗАК, ТОЖЕ ИЗ СТРАЖНИКОВ. Это почему же так, дядя? Почему ен не дождетса-то?

СТЕПАН РАЗИН (*разжимая зубы*). А не туточки будут меня казнить-то, в Москву увезут, на погляд всему руцкому народу.

СТАРЫЙ КАЗАК (*оживясь*). Ну и чему, дура, радуешься?

СТЕПАН РАЗИН (*подымая цепи над головой*). А Русь пушай все увидит! Как казнят атамана, бесчестят донского казака! И запоют про меня песни не только по Волге – по всей Руси-матушке... и будут петь, пока жив руцкий народ... про любовь будут петь, про меня и Настасью...

СТАРЫЙ КАЗАК. Про конопрядов песни другие.

СТЕПАН РАЗИН (*стражникам*). А вы, лиходеи, сгниете. Ни сказок про вас не расскажут, ни песен про вас не споют... Настасью, ко мне допустите.

СТАРЫЙ КАЗАК (*молодому*). Поди, сбегай домой к ним. Скажи стране той, мол, пушай из погреба ее выпускают. Будет ходить сюда к столбу, пожрать носить Атаману, а то не кормясь еще и помрет... Мы, стражники, не супротив... так и скажи им там: стража станичная, мол, не супротив... Валяй, лётю туда, молодой.

СТЕПАН РАЗИН. На каком примере учите, а? До небес орленок такой не подыметса. Ищщо в молодости крылышки примахаются, сабля зазубритса, конь засечетса...

СТАРЫЙ КАЗАК (*на Степана*). Ладно, казак, молчи. Участь неси достойно! Перед каждым не изгаляйся, атаман, звание не низь, не опускай!

СТЕПАН РАЗИН (*тряхнув цепью*). Да я и перед царем не унижусь. Только вот Богу кланяюсь, челом бью перед Иисусом Христом. (*Крестится, кланяется до земли.*) Прости меня, господи, Боже мой, перед тобою я чист...

Появляется Наталья. Бежит, запаленная, по станичной площади.

СТАРЫЙ СТРАЖНИК. Тащит чего-то, небось, хлеба ковригу да кубан молока.

Подбегает Настасья, сперва кидается на шею к Степану, а уж потом ставит перед станичниками штоф с зеленым вином.

СТРАЖНИК (*глядя сквозь штоф на солнце*). Нам энтó дело нельзя, не положено. У нас, понизовских, строго. (*Степану.*) Это тебе не на Волге, тут у нас войско казацкое – Кавказ рядом, не дреми.

Степан Разин на пустыне штофы, раскиданные по траве.

СТАРЫЙ КАЗАК. Страже можно. Чтобы глаз не замылился. Еще пуше будет глядеться Орел в небеси... Ишь, летает! Счас я его ссажу... жажнут из ружжа...

МОЛОДОЙ КАЗАК (*хватаясь за ствол*). Не надо, дед! Нахай полетает!

СТАРЫЙ КАЗАК (*ворчливо*). Нехай! Слово-то какое – как у москалей. Иде только взял?

СТЕПАН РАЗИН. Из Персии казаки принесли.

МОЛОДОЙ КАЗАК (*живо*). А какое же наше слово-то?

СТАРЫЙ КАЗАК (*вразумительно*). Наше? «Пушай!» Вот наше слово донское, казацкое.

СТЕПАН РАЗИН (*встревая*). Рущкое, человекское.

МОЛОДОЙ КАЗАК (*рассмеявшись*). И то, и то хорошо – не персидское.

А Настасья стоит перед Степаном, вроде слушает казаков и не слушает. Достала ведро из криницы, поит Степана холодной водой, омывает ладонью лицо.

НАСТАСЬЯ (*спохватываясь*). Ну я побежала.

СТЕПАН. Куда?

НАСТАСЬЯ. Корову доить.

СТЕПАН. Что – вчерашнего нету?

НАСТАСЬЯ. Надо паренького. Для здоровья, полезно.

Настасья уходит. Старый казак задумчиво смотрит вслед.

СТАРЫЙ КАЗАК (*Степану*). Оно тебе понадобится, понял? Так думаю. Здоровье-то.

Стайкой бегут с околицы ребятишки.
Кричат: «Едут, едут!».

СТАРЫЙ КАЗАК. Кто едет?

РЯБЯТИШКИ. Москали! Конвойные с железной клеткой.

СТАРЫЙ КАЗАК (*облегченно вздохнув, своим стражникам*). Братцы! Стало быть, наша работка закончена. Сдаем его в царские руки, пушай сами теперь охраняют.

На станичную площадь въезжают конные – Воевода с конвоем, с железной клеткой.

Сцена седьмая

Все там же, на станичной площади, у позорного столба. Степан Разин закован в колоды. Из Москвы прибыл конвой с Воеводой. Привезли железную клетку.

ВОЕВОДА (*страже казачьей*). Ну вот и переходим к царской системе охраны.

СТАРШИЙ СТРАЖНИК ИЗ КАЗАКОВ (*кланяясь Воеводе*). А мы сдаем все в целости и сохранности – вам, господин хорунжий.

ВОЕВОДА (*строго*). Какой я тебе «хорунжий»?

СТАРЫЙ КАЗАК. А кто же?

ВОЕВОДА. Полковник.

СТАРЫЙ КАЗАК (*оборотясь к своим*). Видал миндал? Не могли прислать генерала.

ВОЕВОДА. Почему это генерала?

СТАРЫЙ КАЗАК. А потому что Степан Разин – атаман, соответствует генерал-полковнику войска донского.

ВОЕВОДА (*махнув солдатам*). И этого... в кандалы! Что-бы знал, как брехать-то на царского слугу.

ТОЛПА (*возмущенно, вразброд голоса*). Да вы что, слуги царские! Это же кавалер... донской казак... на нем пол Дона держится...

ВОЕВОДА (*махнув старому казаку*). Ладно, отменяю приказ, вали домой, дед. Пока я добрый. (*Молодому казаку*.) А ты чего тут фыркаешь! Тоже в клетку захотел?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. И его нельзя голыми пучками, и ен герой. За Кавказ в том годе ходил, устрашал, чтобы скот у нас не угоняли...

ВОЕВОДА. Ну и что ж что герой!

ДРУГОЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Да ен слово такое знает. Особое.

ВОЕВОДА (*молодому казаку*). И какое же? Говори.

МОЛОДОЙ КАЗАК (*показывая пальцем*). Два слова знаю, два (*на Степана Разина*) за него и за себя.

ВОЕВОДА (*иронично*). Ну какие?

МОЛОДОЙ КАЗАК. «Пущай» и «нехай».

ВОЕВОДА (*уже веселясь*). Это что же: было «авось», «небось» да «как-нибудь», а теперь еще «пущай», и «нехай». (*Оборотясь к Разину*.) И какое твое?

СТЕПАН РАЗИН. Не мое, а руцкое, человечекое – «пущай»!

ВОЕВОДА (*молодому казаку*). Ну и как, к примеру, понимаешь его, это слово?

МОЛОДОЙ КАЗАК (*запнувшись, однако решительно*). Колоды сними с него. (*На Степана Разина.*) И на волю «пушай»! «Пушай» летит Орел!

ВОЕВОДА (*рассмеявшись*). Ишь, какие! Распустились на Волге тут, у себя на Дону! «Нехай» посидит ваш генерал-полковник войска казачьего. (*Конвойным солдатам.*) В клетку его, цепь не снимать. Мы верные слуги должны доставиться царю его в целости и сохранности. Где урядник? Урядника сюда ко мне!

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. По грибы пошел, пошли по левадам.

ВОЕВОДА (*смекая*). А-а, грибы? Гробы?.. Значит, власть держит. Тогда с ним потом. Казаки! Разбирай солдат по куреям, на постой берите. Передохнем тут с дороги, подкормим вашего «генерала», чтоб не подох в дороге.. и айда, на Москву...

Обратив внимание на Настасью, сидящую на земле у столба, рядом со Степаном.

ВОЕВОДА. Это кто тут? Кто тут занял позиции?

СТАРЫЙ КАЗАК. Да енто... своя, станичная... кормит его. (*Показывая на Степана Разина.*) Чтобы раньше срока... не того...

ВОЕВОДА (*весело*). Ну «пушай» кормит. (*Оборотясь к конвойным своим, солдатам.*) Стойте, ребятки, тут! Пускай посидит на цепи...

КОНВОЙНЫЕ. «Нехай» кормить. Мы не супротив. Человек все же... Ручкой...

ВОЕВОДА (*строго*). Ручкий?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ (*похожий на Тамаду-Казначея*). Ручкой!.. Ну енто, предвижу. будет опосля, в другом веке...

ВОЕВОДА (*сдвинув брови*). И кто это сказал! Как это в другом веке? (*Солдатам.*) Без нашего догляду никого, кро-

ме этой бабенки... ни в какой другой век не допускать! У нас строго. Чего глаза лупите? Всем понятно?

КОНВОЙНЫЕ СОЛДАТЫ (*слегка расслабься перед толпой*). «Нехай» посидит без колод... колодник энтот... Из клетки железной еще никто не убег...

ВОЕВОДА (*кулаком*). Смотрите у меня! В три горла не жрите тут? А я тоже пошел – грибы собирать.

Ночью по станице пошли пожары. Правда, не все подряд куреня горели, но урядников курень сгорел, да еще три-четыре. Все зятья сгорели у старого Гармаша. Потянулись погоревшие семьями с оставшимся скарбом к отцу-матери, а к кому же еще?

Настасья встречала всех, привечала. Ухлопотавшись, сбежала на площадь, покормила Степана. А уж после мать свою увела за овин. С глаз долой, чтобы высказать все, погутарить.

НАСТАСЬЯ (*покусывая черемушинку*). Слышь, мать? Погорельцы-то наши не зря погорели.

МАТЬ НАСТАСЬИНЫ (*насторожась*). А чего?

НАСТАСЬЯ. За свои дела.

МАТЬ НАСТАСЬИНА (*оглядчиво*). За Степана, да, дочка?

НАСТАСЬЯ. А за что ж. Ни грозы, ни молнии, а погорели.

МАТЬ НАСТАСЬИ. Гляди, сестрам-то не скажи. А то они его и в клетке ухондокают. Конвойные не устерегут.

НАСТАСЬЯ. Завтра с левады люди придут... пусть побудут у нас в овине до ночи...

МАТЬ НАСТАСЬИНА (*живо смекая*). Что – отбить хотят?

НАСТАСЬЯ. Кого?

МАТЬ НАСТАСЬИ. Пушай побудут, овин не закрою.

Целый день Настасья прокрутилась за садом: закроет мать или не закроет овин? Закрыла. С сумерками вышла Настасья к ближней балке и стала дожидаться, как смеркается. Заскрипели колеса. Настасья вытянулась в струну, как кошка. Шел конвой с Воеводой в середине конвоя, в железной клетке, на огромной телеге, увозили Степана Разина.

НАСТАСЬЯ (*аж привстав*). От греха подальше, в другую станицу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В пути царский конвой. В середке телега с железной клеткой – Степан Разин. Про него тут уж песни поют, пока движется по верхнему, Тихому Дону по направлению к Воронежу, а дальше – к Москве.

Сцена первая

Воевода спешился. Идет за телегой. Заговаривает со Степаном. Степан Разин молчит. С другого боку железной клетки шагает Настасья – любовь Степана, сподвижница верная.

ВОЕВОДА (*Степану Разину*). Что – присмирел, Атаман, как по верхнему Тихому Дону пошли? Сразу язык прикусил. К Москве-то все ближе, к царю-батюшке.

СТЕПАН (*разжимает зубы, сперва в сторону*). Нам терять нечего, чего нам терять? (*Потом вслух, воеводе.*) Наоборот, от сердца отлегло. Места потянулись – свои, намоленные.

ВОЕВОДА. Думаешь, выручат? Нет, разбойничек, ничего не получится. И справа, слева, и сзади, спереди – всюду оборона, отряды охранные держатся. Не подступись! Хоть ты весь Дон подымай! Да еще впридачу матушку Волгу! Не выручат тебя, злодея, не думай, ни отряды твои ватажные, ни зипуны сермяжные... Думаешь, не ведаем, что лазутчики твои тайно шныряют по округе, куда ни ткнись... Специально любовь твою держим, эту – Настасью. Как утку подсадную, манок охотничий, чтоб дурачок какой-либо клюнул...

СТЕПАН (*сквозь зубы*). Нет дурачков у казаков. Или дружки до гроба, или враги.

ВОЕВОДА. И кого больше? Говоришь, полжизни тебе не жалко за них? А они что, может, поднялись всем Доном за тебя, станицами всеми? Не поднялись, не отбили. А что бы,

коли поднялись-то? Донскому казачеству наши отряды, тьфу, раз плюнуть. Растерли бы нас каблуком.

СТЕПАН. Сапог нет, нечем растирать-то Сапоги посыма-ли с нас... Вот и я сижу босиком...

ВОЕВОДА. Ты – разбойник, отгулял свое... в сафьяновых сапогах... Покатился по Волге-матушке, персиянок бросал в набежавшую волну, а теперь вот в железной клетке. Так-то у нас на Руси! Сегодня ты...

СТЕПАН (*подхватывая*). ... воевода...

ВОЕВОДА (*взмахнув плетью*). Ну, ну! Окоротись!

СТЕПАН. ... царь своего народа...

ВОЕВОДА (*перепоясывая Степана через железные прутья*). А завтра что?

СТЕПАН. Завтра? И тебя повезут в железной клетке в Москву.

ВОЕВОДА. Не каркай, ворона! Это почему меня-то хоть повезут, интересно?

СТЕПАН РАЗИН. Интересно? Тогда послухай байку по воеводу. Мозги чистит, кровь холонит... Значит, так. Двинулись донские казаки на Восток, аж к китайцам.

ВОЕВОДА. И туда добрались?

СТЕПАН РАЗИН. Слухай, слухай. За чем? За хорошей жизнью. Прошли они, значит, в Китай. По великому шелковому пути. Стали на постой в станице одной...

ВОЕВОДА. А что у них там тоже станицы?

СТЕПАН. А как же. Где земля, там и станица, ну деревни еще. Однозначно. И говорят донцам-молодцам в ихней китайской станице: «Зачем, ребятки, пришли?» А казаки отвечают «Грابتь вас, деньги нужны». Вот позвали: они мудреца...

ВОЕВОДА. Кто они?

СТЕПАН РАЗИН. Да китайцы же.

ВОЕВОДА. Какого мудреца?

СТЕПАН РАЗИН. Да Конфуция.

ВОЕВОДА. И откуда ты все знаешь, казак? Знаешь-то больше царя.

СТЕПАН РАЗИН (*рассмеявшись*). Видал миндал? В персидских походах всего нахватался...

ВОЕВОДА. Жалко такую башку рубить. Ну давай про Конфуция... Про медведей мы уже слышали. Как они в Пекин руцкие свитки возили. Давай теперь про мудреца, тигра ты полосатая.

СТЕПАН РАЗИН. Про деньги. Про то, что деньги надо не грабители, а зарабатывать. Дали китайцы казакам-то всего на прокорм и говорят: а дальше вон поля, вон мотыга, давай вкальвай. А казаки не знают, что на это сказать. Работать-то не привыкли. Все в боях да в походах. «Силой нас у нас ничего не возьмешь, – говорит им Конфуций, мудрец. – А то как направим туда к вам армаду... по великому шелковому пути... так от вашей Европы одни щепки останутся». – «Во, в самом деле сколько вас? И как же вы только тут уживаетесь? – говорят казаки. – Интересно». Мудрец Конфуций и говорит: «Справедливостью живем, чувством меры, по четырем стихиям: Земля, Вода, Небо и Солнце... Пойдем, говорит, вот в эту деревню». Пришли. Собрание у них. Молят небо дать им дождя. Уж давно не было. Засуха, нечего жрать. Пошептал мудрец – дождь пошел. Обрадовались все – рис будет. А дождь льет и льет. Уже неделю, месяц, полгода. Весь рис и погнил. И давай они проклинать теперь уже Небо, Воду и Дождь... Понял что-нибудь, Воевода? И что тогда сделал этот мудрец?

ВОЕВОДА. Конфуций.

СТЕПАН. А вот что. Привел им тигра и говорит: видал миндал? Полосатый. Белое с рыжим по шкуре. Одна полоска – для солнца, другая – для тени. Чувство меры, называется. Сиди и тигру эту самую с боку на бок переворачивай. И тогда все будет у тебя хорошо, будешь жить... Понял мудреца?

ВОЕВОДА. Слушай, казак, тебе в Кремль надо, а не на Лобное место.

СТЕПАН РАЗИН (*шевели пальцами ног в колодах*). Э, брат ты мой! Вот мы и подошли к главной стихии – руцкой,

человецкой. У нас таких Конфуциев – море Хвалынское без берегов.

ВОЕВОДА. А Степан Разин – один.

Сцена вторая

В пути телега с железной клеткой, со Степаном Разиным. Едут по верхнему Дону, по Руси. Вот и Воронеж – родной город Степана. Настасья идет вслед за телегой.

СТЕПАН РАЗИН (*Настасье*). Ты бы села тут, передохнула. НАСТАСЬЯ (*улыбаясь устало*). С колодником? Накарикаешь, как ворона.

СТЕПАН РАЗИН. Вон уже и Воронеж. Тут, на окраине. я и родился. Верфи. Царь Петр еще образовал: корабли строить, вниз по Дону ходить до Азова. «Азь» – буква первая, первый порт у Петра... Тут нас, чую, и приостановят. На передых. Где-нибудь за рекой Воронеж, где верфи.

НАСТАСЬЯ. Плеть хотя бы убрали. Еще и позорить, мало им клетки железной. Через верхний Дон, половину серединной Руси провезли, и никто на тебя, Степанушка, даже не намахнулся.

СТЕПАН РАЗИН. Устал от людей, от народа свою. По глазам вижу: жалеют. Так внутри себя, а то и в голос. Ничего уже не боятся, про Степана Разина песни поют...

НАСТАСЬЯ. Страшно что-то. Чем ближе к Москве, тем страшнее. Родной, дорогой! Давай, что ль, отравимся? Я дурману принесу, вон по обочинам сколько... сон-травы этой... заснуть навеки...

Степан молчит. Гладит Настасьины плечи, волосы вольно раскинуты по спине.

СТЕПАН (*вздыхнув поглубже*). Нет, матушка моя. Не след Степану Разину так уходить из жизни. Что подумают, скажут, если уж Степану Разину невоготу-то, так что ж тогда нам...

НАСТАСЬЯ. Чего Бог-то нам не поможет.

СТЕПАН РАЗИН. Стало быть, плохо молимся. Воли никак не выхлопочем для людей.

Я пришел дать им волю, а сам сижу в этой клетке, что получается? И везут меня, Настюша, в кандалах, на Лобное место. Все видят люди, сам Господь Бог... азъ воздам, как аукнется, так и откликнется... Не себя мне жалко -- народ, земляков своих из Воронежа. Как клали их пачками, так и будут класть тут, в Зубовском лесу, в общую яму... сразу по десять тысяч, о Господи...

И тут слезы потекли по щекам у Степана.

НАСТАСЬЯ (*отирая щеки ему свежей ладонью*). Степушка! Мучитель ты мой сердечный! Ты все знаешь?

СТЕПАН РАЗИН. Атаман я, а атаманы все знают, с неба и с боку откуда-то доходит до них.

Так и текли они, эти слезы обильные у Степана, даже когда подвезли его на телеге к верфям воронежским. А тут уж собрался народ, ждали Степана его земляки.

ВОЕВОДА (*подходя к телеге, к Степану*). Глянь-ка, сколько явилось! Купцы и те тут. Этим-то что надо -- медом, что ль, тут мазано?

СТЕПАН РАЗИН (*встав в полный рост и кланяясь землякам низко, в пояс*). Здравствуйте, мои дорогие! Вот и привезли меня сюда к вам в лице вашего блудного сына Степана.

Загудел народ, бабы заголосили. Закричали, заплакали. Крякнули как-то горько, неловко даже купцы.

ГОЛОСА ИЗ КУПЦОВ. Помним, помним тебя, Степан! И тебя, Настюшка, помним! Подруга ты его беспредельная, верная! Доброе не забывается... Мимо Жигулей, бывало, плывем, товары везем: то в Астрахань, в Персию, то из Персии, а Настасьюшка-то, бывалыча, кричит с откосу:

– «Земляки Степановы! Воронежские! Худо ль, бедно мы?»

Мы в ответ:

– «Худо, бедно!»

– «Проходи! – тады кричишь ты, Настасья с откоса высокого. – А то заходи, вместе погуляем!»

Низко-низко, в пояс кланяется народ воронежский Степану. Передает ему через Настасью хлебушка, деньги и даже икону – Николая-угодника.

КРИКИ ИЗ ТОЛПЫ. Пособи – ратнику божьему, заступнику людей. Угодничек, Степану пору жизни не окорочивай... Вон Орел уж летает, вон уж кости глодает, рвется слово само из груди... слово горькое, безответное где-то там, впереди...

СТЕПАН РАЗИН (*всю толпу прорезая зыком своего голоса*). Эй, Настасья ты моя, черемшаная! В черемше со мной, братцы, и погуляли же. Мы, погуляли!

«Я полюбил тебя на Волге.

И билось сердце трепетно в груди.

Мне не забыть твой голос звонкий.

Ах, Жигули, мои вы, Жигули!»

И уже ночью подошла к телеге, подседа Настасья к Степану под крылышко. И стала приласкиваться, слушать, что говорил ей Степан.

СТЕПАН (*на ухо ей*). Сердце, Настасьюшка, что-то вещует, болит за сыночка... Сереню... Кабы про него не пронюхали власти-то. Да и вслед ищцо за отцом в клеть...

НАСТАСЬЯ (*тугаясь*). Да ты что? Степа, держи себя, не давай распускаться. нам нельзя, мы с тобою на людях. Мы падем духом, люди слабнуть станут, что с жизнью содеется?

СТЕПАН. Так, Настасьюшка, так.

НАСТАСЬЯ (*прислонясь к железам Степановым*). Я тебя поняла... Завтра же метнусь на слободку, расспрошу кой-

кого... уведу Сереню отседова, куда подальше... запрячу, выращу, Степа, сына твоего во здравии, в уваженьи к отцу...

СТЕПАН. Слышу цокот копыт по степи, вижу конников – дончаки моя долгогривые... Не надо так у них – с бою, с вихря вырывать, с шашками наголо. Всех тут скрозь и положат. Гляди, войско какое тут у царя – верфи все же, стянуты полки охранять. Пушек сколько, единорогов. С такой силой ватаге не справиться, а и верфи не надо шатать, строятся корабли, да отсюда по Дону, к Азову, турок теснить, Русь по степи протянуть на моря...

НАСТАСЬЯ. Степан, Степан. Степушка! Какой ты широкой – без меры, как степь.

Сцена третья

Ночь. Воронеж. Настасья – любовь Разина – где-то за верфями, на берегу. И еще голоса – похоже, казацкие. Похоже – дружки Степановы: Кривой – циклоп одноглазый, Кормчий, да еще Тамада, он же Казначей, с божьим, провидческим даром.

КАЗНАЧЕЙ (*Настасье*). Говоришь, супротив силы не попрешь? Нельзя, так нельзя. Верно, людей положим, а дела не исделаем. Я кое-что тут смикитил, хитрость одну применил: Кузнеця нашел – золото! Подкует и блоху... так вот, заковали то, что можно и расковать. Так, братцы? Усыпить бдительность, подкрасться, сбить колоды, и айда! Ослободим Степана малыми силами... А теперь кто за что берется?...

Ты, Настасья, подпоишь охрану, солдата. Ты, Кривой, за ней тень тенью, след в след, с кинжалом в зубах. Если что, кого надо, кокнешь... без лишнего шума. Ты, Кормчий, за делу конец отвечаешь. Чтобы все тут было, как штык...

КОРМЧИЙ. Однозначно. (*Казначею.*) А ты?

КАЗНАЧЕЙ. А я – Тамада, атаманство на мне, чтобы все, как часы.

КОРМЧИЙ. Ну тады в струг... на конец то исть! Пошли.

КАЗНАЧЕЙ. Вон кузнец – сидит, часу своего дожидается. Этой участок мой, не указывать.

КРИВОЙ. Антересно, кто же это? Левша?

КАЗНАЧЕЙ. С обеих рук долбит, не хуже Левши, такой купол у человека.

КРИВОЙ. Не купол, а кумпол – голова то исть Богом дадена, как тебе дар провидческий. Говоришь, насквозь все видишь, а сам не можешь и энтото расплантовать...

КАЗНАЧЕЙ (*приостановясь*). Ну, и чего это я не могу предугадать? Что тебе первому сейчас башку отвернут? Так сказать тебе, да? Это надо тебе?

НАСТАСЬЯ. Братцы! Казаки! Ну что вы? И где вздумали спорить?

КАЗНАЧЕЙ. Кривой же, с одного глазу не видеть.

КРИВОЙ (*ворчливо*). Походите в Персию-то с мое – оба вышибут.

КОРМЧИЙ. Вон Степану не вышибли, а побольше твоего ходил... даже Хафиза познал, вслух читал, слышал?

НАСТАСЬЯ (*взмолвившись*). Братцы! Степан-то ждет. В срок укладываться...

Совсем глубокая ночь. Вот донцы-молодцы уж на месте, встали на номера.

А телега под вербой. На телеге железная клетка. В клетке железной – Степан. Узник царев, охраняемый особо царским конвоем.

ЧАСОВОЙ КОНВОЙНЫЙ, СОЛДАТИК (*лязгая фузеей*). Стой, кто идет?

ГОЛОС НАСТАСЬИ. Да я же, Настасья – кормлю Разина и люблю.

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК (*менее строго*). А чего поздно?

НАСТАСЬЯ (*подходя поближе*). А когда ж еще к тебе с энтим делом? (*Показывая на бычий пузырь*.) Днем нельзя.

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК (*потирая руки*). Монополька или зеденая?

НАСТАСЬЯ. Серо – буро – малиновая! А какую ж тебе – из царевых палат?

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК (*отставляя в сторону фузею*). И эта в самый раз... Не напьюсь?

НАСТАСЬЯ. Это что тебе муха! Глякошь на себя-то, чудо какое. Самый здоровый тут! Здоровее тебя нет в конвое. Кольцов...

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК. Какой Кольцов?

НАСТАСЬЯ. Ну, Никитин.

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК. Какой Никитин?

СТЕПАН РАЗИН (*выручая Настасью*). Че не знаешь? Руцкий, человекский. Из тех, что коней по хуторам подбирают... скачут по ямам...

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК (*настороженно*). По каким это ямам?

СТЕПАН РАЗИН. По почтовым, воронежским. По московским буграм... засмотрелся на бабу! Не расплескай.

КОНВОЙНЫЙ (*повеселев*). А-а, по московским буграм? Ну тады ничего, можно (*расправляя усы*), если бугры, то ничего... выбирать не приходится...

НАСТАСЬЯ. Пить так пить. Вдрызг.

КОНВОЙНЫЙ (*сделав первый глоток*). Вдрободан. А не отравите, братицы, не отравлюсь?

СТЕПАН РАЗИН. Что тебе тут – в Персии, что ли? Так там даже царей не жалеют. По чем зря травят.

КОНВОЙНЫЙ (*Настасье*). Это правда?

НАСТАСЬЯ (*на Степана*). Вот с ним в Персию походил бы, узнал бы, что такое зеленая, белая, красная, синяя...

Конвойный пьет Настасьину гамму цветов под ее вариацию слов. Добирается до дна. наконец, хлоп оземь бычий пузырь да и давай хвататься то за воздух, то за свою фузею, чтобы за что-то держаться.

СТЕПАН РАЗИН. Отчего казак гладок? Напился да набок. При фузее своей.

Солдатик уж спит при своем интересе, на мочевом пузырьке. А ватажники уж тут как тут, кузнец уж перекусывает ножнями железные прутья. Склоняется над Степаном к ногам его, закованным в колоды.

ТАМАДА (*торопя его*). А ищцо Левша, говоришь? Можешь блоху подковать?

КУЗНЕЦ (*сквозь зубы*). Однозначно.

ТАМАДА. А с этой херней никак не справишься.

КУЗНЕЦ (*распрямляясь*). Это не «херня» – это умные люди думали, когда делали. На этой «херне» власть держится. Панцирная система. А ты хошь, чтобы я раз и... перекусим. Как стручок.

ТАМАДА. Стручок горький.

КУЗНЕЦ. А это не слаще. Придется ногу ломать.

КРИВОЙ (*оторопев*). Как это – «ломать»?

ТАМАДА. Атаман все-таки, генерал-полковник Войска донского во временном затруднении. Ищцо походит по земле, ищцо сбегает в Персию...

КУЗНЕЦ (*весь в поту*). Ну тогда пилить будем.

НАСТАСЬЯ. Как это – «пилить»? Шило на мыло? Ломать, пилить все одно без ноги...

СТЕПАН РАЗИН. Без ноги не могу! Под топор лучше ...

Появляется Кривой бежит сюда, задыхаясь.

КРИВОЙ. Братцы! Сматываемся! Что-то пронюхали. Во-евода с целой сотней сюда... с шашками наголо...

Сцена четвертая

Москва. Красная площадь. Лобное место. Тут же телега. В клетке железной Степан, рядом со Степаном Разиным и Настасья – лубота его жигулевская, донская казачка, сподвижница.

СТЕПАН РАЗИН (*вставая во весь рост и держась за железные прутья*). Ну вот, Настасьюшка, и Москва. Как же ты только дошла! Мужики на конях, я – на телеге, а ты пехом промолотила, верст, небось, тыщи три.

НАСТАСЬЯ (*улыбаясь через силу*). С чего ты взял? За тобой шла, верст никаких не считала.

СТЕПАН РАЗИН (*искоса взглядывая на Лобное место*). Ну и ну! Монстр!

НАСТАСЬЯ. До Казани-то не дошли, на середине Волги остановились. Перед татарами. Вон красавец какой, Василий Блаженный! Собор Казанской божьей матери!

СТЕПАН РАЗИН. Хоть разок взгляну на красоту перед смертью.

НАСТАСЬЯ. На миру и смерть красна.

СТЕПАН РАЗИН. Вон куда отсюда видать – на пол-Земли размахнулись.

НАСТАСЬЯ. Кого видать-то?

СТЕПАН РАЗИН. Дай-ка, на Василия помолюсь, на Блаженного...

НАСТАСЬЯ (*опустив голову*). Какая же я мать тебе?

СТЕПАН РАЗИН. Не мне, а сыночку нашему, какой ищцо толечко будет... Переспали мы с тобой там, в Воронеже, и, ты говоришь, понесла. В капусте плод сладок.

НАСТАСЬЯ. Горек, горше судьбы.

СТЕПАН РАЗИН (*успокаивая ее*). Мерить шею не надо под Лобное место. Чего мерить-то? И без примерки сколько тут полегло?

НАСТАСЬЯ. Всякие были. Но такого, как ты, не бывало. Ты – витязь. богатырь былинный, герой сказочный. Пока мы шли сюда, молва впереди бежала на острых конях. Вся Москва уж знает, что ты уже тут. Толпами скоро повалят... Люди ходить у нас на такие зрелища любят. Каждый думает: хоть кому на плаху, лишь бы не мне.

СТЕПАН РАЗИН. Нет, не так думаешь. По мне каждый будет шею свою примерять... После меня никому уж рубить тут не будут. Лобное место просохнет...

НАСТАСЬЯ (*утирая глаза*). Степушка, Степа! Наших-то сколько тут на Москве – донских казаков? Может, не выдюжит сердце казацкое, первопрестольная на себя, как в зеркало, глянет, полоснут глазища по этому Лобному месту, и поднимут люди добрые руки кверху, к самому Господу Богу, а ен гром и молнию оттуда ниспошлет... да и ослабнут цепи твои железные, ослобонят люди тебя, Степа, Степушка. А может, и царь ищщо сжалиться, помилует, указик такой подпишет...

СТЕПАН РАЗИН. Нет, не подпишет. За все простил бы царь меня, только не за «прелестные» письма! Вот нашелся, мол, умнее царя. Как же царь-батюшка сжалится, коли жалость подпереть некому? Спит Москва, когда еще она только проснется! Это степь широкая наша больше не спит никогда. А кто спит ночью, то днем не спит, а кто днем...

НАСТАСЬЮШКА (*перевивая*). ...ночами, тот не спит никогда! Правду ищут, клинки точат.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И тут пришла на смену этой страже московская – особая, «холуи». Одни тут же стали мыть Лобное место, очищать от скипевшейся намертво крови. А другие вытащили Степана из его желез, к каким уже он привык. Знал, что, пока он тут, с ним ничего не случится. Так вот, вытащили его «холуи» из клетки да и повели под ручки в застенки. В оборудованную светелку. Чтобы пытать, ослаблять силу духа, чтобы, не дай Бог, на Лобном месте чего-нибудь не закричал.

* * *

Пыточная камера. Тут же где-то поблизости.

В камере – двое: Степан Разин и палач. В серой замашной, заметим, не красной рубахе. Только приглядывается к шее Степана. Как он будет класть его да куда веревки протягивать, чтобы всего вязать.

ПАЛАЧ (*Степану Разину*). Здоров дюже стал, будем тебя окорачивать.

СТЕПАН. Как это? Соразмерный. И в ширь, и в длину. Правда, народ, говорит, Разин широкай.

ПАЛАЧ. Не в том смысле. Окорачивать будем, чтобы чего не брякнул. А то ищцо и царь возьмет, поглядит из окна. А тут кричат, смущают народ. А ему энто дело зачем? Он – царь! Гроза! Хозяин Русской земли...

СТЕПАН РАЗИН. Тебе – да, а мне – нет. Мы на Дону сами себе цари.

ПАЛАЧ. Басурманы! Я так полагаю: четвертовать тебя будем.

СТЕПАН РАЗИН. Это как понимать? Что за казнь?

ПАЛАЧ (*спокойненько*). Чего там, крест на крест. Сперва руку, потом ногу напротив. Потом такая же процедура в другую сторону... Вот и крест на крест... А потом уж и голову. Энту надо народу показывать...

СТЕПАН РАЗИН (*судороги уж по всему телу*). Слова какие у тебя, произносишь неведомое на Дону. Из челобитчиков. что ль, дюже грамотный?

ПАЛАЧ. Тружусь. То там, то тут. Там – с открытым лицом, тут в белой холщовой рубахе. На Лобном мы в маске да в красной рубахе. Чтоб кровь не видать. Испокон на Руси – два главных цвета: белый да красный. Один другой перебарывает. Это еще с тех времен. Когда варяги были – до Киева, еще Новгороде Великом. Два рода боролись: Рюриковичи – красный цвет на хоругвах, Давыдовичи – белый...

Между тем, палач неспеша обустраивает свое, как он сказал, «оборудование». Вешает чайник над головой Степана, наливает его водой.

СТЕПАН (*не видя этого*). Антересно, и кто же победил-то – какой цвет?

ПАЛАЧ. Ай не знаешь, какой? Какой на мне на рубахе моей? Взойдешь, парень, на эшафот, на Лобное место – тады поглядишь.

СТЕПАН. А еще... антересно...

ПАЛАЧ. Вот дураки! Рущкий народ. Им уж с копеечку жить, а все «антересно»... Ложись, тварь. разбойная морда! Сейчас башку тебе будем долбить!

СТЕПАН (*слабым уже голосом*). Как долбить? Чем?

ПАЛАЧ. Водой! Вот такоечкой капелькой!.. Раскальваем черепушку твою, делаем щель и из чайника в дырку энту... Капельку по капельке-и-и-и... капелька по капельки-и-и... главное – методично.

СТЕПАН РАЗИН (*хрипя уж под рукой палача*). Поешь-то как, живешь припеваючи? Я запомнил тебя! Я запомнил...

ПАЛАЧ. Как начнет молотить – капелька по капельки-и-и... свет белый смеркнется, жизнь копейкой покажется. Вот когда у меня запоешь...

СТЕПАН РАЗИН (*слыша хруст черепа*). А как же, мне надо то на Лобное место?

ПАЛАЧ. Доживешь до Лобного-то однозначно. Но петь уж не будешь! Переводим тебя в другой приказ – из первого во второй. Ну прощевай.

Сцена пятая

Там же. Красная площадь. Лобное место. Толпа протянулась уже аж до Кремля. Палач глыбой у всех стоит перед глазами. В красной рубахе, с закатанными рукавами. Поигрывает топором.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Все ждут Степана Разина. Привезут на телеге, в железной клетке.

Напряжение возрастает. Тишина вот-вот лопнет.

Черные птицы расселись на Василии Блаженном, смотрят на всех свысока.

Появляется телега, в клетке – человек без рубахи, по пояс голый. Это Степан Разин – подарок царев первопрестольной, кусок с Дона – московской толпе.

За телегой, опустив голову, бредет Настасья – любовь, сподвижница Разина, тоже донская казачка.

Разин ступает на первый порожек Лобного места, и крик оглашает всю Красную площадь. Это кричит, закатившись, Настасья. Упала, вцепилась в колоды и не выпускает из рук, от себя. Толпа ахнула и помертвела.

ПАЛАЧ (*маня к себе Разина пальчиком*). Иди, иди, Степа, сюда к топору. (*И кладет его на огромный изрубленный пень.*)

Переступив с ноги на ногу, Степан Разин остается на месте. Постояв, продыхнув маленько, поднимает руки в цепях высоко над собой и резко низким поклоном земным в пояс кланяется толпе.

СТЕПАН РАЗИН (*глотнув, пересошим ртом*). Ну, здравствуй, народ мой ружкий, православный люд, человекский! Вот где мы с тобой и свиделись.

Настасья с ковшом воды бросается к нему туда. Поит его из рук, становится рядом. И стоят они оба, и смотрят друг на друга перед смертью, в последний разок.

Степан Разин, глядя в очи Настасье, да притопнув ногой, звенит кандалами.

Эх, да! Черный ворон, да ты не вейся...
Над моею головой.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Кандалы-то сымите!.. Порядок знаем: четвертуют без кандалов!..

Палач подзывает стражника, тот сбежал вниз по порожкам. Побегал на другую сторону площади, за кузнецом.
Пауза. Неловкая тишина.

ГОЛОС В ТОЛПЕ (*отдаваясь эхом, во все стороны света*).

Степа-а-н... Рази-и-н!..

Тихий Дон видеть тебя-я-я ...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*тут же*). Волга – матушка слышит тебя, Атама-а-а-ннн...

И сразу эхо, может, в тысячу голосов.

Святая Русь, люди, русские будут помнить тебя, Степа-а-а-а-а-а... пока живы-и-и...

Толпа сдвинулась, запричитала, заплакали самые сердобольные. Слуги царевы забежали вокруг Лобного места, оттесняя первых в первом ряду.

И тут в толпе крикнули:

– Царя сюда! Царя-батюшку!

Пушай идет!.. В ноги валимся, нехай батюшка явится!..

Скажем царю, как один:

Нехай ружья кирпичом-то не чистят, умных людей не казнят...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Палач в шею Настасью с помоста туда, вниз, – иди очисти Лобное место! Подался он в сторону, а она как вцепится в топорыше, в Степана, так два солдата едва отодрали ее от Разина этого – то ли разбойника, то ли и в самом деле атамана донского, кто их тут разберет-то на плахе без царя-то, без батюшки...

И увидел Степан Разин свою Настасью, забившейся в истерике у ног его, у самого этого Лобного местушка да так, как без памяти, туючки у палача под рукой. Господи, Боже мой! – вот страх возник за нее, да та вспыхнуло в нем все внутри, возговорило – капля за каплей, капли в застенке, капли в голову, по всему белому свету долбят в трещину, продолбили до пояса, но, видать, вовсе не раздолбили еще, не ослабили духа Степанова. Потому как подвинулся он к краю пропасти и чтоб не пропасть совсем. чтоб хоть как защитит тут Настасью, показать перед людьми, что от него еще что-то осталось, и сказал он то, может самое главное, что копилось в нем всю его жизнь, а сейчас подступило, не давало ему умереть. Он сказал:

– Плакать по мне не надо, не плачьте. Я свое, люди, пожил, свое отлюбил. Походил по степи широкой, вольной... вольному воля, невольному – страх... А я уже не боюсь ничего. Царям с такими, как я, тяжело, а мне с ними легче, есть на кого свое переложить, ты не крайний... Вот она, любота моя – Нас-

тасьюшка, тюточки, в последний, смертный час мой рядом со мной... Отцы, матери! Вот лежит ваше дитя, ваша дочь, красива-а-я, любовь моя! По ней плачьте, люди!...

Слухай сюда, народ православный,

Слухай последний раз казака.

СТЕПАН РАЗИН (*запевая глядит, на Настасью одной только ей*).

«Я полюбил тебя на Волге,

И бьется сердце казака в груди.

Не позабыть твой голос звонкий.

Ах, Жигули, мои вы. Жигули!»

НАСТАСЬЯ (*поднимаясь с земли, подхватывая за Степаном*).

«Спадали тонкие мониста,

Вскипала молодая кровь.

И поцелуи были чисты,

Как наша первая любовь.»

(*И палачу – в красной рубахе, с серебряным топором.*)

Секи палач, и меня, мою головушку горькую,

Жить без него не могу, не умею.

ТОЛПА В ОДИН ГОЛОС. Указ царю!

Пушай милует! Милует пушай казака!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Подъезжает карета. Кидаются к ней, в ноги падают: «Царь-батюшка!» Распахнули, а там не царь.

Подъезжает другая карета. И к ней кинулись – тоже не царь.

И закружились кареты, как метель запуржила вокруг Лобного места. В какой царь? В какой не царь? Смотрят на палача, на красную рубаху его, на топор пока что серебряный. Но дай бог только брызнет алая кровь молодецкая! Набрякнет, тяжелой станет рубаха у палача, потянут на дно тяжелые такие дни, денечки – в могилку-то не одну сотню отправил. И только песне Степанова, легка, оторвется от грешной земли и, вознесется, пойдет там по пути лебединому, белооблачной, божьей – Степановой легкой походкой.

Сцена шестая

Там же, те же. А Кузнеца все ждут его. Степана Разина все пока не четвертуют. Как рубить Атамана крест на крест, когда на руках ногах у него кандалы?

Царь сидит в одной из карет. Как и все, тоже ждет Кузнеца.

ПРИДВОРНЫЙ (*докладывая царю*). Ваше Величество, пьян Кузнец, как сапожник. Уж вторую неделю болеет «русской болезнью».

ЦАРЬ (*придремнув маленько, будто бы говорит, вещает придворному так*). Так другого найти! Что у нас, во всем царстве, не найдется, что ли, еще хотя бы одного кузнеца?

ПРИДВОРНЫЙ (*извиваясь перед царем*). Так другие-то по другому приказу проходят у нас, по палаческому. Этому департаменту не соответствуют.

ЦАРЬ (*еще раздраженнее*). Ну так найдите кузнеца и переведите в этот департамент.

ПРИДВОРНЫЙ (*еще более извиваясь*). Без Боярской Думы нельзя. Сперва надо созвать Боярскую Думу, а уж потом на Боярской Думе голосовать – переводить али не переводить?

ЦАРЬ (*озлясь уже*). Ну дак собирайте Боярскую Думу да голосуйте, по приказу царя.

ПРИДВОРНЫЙ (*настолько уже извиваясь, что прямо-таки в змею превращаясь*). Сенат должен поставить вопрос насчет того, чтобы собрать Боярскую Думу али не собирать?

ЦАРЬ (*еще более злясь*). Ну так пушай ставят вопрос.

ПРИДВОРНЫЙ. Так председатель Сената сперва должен Священный Синод испроить насчет Думы-то... собираться Думе Боярской али не собираться?

ЦАРЬ (*уже гневаясь*). Ну так пушай и испросит Священный Синод – собираться ль Сенату али не собираться, а Сенат пушай ласт разрешение – собираться Боярской Думе али не собираться, а Боярская Дума пушай опосля уж того голосует – перевести из другого приказа в палаческий кузнеца, али не переводить, а уж потом, опосля всего, другого ищет – трезвого кузнеца.

ПРИДВОРНЫЙ (*окончательно, еще пока не сбившись спанталыку, сперва идет в сторону реализма*). Батюшка! Давно уже ищут другого, трезвого Кузнеца.

ЦАРЬ (*насторожась*). И что?

ПРИДВОРНЫЙ (*продолжая линию*). Не находят.

ЦАРЬ (*удивясь невыразимо*). Что – во всем царстве нашем нельзя найти мастера-класса трезвого кузнеца?

ПРИДВОРНЫЙ (*подводя итог*). Нет, Ваше Величество, этого сделать никак невозможно. Мастеров у нас много, а класса нет! Это связано с небом, так уж свыше предуготовлено.

ЦАРЬ (*решив быть терпеливым, довести свое царское дело до логического конца*). Ну, так кто у нас по Небесному Своду? Какой Департамент?

ПРИДВОРНЫЙ (*терпеливее даже царя, переходя теперь уже на романтизм*). Опять же Священный Синод.

ЦАРЬ (*хмурия брови*). И что говорит по этому поводу Священный Синод?

ПРИДВОРНЫЙ. По поводу ничего не говорит, а вот насчет кузнеца трезвого, это с Богом никак не связано.

ЦАРЬ (*еще более хмурия брови*). Ну и что у них, с кем хорошие отношения?

ПРИДВОРНЫЙ (*и еще терпеливее супротив прежнего*). Насчет этого, насчет промысла-то божьего, у Византии, в Византийской империи надо спросить. Там теперь центр энтого дела находится.

ЦАРЬ (*опять уже гневаясь, да посохом о пол*). Да что вы мне голову морочите! Византийская империя пала, достоверно известно, и давно уже!

ПРИДВОРНЫЙ (*в виду обострения втрое терпеливее прежнего*). Действительно, пала. Но центр до сих пор там находится. В Царьграде, то есть во-втором Риме.

ЦАРЬ (*крайне этому удивясь*). Ну дак пушай переводят его в Москву.

ПРИДВОРНЫЙ. Кого – кузнеца?

ЦАРЬ (*посохом о пол*). В Москву! Делайте из нее третий Рим...

И тут, от такой дерзости, царь просыпается, глядит подозрительно на Придворного.

ЦАРЬ. Долго ли спали мы? (*Вспоминая, опираясь на мемуары.*) Ну что – отрубили башку разбойнику?

ПРИДВОРНЫЙ. Да ищут все Кузнеця. Меморандум уже составили.

ЦАРЬ (*удивясь*). Мимо ранга? Какого Кузнеця?

ПРИДВОРНЫЙ. Трезвого.

ЦАРЬ (*подозрительно глядя на Лобное место*). Первого или второго? На какой стадии рассмотрения?

ПРИДВОРНЫЙ. А на первой еще, в реализме.

ЦАРЬ (*сердито*). В каком реализме? В критическом? Тогда рубите.

ПРИДВОРНЫЙ. У нас народ привык, чтобы рубили не по цепям, по металлу.

ЦАРЬ (*хлопая по плечу другого – трезвого Придворного, сидящего на облучке*). Ну тогда мы поехали. В окно из Кремля доглядим. Как платочком белым махну, так и рубят пушай.

ПРИДВОРНЫЙ. Нехай рубят, так? «Нехай» – слово наше, московское.

ЦАРЬ. Ну, пушай будет «нехай», нам без разницы. Я бы башку всегда рубил разбойникам вовремя. Да Кузнец чтобы был из Палаческого приказа.

ПРИДВОРНЫЙ. Да, конечно. А то вон народ волнуется, помиловать просит.

ЦАРЬ (*опять хмуря брови*). Как помиловать?.. Как платочком белым махну, так и рубите... Ах, наоборот? Указ читать о помиловании?.. Ну, поехали.

И махнули из окна – от царя-батюшки белым платочком, а тут уж нашли Кузнеця, соответствующего Палаческому приказу. Привели, наконец, протрезвевшего. А топор уже полцепи отрубил.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Слава Богу, на последнем звене зазубрился. А еще говорят царем быть хорошо.

Через какие же дебри цари пробираются чтобы указы их и соразмерно всему исполнялись. Пушай хотя б и во сне.

Перейдем, однако, опять к реализму – к Лобному месту, к Степану Разину, ждущему Кузнеця. А пока пусть побудет донской казак в романтизме со своей Настасьей – жигулевской красавицей. Русский народ на них хоть поглядит, полюбуются – на такую любовь до последнего ихнего часу.

Пришел Кузнец, снял со Степана Разина кандалы. И Палач в своей красной рубахе сразу вошел в права, за топор серебряный взялся. Толпа ахнула и помертвела теперь уже совсем, окончательно.

И поднял Степан Разин над собой сведенные руки: глядите, люди, свободен Степан!

И переступил Степан Разин по Лобному месту раскованными ногами: глядите, люди, свободен Степан!

И глянул Степан в синие очи Настасьи и увидел в них синее, синее небо и в небе орла, летящего над головой.

Лети, орел, вольная воля свободная –
На Тихий Дон, на Волгу – матушку,
На Утес жигулевский, –
Лети вместе с Настасьей в века!

СТЕПАН РАЗИН *(в свой смертный час Настасье, в последний разок).*

Эх, я полюбил тебя на Волге!
И билось сердце казака в груди!..
Живи, мать. Не плачь по мне,
Покрепче стой, русский народ!
Пой песню про Стеньку Разина –
Душегуба проклятого, бросившего княжну
В набежавшую волну
Любовь моя Настасьюшка,
Встань и иди, встань и иди...

Палач махнул топором – откинул в сторону руку.
Махнул еще раз – откинул в сторону руку.
Стоял забрызганный, не видно кровушки
Разинской на алой рубахе.
Сидели рядом на храме черные птицы,
А в синих глазах неба
Кружил, отражаясь,
Белый Орел!

Сцена седьмая

Волга. Жигулевский утес. Год уж прошел с той поры. Собрались казаки помянуть своего Атамана. Настасья кормит грудью сына Степанова.

Горит костер. Проплывают по Волге внизу корабли.

НАСТАСЬЯ (*подходя к самому краю откоса*). Эй, корабельщики! Кто такие, откуда?

КОРАБЕЛЬЩИКИ. Мы – воронежские купцы. А плывем с Каспия седого, от персов!

НАСТАСЬЯ. Земляки Степановы! Проходи, худо-бедно! К нам сюда подымайтесь, к кострам! Помянем Степана Разина, нашего атамана!

КОРАБЕЛЬЩИКИ. Сарынь на кичку! Мы идем к вашим кострам! Помянуть Стеньку Разина – песней, добрым словом с откоса, над вечным покоем...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Братину пустили, братину вкруговую, ендову – деревянную расписную жар-птицу. Да и просыпав жар, вошли в разговор о детях Солнца, Луны, о Степане, окладах его тут зарытых по всем Жигулям.

НАСТАСЬЯ. Сама клала камни Степановы, места мстила, знаю, где помещала. Камни те самоцветные, перлы. Их Степан особо в одно слагал. Для людей, какие протянутся по ниточке жизни. Говорил так: наши косточки уж сгниют, а «перлы» – камни-оксамиты эти останутся, а че им делается? Время их

не берет. И будут они служить людям, всему в них руцкому, человечецкому.

ТАМАДА, он же и КАЗНАЧЕЙ. Ох, и любил же он эти слова! Вот любил! А клады его открыли, а там просто стекляшки. Оказалось, лежали там, сизокрылые, превратились в стекло. А слова тут остались с нами, вот любил он эти слова:

«Руцкое, человечекое!»

КОРМЧИЙ. Паруса любил больше. Из баб Настасьюшку только одну выделял, властью ее наделял.

МОЛОДОЙ КАЗАК. Почему паруса только? А весла?

КОРМЧИЙ. Белые. Кровь на них виднее. Но крови на белом никогда не любил... И ищцо. Парусами ветер, как ртом, хватаешь, и несет тебе далеко-далеко, неизвестно куда, за Азов, за три моря, за Персию...

НАСТАСЬЯ. Вишь, казаки-то рассыпались по Жигулям. Клады Степановы ищут. Чтобы пропить. Не найдут. Глубоко лежат, не на что опереться...

КОРМЧИЙ (*запевая*).

Из-за острова на стрежень.

На простор речной волны,

Выплывают расписные

Стеньки Разина челны.

Эх! (*Падая вниз головой в достархан.*) Степана нет, некому подтянуть.

МОЛОДОЙ КАЗАК. Впереди сидит сам Разин...

И веселый, и хмельной...

ТАМАДА. А про свадьбу что не поешь? Свадьбы-то были...

НАСТАСЬЯ. Для песни – были, а для души – только я одна у него и была.

ТАМАДА и КОРМЧИЙ (*разом, вместе*).

Грянем, братцы, удалую

На помин его души!

НАСТАСЬЯ. Ишь, как взмыл Орел! Как в Москве тогда над Степаном... Да так вот теперь оттуда сюда и летает.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ, С ПРОВИДЧЕСКИМ ДАРОМ. К кладам, что ли, тулится? Ай печень клевать?

КРИВОЙ (*с Волги подходя к ним сюда и присаживаясь к костру*). Какую печень?

ТАМАДА. Да Степанову, значит. Степан теперча тут, к Жигулям духом переместился. Не быть же там ему, где Лобное место... И не будут рубить теперча уже никогда!

НАСТАСЬЯ. Смертная казнь на Руси отменяется!

КОРМЧИЙ. Э-э, братцы вы мои дорогие, донские казаки! Ищцо много воды утекет.

НАСТАСЬЯ (*твердо*). Ну и что ж! А после Степана Лобное место иссякнет, просохнет.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ, С ПРОВИДЧЕСКИМ ДАРОМ (*как бы соглашаясь и как бы нет, Кривому*). И куда навострился, казак?

КРИВОЙ. В Персию ватажка собралась. Ай к туркам пойти?

ТАМАДА. Гляди, кабы другой глаз не вышибли. Нечем будет на свет божий и глянуть-то.

КРИВОЙ. А меня сразу убьют. Как Степана. Чирк по шее и – нетти нас, в ямку.

НАСТАСЬЯ. В своей земле надо лежать, с отцом – матерью, с пращурами, а не по чужим погостам валяться.

Степан сюда, на утес Жигулевский, себя велел привезти.

КОРМЧИЙ. Выражал желание.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ. Выражал атаман.

МОЛОДОЙ КАЗАК. Привезем.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А с недавних пор клады разинские стали снова искать в Жигулях. Барды со всей Руси собираются. Съезжаются к волжскому утесу, где, бывало, Настасья стояла, поджидала Степана с дальних краев.

И Клады нашлись не зарытые: в слове, в любви,
В лебедях по струны гитары ходящие,
Звонящие в полете орла.

– Степа-а-ан! – начинает искать эти клады уже наша Нас-
тасья. – Расскажи-и-и тайну, поведай души-и-и ...

И голос мужской как будто Степанов, такие вот слова нарас-
лев:

Снятся мне не бывшие подруги
И не кладов устарелый хлам –
Острые, зашмыганные струги,
Стенькин зык по волжским берегам.
Где-то Дрейк во чреве океана,
Черные свисают паруса,
А казаки Разина Степана
Алым красят песни, паруса.
«Шапкой» место метит Стенька Разин,
Горы Жигулевские, утес.
«Тут стоял!» А что – не видно разве,
Где нам это Разин произнес?
«Шапкой» этой Стеньку и накрыли,
В тесной клетке провезли в Москву.
Ходят песни, клады, как и были,
Пламяют народную молву.
Где-то Дрейк в английском королевстве
Ордена подвязки получал.
А Степан по-руцки, по-купецки
Так про клады и недокричал,
Кланялся всем в пояс. Принародно.
Всем прощал. И плакать не велел.
– Клады где? – Под «шапкой», вишь, свободно.
Столько воли людям на земле!

Настасья, выходя на авансцену, обращаясь к залу:

– Степан, Степушка-а-а ...
Родной мой, любима-а-й...

А из зала голос Степанов навстречу:

– Я полюбил тебя на Волге.
И бьется сердце трепетно в груди.
Мне на забыть твой голос звонкий,
Ах, Жигули вы, Жигули!

И проходит Степан из зала на сцену, и стоят, поют они уже
вместе, под переборы гитары:

– Спадали тонкие мониста,
Вскипала молодая кровь.
И поцелуи были чисты,
Как наша первая любовь.

Занавес.

На занавесе чаша – братина,
Полная сияющих перлов –
Жемчугов, самоцветных камней.

г. Орел.
11–16 октября 2008 г.

ДОРОГА К ХРАМУ

(На Гоголевском бульваре)

*Музею изобразительных
искусств им. А. С. Пушкина –
посвящается.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГОГОЛЬ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – великий русский писатель.

Литературные памятники по дороге к Храму (Тверскому, Никитскому, Гоголевскому бульварам) – Пушкин, Есенин, Гоголь, Шолохов.

ГРАФ ТОЛСТОЙ в Москве, в доме которого у бульвара отходит в мир иной Гоголь.

ЖЕНА РУССКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ ХОМЯКОВА – тайная любовь Гоголя.

БУЛГАРИН – писатель-осведомитель, агент империи.

ГЕРЦЕН – писатель-публицист в виде памятника на Тверском, во дворе Литературного института.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ – писатель-современник Пушкина, Гоголя, составитель Толкового словаря, Председатель Комитета общественного спасения в XIX веке.

ТЕНИ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-АРТИСТОВ: Шукшина Василия Макаровича – прозаика, Владимира Высоцкого – поэта, певца.

НАРКОМ ЕЖОВ.

МАЙОР С ЛУБЯНКИ, занимавшийся вопросом перезахоронения Гоголя.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, превращающийся то в Вия, то в Белого демона.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА – таинственная итальянка из Флоренции, являющаяся Гоголю в виде призрака, видения.

ВАЛЬСИНГАМ – председатель Комитета общественно-го спасения в XX веке, вместо Владимира Даля.

ХЛЕСТАКОВ, ЧИЧИКОВ, ТАРАС БУЛЬБА И ДРУГИЕ ПЕРСОНАЖИ, также постоянно являющиеся Гоголю.

ПРОМЕТЕЙ – герой Эсхила, подаривший людям Огонь.

ПЕТР, ОН ЖЕ ПИТЕР – графский слуга при Гоголе.

БОМЖ – ЮРОДИВЫЙ из толпы.

ФОРЕЙТОР траурного поезда.

МОНАХИ СВЯТО-ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ.

ЧИТАТЕЛИ И ПОЧИТАТЕЛИ ТАЛАНТА ГОГОЛЯ, Совет общественного спасения на Гоголевском бульваре, московский свет в верхних покоях графа Толстого, исполнители русских романсов, певцы итальянской оперы, призраки, тени из былого и настоящего, способные возникнуть вдруг в той или иной ситуации, просто русские люди.

Действие происходит, заметим, не в Санкт-Петербурге (столице империи), а в первопрестольной – в Москве, в основном на Гоголевском бульваре, в 1852 году, когда уходит из жизни Николай Васильевич Гоголь. Согласно «машине времени», характерной для невероятного Гоголя, такой мир свободно перемещается в наши дни.

ПРОЛОГ

ГОЛОС СВЫШЕ (*читая из «Прометей-огненосца»*).

ТАНЦУЮЩАЯ ХАРИТА. Слава тебе, Прометей!

Океаны испей!

Сколько еще подаришь идей

Жалкому миру людей!

ПРОМЕТЕЙ. Холмы холмами, птица птицей.

(*Кивая на памятник Гоголю во дворе.*)

Зевс даст на перст, а заберет ладонью.

Всегда, когда царей меняют – страшно,

Вдруг да опять на тот. И будет еще хуже.

ГЕФЕСТ. Я дам огонь вам, люди, из подземелья.
ХОР ОКЕАНИД. Царя разденет клювом черный ворон.
ГЕФЕСТ. Пляши, пляши, о пламечко живое!
ПРОМЕТЕЙ. Цари никогда не любили поэтов,
Поэты всегда не любили царей.

АКТ ПЕРВЫЙ

Под колокольные перезвоны (Кремлевские куранты, Владимирские куранты, Суздальский звон, Ростовские звоны)
звучит ГОЛОС СВЫШЕ.

Отсюда, от площади Пушкина, – от Пушкина к Есенину, Гоголю по Гоголевскому бульвару, – начинается эта Дорога к Храму – к Храму Христа Спасителя всея Руси.

Мелодия из «Аранхуэзского концерта». На ее фоне поет бас типа Бориса Штоколова.

Напомни, Родина, о храме,
Дух, сотворяющем живой.
Когда талант уходит в камень,
А камень – в небо головой.

Напомни, Родина, о фресках,
Молящих во спасенье лиц,
Когда под купол этот дерзкий
Движение кисти клонит ниц.

Напомни, Родина, о звуках,
Страстях, стозвонящих в стенах,
Что пели певчие по «крюкам»,
И тайна стынет на устах.

Сумеем ли в нее пробиться,
В ее божественную стать?
А тут хотя бы научиться
Коло-коло-коламм, внимать.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. С Богом в путь!
Вперед, Россия!

Люди медленно сдвигаются с места, запевая – сначала без слов, разноголосица постепенно превращается в хор, звучащий под отдаленные ритмы, колокольные звоны. У Литературного института люди приостанавливаются. Оживая, со статуи к ним сюда сходит Герцен.

МОНАХ В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. По ком звонит твой колокол, русич?

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ (*под колокольцы*). По Москве, по Москве... по Руси, по России...

ГЕРЦЕН С ОГАРЕВЫМ (*выступая вперед под колокола главный удар*). Он звонит по тебе.

Людская река движется дальше. У памятника Сергею Есенину приостанавливается.

МОНАХ ИЗ ТОЛПЫ (*кланяясь в пояс*). Поэты! Мученики вы, наши святые! Словотворцы, провозвестники! Что скажешь нам, ты хоть, отец Сергей, братьям своим молодым?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*оживая на пьедестале, вытягивая руку по направлению к Гоголевскому бульвару*).

Если скажет рать святая,
Кинь ты Русь, живи в раю,
Я скажу, не надо рая,
Дайте Родину мою!

Сцена вторая

Гоголевский бульвар. Памятник Гоголю. Стоит высоко перед всеми.

ЮРОДИВЫЙ (*из толпы, бухаясь лбом оземь перед пьедесталом*). Подайте Христа ради копеечку! Копеечку Христа ради подайте!.. Опять отняли копеечку...

МОНАХ В ЧЕРНОМ. И откуда ты взялся, бомж, на нашу шею?

ЮРОДИВЫЙ. Рядом тут лежу, греюсь на решетках Российской библиотеки. Прямо пред очами писателя Достоевского.

МОНАХ В ЧЕРНОМ. Ну и у кого же ты просишь, знаешь хоть? Да он же самый бедный, самый нищий из всех русских писателей. А может и во всей мировой литературе. На шинель себе за всю свою жизнь так ведь и не наскреб. Доживает тут, в первопрестольной, взят на доживание сердобольным графом Толстым. Да вот он, двор, где Гоголю будет потом первый памятник... Гоголь – птица...

ГОГОЛЬ (*с высоты своего положения*). На химерах держимся.

ТОЛПА (*в один голос*). На химерах.

МАКСИМ ДОРМИДОНТОВИЧ МИХАЙЛОВ – бас-октава (*не обращая внимания*). Гоголю Николаю Васильевичу – великому сыну земли Русской – вечная память!

ТОЛПА – ХОР. Вечная память!

МИХАЙЛОВ. Многая лета!

Многая лета!

Слава, слава! Многая лета!

Впереди, по ходу движение, опять возникают тихие, тихие колокола. Голоса, как вострепанные грачи на деревьях. Голос Юродивого над ними: а-а-а-а... а-а-а...

ГОЛОС ГОГОЛЯ (*превращенного в птицу – памятник во дворе где-то, в графских владениях*). И какая же птица долетит до середины Днепра?

ХОР. Какая птица... какая ... какая...

Долетит – не долетит... долетит – не долетит...

ГОГОЛЬ (*гордо со своего возвышения*). Человек долетит и перелетит! Долетит и перелетит!

Люди! Я пришел дать вам Небо.

Сцена третья

Людская река протекает вперед, далее по Гоголевскому бульвару со стихийно возникшей песней, под хор, под отдаленные колокольные звоны.

Дорога к Храму

Московские бульвары – Дорога к Храму,
 Дорога к Храму,
 К Христу Спасителю ведет.
 Тверской, Никитский, Гоголевский прямо
 К колоколам, к Спасителю – вперед!
 Пушкин, Есенин, Гоголь, Шолохов –
 Тут все, на этом пути.
 Среди кипения города – молоха
 Ищешь себя, можешь найти
 Тут, в галерее святых,
 Тут – на конечном пути.

ГОЛОС СВЫШЕ. Людская река уходит. Их заменяют люди с Пушкинской площади – современники наши, яви и уже тени призраки. Вот, как живой, возникает Василий Макарович Шукшин.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Что он сказал? «Я пришел дать вам волю?»

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Он сказал, что он – птица летящая над серединой Днепра. Вот!

«О Пушкин наш! О Пушкинская площадь!

Есенин, Гоголь – русские слова!

Сюда, чтоб заявить о своей мощи

Приходит несогласная Москва!

Судьба России! Что мы, кто мы?

Дорога к Храму, люди и дома.

Высказывая все свои тут боли,

Москва гудит, с Россией схожа, что ли?

Москва, Москва! Все гении, все сказки.

Личину сбросьте, все снимите маски...

Вам говорю, как видите, от всех.

На грани Русь! Не россиянин – русский!
До дна дошел наш русский человек!
Боюсь за Русь, за русский наш язык!
Все Гоголь видит... Вон сидит, поник...
ГОЛОС СВЫШЕ. Перенесем же туда, в седые были,
Покамест мы отцов не позабыли.

Звучит голос Владимира Высоцкого.

ШУКШИН (*подпевает поэту*).

Что за кони мне попались,

Эх да, привередливые!

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (*подпевая характерным, хрипловатым голосом*).

Я коней напою, напою...

Постою на краю...

ТЕНЬ ШУКШИНА. Перенесем же, братие, в те времена!
К Гоголю! Встанем под пушкинские рамена!

Сцена четвертая

Там же, на Гоголевском бульваре, 1852-й год. Тут, в доме мецената Толстого уходит из жизни русский гений. Согласно «машине времени», кучка людей во главе с Шукшиным и Высоцким возвращается в эпоху Комитета общественного спасения во главе с Владимиром Далем. Вот они дежурят тут, на бульваре.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. День и ночь стоим. Караулим, ловим каждую весточку. Тут, дабы графа не беспокоить... Даль выходит и сообщает о состоянии здоровья...

ДРУГИЕ ГОЛОСА. Как с Пушкиным было в Петербурге, на Мойке... Вот так же часами стояли... Жуковский выходил, читал людям записочки... Умиравший Пушкин подарил Далю один из семи своих перстней – самый любимый, энергетический... зеленый изумруд...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Уже разрядился, стал слабо зеленый.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (*возникая из другого времени*). Слабо зеленый – это когда женское, поэтическое начало?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Разрядился на литературе.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Вот стихи нашего современника. Так было? Так, Владимир Иванович?

Перстень

«Ты снял темно-зеленый изумруд –
Свой талисман, тебя не сохранивший.
Вот палец Даля. Лик его застывший.
И жить тебе уж несколько минут.

Но вечность пред тобой, твой перстень, твой Киж
Еще на подвиг кой-кого подвигнет.
Смотрите, как поэт российский гибнет!
Словарь Толковый пишется уже...

Когда нет слов, но чувствую чутьем,
Оно должно быть... бьется... где-то тут...
Я – к Далю. Есть то слово, живо в нем!
Все это тот зеленый изумруд!

Все это тот магический кристалл,
Который всем нам Пушкин передал.
Кристалл любви, уже светло-зеленый,
Над нашей поэтической короной».

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Тургенев срезал тугую прядь Пушкина и положил себе в медальон.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Тургеневу можно, он хотя дальний, а родственник.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Ну, я пошел, узнаю, что там.

ГОЛОСА ИЗ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ. Идите, Владимир Иванович. Узнайте, скажете, в какую сторону дело движется. Как истомились, устали мы...

ТЕНЬ ШУКШИНА. Всегда у нас так. При жизни ни денег, ни общественного внимания.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Да и после также. О Пушкине Достоевский скажет в 1880 году, когда будут ставить памятник поэту в Москве. Все байронистом считали, романтиком – до середины двадцатого века.

ТЕНЬ ШУКШИНА. А Гоголя?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Еще интереснее. Всерьез, наверно, вспомнят в начале двадцать первого века. Когда нанатехнология пошла, прозрение потребовалось, мистические откровения... А ведь Гоголь был у истоков...

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА. Да-да, вот и Даль! Владимир Иванович, вас впустили туда?.. Какова картина? Просто спазмы в горле, рыдать хочется... Стыдно ведь за Россию... Всегда так у нас: то стреляем, то петлю на шею вешаем, калечим душу, нищими в мир иной провожаем...

Как он там, Владимир Иванович?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Одни штиблеты чиненные-перечиненные, рубаха протертая на локтях, известный каждому сюртук – вот и все нажитое.. В одиночестве жил в Санкт-Петербурге. Вот так вот лежал, вроде постился, на самом деле, кроме сухой корки да в редкую стежку горохового супу, неделями ничего не видел. А ведь гордость нации, писатель земли Русской... И сейчас все постится, постится... Никому о себе, ни гу-гу.

Спасибо граф Толстой забрал к себе сюда. Тут в лакейской век свой доживает, на глазах гаснет!

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Может, скинемся, а? Средства, может перекинем туда – отсюда, из XX века? До сих пор ведь на всю Россию работает.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Почему на всю Россию? На весь мир православный.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Почему на весь мир праславляют? На все человечество.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (*запевая широко*).

И какая же птица,
 И какая же птица,
 И какая же птица
 Долетит до середины Днепра?
 Только хочешь открыться,
 Только хочешь открыться,
 Умирать уже, смотришь, пора.

Мелодия переходит в хор из разрозненных голосов, сливаясь, рождается грустная, однако широкая народная песня. К Высоцкому присоединяются Максим Дормидонтович Михайлов, Иван Петров, Борис Штоколов, все басы России.

Все стояние тут на Гоголевском бульваре, Комитет общественного спасения во главе с Владимиром Далем. На цыпочках все тянутся ввысь, поют, из себя выходят, стараясь туда, во двор, в приоткрытую форточку каждое слово свое.

ГОЛОС СВЫШЕ.

Девятая заповедь блаженств

«Блаженны те, что, претерпев гоненья
 И путь торя, свой беззаветный путь,
 Не потеряли радости, горенья,
 Кому Любовь еще вздымает грудь.

На смерть готов, но смерть одолеваешь.
 Готов страдать, давая жизнь другим.
 Так сам себя, свой крест и понимаешь.
 За истину встать можешь и иди!

Останься благ в кипящих сонмах зла!
 Останься светел во грядущий тьме!
 Идешь босым по терням, кроме,

Кровь по следам твоим еще тепла.
 И подвиг твой – твой дом, который будет,
 Признают, наконец-то, люди!»

Сцена пятая

Там же, на Гоголевском бульваре, тогда же, в те времена. Все те же, московская интеллигенция, читающая публика, комитет общественного спасения во главе с Владимиром Ивановичем Далем. Мимо проезжает одна карета, другая, скрываются во дворе графского дома.

ЮРОДИВЫЙ (*бросаясь коням под ноги*). Подайте Христа ради копеечку... Копеечку Христа ради подайте...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Московская знать съезжается к графу Толстому. Собираются в залах, в верхних покоех... Проехала в кибитке своей Хомякова – супруга известного просветителя.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (*живо интересуясь*). А что же одна, без супруга?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Спросить надо Гоголя, самого Николая Васильевича. Пока он жив...

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Проехали сразу четыре кареты.

Видите, бородач в больших золотых очках, в третьей карете – известный московский доктор, светило...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Консилиум собирается. Будут решать, что делать?

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (*язвительно*). И кто виноват?

ТЕНЬ ШУКШИНА. Проклятые русские вопросы! Это по ним звонит колокол?

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. К этому Тургенев вряд ли приедет из Буживаля срезать прядь волос... Дворянством Николай Васильевич маловато интересовался. В основном малороссами да мелким чиновничеством. За черевичками кузнец Вакула в Петербург летал на метле...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*останавливая Высоцкого*). Где столица, туда и все протяжение. Вот Пушкин родился в Москве, а известен стал где – в Петербурге.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Цари никогда не любили поэтов.

Ария Высоцкого

Нам повезло: дано Богами слово!
Не в каждого ведь брошен тяжкий камень,
Нам стол достался без углов – дубовый,
Сработанный в трагедиях отцами.

Все делим дым. В дыму от сигарет
Ученостью таких не обморочишь.
Проказа. Ложь, указ, кордебалет!
Невидима слеза. И прочее, и прочее.

И, дух, вождей живых живописуя,
Суть истины, как боль, перенимая.
От печки к смерти мы танцуем всуе,
Букварь грызет понятиями стая.

Наш стал сработан без углов, свободно.
Все люди плохи, хороши мы сами.
За пазухой утес, булыжник, пламя.
По Прометею бьет набат сегодня!

Сцена пятая

Там же, те же, в то же самое время.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*глядя задумчиво во двор, куда въезжают кареты*). Проехала в кибитке. А вчера она пешком прошла, в вуальке. Но я-то узнал ее. Ходит, плывет, как уточка...

ТЕНЬ ШУКШИНА. О ком вы, Владимир Иванович?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Да все о ней – о Хомяковой.

ТЕНЬ ШУКШИНА. И что?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Да так... Ну я пошел. Мне надо там быть.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Из любопытства?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Для истории. А то потом такого наговорят про Гоголя...

ТЕНЬ ШУКШИНА. А вам поверят?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Вам же верят (*показывая на Владимира Высоцкого*). Хотя вы и присвоили себе имена, во время перешли в другое. Считаете чужие стихи своими, выдаете чужие арии за свои.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ (*смеясь*). Вот чудак! Да мы же с Василием Макарычем – артисты! Хоть что изобразим. Да и стихи всегда пожалуйста – нарисуем! Вот хоть про вас, Владимир Иванович, Казак Луганский. Говорят, со слова «замолаживать», услышанного вами где-то в пути, и начался Толковый словарь.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ (*вздыхнув*). Вот слушаю тебя, а все о ней с Гоголем думаю...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Судьба. Придвинута вплотную.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ. Прочту, что ли, речитатив. Может, когда-нибудь и спою.

Перед метелью

(Речитатив Владимира Высоцкого)

Ехал Даль куда-то на Валдай.

Ямщику брехнуть да только дай:

– Барин, милай, экий ты молчун!

Карачай какой-то, карачун!

– Ты бы лучше что-нибудь запел. –

Даль сказал. – Себя знай, свой удел.

– Ишь ты, – оглядел его ямщик. –

Посиди, милок, поверещи.

– Ты зато у нас говорунок. –

Даль прилег слегка на локоток, –

Тройку, знай, налаживай

Да возжой оглаживай,

Засветло добратся бы, браток.

– Барин, милай, пододень платок. –

Оглядел тот розовый Восток. –
Знай себе понукивай чуток,
Эко замолаживает вбок. –
И достал «мерзавчик» из кармана.
Даль извлек тетрадный листок.
Отревожась, в роковой степи
Колокольчик бился под дугой.
Что из слова только ни лепи,
Богоносик, ты мой дорогой!

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Ну что. тетка, Владимир Иваныч, похоже? Так было?.. Об чем вы?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Да все о ней – Хомяковой... И о нем, конечно... Прожил человек свой век, так и не познал женщины... счастья любви...

ТЕНЬ ШУКШИНА. А что с итальянкой?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. С какой итальянкой?

ТЕНЬ ШУКШИНА. Давно обожаю Гоголя, до всего докопался. Как он жил там в Италии: молодым был, да и деньжонки водились...

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Да какие там деньжонки!

ТЕНЬ ШУКШИНА. Как-никак получал стипендию от царя. Тратил всю на себя.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Невидимые миру слезы.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Хотите мир ее изображу?

ТЕНЬ ШУКШИНА. Чей мир – итальянки или Хомяковой?

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Мне все равно. Лишь бы была способна любить... Ну, скажем, того же Николая Васильевича Гоголя... Вот и мелодия побежала по дорожке... Скачет впереди слов... Про то, как на его месте любил бы я Хомякову...

ГОЛОС СВЫШЕ. Напевая (*под нос*), постепенно слова превращаются в песню.

Итак, Песня о любви (в исполнении Владимира Высоцкого).

Весна. И я люблю тебя.

Все улетучились слова!
Исчезли бедные скрижали!
Кого мы в этом мире обожали,
Кто нас обидел, кто – «коман са ва!»
А тот, кто был со мною рядом
И чья надежда тут, всю жизнь кого любил я.
Люблю тебя, живу с горящим взглядом,
Тебя люблю я, Сигидилья!
Я верю, верю, люблю тебя я!
Не гений, человек! Я стал твоею тенью.
И от любви страдал, и от любви страдал,
Во власти я объятий, потрясений!
И от любви былой, былых сомнений,
Во власти новых грез я,
Новых грез и потрясений!

АКТ ВТОРОЙ

Дом графа Толстого – в верхних, графских покоях, куда съезжается высший свет – элита московская, то на нижнем этаже, в «лакейской», отведенной Гоголю, куда являются светила – московские доктора.

Сцена первая

Узкая, тесноватая комната, тут отдыхают лакеи, прежде чем бежать наверх, к господам. Гоголь лежит на сбитом из досок топчане, превращенном в постель.

ГОГОЛЬ (*приподняв голову, слабым голосом*). Она прошла наверх, я слышу ее шаги на лестнице.

СЛУГА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ К БОЛЬНОМУ. Николай Васильевич, вы про кого?

ГОГОЛЬ. Холякова. Чувствую, это она, она! (*Слуге.*) Как зовут-то тебя, хлопчик?

ГРАФСКИЙ СЛУГА. Питер.

ГОГОЛЬ. Почему Питер? Даже государь – император носил имя Петр.

ГРАФСКИЙ СЛУГА. Такова воля его сиятельства, господина графа Толстого.

ГОГОЛЬ. Я буду звать тебя Петр, согласен?

СЛУГА ПЕТР. Воля ваша, господин великий писатель.

ГОГОЛЬ (*хватая левой рукой пустой воздух перед собой*).
Кхм, кхм.

СЛУГА ПЕТР. Что вы, Николай Васильевич?

ГОГОЛЬ. Понять хочу: что это такое – великий писатель? С чем хоть это едят?

СЛУГА ПЕТР. Пост предпасхальный еще не пришел, а вы, Николай Васильевич, все поститесь, поститесь. Почти ничего не едите.

ГОГОЛЬ. Всю жизнь так. Боюсь много есть. Сейчас есть еда, а вдруг не станет, что тогда?

СЛУГА ПЕТР. А чего б вы, Николай Васильич, хотели? Из мясного или рыбного? Фрукты, овощи? Я принесу, я мигом, сбегая на кухню... вы только скажите... Шеф-повар делает все для вас...

ГОГОЛЬ (*прислушиваясь к голосу наверху*). Это она все, она – Языкова.

СЛУГА ПЕТР. Она говорит, любое чудо для вас сотворю. Из французской, китайской, даже этой... персидской кухни.

ГОГОЛЬ (*прислушиваясь*). Стихи читают.. персидские... из Омара Хайяма... Хомякова...

ГОГОЛЬ (*нараспев*). Слуга Петр. Кто – Языкова или Хомякова?

«Пей с достойным, который

Тебя не глупей

Или пей с лунолицой,

С любимой своей.

Пей с умом, пей с разбором,

Умеренно пей.

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.

Я хотел бы, но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть.

Когда песню любви

Запоют соловьи,

Выпей сам и подругу свою напой.

Видишь, роза раскрылась в любовном томленьи.

Утоли, о влюбленный, желанья свои.»

СЛУГА ПЕТР. Ничего не едите. Все, говорите, поститесь,
поститесь. Николай Васильевич... А стихи сами-то пишете?

ГОГОЛЬ. Не удостоен. Боги только Пушкина удостоили.
Да Мятлева Ивана Петровича. Вот!

«Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость,
Казалось мне, любовь дышала в них.»

Пауза.

ГОГОЛЬ (*слуге*). Как ты думаешь, она слышит меня?

Сцена вторая

Там же, те же.

СЛУГА ПЕТР. Кто она?

ГОГОЛЬ (*глазами показывая наверх*). Ну она, она... Языкова... Нет, Хомякова... Флорентийка, Прекрасная Незнакомка.

«Но в мире мне явилась дева рая,
 Прелестная, как ангел красоты.
 Венка из роз искала молодая,
 И я сорвал заветные цветы...
 Да где ж она?.. В погосте белый камень...»

СЛУГА ПЕТР. Вы бы съели что-нибудь, поддержали бы свой организм. Вот яблоко какое большое, огромное! Какое красивое!

ГОГОЛЬ. Красота мир не спасет. Мир сейчас кажется мне в черно-белом изображении. А когда писал «Вечера на хуторе» или «Тараса», жизнь казалась цветной. Сейчас, все кажется желтым, когда я читаю Пушкина или Омара... Или вот такие стихи из будущего. Кажется, Блок. Будет такой поэт.

(Читая нараспев.)

«... и я забыл прекрасные черты.
 И вспомнил я тебя пред аналоем.
 Я звал тебя, но ты не обернулась,
 Я слезы лил, но ты не снизошла.
 Ты в синий плащ печально завернулась...»

Пауза.

ГОГОЛЬ *(показывая пальцем вверх на потолок)*. Как ты думаешь, она слышит меня?

СЛУГА ПЕТР *(резонно)*. Как можно слышать эти стихи, когда они еще не написаны? Их могут слышать только вы – гении.

ГОГОЛЬ *(поднимая палец прямо перед собой)*. Господи! Помогите разобраться, зачем я живу? Копчу вот белый свет с химерами своими, мертвыми душами. Весь истощился на смехе, на горечи смеха, сам не заметил, как перешел с белого цвета на черный... *(Показывая пальцем вверх.)* Опять чужое полезло! Прет из меня это святое искусство!

«Принимая тебя как данность,
 Как явление цвета, борьбы,

Никогда я с тобой не расстанусь.
В гениальных моментах судьбы...»
СЛУГА ПЕТР. Про кого это вы, Николай Васильич?
ГОГОЛЬ (*словно очнувшись*). Да это я так... одно и то же...
одна и та же приходит ко мне и уходит...

Появляется Владимир Даль.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Знаю – кто, знаю.
ГОГОЛЬ (*реагируя на его появление*). Что – прядь пришел срезать с моей головы? Казак Луганский!

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Знаю, кто приходит к тебе, Николай Васильич. Кто является днем и ночью в порывах прозрений.

ГОГОЛЬ (*живо*). И кто же?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. А все та же? Прекрасная незнакомка – из Флоренции. Все никак не забудешь Италию? Вот как въелась в тебя эта заграничная поездка, хоть и временное, но проживание в мире живописи и статуй.

ГОГОЛЬ. Скажи, как Толковый Словарь у тебя продвигается? Помогает Пушкин, пушкинский гений, перстень его?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Разрядился уж, стал светло-зеленый. Тягостно в литературе, перенасыщена.

ГОГОЛЬ. Распределяется все по поколениям.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*замечая яблоко на столе*). Что ж ты не ешь-то, людей тяготишь.

ГОГОЛЬ (*глаза в сторону*). Да, пощусь все, боюсь переем.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. У голодной куме – одно на уме.

Сцена третья

Верхние покои в доме графа Толстого. Танцевальный зал с хрустальными люстрами, блестящим, натертым дубовым паркетом. Гостей уж немало: сливки московского «куртага». Все крайне встревожены тем, что происходит там, на первом этаже, где угасает Гоголь – гордость наша великоросская.

Появляется Хомякова – жена русского просветителя.

ГРАФ ТОЛСТОЙ (*кидаясь к ней*). От него, ну и как?

ЖЕНА ХОМЯКОВА. Да нет, я прямо сюда. Просто сил никаких – смотреть на него... Как на Солнце при закате...

ГРАФ ТОЛСТОЙ (*щелкая пальцами*). Что бы это для него сделать такое! Может, спеть?.. Вот вы (*Хомяковой*), может, споете – он услышит. Он же знает ваш голос.

ЖЕНА ХОМЯКОВА. Да он же признает только эту... итальянку свою, из Флоренции... он сама к нему бесконечно является, призраком...

ГОСТИ ИЗ МОСКОВСКОГО БОМОНДА (*жене Хомякова*). Умоляем вас, просим! Может, подействует?

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Романс какой-нибудь, русский романс. Может, из Пушкина?

ЖЕНА ХОМЯКОВА (*подходя к роялю*). Ну что ж, давайте попробуем. (*Объявляет Анне Петровне Керн. Поет.*)

«Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои

Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.»

Все аплодируют. Пауза. Молча смотрят вниз, на паркетный пол, прислушиваются к тому, что должно было бы вроде раздаться оттуда, какой-то сигнал. Но сигнала не поступает. Ни стука, ни голоса.

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Может, того... повторить?

ХОМЯКОВА. Может, что-то другое?

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Стихи? Давайте вот эти, тютчевские, — мои любимые.

«Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой:
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.»

Пауза. Все стоят пораженные музыкой слов. Появляется Владимир Даль.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*разводя руками*). Вы что, в такой ситуации?

МОСКОВСКИЙ БОМОНД. Хотели как лучше.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. А получается как всегда.

Сцена четвертая

Там же, те же.

ГРАФ ТОЛСТОЙ (*Владимиру Далю*). Что – никакой реакции?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*пожав плечами, обращаясь к Хомяковой*). Может, эту вот спеть – Толстого Алексея Константиновича?

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Если это поможет... поднимает дух...

ХОМЯКОВА (*запевая*).

Русский романс.

«Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь –
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!»

Пауза. Хомякова прислушивается к тому, что совершается этажом ниже, в «лакейской».

ХОМЯКОВА. А там тишина. Какая-то стеклянная, оцепенелая. Он не слышит нас! *(Кричит, стонет она в отчаянии.)* Он меня не воспринимает!

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Может, послать все же за итальянской оперой, за флорентийкой, Незнакомкой? Или к цыганам?

КТО-ТО ИЗ СЛУГ. Уже послано, скоро будут-с.

Первыми появляются итальянцы.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА *(вступая в зал, на ломаном русском)*. Ну что тут у вас творится? По какому поводу... как это, как это... сыр-бор?

ГРАФ ТОЛСТОЙ *(хватая ее под локоток и провожая к роялю)*. Наше дело – платить, ваше дело – исполнять!

ЛАКЕЙ *(угодливо открывая крышку рояля)*. Чтобы реки заиграли, зашумели зеленые сады.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА. Видите? Я вся в белом, в белых одеждах. К вам сюда сначала пришла – значит, будем петь белые песни... Да? Неаполитанские песни...

ГРАФ ТОЛСТОЙ *(вяло машет рукой)*. Валяй. И как можно громче, чтобы всех потрясло.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА. О мое Солнце! *(Поет, форсируя звук.)*

«Как ярко светит после бури Солнце!

Лучами алыми мир озаряя.

И к новой жизни сердце пробуждая,

Как ярко светит после бури Солнце!

Я знаю, Солнце ещё светлей,

О дорогой мой, солнышко мое!

О дорогой мой, дорогой!

Солнышко ты, солнышко мое!

Как дивно светит Солнце в час заката!,
Лучами алыми мир озаряя,
Привет прощальный шлет, нас обнимая,
Как дивно светит Солнце в час заката!

Я знаю, Солнце ещё светлей,
О дорогой мой, солнышко мое!
О дорогой мой, дорогой!
Солнышко ты, солнышко мое!»

Пауза. Все прислушиваются опять-таки к тому, что вершится там, этажом ниже, где находится Гоголь.

ХОЛМЯКОВА (*в отчаяньи, шепотом*). Не слышит, не реагирует.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Вовремя надо почести, сердечное внимание, при жизни, а не когда уже на краю.

Сцена пятая

Там же. Итальянцы уходят, появляются цыгане.

ГРАФ ТОЛСТОЙ (*подавая гитару*). Маша! Спой наше!

ЦЫГАНКА МАША. «Песню цыганки?». «Пару гнедых»?.. Вот, «Прощай, мой табор».

(*Поет, перебирая струны.*)

«Цыганский быт и нравы стары,
Как песни те, что мы поем.
Под рокот струн, под звон гитары,
Жизнь прожигая, мы живем.

Прощаюсь нынче с вами я, цыгане,
И к новой жизни ухожу от вас.
Не вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор, пою в последний раз!

Цыганский табор покидаю,
Довольно мне в разгуле жить!
Что в новой жизни ждет меня, не знаю,
А в прошлой – не о чем тужить.

Сегодня весел с вами я, цыгане,
А завтра нет меня – совсем уйду от вас...
Не вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор, пою в последний раз!»

И пауза. Звуки все еще держатся, не истаяли в тишине. Все еще стенают по струнам, по паркету.

ХОМЯКОВА (*заламывая руки*). Слышите, слышите? Наконец-то! Он летит на середину Днепра, ко мне сюда... слышу... летит птица – Гоголь оттуда...

«На парусе белом мне любо качаться
Да искрой из глаз осыпать берега.
Заржет жеребенок – талантлив, чертенок!
И я ему в голос, ага.»

Закатив глаза, падает замертво.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*держит пальцы на пульсе, констатирует*). Все, кончено. Пожалуй, обширный инфаркт. Не говорите ему, не надо... надо пока помолчать...

Сцена шестая

Узкая, тесноватая комната, где лежит Гоголь. И все-таки призрак итальянки, флорентийки, сменив белые одежды на черные, входит сюда к нему. Стоит перед ним.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. (*Приоткрывает глаза. Весь натягивается в струну, чуткий.*) Что-то случилось? (*Приподнимается и делает знак: «Уходи».*)

Флорентийка – призрак в черных одеждах исчезает.
Гоголь делает отчаянные знаки руками, словно не подпуская к себе кого-то.

СЛУГА ПЕТР. Что с вами, Николай Васильевич? Вам пить?..

ГОГОЛЬ (*хрипло*). Вий, Вий!.. Подожди, подождите... Мне еще надо что-то сказать, распорядиться... (*Слуге.*) Там, наверно, было суетно, а теперь тишина.

СЛУГА ПЕТР. Говорят, умерла барыня – какая-то Хомякова.

ГОГОЛЬ (*передернувшись весь, тупо глядя в угол*). Вий, Вий – чертово колесо, наваждение. (*Вздохнув кратенько.*) Ну вот, и мне теперь незачем жить. Надо следом туда, к мертвым душам. (*Хрипло.*) Яблоко, яблоко мне!..

Слуга подает большое такое, огромное зеленое яблоко. Рука Гоголя не удерживает его: яблоко долго катится под топчан, куда обычно он бросает на годик рукопись, чтобы потом, когда отлежится, прочитать, как новую, свежую.

ГОГОЛЬ (*откинувшись на подушку, слуге.*) Где моя рукопись?

СЛУГА ПЕТР. Какая?

ГОГОЛЬ. «Мертвые души», часть вторая.

СЛУГА ПЕТР. Где обычно. Шкаф в ногах.

ГОГОЛЬ. А камин где?

СЛУГА ПЕТР. В соседней комнате.

ГОГОЛЬ. Уходи. Дай побыть одному.

Ночь. Гоголь делая усилия, встает, начинает ходить. Достает из шкафа пухлую рукопись, держит ее навесу.

ГОГОЛЬ (*в сторону*). Сколько в ней бессонных ночей, сил, потраченных зря. Зачем?.. Чичиков этот – пустой человек, что он даст литературе, России. Прохиндиада!... Камин растоплен, горит камелек... Какие заботы сейчас о тебе! Как о

графу – хозяине этих владений, у которого ты в приживалах! В рай еду, на чужом хрипу далеко не уедешь... Прощай, мой табор, пою в последний раз...

Гоголь нервно перебирает страницы.

(В сторону.) Будут потом осуждать, примут за сумасшедшего, за идиота. У нас это любят: сначала гнобить, потом восхвалять, если за что ранее проклинали... Или вообще предать забвению, вещь не попала в культурный поток...

Еще и живым похоронят. Говорил же, писал даже, оставлял памятные записи: в случае чего, живым кабы не закопали. Бывает, лежу целыми днями, особенно после постных, даже голодных дней – сам не знаю, живой ли? Все жду черного человека, все мне кажется черным, страшным, мятущимся. А то все вдруг становится желтым, как малярия... Не знаю женской ласки, да, не знаю, что это такое. Все в грезах, мечтаниях, в пустой болтовне. Ни роду нет, ни племени в чужой мне стороне... Ни сына, ни дочери...Кстати, может, и хорошо: по наследству некому нечего передавать. Некого и расстреливать, как моему Тарасу своего сына Андрея. Ведь грешник мой Бульба-то, грешник: стрелял в собственного сына – человека, богам угодного, браки ведь свершаются на небесах. Боги, дали Андрею любовь, ему и его любимой – гордой полячке. Ну и что ж, что полячка, что спесива, горда. То тебе ведьма в панночке, то «гонор и слава»... А то любовь – святое, богово чувство...

И этого Чичикова не жаль, прохиндей! Куда повело его вместе с тобой, в какие пределы. Скажет, выродился Гоголь, исписался, как Пушкин, бывало. Суровый Дант не презирал сонета... или, наоборот, презирал? Что-то путается в моей голове...

Гоголь берет верхний листок рукописи. Целует его сухими губами и кладет на пламя. Смотрит, как огонь жадно схватывает, скручивает его, извиваясь, как и душу его окаянную. Из жизни надо уходить, не жалея ни золота – серебра, ни жемчугов.

Сцена седьмая

Та же узкая, тесноватая комната, где лежит Гоголь. Он тупо смотрит в угол, откуда уж под утро является Вий.

ГОГОЛЬ (*шевели сухими губами*). Упрекать меня, зачем? Я написал, я и сжег. Предал пламени то, что должно пламени предаваться. По крайней мере, проверено. «Рукописи, оказывается, горят». Вий это шепчет, нашептывает тебе на ухо. В одно ухо влетит – в другое вылетит. Кабы живым не похоронили. Проснешься в гробу, а кругом миазмов не подыхнуть...

Уходи, Вий! Дай хоть мысленно очертить круг вокруг себя. Любят у нас страдать, считается, что кто-то один расплачивается за всех...

СЛУГА ПЕТР (*наклоняясь к нему*). Вы что-то сказали, Николай Васильевич?

ГОГОЛЬ. Вий, витерець! Опять отняли копеечку. Подайте Христа ради юродивому – Пушкин это сказал. Одни берут, другим не дают – и это называется «экономика». Кто это слово придумал – кажись, Карамзин? Словотворец, Петр! Знаешь хоть, что такое «плитуар», «зеленя»? Кто все это придумал?

СЛУГА ПЕТР. Нет, батюшка, где же нам знать? Это для нас запрещено.

ГОГОЛЬ. А вот Чичиков знал. Тот и этот свет – там и тут «мертвые души». Тянет меня в иные миры, в дьявольский смех... Цепляюсь за жизнь, а зачем? Особо как ушла она – единственное существо, которое знало меня, воспринимало. Женщины созданы Господом – Богом для ласки, любви, мужики – для топора...

Кипит во мне этот фонтан, фонтанирование словесное. Все бормочешь, бормочешь, сочиняешь свои метафоры, глоссы. Как на кресте, продержался всю свою жизнь. Под конец и вспомнить-то нечего: ни прогулок при луне, ни обручальных колец. Одни только рожи держимордовские, дубины стоеро-

совые, типы, характеры да божию образа, которые сглаживают в тебе эти углы черномордые...

ТЕНЬ ХОМЯКОВОЙ (*возникая откуда-то*). Не кляни себя так. Не напрасно жизнь прожита. И сейчас ты летишь ведь над серединой Днепра.

ГОГОЛЬ. Кто тебе это сказал, – Вий?

ТЕНЬ ХОМЯКОВОЙ. Я тебе говорю, я! Единственная твоя, любимая тобой женщина.

В отдалении возникают колокола. И опять в таком сочетании: кремлевские куранты, владимирские куранты, суздальский звон, ростовский звон. И под них строится хор, поющий ту же песню, с какой началось движение людской реки от Пушкинской площади сюда, к Гоголю, по Дороге к Храму. А дальше – туда, к казакам – к Тарасу Бульбе, Шолохову, задумчиво взирающему на мир, сидя на краю лодки.

«Изопьем Дону великого, Тиха Дона!».

«Долетим хотя бы до середины Днепра!»

Вий в белых одеждах, меняясь в душе, заставляя думать о ней, все о ней. И поет он.

Песню Левко

(из оперы Лысенко «Майская ночь»)

«Спи, моя красавица, сладко спи.

Радостный, светлый сон

На тебя слети.

Думаешь ли, гредишь ли об о мне,

Я ж день и ноченьку

Мыслю о тебе.

Пусть тебе пригрезится

Сладкий, сладкий сон.

Долюшка счастливая

Со милым дружком.

Не забудь, что вместе мы,
 Вместе жизнь ведем.
 Да, моя красавица,
 Вместе жизнь ведем».

ГОГОЛЬ (*вникая в смысл исполняемых слов*). Что-то не то.
 Во-первых, жизнь уже не ведем. Я почти там уж, за ней – на
 том свете... Мрак и тоска...

ВИЙ (*снова меняя белые одежды на черные, поет*).

Ария Демона

(из одноименной оперы А. Рубинштейна)

«Я тот, которому внимала
 Ты в полуночной тишине.
 Чью мысль душа твоя шептала
 И грусть чью смутно отгадала.»

Гоголь откидывается в изнеможении. А голос все тот же – Вия в
 черных одеждах (продолжая лермонтовские слова).

«Я тот, чей взор надежду губит,
 Едва надежда расцветет.
 Я тот, кого никто не любит
 И все живущее клянет.

Я бич рабов моих земных,
 Я царь познания и свободы.
 Я зло небес, я зло природы,
 А ныне я у ног твоих.

И голос удаляется, становится тише.

Тебе принес я уверенья,
 Молитву тихую любви,
 Земное первое мученье
 И слезы, слезы первые мои».

И колокольные звоны несут, уносят слова – за собой, вместе с
 собой, чтобы ими очиститься и очистить.

ГОГОЛЬ (*шепча едва слышно*). Ну почему, почему?

СЛУГА ПЕТР (*наклоняясь к нему*). Что – почему?

ГОГОЛЬ (*уже не сдерживая слез*). Почему хоть не я сложил эти слова? Боги не дали таланта писать мне стихи.

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Все там же, в узкой, тесноватой «лакейской», где доживает последние дни своей жизни великий Гоголь. Во двор графского дома въезжают кареты, сидящие на козлах «ваньки». Съезжаются светила московские – лучшие врачи города. Случай неизъяснимый да еще с гением отечественной литературы.

Слуга Петр сбился с ног. В подмогу граф послал еще одного слугу, вдвоем и мечутся с шубами да калошами, с шарфами да маляхами.

Консилиум. Все четвером молча сидят кружком – сначала наблюдают. Зададут редкий вопросик и снова сидят, переворачивают внутри себя практику, встреченное в медицине.

ПЕРВЫЙ ДОКТОР (*дородный, в золоченных очках*). Полагаю, надо пациента кормить. Человек просто – напрасно голодает.

ГОГОЛЬ (*слабым голосом*). Пост великий, батюшка, постимся всю жизнь. Не есть мы привычны.

ВТОРОЙ ДОКТОР. Расстройство здоровья, психологического свойства. Нервная система, на наш взгляд, крайне истрепана, истощена годами каторжного труда.

ГОГОЛЬ (*улыбнувшись внутренне, про себя*). Какая же это каторга? Это счастье, служение родине, литературе.

ВТОРОЙ ДОКТОР. И человечеству, Николай Василевич! Да-да. Это счастье – духу. А телу, извините, здоровью... это крайности, они тоже имеют границы...

ТРЕТИЙ ДОКТОР. Случай какой-то невообразимый. Фобии – боится быть (*совсем тихо, на ухо рядом сидящему*), похороненным заживо... так сказать, заживо погребенным.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДОКТОР (*тощий такой, лысоватый, из немцев*). Карашо русский доктор! Умный русский, как это... русский лекарь! Но-но... Тут случай особый. (*Обращаясь к Гоголю.*) Вы были в Италии?

ТРЕТИЙ ДОКТОР. Да был, был, конечно. По молодости еще, во Флоренции, кто же об этом не знает?

ЧЕТВЕРТЫЙ ДОКТОР, НЕМЕЦ. Ну вот. В те годы во Флоренции была инфлюенция... скорее, тропическая лихорадка. Смотрите, лицо желтого цвета переходит в зеленое...

ПЕРВЫЙ ДОКТОР (*тучный, в золоченых очках*). Скрытая, неизученная трактовка, заставляет задуматься о невозможном.

ТРЕТИЙ ДОКТОР. О невероятном.

ВТОРОЙ ДОКТОР. Книги его читай, особенно «Петербургские повести» – все симптомы, как на ладони.

ПЕРВЫЙ ДОКТОР. Когда читать-то? Практика, постоянное внимание пациентов – ваши светлости да ваши сиятельства. Немец вот и вовсе читать по-русски, небось, не умеет.

ДОКТОР-НЕМЕЦ (*недовольно*). А вы не умеит по-немецки, некарашо-с. У вас, как что... короткая скамейка – на катафалк, кладбище...

ПЕРВЫЙ ДОКТОР (*в золотых очках*). Да уж не длиннее вашей, господин Шнапс.

СРАЗУ ОБА ДОКТОРА – ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ. Друзья мои, друзья мои! Что же мы, зачем же мы так тут, ведь собрались перед ликом, можно сказать, святым.

ДОКТОР – НЕМЕЦ. Господин лекарь! Русские люди! Глядите, такой писатель и так плохо есть, такое питание! Отвратительный пост всю жизнь... И, может, в первый раз лекаря видит.

СРАЗУ ОБА ДОКТОРА – ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ. Ну что вы, что вы? Откуда вы взяли?

ДОКТОР – НЕМЕЦ. Ну во второй. Постоянного наблюдения нет. Схему лечения не можно составить...

ТРЕТИЙ ДОКТОР. Путается физическое с психическим... психоанализ нужен...

ГОГОЛЬ (*приоткрыв веки*). Психоанализ?.. Зигмунд Фрейд?..

ВТОРОЙ ДОКТОР. Это перспективы, а нам сейчас надо...

ПЕРВЫЙ ДОКТОР (*дородный, в золоченых очках*). Ну так что в итоге? Снизить нагрузку... особенно психологическую... кормить непременно – даже через силу, насильно... Собираемся завтра, будем думать... все же наша гордость, светило... На кону честь медицины, Господи, разве не так?

СЛУГА ПЕТР. С ложечки будем кормить, через силу.

Сцена вторая

Медицина уходит. Гоголь остается один.

СЛУГА ПЕТР (*подходя на цыпочках*). Николай Васильевич! Скрипачи пришли из Большого театра, сыграть просятся – музыку Сарасате. Говорят, очень помогает, особенно скрипки. Даже куры, говорят, больше яиц несут.

Вот яичко принесли как гусиное. Это по размеру, а по качеству – говорят, как куриное, диабетическое.

ГОГОЛЬ (*поправляя*). Диетическое. В Петербурге когда-то яйца я считал за картошку, а картошку – за яйца.

СЛУГА ПЕТР. Правильно, правильно! За яйца и на Доску почета, так было.

ГОГОЛЬ (*слегка улыбнувшись*). Так было? Как на родине у Шукшина. Так там наоборот было: на Доску почета за яйца..

СЛУГА ПЕТР. А кто этот – Шукшин?

ГОГОЛЬ. Да писатель один знакомый, из будущего.

СЛУГА ПЕТР. В Сростках, говорите, было такое, на родине Шукшина?

ГОГОЛЬ. Больно дороги яйца там. А Шукшин говорит, вообще Родину не продаем.

ВИЙ (*появляясь в черных одеждах*). Обсуждаем проблемы?

ГОГОЛЬ. Ты что за язык меня тянешь? Надо бы мне помолчать про яйца-то, а я все никак не успокоюсь... Пусть заходят артисты, играют на скрипке.

ГОЛОС СВЫШЕ. Скрипки-то не из Большого театра, а виртуозы Москвы – от Спивакова, путают время. А Гоголь уснул уже, спит и видит волшебные сны. Как будто это он перешел реку Стикс, незримую черту, которая отделяет в нем этот мир от того, не очевидный, но факт вполне вероятный. Здесь где-то его поджидает она, его женщина, прекрасная дама – Хомякова, которая, он просто уверен в этом, она одна только любит его по-настоящему. Звучат песни, дивная мелодия сфер.

«ОН *(кладет руки на плечи ей)*. Песни, русские песни, что они – наши дети?

ОНА *(прижимаясь к нему всем пышущим жаром телом)*. Да, они – наши дети, дети.»

ГОЛОС СВЫШЕ. И она греет его собой, греет, оживляет всем своим огненным телом.

И он запекает ей свое молодое и раннее, из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

«Місяць на небі зіроньки сяють,
Тихо по морю човен плыве.
Колысь кохались тай розійшлись,
Теперь зійшлись навікі вновь».

А потом пошло – поехало – покатило. Он поет ей

Липу вековую
«Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

Луг покрыт туманом,
Словно пеленой;
Слышен за курганом
Звон сторожевой.

Этот звон унылый
Давно прошлых дней
Пробудил, что было
В памяти моей.

Вот все миновало,
Я уж под венцом,
Молодца сковали
Золотым кольцом.

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.»

И они с ним поют уже вместе, дуэтом.

Златые горы

«Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Я б все отдал за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна.

Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу –
Тогда свободно и счастливо
С молитвой мы пойдем к венцу.

Не раз, Мария, твою руку
Просил я у отца, не раз.
Отец не понял моей муки,
Жестокий сердцу дал отказ.

Умчались мы в страну чужую,
А через год он изменил.

Забыл он клятву огневую,

И сам другую полюбил.

ОНА. Не надо мне твоей уздечки,

Не надо мне твоего коня,

Ты пропил горы золотые

И реки полные вина.»

ОН (*обнимая ее за плечи*). Что это – дождь ли, слезы потоком текут из меня?

ОНА (*прижимаясь всем телом*).

Милый мой, дорогой!

Это брызги днепровские,

Ты летишь серединой Днепра!

(*И поют вместе.*)

«Эх, да позарастали стежки, дорожки,

Где проходили милого ножки.

Позарастали мохом – травую,

Где мы гуляли, милый, с тобой.

ОНА. Если забудет, если разлюбит,

Если другую мил приголубит,

Я отомстить ему так поклянуся:

В речке глубокой возьму утоплюся...»

Сцена третья

Там же, те же.

ГОГОЛЬ. Ах, песня, русская песня! Что ты делаешь с нами, душа наша – русская песня. Эх, тройка, птица-тройка! Lipa вековая, песня роковая! Вот так пошел, как пошел, как пошел по Великой Руси – ни ее Серединной, ни Малороссии, ни Новороссии – ты одна и царишь в душе, в русских куцах ее, русская песня. Стихия песни, стихия любви!

И поют опять вместе, вдвоем.

«На лужке, лужке, лужке,
При широком поле,
В незнакомом табуне
Конь гулял по воле.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не поймаю,
Как поймаю – зануздаю
Шелковой уздою.

Как поймаю, зануздаю
Шелковой уздою,
Дам две шпоры под бока –
Конь, лети стрелою!

Ты лети, лети, мой конь,
Ты, как ветер, мчися,
Против нашего двора,
Конь, остановися.

Подъезжай, конь, к воротам,
Топни копытами,
Чтобы вышла милая
С черными бровями.

А красавица спала,
Ничего не знала,
Правой ручкой обняла
И поцеловала.»
ОН. Эх да и какой же русский
Не любит быстрой езды!
ВМЕСТЕ.
«Распрягайте, хлопцы, коней
Тай лягайте спочивать,

А я пиду в сад зеленый,
В саду крыныченьку копать.»

Эх да жизнь без границ меж людьми – по ковылям, по ковылям, по степи широкой до самого Черного моря и далее, далее до любезной сердцу Италии.

ГОЛОС СВЫШЕ. И не заметила она, как перешел Гоголь в другое состояние: в мир иной – туда, вслед за ней, Хомяковой, а мы все остались тут сами, без него, как без Пушкина, и разом ведь пустыми сделались, осиротели.

И в графский двор въехал катафалк – весь в белых розах, с горячими, застоявшимися конями! А на кой ему розы, на кой ему катафалк! Положили на него шинелочку чью-то – Акакия Акакиевича, скорее всего; своей-то за жизнь так ведь и не заработал. Однако взмахнули люди рукой на катафалк, подняли гроб над собой с его ветхим, слабеньким, птичьим тельцем да и понесли его по Москве над собой, как хоругви, на своих могучих руках человеческих, и несли на счастье его над собой, – ближе к Богу, повыше – на небо туда...

Молча, с надрывом в душе двигалась людская река от Гоголевского бульвара вниз туда, к казаку, – по Дороге к Храму.

И опять пошли по порядку колокола:

Кремлевские куранты,
Владимирские куранты,
Суздальский звон,
Ростовские звоны.

И далее Архангельские (Малые Карелы), Минские, Феодосийские...

И в них голоса хора, людской реки, пришедшей сюда от Пушкинской площади, по этой Дороге к Храму. И сама песня «Дорога к Храму», исполняемая лучшими басами, баритонами Руси (от Максима Дормидонтовича Михайлова до Петрова, Штоколова, Хворостовского), а тенора колокольцами, колокольцами витиеватыми меджу ними (от Собинова до Атлантова).

И понесли они эту песню, этот гроб на могучных плечах, самого Николая Васильевича Гоголя, понесли, понесли его в Гоголевской шинелочке-то; что-то больно много носит Русь в последнее время хороших людей – дочерей своих, сыновей.

Сцена четвертая

Там же, на Гоголевском бульваре, а вот эпоха (благодаря «машине времени»), резко уходит вперед, к 1931 году, когда в Свято-Даниловом монастыре, по распоряжению властей, была произведена эксгумация праха Гоголя с целью переноса захоронения в Новодевичий монастырь.

На том же месте, где накануне смерти писателя собирался Комитет общественного спасения во главе с Владимиром Далем, также кучкуются люди, именуемые теперь «общественность» – культурный слой столицы, обсуждают текущий ремонт. Поскольку уже тогда следовало больше держать язык за зубами, прежде чем предавать разглашению истинную конкретику фактов. Попробуем представить воображаемую картину, как ее тогда трактовали.

ВАЛЬСИНГАМ (*новый Председатель Комитета общественного спасения, вместо Владимира Даля, обращаясь к Юродивому*). Опять, скажешь, отняли копеечку?

ЮРОДИВЫЙ (*неожиданно*). Да нет! Другое скажу. Слышали ль вы?..

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Львы слышали, а мы?

ЮРОДИВЫЙ. Слышали ль вы, что Гоголя при вскрытии могилы нашли в перевернутом виде? И, вообще, могила провалилась, оказались близко донные воды.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Живого похоронили, ужас!

ВОЗМУЩЕНИЕ В ТОЛПЕ. А ведь предупреждал: глядите, живым не предавайте земле, полностью удостоверьтесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Это все Вий! Вий все в черных одеждах. Силы мистические..

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Это беспризорники. При НЭПе в Даниловом монастыре беспризорников содержали. Эти чертенята, до чего хошь докопаются. Говорят, вот так

же было и с Фетом. Деревенские рябятишки бегали по Клейменово в его сапогах из склепа...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Хватит вам! Достаточно домыслов! Официальная комиссия была, акт составлен.

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Комиссия отца Дионисия. Факты не удостоверены, подписи не разборчивы. Говорят, темно было, прах, как следует, не разглядели... А как святые мощи растаскивать, кусочки материи с гоголевского сюртука по карманам себе совать, так пожалуйста, стопроцентное зрение... И куда смотрели власти?..

ЮРОДИВЫЙ (*голосом Владимира Высоцкого*). Слухи, слухи тут и там, а беззубые старухи, а беззубые старухи их разносят по умам...

ГОЛОС СВЫШЕ. И через семь лет, в 1938 году, умы эти восторжествовали. Там же, на Гоголевском бульваре. Иных уж нет, иные уж далече, однако говорят свое.

ЮРОДИВЫЙ. Опять отняли копеечку?.. Слухи, слухи тут и там, а беззубые старухи уж расселись...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Где расселись?

ЮРОДИВЫЙ. Уж сидят, где Вальсингам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Ну и при чем тут мое имя? Слава богу, прах Гоголя упокоен на Новодевичьем.

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Даже головы, говорят, при эксгумации не оказалось. Писатель Половецкий из комиссии, говорят, череп забрал.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Это как говорится, кому чего не хватает... майор НКВД один с... Эльдорадо... занимался этим вопросом. Как это у Гоголя нет головы, быть такого не может... Нагромождение мистики, фантастика...

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Так Гоголь же, Вий фитили вставляет.

ЮРОДИВЫЙ. Опять у людей отняли копеечку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Господи! Да что же это такое! Ну просто бельмом в глазу этот Юродивый. Уж ре-

волюции прошли, мировая война, Пушкину 140 лет отметили, а этот все сидит и каркает, идиот.

ЮРОДИВЫЙ. Да вот сижу! Совесть у властей пробуждаю.

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Вон Гоголь пробуждал, пробуждал, да взяли голову и оторвали.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС. Этот факт еще не установлен. Майор дл всего докопается.

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС. Майор уже генерал-майор, а царь как был полковником, так и остался.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС. В самом деле, даже царю голову оторвали, а также Марии – Антуанетте. А уж с Гоголем как-нибудь разберутся, не иголка в сене, время покажет.

ГОЛОС СВЫШЕ. И тут собравшиеся на Гоголевском бульваре спохватились и стали провозглашать Николаю Васильевичу Гоголю больше уже по привычке «многая, многая, многая лета».

Сцена пятая

Все там же, на Гоголевском бульваре. Но время опять-таки, по согласованию с общественностью, исчисляется относительно Гоголя. Отмечается уже 200-летие писателя.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС. И с головой Гоголя к этому времени разобрались, и стало теперь их три: одна на памятнике на Гоголевском бульваре и еще две на другом памятнике – Гоголя – птице, во дворе: вверху и внизу. Да еще и четвертая объявилась над могилкой где-то в Новодевичьем монастыре. Зато в самой могиле, говорят, как не было, так и нет, ни одной...

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС. И стали отмечать 200-летие Гоголя. Даже в Париже, в Бужевале, к Тургеневу вопрос Гоголя подцепили.

«Амбивалентный смех», – с такой темой возник там один наш молодой отечественный ученый, наш современник.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС. Это в чем же он состоит, этот смех? В том, что три головы или одна? Одна или три?

ЮРОДИВЫЙ. Господи! Опять отняли... как ее, эту... копеечку!

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС *(на Юродивого)*. Видали, на что намекает? На экономический кризис. Целый мир и тот, брат, теперь как с умом, но без головы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Горе от ума, – сами знаете. А ум, согласно новым веяниям, состоит ныне из нанотехнологии, может помещаться во что угодно. Даже в пробирке. Может уйти в космос и не вернуться.

ЮРОДИВЫЙ. Но это уже новая версия. Массовая культура. Классическая же литературе, где Гоголь Николай Васильевич никакого отношения к этому не имеет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. К началу XXI века, пригодился и Гоголь с его Вием.

ГОЛОС СВЫШЕ. Надо же, 200-летие Гоголю попало на 1-е апреля – День Смеха. Хотели было современные юмористы ознаменовать это выступлением у пьедестала, но Председатель Вальсингам отверг предложение: голову надо иметь.

Так и стояли тут, на Гоголевском бульваре, новые люди – наследники того еще, строго, прижизненного Комитета общественного спасения. Стояли и ждали, когда же от Пушкинской площади людская река прихлынет, идучи к ним сюда, по этой дороге к Храму.

Сцена шестая

Там же, на Гоголевском бульваре. Все те же во главе с Председателем Вальсингамом.

ГОГОЛЬ *(с памятника, с высоты своего положения)*.
Идут, идут!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. И кто персонально, Николай Васильевич?

ГОГОЛЬ. Да классики же! Пушкин, Есенин, под «колокол» Герцена и современники тоже, например, из журнала «Вопросы литературы», прописанного у истоков Пушкинской площади.

Собравшиеся тут:

Уррра-а-а!

Грачи прилетели было сюда, к современной Пушкинской площади, да и назад улетели туда, к Саврасову, в девятнадцатый век. Наконец, подошла людская река, стали кланяться ему:

Николай Васильевич! Что вам спеть, какую народную, международную?

ГОГОЛЬ (*в ответ*). Вы сначала портреты мои уберите. А то один генерал даже по детским библиотекам портреты свои распахивал, а ружья у нас до сих пор кирпичом чистят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ (*запевая, и все хором за ним*).

«Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые!
Запылись ты, путь – дороженька!
Дай мне весточку, моя пташечка!..

Это ты, моя Русь, Русь державная!
Моя Родина православная!
Широко ты, Русь, по лицу земли,
В красе царственной, развернулася!

Уж и есть за что, Русь могучая!
Полюбить тебя, назвать матерью,
Встать за честь твою против недруга,
За тебя в нужде сложить голову!»

ГОЛОСА СНИЗУ. Сидите – Николай Васильевич, сидите!.. А то, гляньте-ка, говорит, дайте сойду туда вниз к вам со своего пьедестала.

ГОЛОСА РАЗРОЗНЕННЫЕ. Не надо, на надо! Стойте, Николай Васильевич, у нас высоко! На погляд всея Руси. Православный писатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Хомякову сюда, Хомякову! Сбегайте, кто-нибудь, в девятнадцатый век, позовите! Пусть спокот недопетое...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*подводя другую какую-то женщину к самому пьедесталу*). Да вот же, вот она, Хомякова!..

И запевают тихо они, вместе с деревьями, с купой дерев.

«То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.»

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Все, все подхватываем хором!
«Извела меня кручина,
Подколодная змея!
Догорает, моя лучина,
Догорю с тобой и я!»

Река людская сдвигается с места.

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА. Россия, вперед! Вперед, Россия! По дороге к Храму! По святыням нашим! Высоко несем над собой имена!..

«То не ветер ветку клонит...»

ГОЛОСА УЖЕ СЛИТЫЕ В ХОР. Колокола, колокола вступают! Московские куранты, владимирские куранты, сурдальский звон, ростовские звоны...

Под колокола так и идет, движется этот крестный, вселенский ход.

Дорога к Храму (песнопенье)

Московские бульвары – Дорога к Храму,
Дорога к Храму.

Голову приподнял и – прямо вперед!
Перед собой в сиянии неба, как диаграмму,
Вижу золото куполов, золотые купола,
Слышу голос, народ.

На подвиг зовут, призывают
Тут, на этом пути.

К Храму, к спасению, постижению
Тут, в галерее святых,
Тут, на этом пути.

Московские бульвары – дорога к Храму,
Дорога к Храму,

Колокола встречают, к ним ведет, ведет
Тверской, Никитский, Гоголевский прямо –
К колоколам, к Спасителю, вперед!

И, если памятник и мне бы
Воздвигнуть где-нибудь рукотворный,
То только тут, где каждый видит Небо,
Алкающих не денег и не хлеба,
А облик свыше чудотворный.

И к куполам, и к куполам – вперед, вперед!
Колокола, колокола – наш голос, наш народ!

ГОЛОС СВЫШЕ. Памятник остается на пьедестале, на своем месте, а мы вместе с Пушкиным, Гоголем, Есениным в первом ряду общей людской реки отправляемся в путь по бульвару.

И женщина берет Даля под руку, и кто-то из идущих рядом запекает свою, только что сочиненную.

Песня Незнакомки**Малиновый шарф**

«Красивый малиновый шарф,
Краски весны в горсаду.

Левую к сердцу прижав,
Женщину в вальсе веду.

Кружится снег, слышится смех,
Тут в хороводе и мы.
Среди потех имеем успех.
В проводах русской зимы.

Красивый малиновый шарф
В стороны чуть отведу.
Щеки горят, как пожар,
Как хохлома в горсаду.

Кружится снег, слышится смех,
Женщину в вальсе веду.
Среди потех имеем успех
Мы с хохломой в горсаду.

Красивый малиновый звон.
Женщина песню поет,
И колокольный канон
Чудо в тебя создает.

Милый малиновый шарф
Светит, сияет двоим.
Весь обхватив земной шар,
Женщина кружится с ним.

Жаркие, вещие сны,
Краски живые весны.»

ГОЛОС СВЫШЕ. Проходят далее по бульвару, поклонились бы казаку, сидящему на носу лодки. Перешли бы Дон, прежде чем двинуть еще ниже по бульвару, навстречу судьбе. Но тут из толпы раздается дерзкий ГОЛОС, уже слышанный прежде.

«На парусе белом мне любо качаться
Да икрой из глаз осыпать берега.
Заржет жеребенок – горластый, чертенок!
И я ему в голос, ага.»

И тут в конце Гоголевского бульвара, где-то в купах дерев, возникает сам собой Храм Христа Спасителя. С тем и вступают они под
своды.

И УДАРИЛ НАБАТ.

ЭПИЛОГ

ГОЛОС СВЫШЕ. Я – Игорь Коновалов, главный звонарь Московского Кремля и Храма Спасителя, всех двадцати его звонарей, всех четырех храмовых звонниц! Как махну рукой так и загудим, братия! Ударим во все тяжкие на всю Москву, на всю Русь православную, на весь мир крещеный!

ГОГОЛЮ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ – великому сыну земли Русской – многая, многая, многая лета...

ГОЛОС *(прорезался, течет над людской рекой).*

«Как выйду за город, в степное раздолье, –
Такой бесприютный затисканный весь.
Так сердце окатит Россией, любовью, –
И, значит, мы живы, и, значит, мы есть.

Качайся, пиджак, на колосьях зеленых!
И ты, колыбель моя, вы – берега!
Заржет жеребенок – талантлив, чертенок!
И я ему в голоса, ага.»

Так под колокольные звоны и опускается занавес.

ГОЛОС СВЫШЕ.

Московские бульвары

*(Песня о бессмертии, крестном ходе живых.
Под мелодию Булата Окуджавы.)*

«Пока земной шар еще вертится,
Кружится земля
Помните Николая Васильевича Гоголя,
И не забудьте меня.

Пока земной шар еще вертится,
Не исчезла земля,
Помните Александра Сергеевича Пушкина,
И не забудьте меня.

Помните, люди, Сергея Есенина,
Помните Михаила Александровича Шолохова,
Рихтера, Михаила Ульянова, Высоцкого и Шукшина.
Помните, русские люди, язык свой русский и Родину,
И не забудьте меня.»
ГОЛОС СВЫШЕ. Пойте, пойте, Московские бульвары!
Ведите людей, народ наш, народы дорогой к Храму
И не забудьте меня,
И не забудьте меня!

Занавес.

г. Малоархангельск, Орловщина.
16 мая 2009 г.

ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ

(либретто к опере)

Действие происходит в январе 43-го, во время великой битвы на волжской твердыне, севернее направления главного удара. В глухой, заснеженной степи, куда заброшена так называемая «Голубая дивизия» – из итальянцев, в голубых летних шинелишках, прохватываемых солдат жестким степным ветром. Сюда послал своих солдат дуче, чтобы поддержать фюрера.

Ночь. Только ветер, метель в степи, да в мятущихся тучах луна, магия страха в душе часового с винтовкой, которая, наверное, не стреляет.

Часовой достает из кармана заветную фляжечку. Прочищает горло: «А-а-а». Жалкий голосок тут же тонет в разбушевавшейся стихии.

Часовой прислушивается: какофония смыкается в мелодию из «Набукко» – оперы Верди, мелодия плененных рабов.

Часовой приставляет винтовку к стенке хаты с подслеповатыми окнами, зажмурив глаза, освободившимися руками делает пассы, словно играет на скрипке.

Скрипнула дверь. Появляется Старая Женщина, обкручена вокруг шеи шалью. С опаской глядит на ныряющую в тучах луну. Замечает жалкую фигурку часового. Сурово смотрит на оружейные сполохи где-то за горизонтом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА (*показывая часовому на небо, откуда звучит музыка*). Слышишь? (*Поют: «О, великая, о родная земля».*) Какая же она вам тут родная?

Солдатик пожимает плечами.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. Как зовут-то тебя?

СОЛДАТИК. Энрико.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. А фамилия?

СОЛДАТИК (*пожимая плечами*). Энрико Карузо.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА (*глядя на него подозрительно*). Карузо-о?

С такой фамилией, братец, дома сидят, а не шастают по чужим странам.

СОЛДАТИК. А ты чего смотришь туда? (*Махнув дулом винтовки на горизонт.*)

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. Да, сыночка жду. Сыночек там, где и все, где стреляют.

СОЛДАТИК (*делая шаг к ней и протягивая винтовку*). На, стой, покарауль! А я пойду погреюсь.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА (*оторопев*). Однако! (*Принимая в руки винтовку.*) Ладно, иди, солдат, грейся. Я тебе тут накараулю.

Поднимает винтовку, дулом вниз держит ее над головой, как дубину.

СОЛДАТИК (*притопывая на месте*). Как это сказал ваш Лев Толстой, «и поднял он дубину народной войны и гвоздил ею до тех пор, пока не погибло все нашествие».

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. Тетка Матрона я, значит, тутошняя, хозяйка тутошних мест... А ты откудава знаешь Льва Толстого?

СОЛДАТИК. Сына твоего как зовут?

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. Отца зовут Иисус Христос.

СОЛДАТИК. Я – Энрико. Как зовут сына-то, не говоришь? Что – военная тайна?

ТЕТКА МАТРЕНА. Да, тайна. У меня их двое – сыновей-то. Алексей, божий человек – младшенький. А старшего зовут Иван.

ЭНРИКО. Какого ждешь?

ТЕТКА МАТРЕНА. За младшенького боюсь. Вещует мое сердечко (*кладет левую руку на грудь*), что-то может случиться, чую сердцем своим материнским. Вон луна мигает, дает нехорошие знаки...

В тон пурге Старая Женщина начинает выть, подвывая песню свою сердечную, русскую народную, казачью.

«По Дону гуляет, по Дону гуляет,
Ах, по Дону гуляет казак молодой.

Об чем, мать, плачешь, об чем, мать, плачешь,
Об чем, мать, плачешь над тихой рекой?
«Об чем, мати, плачешь? Об чем, мати, плачешь?
Об чем, мати, плачешь? Об чем слезы льешь?»
«Ах, как мне на плакать? Ах, как мне не плакать?
Ах, как мне не плакать, как слезы не лить?
Когда молодой я, молодой была,
Я в маминой люльке лежала, спала.
А матерью стала, к цыганке пошла.
Цыганка гадала, цыганка гадала,
Цыганка гадала, за ручку брала:
«Как выйдешь ты замуж, родишь сыновей,
За младшего сына свой локон завей.
Твой младший потонет в глубокой реке,
Гуляет пока что сынок налегке»...
По Дону гуляет, по Дону гуляет.
По Дону гуляет казак молодой.
Об чем, мати, плачешь? Об чем, мати, плачешь,
Об чем, мать, плачешь над грозной рекой?»

Тетка Матрона, закончив песню, долгим взглядом глядит на ночные всполохи, чутко прислушиваясь к отдаленному орудийному гулу.

ЭНРИКО (*туда же глядя*). Гитлер капут.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА (*берет у него винтовку*). Ладно, иди грейся. А я тут постою.

Картина вторая

Хатенки с подслеповатыми окнами. В уголке под иконой едва цедится лампадка. Солдаты лежат на соломе вповалку, до самой двери. Энрико пытается пристроиться с краешку, не получается. Садится на табуретку, продвигается к лампадке. Достает книжечку – солдатскую библию, принимается читать. Что-то бормочет себе под нос, напевая, достает листок, принимается что-то писать.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*приподнимая голову*). Капрал Муссо, что пишешь?

ЭНРИКО, ОН ЖЕ КАПРАЛ МУССО. Оперу, господин старший капрал. Уж два года как начал, еще в Милане, в театре.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. Бормочешь, спать не даешь.

ЭНРИКО. Это же ария. В финале – ария дуче.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*приподнимаясь на локоть*). Ты что, ненормальный?

ЭНРИКО. Это я так... Вроде как из «Трубадура», опера такая «труба – дура».

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*успокаиваясь*). А-а, мы все тут ненормальные. Отбились от своих, бродим, как по Африке, среди африканцев... Того и гляди, немцы нагрянут, «зондеркоманда». Живо к стенке поставят...

ЭНРИКО. В Африке пурги не бывает, в Африке жарко, бури песчаные... Да, но уж лучше жарко, чем, бррр, жутко. Холод собачий. В самом деле, останемся тут окончательно, в русской степи.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*приподняв голову*). Какая же это ария для дуче? Это ария самому себе.

ЭНРИКО. Действительно, это мы по степи тут блудим... А дуче, где? Где блудит дуче? По Европе, по истории, по Древнему Риму. Как Наполеон по Багратионовым флешам...

ДРУГОЙ СОЛДАТИК (*приподнимаясь*). По флешам?

ЭНРИКО. Еще один гений нашелся, провидец! Не забегай вперед, это слово пока что неясно, его еще нет.

СОЛДАТИК. Я с сыном дуче в киножурнале работал. Продвинутое издание.

ЭНРИКО. И где же он?

КИНОСОЛДАТИК. Кто – дуче?

ЭНРИКО. Нет, журнал твой, где он теперь?

КИНОСОЛДАТИК. Сынок дуче – там, где и журнал.

ЭНРИКО. Ну вот, а мы с тобой тут. Ты – без журнала, а я – без театра.

КИНОСОЛДАТИК. Но – с оперой. Я слышу, ты пишешь оперу в этом аду.

ЭНРИКО. Господи! Чем страшнее ад, тем важнее чистилице.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. Разболтались! Спите, пока есть возможность.

МОЛОДОЙ СОЛДАТИК. Глас народа – глас божий. Лучше в Сибири, чем тут – в этой степи.

ЭНРИКО. Нас, небось, уж хватились тут.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. Да спите вы, жеребчики. (*Оборачиваясь к Энрико.*) Как в театре, хор у тебя тут, «массовка».

ЭНРИКО. У русских хор имени Пятницкого, песни Захарова, Демьян Бедный.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. Ничего себе, подготовленные ребята. Как будто только и делали в своей жизни, что собирались в Россию.

(*Пристраиваясь к голосам за стеной, наружи. Спыхватываясь, капралу Муссо.*) А ты что – тут? Кто же у нас часовой?

Слышен топот ног: обивают снег с обуви.

ТЕТКА МАТРОНА (*ступая за порог*). Вот гостей привела. Тоже блудят в степи. Как и вы, музыканты. Только наши артисты, русские.

Картина третья

За пять минут до того тетка Матрона расхаживала с винтовкой перед своей хатенкой. Появляется группа людей.

ТЕТКА МАТРОНА (*лязгая затвором*). Стой, кто идет?

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА. Да свои, свои.

ТЕТКА МАТРОНА (*уже помягче*). Кто свои?

СОЛДАТИК (*в подстреленной шинели, выбегая вперед*).

Да это я, мама!

ТЕТКА МАТРОНА (*отшвырнув винтовку*). Ой! Алеша! Сыночек ты мой!.. А это кто? (*Указывая глазами на стоящих позади него*.)

АЛЕША. Это со мной. Агитбригада.

АРТИСТЫ. Выехали из штаба фронта и вот до своей воинской части никак не доберемся... Наткнулись на дозор, Алеша ваш и привел сюда.

МУЖЧИНА (*козырнув хозяйке*). Лейтенант Яновский, рупорист.

ТЕТКА МАТРОНА (*отступив на шаг*). Кто? Кто?

АРТИСТКА. Наш человек, к нам штабными приставлен... Жеманно кричит как в рупор немцам, по-немецки: «Ахтунг, ахтунг! переходи к нам, сдавайся! Там – пушки, тут – пампушки.»

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ (*заразительно смеясь и показывая на горизонт*). Действительно, наши «пампушки».

Из хатенки дружно повалили наружу солдаты из «Голубой дивизии», выстраиваются вдоль стенки, дружно делают руки вверх.

Общий смех, все хватаются за животики.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Ничего смешного. Немцы, «зондеркоманда» уже где-то близко, чую, идут по пятам.

ТЕТКА МАТРОНА. Что за тобой идут – за одним?

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Рупорист я, работаю по разложению войск противника. Как снайпер, и один представляю ценность.

АРТИСТКА. В самом деле, важная птица.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ (*артистке*). А вы кто такие? В темноте не разглядел.

АРТИСТКА (*рассмеявшись*). Шульженко.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ (*опешив*). Как Шульженко?

АЛЕКСЕЙ, МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Как Шульженко?

ТЕТКА МАТРОНА. Шульженко?

ОФИЦЕР, РУПОРИСТ. Та самая – Клавдия Ивановна?

КЛАВДИЯ ШУЛЬЖЕНКО. А какая ж? Я одна тут на фронте, на всю страну – Клавдия Ивановна Шульженко. А это моя группа со мной. Тоже артисты, мои товарищи. А эти вот кто? (*Кивнув на солдат из «Голубой дивизии».*) А это что у них за маскарад? В каких-то голубых шинелях.

ТЕТКА МАТРОНА. Итальянцы – это. Этот вот говорит, что он Энрико Карузо... оперу пишет...

КЛАВДИЯ ШУЛЬЖЕНКО. Что – прямо тут и пишет – в хатенке, ночью, во широкой степи?

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Теперь это наши военнопленные.

КАПРАЛ МУССО (*выдвигаясь вперед*). Да я, Энрико, но не Карузо, Энрико – Аланья, вроде Карузо. Пишу свою оперу – «Голубая дивизия» называется.

ШУЛЬЖЕНКО (*иронично показывая на всю хатенку изнутри*). Что – твой театр, твой хор?

АЛЕКСЕЙ – СЫНОК ТЕТКИ МАТРОНЫ. А видите, это, что ль, хор имени Пятницкого.

ТЕТКА МАТРОНА (*одернув сына*). Не порочь хор, наши песни!

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. О! Божественные, божественные русские песни! О божественные, красивые русские женщины!

КЛАВДИЯ ШУЛЬЖЕНКО. Арию какую-нибудь знаешь, показать можешь?

КАПРАЛ МУССО, ОН ЖЕ ЭНРИКО – АЛАНЬЯ. А вот. Ария Каварадосси. (*Запевая.*) «Таинственна гармо-о-ния Красоты необъятной...»

Кхе-кхе, распеваться надо...

КЛАВДИЯ ШУЛЬЖЕНКО (*оборачиваясь к своим*). Лена, Леночка! Это по твоей линии. Иди-ка сюда, чего скромничаешь? Ты же у нас оперная дива, певица. Перед войной даже

проходила стажировку в театре «Ла Скала». Может, еще и знаете друг дружку, встречались где-нибудь на подмостках?

На передний план выдвигается Лена Мостовская, Леночка – колоратурное сопрано, молодая певица из Москвы.

МОЛОДАЯ ПЕВИЦА (*подавая кокетливо руку*). Лена, Елена Мостовская.

ЭНРИКО (*отступив на шаг*). Ого, это ты оперная дива? Да, ты была у нас, помнишь? Пела в опере «Дочь полка» До-ницетти.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Энрико! Аланья! Энрико Карузо! Да, Энрико-Аланья! Представляете, имя какое! Сразу вместе, двойное – Энрико, Аланья! Видела, слышала, обо-жаю... Неужели ты уже капрал?

ЭНРИКО АЛАНЬЯ. Да, капрал Муссо. А это и, правда, Шульженко?

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Энрико, спой еще! Покажи себя... свои итальянские страсти.

Капрал Муссо поет. Итак, Ария Каварадосси.

«Горели звезды
 Благоухала ночь.
 Дверь тихо отворилась,
 Услышал я шелест одежды.
 И вот вошла она
 И на грудь мне упала.
 О, сладкие воспоминанья!
 О, где вы ласки, объятья
 И страстные лобзанья!
 Как легкий дым,
 Все быстро вдруг исчезло
 Мой час настал...»

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ, РУПОРИСТ (*в сторо-ну*). Тоже мне интернационал! (*Громко.*) Товарищи, това-

рищи! Да вы что? Слышно же на всю степь. Военная же обстановка. По пятам же идет «зондеркоманда», может, даже гестапо... (*Повернувшись к крайнему итальянцу – этому композитору – капралу Муссо.*) Какую оперу, говоришь, пишешь? Правда, либретто? И даже музыку? Ну ты даешь! В Африке, говоришь, начал писать? Ну, в Африке ладно. А тут в зимней донской степи, в крошечной ночи... Как, говоришь, опера называется – «Голубая дивизия»?.. Живы останемся – может, в театре побываем, послушаем твою оперу...

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Товарищи, товарищи! Сейчас же скорее отсюда, в овраг какой-нибудь! Мать, веди отсюда нас всех. (*Оборачиваясь к итальянцам.*) Всех веди куда-нибудь с глаз долой.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. А этих куда?

КАПРАЛ МУССО. Солдаты, стройся!

РУССКИЙ ОФИЦЕР-РУПОРИСТ. Скорее отсюда, скорее!

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. Я тут командую, я!

ЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*показывая на Энрико*). Капралов много, а тенор – один. (*Оборачиваясь к солдатам, пытающимся ускользнуть.*) А вы куда?

СОЛДАТЫ (*переминаясь*). Мы? Мы – где опера. Где талант, там и мы, мы все-таки итальянцы.

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Из «Голубой дивизии»

АЛЕКСЕЙ – МАТРОНИН СЫНОК (*рассмеявшись*).

Глядите! Вот он хор имени Каварадосси.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Лощина где-то в глухой степи. Слева непрерывно гремит канонада, всполохи красят небо. Звучит знакомая мелодия из «Набукко», музыка Верди – Песня плененных рабов.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*тетке Матроне*). Завела нас в дебри сюда – в овраги какие-то, как ваш Иван Сусанин – поляков.

ТЕТКА МАТРОНА. Сидели бы дома или бродили по Африке.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ, РУПОРИСТ (*сыну Старой Женщины*). Вот что, Алеша! Давай-ка, браток, мотай к нашим! Чует мой нос, немцы где-то недалеко.

ТЕТКА МАТРОНА. Не слухай его, сыночек! Всюду то немцы, то наши, слоеный пирог! Посиди тут с нами, пока наши сами с ними там разберутся.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Как это «не слухай»! Он все же солдат, рядовой! А я лейтенант, офицер! Посылаю – значит, надо. А то они тут (*показывая на капрала Лины*) посидят, посидят, надоест – возьмут да и перебьют всех нас к чертовой матери да к своим подадутся. «Голубая дивизия»... А тут все же женщины, артисты, агитбригада – важные персоны. Теперь наши там с ног сбились, ищут, небось, по всей степи. Командующий фронтом с командира воинской части голову сметет. Скажет, не обеспечил прием, охрану, посылай вам туда артистов – народное достояние...

ТЕТКА МАТРОНА. Вот сам туда и иди! А мы их тут с Алешей (*берет из рук Энрикову винтовку*) их и покараулим. Как-нибудь справимся, в случае чего, родные стены помогут.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ, РУПОРИСТ. Как же я могу бросить агитбригаду? Вон артистка (*показывая на Елену Мостовскую*) уже к итальянцу клеится, к этому Карузо. Так сплуются, что клещами не растащишь.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*сдвинув брови*). Ну, и что! Мухи отдельно, котлеты отдельно. То музыка, а то Родина-мать, да, Энрико?

ЭНРИКО. Да, Елена. Мы будем петь с тобой разные партии, но из одной оперы – из «Трубадура». Как когда-то по

опере – дело было, давно, Италию тогда оккупировали австрийцы. Герои Италии гибли за родину. Италия знает, что такое «Родина или смерть».

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ (*написав записку, передает Алеше, твердо*). Вот! Доставишь нашим, вручишь лично командиру особого подразделения при штабе армии... Не секрет, могу прочесть хоть сейчас, при всех.

(Поет.) **Куплеты рупориста.**

«Товарищ командир! Как с неба, как бы дым,
К нам в плен свалилась группа итальянцев.
Не может солнце быть без протуберанцев,
Как не бывает без театра Рим.
У дуче там, скорей всего, тотальная мобилизация
Вот и в плену тут оказалась опера...
Нас всех луна ущербная достала.
Однако совершена такая акция.
Вот он – тенор, хоть и не Карузо,
Энрико все-таки, Аланья!
Есть предложенье: театр хоть и без зданья,
А все ж театр! – поставить «Дочь полка»,
Направить рупор к ним туда,
И вся дивизия на завтра же сюда
К нам перейдет... без зданья мы пока,
Театр пока без зданья...»

Пускай поет, пускай поет Аланья!»

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ, РУПОРИСТ. Рядовой
Алексей Донцов!

РЯДОВОЙ ДОНЦОВ. Есть.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Так вот, дусенька, доставишь донесенье, приведешь к нам сюда наших, подмогу... Пока всех тут нас не отправили к праотцам немецкие мародеры из «зондеркоманды» или гестапо. Видал, какая тут у нас ценность, мощь какая! Всю их «Голубую дивизию» разоружим, Италию выведем из коалиции...

Старая Женщина утирает лицо ладонью, обнимает сыночка, на-
левая вполголоса.

«Цыганка гадала, цыганка гадала,
Цыганка задала, за ручку брала. .
Об чем, мать, плачешь?
О чем, мать, плачешь?
Об чем, мать, плачешь?
Об чем слезы льешь?»

ШУЛЬЖЕНКО (*подходя к тетке Матроне, кладет руку ей на плечо*). Твоя любимая, самая задушевная, мать?

Старая Женщина уходит в хатенку, возвращается с баяном.

ТЕТКА МАТРОНА. Отцов еще, даже дедов! Спой, сынок, любимую Шолохова Михаила Алексаньча. Его станица Вёшки тут недалече. Пока дом ее еще не разбомбило, мать его не убило...

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Писатель Шолохов кто – тоже казак?

ТЕТКА МАТРОНА. Все тут казаки, казачий край, Верхний Дон.

Картина вторая

Капрал Муссо, он же Энрико – Аланья, переходит на сторону, где особо стоят Шульженко, Елена Мостовская и с ними фронтовая агитбригада. Итальянские солдаты остаются на месте, возле сарая. Аланья берет Елену за руку, держит ее руку в своей.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*окликаая Аланью*). Капрал Муссо! Приказываю встать в строй!

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ (*весело, с лихостью, даже с каким-то злорадством*). Все, капрал, кончен бал! Я снова тенор.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Любимец публики, весь мир будет ему рукоплескать.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. В гражданке и я человек! Богатый, латифундист! Земли у меня под Палермо сотни гектаров. Даже командир полка ноги мне мыл бы. А тут я всего-то капрал...

Алеша Донцов усаживается на табуретке поудобнее. Смотрит на мать.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*прислоняясь к нему, нежно*).
Играй, Алеша, играй.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. Спой, спой, сынок. Может, в последний разок.

Алеша разводит баян. С форте переходит на пианиссимо, заглушая гул артиллерийский где-то за горизонтом.

АЛЕША ДОНЦОВ (*объявляя*). «Не для меня». Старая казачья песня – любимая песня Шолохова. (*И поет простенько, задумчиво, с казачьими малороссизмами.*)

«Не для меня! Придеть весна,
Не для меня Дон разольется,
И сердце девичье забьется
Не для меня,
Не для меня тякуть ручьи,
Звенять алмазными струями.
Там дева с черными бровями,
Она растеть не для меня.
Там де – ах, дева с черными бровями,
Она растеть не для меня.
Не для меня цвятуть сады,
Над яром роща расцветает.
Там соловей весну встречает,
Он бу – он будет петь не для меня.
Там соловей весну встречает,
Он бу – он будет петь не для меня.
Не для меня тоска придеть,
Родня за стол вся соберетсь!
Христос всокресливо полетсь,

Но ента, ента жисть не для меня.
Вино по рюмочкам польется,
Но ента, ента жисть не для меня.
А для меня придеть война,
На фронт германской я умчуся,
Домой я больше не вернуся,
Там пу-там пуля ждет меня одна.
И прилетить кусок свинца,
Он в тело белое вопьется,
И кровь, и кровушка польется,
Вот ента, ента смерть там ждет меня.
Не для меня придеть весна,
Не для меня Дон разольется».

Картина третья

И – тишина. Только за горизонтом где-то гудят орудия. Да близко и низко пролетают самолеты. Тихо всхлипывает Старая Женщина – мать Алеши, которой цыганка нагадала скорую гибель сына, как и поется в старой казачьей песне.

Свыше, где-то на небесах, возникает знакомый хор из «Набукко»
Верди – Хор плененных рабов.

Итальянские солдаты из «Голубой дивизии» хмуро смотрят на небо, на самолеты, летящие за горизонт.

Алеша Донцов, передает баян в руки матери. Старая Женщина уносит его в хату. Выносит казаку на дорожку краюху хлеба на ружнике с петухами, согласно казачьему обычаю – кланяется ему в пояс. С сыном рядом, провожая до самого края оврага, вроде бы ведет коня, взявшись за стремя. Крестит ему в спину след.

У самого края Энрико-Аланья догоняет Алешу. Достает из заднего кармана заветную фляжечку. Отвинчивает крышечку, наливает винца, подает Алеше, чокается с казаком. Итальянские солдаты, как оцепенели, стоят молча. Поддавшись какому-то порыву чувств, допевают оба вместе – Алексей с Энрико-Аланьей:

«И кровь, и кровушка польется,
И кровь, и кровь по капельке польется,
Вот ента, ента смерть там ждет меня.

Глуховато вступают солдаты.

Не для меня придет весна,
Не для меня Дон разольется.»

Хору итальянских солдат вторит канонада. И на этом фоне, подхватывая, они поют уж втроем: Алеша с Энрико, а с ними — Елена.

«Не для меня тякуть ручьи,
Звенять алмазными струями.
Там дева с черными бровями,
Она поеть не для меня
Она поет не для меня.»

Хор итальянских солдат переходит в артиллерийскую канонаду, и в гуле ее возникает отдаленная мелодия хора, из оперы «Дочь полка» Доницетти.

АВТОР (*не выдержав*). И я запеваю следом свою любимую о войне.

Шульженко подходит к баянисту, шепчет что-то ему на ухо, тот извлекает из чехла свой инструмент. Тихие, раздумчивые звуки овладевают пространством. Слушает вся агитбригада, артисты, итальянские солдаты, сбившиеся в кучку, эту песню о судьбе.

В землянке

«Вьется в тихой печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.»

Вступает Шульженко, мы поем уже вместе с Клавдией Ивановой, вместе.

«Ты теперь далеко, далеко.
Между нами снега и снега,
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге на зло!
Заплутавшее счастье зови!
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.»

Последние звуки. Шульженко не поднимает головы, находясь все еще во власти стихии – своего голоса, мелодии. Энрико-Аланья бросается к ней, припадает на колено, галантно целует ей руку. Итальянские солдаты горячо аплодируют.

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Солдатская королева, богиня!.. Анкор, анкор!.. Еще! Репете...

Шульженко улыбается, достает из кармана платок, набрасывает себе на плечи.

Синий платочек

«Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.
Порой ночной мы распрощались с тобой...
Нет больше ночек!
Где ты, платочек,
Милый, желанный, родной?
Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч.
Как провожала и обещала
Синий платочек сберечь.
И пусть со мной
Нет сегодня любимой, родной.
Знаю, с любовью ты к изголовью
Прячешь платок голубой.»

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*подходя к Шульженко, прислоняется к ней, поют уж вместе, дуэтом*).

«Письма твои получая,
Слышу я голос живой.
И между строчек синий платочек
Снова встает предо мной,
И часто в бой
Провожает меня облик твой.
Чувствую, рядом любящим взглядом
Ты постоянно со мной.
Сколько заветных платочков
Носим в шинелях с собой!
Нежные речи, девичьи плечи
Помним в страде боевой.
За них, родных,
Желанных, любимых таких
Строчит пулеметчик, за синий платочек,
Что был на плечах дорогих.
Строчит пулеметчик за синий платочек,
Что был на плечах дорогих.»

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ (*шепча*). О божественные, божественные, русские песни! О чудные, прекрасные, красивые русские женщины!

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*раздраженно*). Капрал Муссо! Приказал же тебе встать в строй. Почему приказ не выполняется? Подаю рапорт, разжалую в рядовые!

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Чином не вышел.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. К русской артистке клеешься! У нас же дома есть свои, итальянские красавицы.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Он еще и ревнует... а сам по мне все глазами стреляет.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. Синьорина! Как это можно «глазами стрелять»?

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Энрико, покажи капралу... Покажи лучше свой талант, спой что-нибудь.

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Он же, капрал Лини, ничего не поймет. Думаешь, все итальянцы оперу обожают? В гражданке капрал Лини только по борделям и шастал.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*Энрико-Аланье*). Негодяй! Говори только по-итальянски, я по-русски не понимаю. Порочишь звание итальянского капрала. Под трибунал пойдешь...

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*Энрико-Аланья*). Завистник, ревнует, да?

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Вот ему, фиг!

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Ладно, ты потише с ним. От такого всего ожидать можно. Вон в кобуре пистолетище.

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ (*все еще не выходя из роли*). Как это у вас по-русски? Ноль вниманья, фунт презренья.

ЕЛЕНА (*смеясь*). И где это ты по-нашему нахвтался?

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. «Евгения Онегина» ставили на русском, пел партию Ленского. В русских семьях бывал, Чайковского, Пушкина любил.

Картина четвертая

Там же, в сухом доле, на дне оврага, во широкой степи.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*Энрико-Аланье*). Глянь, Энрико (*показывая на старшего капрала Лини*), никак не угомонится, глазницами как сверкает? Ты ко мне подошел, придвинулся, так он весь из себя... Ну покажи, покажи ему страсти свои по-итальянски... Спой какую-нибудь неаполитанскую... Спой, Аланья, «Голос в ночи», или «О мое солнце!.. «Рассвет» Леонкавалло, «Санта Лючию»... В общем пой, что Бог на душу положит...

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. **О мое солнце!**

«Как ярко светит после бури солнце!

Лучами алыми мир озаряя,

И к новой жизни сердце пробуждая,
Как ярко светит после бури солнце!
Я знаю солнце еще светлей,
О дорогая, солнышко мое!
О дорогая! Солнышко ты, солнышко мое!

Как дивно светит солнце в час заката,
Лучами алыми мир озаряя.
Привет прощальный шлет, нас обнимая,
Как дивно светит солнце в час заката!

Я знаю солнце еще светлей!
О дорогая, солнышко мое!
О дорогая! Солнышко ты, солнышко мое!»

(Поет затем «Море синее играло», «Амополло».)

ШУЛЬЖЕНКО *(аплодируя)*. Это прекрасно! Это что-то особенное! Чудо это – неаполитанские песни!

Аплодируют все, особенно артисты из агитбригады, итальянские солдаты восхищены. Старший капрал Лини стоит молча, отдельно от всех.

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ *(Елене Мостовской)*. Спой ты, Элен, что-нибудь ваше, русское.

Хор итальянских солдат. Тихо-тихо звучит отдаленно все та же мелодия из «Набукко».

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ *(выдвигаясь на передний план)*.
Русский романс. Яков Полонский. **Песня цыганки.**

«Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут налету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет – и спозаранок
В степь далеко, милый мой,

Я уйду с толпой цыганок,
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни.
Как концы ее с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет,
Кто-то завтра сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая
Друга милого любя,
Будет песни петь играя
На коленях у тебя.»

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Ну, и я тоже хотел бы представить песню из будущего.

Поет тоже итальянец, американский итальянец – друг папы Римского – Фрэнк Альбер Синатра.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ (*обращаясь ко мне, Автору*).
А вы что-нибудь из Есенина можете?

АВТОР. Могу. Также песня из будущего. «Капли жемчужные».

Поем вместе с Николаем Басковым, из кинофильма «Золотая голова на плахе».

Хор итальянских солдат, тихо-тихо, спел кратенько, опять ту же мелодия из «Набукко».

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*хмуровато*). Судьбу нам уже предсказали. Скоро в снегах тут мы все и погибнем, это начало конца.

ШУЛЬЖЕНКО. Кто предсказал?

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*указывая на тетку Матрону*). Вот она, хозяйка этих мест... «По Дону гуляет...»

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Вредные разговорчики! Энрико, спой еще что-нибудь, я прошу...

ВСЕ ХОРОМ. Спой, спой, Энрико!

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Из «Евгения Онегина»?

Неаполитанскую!..

ВСЕ ХОРОМ. Вернись в Сорренто...

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Живым вернись обратно к себе в Италию...

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ (*улыбаясь*). Понятно, «Дивные очи».

ВСЕ ХОРОМ. Вернись в Италию!

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Ну хорошо, хорошо. Куртиса «Вернись в Сорренто»... О, Элен! Для тебя, для тебя, для тебя.

«Видишь, как прекрасно море?

Здесь, в лазоревом просторе,

Что обвило, словно лента,

Берег дивного Сорренто.

Иль тебе милей другое –

Край неведомый, далекий?

Иль Сорренто позабыла

Ты в разлуке роковой...

Щелкает пистолет в руке старшего капрала Лины. Солдаты повисают у него на плече. Энрико продолжает петь, как ни в чем не бывало.

Один из артистов агитбригады расцехляет гитару, перебирает струны.

«О, вернись сюда скорее.

На простор морей широких!

Здесь и песне веселее.

Аромат цветов пленяет.

Ночи лунные над морем

Неужели ты забывала?

Во вражде мы были с морем,

Я любил, и ты любила.

А цветов благоуханье
 И призывный звон гитары,
 И горячее лобзанье –
 Неужель забыто все?
 Нет, я знаю, все вернется,
 Мы увидим снова счастье,
 Сердце радостно забьется,
 Позабыв разлуки зло.
(Обращаясь к Елене, страстно.)
 О, не оставь меня,
 Тебя я умоляю!
 Вернись в Сорренто,
 Вернись, молю!
 Вернись в Сорренто,
 Вернись, молю!»

СТАРШИЙ КАПРАЛЛИНИ *(извиваясь в руках у солдат)*.
 Негодяй! Мало тебе итальянок! В России тут у них оставайся.
 Пой у них тут в опере... пиши русскую оперу про Чапаева...

Картина пятая

Там же в суходоле, с краю оврага, возникает голова лошади. В
 санях женщина с кнутом в руках.

ТЕТКА МАТРОНА *(окликаая ее)*. Настя, ты?.. *(Объясняя
 всем тут.)* Это Настя Нефедова из соседнего хутора, родня
 моя... Настя! Возьми с собой хоть этих троих *(показывая на
 Шульженко, Елену Мостовскую и Энрико)*... Это артисты – на-
 циональное достояние... А то вдруг немцы, «зондеркоманда»...

НАСТЯ *(бойко)*. Вишь, лошадь-то! Ноги уж не волокет. С
 декабря месяца только кнутом и кормлю. Немцы все позаби-
 рали... Ладно, пушай идут, как-нибудь уместимся...

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Я – солдат! Я вместе со всеми.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Нам не надо, не надо.

НАСТЯ – КРЕСТЬЯНКА. Ну тады хоть ента пушай идет (*показывая на Клавдию Ивановну*). Енту как-нибудь увезем.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Кума. Да ты знаешь, кто это, а? Это же Шульженко! Шуль – жен – ко!! Которая – «Синенький скромный платочек»...

НАСТЯ – КРЕСТЬЯНКА. А, докумекала! Достоянье наше. Доставим в цельности и сохранности. Домой к себе, прямо на печку.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ, РУПОРИСТ. Да не домой на печку, а в штаб армии. Это же главный человек по разложению войск противника... Видала голубчиков? Скольких в полон взяла своим синим платочком? Вон сидят – «Голубая дивизия».

ШУЛЬЖЕНКО. Да никуда я не поеду! Тут с вами останусь, почему это я одна?

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Ехать, я приказываю! Так надо! Военная целесообразность, Клавдия Ивановна. Вы же на фронте, а тут действует одна система – приказы не обсуждаются. (*Насте.*) Мы отсюда чуточку позже, как обстановка позволит.

Шульженко с Настей исчезают в пурге. Как и не бывало – ни саней, ни лошади. Один только ветер, метель да все та же канонада, артиллерийские сполохи все ближе, ближе за горизонтом.

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ (*глядя вслед, обращаясь к Елене*).
Дочь полка!

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Кто? Клавдия Ивановна?

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. Ты! Ты – из «Дочери полка» Гаэтано Доницетти. Помнишь оттуда что-нибудь? Арию героини, дуэт!..

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Начинай. И я вспомню. Из твоей оперы, Энрико?

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ. А может, покажем что-нибудь из оперы «Голубая дивизия»? Из «Дочери полка» Доницетти?

Изображается сцена, пурга тут же, на дне глухого оврага.

Это можно показать с помощью аудиокассеты с записью оперы, осуществленной мной с телепередачи (Пласидо Даминго, певица из Франции, перуанский тенор). Поют на французском, хотя автор

оперы-итальянец. Однако полк, попавший в переплет на территории южной Германии – французский. И артистка – дочь полка – тоже французенка. Но Дух свободы режется всерьез.

Представим. Поют Энрико-Аланья с Еленой Мостовской, а хор известен какой – итальянских солдат. Все та же мелодия из «Набуккой» да неистовый ветер степной.

Картина шестая

Там же, в суходоле, где-то на дне оврага. Елена Мостовская с Энрико-Аланьей садятся на ящик, чтобы передохнуть. Лейтенант Яновский приставил к ним двух часовых из итальянских солдат, чтобы этот сумасшедший ревнивец – старший капрал Лини не попытался что-нибудь натворить.

Елена Мостовская и Энрико-Аланья, сидя на ящике, обсуждают перспективы капрала Муссо. Он же Энрико-Аланья, разжалованный старшим капралом, показывает Елене листочки с нотами.

До ночи еще далеко, когда можно будет рискнуть покинуть этот овраг. Елена Мостовская вся дрожит от холода, Энрико-Аланья кушает ее своей шинелью, пытаясь согреть Елену своей арией.

Песня влюбленного капрала

«Елена! Я тебя люблю!

Тебя как только я увидел,

Так русские слова во мне ожили.

Богов я об одном прошу,

Чтобы тебя соперник не обидел.

Не застрелил. Мы в нем врага себе нажили.

Он командир, а я – его солдат.

Так на войне законы говорят.

Его слова – для нас, солдат, закон.

Но я ему не подчиняюсь

В любви свои законы,

Что короли нам, что в любви нам троны!

ОНА. Аморе! Аморе! Нам любви все мало.

Люблю тебя я, не отдам капралу!

ОН. ...Мы замерзаем, гибнем тут в снегах.
Морозы русские суровы.
Шинели узкие не новы.
Но чувства что мы испытали,
Жизнь дав нам, оперу создали
Живи, моя любовь! Мне душу грей!
Нет никого на свете мне милей!»

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*кутая его снятой с себя его же шинелью*).

(*Ее высокий голос, колоратурное сопрано.*)

Ария Елены

«Мой дорогой солдат голубоглазый.
Дивизия – зовется «голубой»!
Тальянка и Есенин – вместе, сразу
Как бы орел, как песня над тобой.
«По селу тропинкой кривенькой,
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой толпой».
И за что тебя я полюбила!
А ни за что, а просто, просто так.
Как мне назвать по-итальянски «милый»?
Как мне к тебе свой сделать первый шаг?
«По селу тропинкой кривенькой
Да в летний вечер голубой,
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой толпой».
А Лини – сатана, дойдет, как миленький,
Желая покуражиться со мной.»
ЭНРИКО-АЛАНЬЯ.
«Свободная, певучая такая!
С тобой, мой друг, мы вместе, мы вдвоем.
Нам сцена – бог. Хоть и страна другая,
Одну с тобой мы оперу поем.»

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. (*Энрико-Аланье, хрипя в руках удерживающих его солдат*). Родина в опасности! Дуче тебе не простит... Ни за что, никогда...

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ (*парируя*). Браки заключаются на небесах.

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ. Да, да, и небеса тебе не простят!

СТАРЫЙ СОЛДАТ ИЗ ИТАЛЬЯНЦЕВ (*резко*). Да закричите же кто-нибудь рот этому мерзавцу!

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ, РУПОРИСТ. Пусть покричит, мы за военнопленных не отвечаем, не подписывали конвенцию.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Там же, на дне оврага, словно на сцене оперного театра. Елена с Энрико-Аланьей пробуют голоса.
Дуэт Елены и Энрико.

«Владыко, нас побереги,
Дай нам свой оберег.
А мы передадим другим
Наш вечный свет, наш век.

Алмаз-красавец к серебрам
И чернь к нему на треть.
Все люди сходятся во храм,
Чтоб только друг на друга посмотреть,

Чтоб Красотой изо всего
Сплотиться в редкий час.
Ведь и алмаз, и чернь его
Священны тут для нас.

Владыко, людям помощи,
Хоть ты людей побереги!»

Все молчат, прислушиваясь канонаде, к тихому хору солдат из оперы «Дочь полка». Из хора выделяется голос старшего капрала Лини. Обращаясь к Елене и Энрико-Аланье, поет он свою протестную арию.

Баллада старшего капрала Лини

«Появилась! Птица вещая!
Птица-сыч! Крыло ночное!
Обещала всем зловещее,
Нехорошее такое!
Все бои у нас за Родину!
Все Италия, Италия!
Жизнь положим за Италию!
Не пугайте и так далее,
Прекратите вакханалию!
Нет Италии любимей!
Нет Италии дороже!
Позабыли в Древнем Риме
Наши кривенькие рожи,
Наши песни, наши рожи.»

Подбегает Старый солдат-итальянец, повязывает на голову себе женский платок, подстраивается к капралу Лини, пародируя его.

Старый солдат

(песня-пародия)

«Привезли вино из Рима,
Пили, ели генералы.
И капралам мимо, мимо,
И солдатам трали-вали.
По указам лишь из Рима
Генералам наливали.
Привезли вино из Рима,
Пронесли куда-то мимо.

Пролетала! Птица вещая!
 Все бы каркала, кричала.
 Накликала всем зловещее
 И накликала начало.
 Привезли вино из Рима,
 Пронесли куда-то мимо.»

Виват! Виват! (*Закричали итальянцы своему молодому солдату.*)

А хор итальянцев пропел ветерану многие лета (из оперы «Дочь полка»).

Итальянцам стоит только поаплодировать, как сразу начнут требовать, прямо-таки бесноваться:

Русские песни, давайте! Пойте, пойте! Рупориста, вперед!

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*лейтенанту Яновскому*). Ну что же, просят люди.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ (*смущенно*). Право, даже не знаю. Сам ведь пел еще в детстве, в школе. Ну еще в воинском училище... на злобу дня... Разве такую вот?

Деревенский акцент

«Сначала венчали! На Бога стучали!

Шло задом все наперед.

А после кричали, костями бренчали:

– Да здравствует русский народ!

В деревне две мухи, три зуба в старухе

Да черный улизливый кот.

Кричат молодухи Маклаю Миклухе;

– Да здравствует русский народ!

Один тут явился, в портреты вlepился!

– Да здравствует русский народ!

Село, значит Радово еще чем парадовало?

Сказали: «А в вуз поступайте!»

И вот три старухи, ползуба на мухе,
Встречают нас: «Блек энд уайте!»
Ну где еще «инглишу» так повезете?
– Да здравствует русский народ!»

И тут, как гром среди неба, сверху откуда-то зычный голос:

Хальт!

Немец на краю оврага. Раздается автоматная очередь. За первым автоматчиком высовывают головы еще и еще.

Вскоре вся «зондеркоманда» врывается сюда к ним в овраг. Не зная на возраст, пол и национальность, всех ставят к откосу лицом. Появляется немецкий офицер.

НЕМЕЦКИЙ ОФИЦЕР. Что вы тут делаете? Нох айн маль! Да, «Голубая дивизия» – дезертиры! Мы, значит, воюем, а вы сидите в яме и слушаете песенки... Ого, сам господин рупорист! Сдавайся, рупорист! Мы вас всех поставим к стенке... сделаем пук-пук-пук.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Так сразу?

НЕМЕЦКИЙ ОФИЦЕР. Зачем сразу? Сначала послушаем... вашу песенку. Вы будете петь, мы будем пить.

Картина вторая

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*подбегая к немецкому офицеру*). Господин майор! Господин майор! Господин майор!

НЕМЕЦ (*показывая себе на погоны*). Унтер-офицер.

СТАРЫЙ КАПРАЛ ЛИНИ. Господин генерал! Господин майор, генерал-майор!.. Это все они, артисты. Они поют и ругают дуче, Италию, даже Германию. Особенно этот капрал (*указывая на Энрико-Аланью*).

НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР (*скаля зубы и тросточкой капралу Лини по физиономии*). О, дуче можно ругать! Карашо. Германию ругать невозможно!.. Капрал, ты нехороший

человек! Становись тоже сюда к капралу, тебя тоже надо стреляйт за анекдот про... как его... про Чапаева...

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ. Про фюрера.

НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР. Про фюрера – к стенке! Про Чапаева – к стенке!

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Без разницы?

НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР. Тебе сделаем разницу. «Пышка»! Будешь любить немецкий офицер – к стенке за втра. Или отправим в Германию.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*махнув рукой в сторону канонады*). У вас нет завтра. Завтра русские вас самих к стенке.

УНТЕР-ОФИЦЕР. Ну ты, русская корова! Не карашо.

КАПРАЛ МУССО (*рванувшись к Елене*). Какая же она тебе корова! Смотри, красивая русская женщина!

УНТЕР-ОФИЦЕР (*по щеке Энрико-Аланья наотмашь*). Плохой солдат! Любишь русских баб, не любишь дуче. А немцам защищай вашего дуче... Мы тут в окопах замерзай, вшей корми. Воды нет, хлеба нет. А вы, как это... мутер! (*Обращаясь к тетке Матроне*.) Твари, да? А вы, твари, сидите тут в яме... и ругаете дуче... (*Передернув затвор автомата*). Ну кто первый петь?

СТАРЫЙ СОЛДАТ ИЗ ИТАЛЬЯНЦЕВ (*указывая на лейтенанта Яновского*). Вот он, рупорист. он у них тут... как это... самый разговорчивый.

НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР. Разговоры отставить! Пойте, итальянская опера!

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*прикрывая собой Энрико*). Опера Вагнера «Лоэнгрин»? Да, Энрико? Ты поешь Лоэнгринна? Ну я прошу тебя, вспомни Лоэнгринна. Видишь, он какой сумасшедший, дошел до крайней степени истощения нервной системы... Аланья, ну спой, спой им Лоэнгринна!

ЭНРИКО-АЛАНЬЯ (*с готовностью*). Из «Фауста», из оперы «Фауст» Гуно.

НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР. О, «Фауст», доктор Фауст! Это карашо. Эпос, тоже Германия.

Аланья поет Каватину Фауста из одноименной оперы Гуно.

«Какое чувство волнение!
Душа полна любовью страстной.
О Маргарита! Здесь умру я у ног твоих.
Привет тебе, приют священный.
Привет тебе, приют невинный.
Все о любви здесь говорит мне,
И все невинностью здесь дышит.
Как мне мила вся эта простота,
На счастье здесь невинность – красота.
Сама природа! Сама природа
Здесь ее хранит.
Живущим здесь она благоволит.
Вот те места, вот те места,
Где ты, прелестный ангел,
При блеске золотых лучей заката солнца
Обрела покой.
Здесь солнце ей сияет,
И юность расцветает.
И здесь царит любовь,
Здесь, да, здесь!
Привет тебе, приют священный,
Привет тебе, приют невинный.
Все о любви здесь говорит мне...»

Энрико-Алания заканчивая свою последнюю, может быть, предсмертную арию. Стоит, как перед судьбой, склонив голову.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*немецкому унтер-офицеру*). Какая каватина! Какое было искусство! Как же низко вы пали.

НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР (*отворачиваясь от нее, в сторону*). А вы переживите две мировых войны и одну революцию.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Переживаем. То же самое, один к одному.

НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР (*жестко*). И тоже всех к стенке?

Из степи наплывают звуки баяна. И голос Алеши Донцова-сыночка тетки Матроны.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Откуда это! Ведь Алеша ушел, канул в вечность.

НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР (*четко*). Замороженные звуки. Из «Барона Мюнхгаузена», – автор Распэ, тоже Германия.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ. Небось, университет закончил, имеешь приличное образование, а расстрелами занимаешься.

УНТЕР-ОФИЦЕР (*прислушиваясь к гудящей степи*). Старая казачья песня.

ЛЕЙТЕНАНТ ЯНОВСКИЙ, РУПОРИСТ. Любимая песня Шолохова.

АЛЕШИН ГОЛОС В СТЕПИ (*русский героический эпос*).
Тоже «размороженные» звуки.

Не для меня

«Не для меня! Придешь весна.
Не для меня Дон разольется,
И сердце девичье забьется
С восторгом чувств не для меня.
И се – и сердце девичье забьется,
Ах, с восторгом чувств не для меня!
Не для меня тякуть ручьи,
Звенять алмазными струями,
Там дева с черными бровями,
Она растеть не для меня.
Там де – ох, дева с черными бровями,
Она растеть не для меня.»

Картина третья

Там же, на дне оврага. Те же – итальянские солдаты, немцы и
русские.

Все тот же «оттаявший» голос во широкой степи.

Не для меня

(Старая казачья песня)

Продолжение

«Не для меня цвятуть сады,
Над ярмом роща расцветает.
Там соловей весну встречает,
Он бу – он будет петь не для меня.
Там соловей весну встречает.
Он бу – он будет петь не для меня.
Не для меня тоска придеть,
Родня за стол вся соберется,
Христос воскресливо пойметса,
Но ента, ента жисть не для меня.
Вино по рюмочкам польетса,
Но ента, ента жисть не для меня.
А для меня придеть война,
На фронт германский я умчуся,
Домой я больше не вернуся,
Там пу – там пуля ждеть меня одна.
И прилетить кусок свинца,
Он в тело белое вопьетса
И кровь, и кровь, и кровушка польетса,
Вот ента смерть там ждеть меня.
И кровь, и кровь по капельке польетса,
Вот ента смерть там ждеть меня.
Не для меня придеть весна,
Не для меня Дон разольетса...»

На самом краю оврага сюда высовывается немец, телефонист.

НЕМЕЦКИЙ ТЕЛЕФОНИСТ. Господин унтер-офицер! Господин унтер-офицер! Связь налажена. Вас к телефону.

Унтер-офицер берет трубку. Вытягивается в струнку, стоит невытяжку.

НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР (*в трубку*). Яволь!.. Яволь!.. Яволь!.. (*Поворачивается к своей «зондеркоманде»*.) Всем! Приказано выдвинуться вот сюда (*показывая на карте*)... к этой станице. Принять бой! Держаться, пока не придут основные силы. Не то кольцо будет замкнуто, мы попадем в окружение.

НЕМЕЦКИЙ ВАХМИСТР (*махнув на итальянцев*). А этих куда?

УНТЕР-ОФИЦЕР (*стреляя в русского лейтенанта*). Это дезертиры, к стенке всех! Могут ударить с тылу.

Автоматчики из «зондеркоманды» тут же оттесняют итальянских солдат к откосу. Выстраивают всех вдоль откоса. Длинная автоматная очередь.

ЕЛЕНА МОСТОВСКАЯ (*бросаясь к Энрико-Аланье, тащит его за руку из общего строя к себе*). Энрико, Энрико!

СТАРШИЙ КАПРАЛ ЛИНИ (*падая к ногам унтер-офицера*). Господин майор! Господин бургомистр! Обербургомистр! Я же с вами... я за дуче, за Муссолини...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Унтер-офицер прикладом бьет капрала в зубы, отбрасывает его назад к итальянцам.

Вахмистр тащит Энрико-Аланью к себе, Елена – к себе. Вахмистр стреляет в Елену, затем в Энрико. Крики, стоны... Короткие контрольные выстрелы... все кончено...

На самом краю Старая Женщина-хозяйка всех этих мест – стоит незыблемо, как Родина-мать.

Унтер-офицер живо взбирается наверх, поощряя пистолетом своих солдат. Уже на самом верху автоматчики «зондеркоманды» разбираются по-двое.

Появляется самолет. Заходит на цель. На бреющем полете бросает бомбу, попадает в самую гущу «зондеркоманды». Ее тоже нет.

Артиллерийская канонада стихает. Звучат «отмороженные» звуки хора итальянских солдат, они идут снизу со дна оврага. А наверху Старая Женщина поет вполголоса свою старинную песню:

«По Дону гуляет, по Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой.
Об чем, мати, плачешь, об чем, мати, плачешь?
Об чем, матерь, плачешь над Доном – рекой?»

Тетка Матрона поднимает винтовку у ног часового. Опираясь на нее, как на палку, идет тяжело, ступая вразвалку, тут неподалеку – к своей хате.

ЭПИЛОГ

Тетка Матрона сидит на пороге хаты. Рядом с ней у стены все та же винтовка часового. Появляется запыхавшийся парнишка из соседней станицы.

МОЛОДОЙ КАЗАЧОК. Матерь! Алеша – дружок мой, зайти к тебе велел, наказывал попрощаться. А спюю-ка я тебе, мама, песню свою про Ермака Тимофеича. Тоже наша донская, казачья.

То не вечер
(Сон Ермака)

«Ой, то не вечер, то не вечер!
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.

Ой, да во сне привиделось,
Будто конь мой вороной,
Ой, да разыгрался, разрезвился,

Расплескался подо мной.
Ой, да разыгрался, разрезвился,
Расплясался подо мной.

Ох, да налетели ветры злые,
Да с восточной стороны
И сорвали черну шапку
С моей буйной головы.

А есаул догадлив был,
Он сумел сон разгадать.
– Ой, да не сносить, –
Мне говорил он, –
Тебе буйной головы.

Ой, то не вечер, то не вечер!
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.
Конь мой, конь вороной,
Ой, да расплясался подо мной».

ТЕТКА МАТРОНА (*привстав с порога*). Отгулялся по Дону-батюшке мой сыночек любимый, мой листик упавший! Алеша, мой дорогой, защитничек Дона, донской казак, казачок! Отошли мои золотые денечки, отгулялись мои дорогие гостечки, ветры буйные во широкой степи. Русские люди, итальянские люди! Ах да, все люди мы, всем места хватит на нашей щедрой, доброй, прекрасной земле! Чего же мы все делим-то, делим, отымаем один у другого. Душегубничаем, убиваем друг дружку.

Старая Женщина уходит в хатенку, возвращается с баяном. Растягивает его во всю эту степь широкую. Запевает сыновью песню, – старую, казачью, слышанную-переслышанную за века, переиначенную под себя.

Не для него

«Не для него! Придётся весна.
Не для него Дон разольется.
И сердце девичье забьется
С восторгом чувств не для него.
И в сердце матери вопьется
Осколок острый горюшка всего,
Не плачь, родная сторона!»

ТЕТКА МАТРОНА, СТАРАЯ ЖЕНЩИНА – МАТЬ
(*вздыхнув глубоко*). Канонада затихла. Звучит одинокий голос в степи.

ГОЛОС СВЫШЕ. Это, мать, тебе от меня, от Энрико-Аланья! И как личный подарок от всех нас, итальянцев, этой оперы «Дочь полка», – эта музыка сфер. Мать! от меня о ней и для нее – для прекрасной Елены, моей возлюбленной, дочери нашего полка.

А это для всех нас – итальянцев из «Голубой дивизии», павших тут у вас, в донских степях, за общую нашу свободу. Вот он, этот одинокий голос в степи.

«Боль. Песня без слов».

Затем возникает все та же, знакомая мелодия из «Набукко» Верди, теперь уже гимн свободных людей.

АВТОРСКИЙ ГОЛОС. Виват, Россия! Виват, Италия! Люди, я люблю вас! Читайте меня рупористом театра «Ла Скала».

«Patria et Morte! Родина или Смерть!»

Занавес опускается.

5 мая 2009 г.,
г. Орел

АППАРАТЧИКИ

(Чернобыльская трагикомедия)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АВГУСТ КАРТОНОВ – водитель Дымовского автопредприятия, дальний родственник римского императора Октавиана Августа.

ОТЕЦ БАНИОНИС – бывший служитель культа, ныне малая звезда, культовый артист местного Народного театра, якобы из Паневежиса.

СЕМАФОР – безработный, с синяком под глазом вечно сияющим, говорит, из остзейских баронов.

МУСЯ – жена Картонова, всегда готовая на все.

КОЛЮНЯ – мальчик лет девяти, сынок Картонова, а также Октавиана Августа.

АКУЛОВ – Голова города, пульт личности.

ЖИГАЛКИН – начальник Райотдела милиции, большой любитель грибов.

КАВУН – участковый, милицейский талант, навроде Анискина.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА – да, шутка, секретарша начальника Райотдела Жигалкина, женщина лет 28.

БАБКА СОНЕЧКА – соседка Картонова, известная самогонщица, аппаратчица, то есть владелица самогонного аппарата.

ДЕЖУРНЫЙ ОФИЦЕР – без фамилии.

Обыватели, работники учреждений города Дымова.

Действие происходит в райцентре, подвергшемся воздействию радиации после аварии на Чернобыльской АЭС. То есть с конца апреля 1985 года где-то в срединной России.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

АКТ ПЕРВЫЙ

Кабинет начальника Дымовского райотдела милиции Жигалкина. В кабинете двое – Голова города Акулов и сам и.о. начальника Жигалкин. За столом буквой «Т» напару играют в картишки.

АКУЛОВ (*мурлыча под нос себе*). «Стою я раз на стреме, держуся за наган...» А мы тебе шошку – шестерочку.

ЖИГАЛКИН. А мы ее девяточкой, девяточкой.

АКУЛОВ (*еще более меланхолично*). «... Одну имею цель: хоть как-нибудь пробраться в тот солнечный Марсель...» А мы девяточку твою десяточкой, десяточкой.

ЖИГАЛКИН (*радостно*). А мы ее валетиком, валетиком! В портуpee и с пистолетом.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*заглядывая в дверь*). Товарищ начальник, товарищ и.о. Жигалкин! Опять больно жигаете, выражаетесь плохо про женщин?

АКУЛОВ (*оживясь*). А мы на валетик твой дамочку, дамочку.

ЖИГАЛКИН (*подмигнув Похлебаевой*). А мы ее, а мы ее, ну дамочку твою... по пис... санию, и что говорится про женщин? (*Акулову*.) Ну в Библии, в Библии!

АКУЛОВ. Да из ребра Адамова она сделана. Ну из глины, что ли. «Там же девочки танцуют голые, там же ж дамы в соболях...» Только вот что, Жигалкин, я тебя не пойму! Пришло начальство к тебе, все же Голова города, а мы тут сидим и играем у тебя в подкидного. В дурака, извините. Это хорошо, что ты (!) проигрываешь, а если бы я?

ЖИГАЛКИН (*Похлебаевой*). А ты не подслушивай, стыдно! (*Резко*.) Закрой дверь с той стороны! (*Акулову помягче*.) Да у вас класс, вы – игрок! Не из таких ситуаций, положим, выкручивались. Знаем-знаем (*кивнув на сейф*), там все у меня на вас... компромат... но я никуда.

АКУЛОВ (*вроде мимо ушей*). Не укомплектовано, Жигалкин, твое госучреждение. Хоть бы шахматы, что ли, завел. В дежурке рядовой и средний состав в «козла» содют. А преступность по району гуляй, цветы махровым цветом. Без пистолета нельзя будет скоро носу высунуть. Хлопochу себе именное оружие. А тебе выражу служебное несоответствие. (*Глядя на дверь, потише.*) А баба она ничего, твоя секретарша...

ЖИГАЛКИН (*теперь этот мимо ушей*). Шутите, да? Да у нас в Дымове народ смиренный. Сон мертвецкий, глухая провинция. Преступлений только два вида: кур друг у друга щупают да кабанов по лесам гоняют... Правда, Москва своих рецидивистов подбрасывает, там крадут, а сюда бегут. (*Глядя на дверь, за которой скрылась Похлебаева, много тише.*) А что – если нравится, могу уступить... только она и так уж слуга двух господ...

АКУЛОВ. Москва тебе виновата, Москва делегирует. Пригрелся тут, разъелся, как боров. А кадры надо гонять. (*На дверь, много тише.*) Как это «двух господ»? Ну, и кто «второй»? Из области кто-нибудь, из начальства вашего?

Дверь скрипит, приоткрывается. Все шире, шире.

ЖИГАЛКИН. Опять короля трюфлей вы простой десяткой покрыли! А в прошлый раз туза пикей шестеркой червей – я стерпел...

АКУЛОВ. А что у нас козыри?

ЖИГАЛКИН. Черва.

АКУЛОВ. Что – каждый раз разные?

ЖИГАЛКИН. Ну а как же. (*Шепотом, оглядываясь на двери.*) Кто второй-то?

АКУЛОВ. Да артист тут один... из погорелого театра, по кличке отец Банионис, говорит, из Паневежиса...

Дверь резко открывается, влетает Дашутка Похлебаева. Плюхается на колени Жигалкину, обхватывает его шею рукой.

АКУЛОВ (*смешав колоду*). Все, кончай панихиду! (*Жигалкину.*) И чему вас там в школе милиции учат? В элементарного «подкидного», в «кинга» не можешь. Вот и сидишь пеньпнем в своем кабинете, когда руководство районное работает, с ног сбивается. Мы в университете, бывало, как сессия, так ночь напролет в преферанс. Чувство локтя вырабатывается, стратегия, комбинационность, в конце концов, острота интуиции, нюх – руководящие качества. А у тебя, в машине твоей – «уазике», что творится?

ДАШУТА ПОХЛЕБАЕВА. Да и что, что творится?

АКУЛОВ. А то! Одежкой изнутри на зиму обтянул, а уж лето ведь, пылищи-то жуть. А «бардачок» пустой. Тут шахмат нет, там стакана... Начальство, лоб твою мать! Как же ты простого человека понимать будешь, мотивацию его поступков и побуждений? Вот раскрываемость у тебя и на «нуле».

ЖИГАЛКИН. Как это на «нуле»?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Как это на «нуле»?

АКУЛОВ. А ты что тут делаешь?

ДАШУТКА. Стрессы снимаю начальнику.

АКУЛОВ. Стрессы у стюардессы. (*Жигалкину.*) А зачем я пришел к тебе сюда лично – стрессы, что ли, тоже снимать, в карты тут с вами играть? Это я мышление (*на Жигалкина*) вот его проверяю, творческие способности. Можно ли тебя, друг мой, содержать на народные денежки?

ДАШУТКА (*слезая с коленей Жигалкина*). На муниципальные.

АКУЛОВ. Ишь ты! Июнь на дворе, сенокос в Разливе. (*Дашутке.*) Да знаете хоть вы, что с апреля-месяца мы, выражаясь эзоповским языком, – зона чернобыльская? (*Акулову.*) Не хихикай! Ты хоть радио слушай, газетки почитывай, шерстью не обрастай. В стране сейчас чрезвычайное происшествие, и в этой связи массовый героизм... В общем, на мое имя поступила Правительственная Телеграмма...

ЖИГАЛКИН (*в сторону*). В полкилограмма.

ДАШУТКА (*прислонясь к Акулову*). Да ну? В полкилограмм?

АКУЛОВ (*отстраняясь от Дашутки*). Ну да, с грифом «совершенно секретно». В общем, через военкомат командировать в Чернобыль добровольцев в качестве ликвидаторов. Тех, что из армии недавно... шоферов, бетонщиков, плотников...

ЖИГАЛКИН. А при чем тут милиция?

ДАШУТКА. Да, при чем?

АКУЛОВ. Что – в ситуации на разбираетесь? Понесли повестки через военкомат, а все кто куда.

ЖИГАЛКИН. Кто – «добровольцы»?

ДАШУТКА. «Добровольцы», да?

АКУЛОВ. Будем действовать через вашу систему.

ДАШУТКА. Систему хааете, а к системе обращаетесь.

Жигалкин вскакивает из-за стола, принимается расхаживать по кабинету.

АКУЛОВ (*пытаясь восстановить начальственный тон*). Все Брежнев висит у тебя в кабинете. А ведь кто у нас уже, кто в стране – с Апрельского пленума?

ДАШУТКА. Ну этот... как его, ну кто молоко из стакана на трибунах пьет?

АКУЛОВ (*Жигалкину*). Я не против, конечно, пусть повисит. Но намекаю, намекаю, а ты ни черта не воспринимаешь. Это я насчет пустого «бардачка» в «уазике».

ЖИГАЛКИН. Так в магазине уже второй месяц сухо. Думаю, дело вовсе идет к «сухому закону».

АКУЛОВ (*строго*). Конкретно! Какие у нас сейчас внутренние возможности?

Дашутка живо усаживается на колени Акулову.

АКУЛОВ (*резко вставая, и стряхивая ее*). Да я не про это, не про это!

ЖИГАЛКИН. Резервы узкие, а горла широкие. Хотя есть тут у меня один абориген. (*Дашутке построже уже, как секретарше.*) Кавуна сюда ко мне, участкового!

ПОХЛЕБАЕВА (*выходя*). Вот как раз дежурил, с дежурства его сняла.

Следом как-то боком в дверь втискивается Кавун – участковый.

ЖИГАЛКИН. Опять табельное оружие не при себе? Ну-ка, что тут у тебя в кабуре? Во, шматок сала и два соленых огурца... Пистолет оставил у бабки Сонечки, да? В общем, одна нога тут, а другая у нее, живо! И чтоб без этого дела (*изображает руками бутылку*) не возвращался. Но чтоб была – как стеклышко, слезы ребенка!

А огурцы и шматок сала вот сюда клади, вот сюда, на стол. Зачем таскать в кобуре? Бабке же Сонечке скажи, мол, в последний раз начальник прощает. Чтоб оружие больше в залог не брала.

Кавун выходит и тут же возвращается. Отзывает в сторонку Акулова, косясь на гостя, тянет из кармана одну бутылку, из-за пазухи – другую.

КАВУН (*весело*). Проверено – мин нет.

ЖИГАЛКИН. Молодец! В оперативники переведу. (*Потирая руки.*) Как жизнь гвардейская, говорю, ничего?

КАВУН (*переминаясь*). Да какая жизнь у Кавуна? Как у арбуза. Пузо растет, а хвост сохнет.

АКУЛОВ (*рассмеявшись*). Шутник, однако! (*Кивая на бутылку.*) Теперь без этого дела нельзя. Чернобыльская зона – сука такая, наука это дело рекомендует.

ЖИГАЛКИН (*в тон ему*). Действительно, кровь очищает.

Кавун разливает по стопкам. С хрустом закусывают огурцом. Кавун выходит из кабинета на цыпочках.

АКУЛОВ (*смотрит на сейф, переводит длительный, тяжельный взгляд на Жигалкина*). Ты это бросссь.

ЖИГАЛКИН. Чего?

АКУЛОВ. У одного начальника райотдела пленки в сейфе нашли... нехорошего содержания...

ЖИГАЛКИН (*насторожась*). Ну и что?

АКУЛОВ (*этак с ленцой*). А что – ничего. Чернобыльский реактор взорвался, говорю, так туда все внимание. А этот... бюль-бюль оглы... концы в воду и как не бывало... Ну так что будем делать с этими «добровольцами»?

Жигалкин нажимает на кнопку, вбегает Дашутка Похлебаева со своими голыми лытками, бросается сразу к столу с бутылками.

ЖИГАЛКИН (*осаживая ее*). Вот адреса. Передай Кавуну, чтобы завтра же все тут были как штык! Кто не явится, тому лично пусть осуществит привод.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*дожевывая сало*). А санкция?

ЖИГАЛКИН. Какая санкция, какой прокурор! Это же лучшие люди района, добровольцы - будущие герои-ликвидаторы. В Чернобыль едут на ликвидацию! Откликаются, народный порыв... Фу, все (*оборачиваясь к Акулову*), подушка идеологическая.

АКУЛОВ. Дырки для орденов пускай колят.

АКТ ВТОРОЙ

В сирени за огородом заседают закадычные дружки. Это Картонов и Семафор. Появляется отец Банионис.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*Картонову*). В кустах скрываешься? А за тобой из милиции уже дважды приходили.

КАРТОНОВ. Кавун, что ли? Черт пузатый, пусть ходит.

ОТЕЦ БАНИОНИС. В третий раз, говорит, прямо в КПЗ. И в кандалах.

КАРТОНОВ. Ничего, Похлебаева выручит. Подружка-то твоя, отец, не слезает, говорят, с коленок Жигалкина.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Город весь на дыбы поднят.

КАРТОНОВ. А я не в курсе, я только что ночью из рейса. Из Древнего Рима, был у дальнего родственника своего – императора Октавиана Августа.

СЕМАФОР. Через военкомат «добровольцев» собирают в Чернобыль. А у тебя фургон, дальние перевозки – как раз что надо.

КАРТОНОВ. Вот и езжай, я тебе руль уступлю.

СЕМАФОР. Че я – ненормальный?

КАРТОНОВ. А я?

СЕМАФОР. А ты – шофер. Шоферы там позарез. Радионуклиды возить (*Отцу Банионису.*) И тебя Жигалкин упечет туда, вот тогда поглядишь.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Мы – артисты! Местная знаменитость, национальная гордость, без нас они никуда. Оформляют на народного! Народный мститель местного Народного театра. Вот! (*Достает из кармана и надевает на шею черный галстук.*)

СЕМАФОР. На кого похож – вылитый Банионис!

ОТЕЦ БАНИОНИС (*Семафору*). Из Паневежиса. Мы туда вслед за Картоновым.

СЕМАФОР. Куда – в Паневежис? Я чего и умел позабыл, разучился.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Госсподи, есть же люди! Так власть тебя, дурака, ничему и не научила. Только водку жрать да красть. «И по камушкам, по кирпичикам...»

СЕМАФОР (*хватая его за грудки*). Вот! (*Срывает черный галстук.*) Поп-расстрига, народный артист! Вот тебе траур по Сакко-Ванцетти, вот тебе мой ответ Чернобылю!

КАРТОНОВ. Ребята, ребята! Вы че! А вот бормотушка из самого Рима, из фирменных погребов. (*Ставит на стол бутылку.*) У меня там «лапа», в самом Ватикане... Итак, прово-

жаем меня в КПЗ. Ты, отец, сбегай домой за хлебом. А ты, Семафор, поди дерни у бабки Сонечки луку зеленого, с грядки.

Семафор и отец Банионис уходят. Картонов подставляет к столу чурбаки для сидения. Пробует на устойчивость.

КАРТОНОВ. Вот на этом чурбаке буду сидеть я – Картонов Август, потомок римских цезарей! А вот тут, на кривой чурке, пусть посидит этот плебей Семафор... Ему, значит, жить, а меня, чей профиль на древних монетах, в паровозную, значит, топку?.. Так (*оглядываясь*), так. Маскировочка, что надо. Ни ты никого. Ни тебя никто. Кавуну и в голову не придет искать меня тут, в конце огорода. В сирени, так сказать, в кафе «Зеленый шум»... Начальство по кабинетикам, а мы тут, дикари, на лоне природы. (*Зрительному залу.*) А помните при Брежнев, возьмешь, бывало, одну на троих (*изображает емкость руками*), тут же за углом ее и оприходуешь. Хоть и крапивой закусишь, а все равно ты – человек! Ты звучишь гордо – у всех на виду, в магазине! А сейчас эта, как ее... перестройка... Винный отдел вынесен за пределы, к конюшне. Сунут тебе бутылку, как паразиту какому – на, жри!

Это еще ничего, а вот в Молдавии, говорят, вообще виноградники вырубают, а в бочку с вином сыплют dust. Дело так не пойдет! Мужик наш к соске приучен. Как это можно соску отнять! Он же дитятя, стойло все расшибет, все перевернут, разорят, страшно подумать... И куда они запропали, однокашники мои, сателлиты?.. А, вот и они, легки на помине! Ну что, Семафор, принес хлеба?

СЕМАФОР. Какой хлеб! В магазине ветер один. Я вот что притащил (*вытаскивает из-за пазухи стеклянную банку*), – маслята. Розовые, поросятинка! Миррровая закусь.

КАРТОНОВ. Где взял?

СЕМАФОР. На столе.

КАРТОНОВ. На каком?

СЕМАФОР. Да у тебя же, на кухне.

КАРТОНОВ. Ух, какой ты, догадливый!

СЕМАФОР. А вон артист чего-то прет для народа с чужого огорода. Аж коленки подгибаются... Ну что, отец, принес зеленого луку?

ОТЕЦ БАНИОНИС (*отдуваясь*). Во! Целая фляга.

КАРТОНОВ (*заглядывая в нее*). И чего там?

ОТЕЦ БАНИОНИС. А я еще давеча заметил, бабка Сонечка самогонку затерла. Она – в магазин, а я флягу хвать, и сюда.

КАРТОНОВ (*берясь за голову*). Ну паразиты! Ну прохиндеи! С вами не соскучишься. А в тюрьму сядешь, это точно... Вот что, отец! Креста на тебе нет. А тащи-ка ты, братец, флягу эту обратно. Скажешь бабке, зря, мол, старался, фляга-то с молоком оказалась.

СЕМАФОР. Да ты что! Чтобы с брагой да назад?

ОТЕЦ БАНИОНИС (*в размышлении*). Еще и Кавуну настучит.

КАРТОНОВ. Ладно, раньше срока не помирайте. Скажите, так, мол, и так. Друга провожаем в Чернобыль. А туда без этого дела, как в метро, без билета не пропускают.

КАРТОНОВ. Для начала вон ту. Что из Древнего Рима привез, – «Волжское», называется.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*черная из фляги*). Дрянь порядочная!

СЕМАФОР (*угодливо*). Что, не вызрела?

ОТЕЦ БАНИОНИС (*солидно, со знанием дела*). Через аппарат пропустить надо, аппарат нужен.

СЕМАФОР (*вскакивая*). Я счас, мухой!

КАРТОНОВ (*Семафору*). Канистру в картошку брось – ботва уж по пояс, как джунгли. С головой укроет.

СЕМАФОР (*оттаскивая флягу*). Потом разберемся.

(*Возвращается, тряхая руки.*) Все, уложил между гряздок. Даже с вертолета не разглядишь.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*мрачно*). А у бабки Сонечки интуиция.

КАРТОНОВ. Как говорят у нас в Древнем Риме, сразу до дна ай на завтра оставим?

СЕМАФОР. Да ты что!!

ОТЕЦ БАНИОНИС (*поднимаясь с алюминиевой кружкой в руках*). Предлагаю тост за успех нашего безнадежного дела, как говорят у нас в Паневежисе... Август ты наш Картонов! Кругом Чернобыль, страх витает, сырая тень «сухого закона», а у нас тут пир во время чумы. За тебя!

СЕМАФОР (*чокаясь*). Во здравие, во здравие!.. Добрые люди йод сейчас пьют...

ОТЕЦ БАНИОНИС (*невозмутимо*). Имидж мой неколебим! Август ты наш июньский, живым желаю вернуться тебе отсюда. А налей-ка, налей, плебей, лично ему, Картонову, по второй.

СЕМАФОР (*на ухо Банионису*). Там же нужны бетонщики, а также крановщики, плотники, а также еще и водители. Такая номенклатура.

КАРТОНОВ (*взрываясь*). Вот Семафор у нас один спец по всем таким делам многочисленным!

Из-за сирени выглядывает любопытная рожица мальчика лет девяти – это Колюня, сын Картонова и, как все говорят, еще и Октавиана Августа. Колюня больно рыж – долго на солнце под ситом сидел.

КОЛЮНЯ (*ехидно*). А-а, пьете! И прямо из фляги... Папка, дай трояк на мороженое!

Мужики переглядываются, Картонов тянется к уху мальчонки.

КОЛЮНЯ (*убегая*). Ага, я все видел, все слышал! Мамке скажу... Папка, и никакой ты не император римский!..

Картонов медленно вытягивает ремень из штанов.

КОЛЮНЯ (*заканчивая убежденно*). Однако за рулем – огромный талант!

КАРТОНОВ (*аж подсакивая*). Уфф, Колька! Давай-ка сюда! На-ка, попробуй, мужское дело – сухое питье!

КОЛЮНЯ (*сплевывая*). Го-орькия-я!!

СЕМАФОР. Какая жизнь, такое и питье. Скажи мамке, мол, в Чернобыль готовимся, сам видишь – уже заправляемся.

АКТ ТРЕТИЙ

Там же, те же.

КАРТОНОВ (*вслед Колюне, вздыхая*). Еще и мать приведет.

СЕМАФОР. Пускай приводит.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Вот малец! Никого не признает, только отца да автоинспекцию.

КАРТОНОВ. Областную, орловскую.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*Семафору*). Да, весь в отца, в его народный талант! А на автоинспекцию в одном кармане у него – пшено, в другом – мускатный орех. Жевнул – амбра, клумба во рту, как у Большого театра.

СЕМАФОР (*отцу Банионису*). Эх ты! Испортил Дашутку Похлебаеву, развратил окончательно. От нее теперь духами французскими... Это она, отец, тебе имечко приспособила! Все в Дымове только так теперь тебя и зовут, позабыли уж настоящее имя.

КАРТОНОВ. А мое имя тоже, может, не настоящее. (*Нестественная тишина.*)

ОБА сразу. Да ну ты что? Ты что! Да ни за что... да куда тебе, не поверим... Как у Моисеева?..

КАРТОНОВ. С Рима – моя фамилия. Граф я, голубые кровя.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*Семафору*). Мода сейчас такая пошла. Все сейчас себя обзывают дворянами. Купил домик в деревне с двором – уже дворянин. А какой Моисеев – что танцует в Москве или что в Орле в драмтеатре?..

СЕМАФОР. Заткнись, прорва! Не фонтанируй! Еще и в газету потащишь! Ну как будем пить, – по-черному или прямо из фляги?

ОТЕЦ БАНИОНИС. Вот люмпен, деклассированный элемент! Как говорят у нас в Паневежисе, ты, Семафор, как сибирский валенок до сих пор, высокие материи тебе не доступны.

КАРТОНОВ (*впадая в грусть, даже в тоску*). Скорее всего, я вернусь, должен живым вернуться! О чем думаю: «Господи! Жизнь теперь ничего не стоит. А ведь человек – царь природы... Мать хоть успела, слава тебе, перекрестить»...

СЕМАФОР. Ну, запел панихиду. И за что только бабы любят его?

ОТЕЦ БАНИОНИС (*Семафору*). Заткнись! День и ночь изо рта прет сивухой.

Семафор тащит из сирени самогонный аппарат, водружает на стол.

СЕМАФОР. Это инструмент, орудие производства! Вот вы – корифеи, цезари и артисты! А сивуху жрете прямо из фляги. А наутро как эскадрон во рту ночевал. Особо сейчас нюх берет, при Горбачеве. Я же через аппаратик пропущу – даже Балтазар, автоинспектор наш, недоумевает. Вроде как под балдой, а прибор на берет.

КАРТОНОВ. Конечно, в рейс тебе на линию не выезжать.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*подстраиваясь под Картонова*). Как говорят у вас в Древнем Риме, знаем-знаем, где самогонку берем. Бабка Сонечка – только еще Кавуна зачисляет в свой штат, сажает на свой аппарат, дает первачок. А тебе, Семафор, теперь уже что останется.

КАРТОНОВ. Что – прямо тут и сейчас?

СЕМАФОР. Что сейчас?

КАРТОНОВ. Злоупотре...блять...

СЕМАФОР (*отцу Банионису*). Выражается, его понять можно. А вот тебя Дашутка после того не подпустит. И так уж портрет Жигалкина повесила над диванчиком.

СЕМАФОР. Какого Жигалкина! Это же он, отец Банионис, только под видом Жигалкина, загримировался. (*Гладит ладонью змеевик – витую трубу.*) Поилец наш, кормилец наш – бабкина аппаратура.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Ценный научный прибор.

СЕМАФОР. Картоныча провожаем честь по чести. Что ж ему на Чернобыль ехать тверезым, да еще, чтобы сивухой разило? Аппаратец зарядим, пропустим бардочку – слезинка, казенная не устоит. Не устоит, отец?

ОТЕЦ БАНИОНИС. Однозначно.

СЕМАФОР (*радостно*). И калорию держит!

ОТЕЦ БАНИОНИС. Как говорят у нас в Паневежисе, что – прямо сейчас?

СЕМАФОР. Что сейчас?

ОТЕЦ БАНИОНИС. Ну, это... еще по хрущевскому... подрывать, так подрывать государственную монополию.

СЕМАФОР. Ну а как же? Вон у Картоныча и дровишки уже наколоты. И водичка в железной бочке. Интервью давать собирается...

КАРТОНОВ (*пробуя голос*). По Дону гуляет... по Дону гуля...

Отец Банионис и Семафор хлопочут у костерка. Пошатываясь, Картонов лобзает уже то одного, то другого.

КАРТОНОВ. Вы думаете, я пьян? Ничего не соображаю?

ОТЕЦ БАНИОНИС. А ты думаешь, мы пьяны?

КАРТОНОВ. А вы пьяны! Потому что не соображаете. Выднем самогонку гоните, а ведь милиция за углом. Выйдет Кавун за порог, дерг носом – и меня же за хибот... потому что это мой огород...

СЕМАФОР (*хлопоча у аппарата*). Че тебе? Отбоялись. Кавун подозрную трубу с утра целит. А сейчас уж сапоги его яловые скрипят, слышу.

КАРТОНОВ. Яловые не скрипят.

СЕМАФОР. Ну, значит, хромовые – сам Жигалкин сюда... да, отец Банионис?

ОТЕЦ БАНИОНИС (*кладет руку на плечо Картонову*).
А с Чернобыля, братцы, уже идут цинковые гробы.

СЕМАФОР. Отец, помолчи, не надрывай, помолчи!

Из-за сирени выглядывает Дашутка Похлебаева. Ее никто пока не замечает.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*с пафосом, артистично*). Завтра уйдет Картоныч – наш друг. Потом я, потом ты, Семафор. Мы все уйдем туда - высоко, в атмосферу. Там уже наших много – в небе над Дымовым. И дым Отечества нам сладок и приятен.

КАРТОНОВ (*всхлипывая, переполненный чувствами*). Спасибо тебе, спасибо. Дорогой, народный, отец ты наш, из Паневежиса. Лихо берешь, душу мою понимаешь, пронзаешь словами наскрозь.

Взывает сирена. Захлебываясь, гудит где-то над Дымовым с перерывами, но не ослабляясь. Воздушная тревога, эхо прошедшей войны.

Из-за сирени с хворостиной выходит бабка Сонечка.

БАБКА СОНЕЧКА. А-а, вот вы где устроились, где мой аппарат, моя фляга!

Сирена смолкает, слышно, как где-то кукует кукушка. Замерев, все считают: «Раз, два, три...»

КАРТОНОВ. Бабка Сонечка, чего тебе? Живи себе тихо, и будешь жить вечно!

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

БАБКА СОНЕЧКА (*придя в себя*). Да когда хоть нажреться-то, когда отопьетесь! Пррравильно про вас таких распут-

ных, пишет писатель Распутин. Все огороды притоптали, заборы пообсосали.

СЕМАФОР. Не заборы, бабка, а Курский вокзал в Москве.

БАБКА СОНЕЧКА. И в Орле тоже.

ОТЕЦ БАНИОНИС. И в Паневежисе.

КАРТОНОВ. Не обобщай, бабка, не обобщай.

БАБКА СОНЕЧКА (*обратив, наконец, внимание на Семифора*). А, это ты аппарат у старого человека стащил? И флягу.

СЕМАФОР. Какую флягу, какой аппарат? Этот, что ли? (*Толкает коленкой.*) Да на что он мне, на кой!

БАБКА СОНЕЧКА. Не знаешь, какой аппарат тебя, дурака, кормит и поит?

СЕМАФОР. Меня, бабка, только один аппарат кормит и поит, обувает и разувает, одевает и раздевает – бю-ро-кратический! Это который сверху донизу – от Москвы до самых до окраин. Всем командует, тащит себе – никак не растащит. Все созидает и рушит, никак не разрушит. И Чернобыль, бабка, вот тады поглядишь, – его дело...

Из сирени выскакивает Дашутка Похлебаева.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Ты чего, бабка, клеветишь на аппарат, на всю в целом систему?! Знаешь, что за это бывает? Пиджак в полоску, а небо в клеточку.

Все растеряны. Первой приходит в себя бабка Сонечка.

БАБКА СОНЕЧКА. Чегой-то ты на меня все свалила? Про какой это ты аппарат?! Чем коров ныне доят – доильный?

СЕМАФОР. Доильный, доильный – какой же еще? Который, бабка говорит, чтобы сократить, надо прежде увеличить.

БАБКА СОНЕЧКА (*всплеснув руками*). Куда же, миленькие вы мои, увеличивать – в длинку? А змеевик куда?... Ах, па-

разитка! *(На Дашутку Похлебаеву.)* Аппарат бабкин тебе помещал! Бабку Сонечку хотите лишить средств существования?

ОТЕЦ БАНИОНИС. Что ты, бабушка! Бабка Сонечка – золотая ручка! Не вишь, от нее *(на Дашутку)* уже больше, чем за километр – французскими духами.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Да вот, за километр!

ОТЕЦ БАНИОНИС. Ну да! Сосуществование двух систем... *(Дашутке.)* Иди, котик, ко мне, иди сюда, на коленки.

БАБКА СОНЕЧКА *(причитая, в голос)*. И пошто же мужик-то помер, на кого ж он оставил меня-я-я... Да глазоньки мои на вас таких не глядели бы... Да уши бы вас, паразитов таких, не слышали бы-ы-ы...

ДАШУТА ПОХЛЕБАЕВА. Видали, мужики, как она вас распанахивает, кострошит?

ОТЕЦ БАНИОНИС. Она своя, ей можно. Вот он, например *(показывая на Картонова)*, – будущий герой, отправляется на ликвидации. Видимся мы с ним тут, может, в последний разочек.

БАБКА СОНЕЧКА *(успокоясь разом)*. «Добровольцы», говорите, это которых уже третий день по городу ищут? Кавун приходил.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Что Кавун? Кавуну амбразуру не закрывать. А вот ему *(кивает на Картонова)* голыми руками саркофаг надвигать, трещины замазывать, винты голыми пальцами завинчивать. А там, как в аду, в реакторе-то, огненная река.

СЕМАФОР. Я тебя, бабка, за нее *(кивая на Дашутку Похлебаеву)* шилом проткну, как ливерную колбасу. Не вишь, провожать явилась, от души.

БАБКА СОНЕЧКА *(всплеснув руками)*. Госсподи, стрр-расть-то какая! *(Придвигаясь к Картонову.)* Ну, а ты-то как же на добровольность решил, сынок?

КАРТОНОВ *(поднимая кружку)*. Как говорят у нас в Древнем Риме бедные евреи... за безнадежность нашего дела... Мы,

бабка, тебе за нее прощаем. (*Показывая на Дашутку.*) Всегда готовы быть добровольцами, защищать всех от чужих всяческих поползновений.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*кокетливо, садясь на колени отцу Банионису*). Вот кто мой единственный. (*Обхватывая его за шею.*) А что – разве евреи бывают бедными?

ОТЕЦ БАНИОНИС (*отстраняясь от Дашутки*). Все надежды, мать моя, в прошлом. Остается одна только вера.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*с кружкой в руке*). Ну, тогда будем... Тебе, милый (*Картонову*), чтоб живому вернуться... А ты, хамаидол (*Семафору*), записочку, что ли, оставил бы бабушке. Мол, так и так, беру временно аппарат, дело святое.

БАБКА СОНЕЧКА (*с дрожью в голосе*). Да бабка разве бы не поняла, бабка все понимает. Вы-то на производстве еще себе новый исделаете, а мне, старой, одинокой, кто здоровычко возвернет, а кому-у-у я нужна-а-а...

СЕМАФОР (*утешая ее*). Я в милицию было собрался с ним, с твоим аппаратом-то...

БАБКА СОНЕЧКА (*насторожась*). Ну и зачем же?

СЕМАФОР. А зарегистрировать. Все сейчас несут регистрировать. Сахар, говорят, выдавать будут по карточкам дополнительно в зависимости от объема. Маленькие аппараты идут по первой категории. Твой-то уж больно здоров. Ишь, разбухала, сколько сахара надо.

БАБКА СОНЕЧКА. По потребности, сынок, по потребности.

СЕМАФОР. Чуем вокруг экватора уж три раза, руками небось, обхватила.

БАБКА СОНЕЧКА. Вокруг чего – элеватора? Нет? Ну, тада – я пошла. Завтра сама в милицию снесу... залеги.. зарегистрирую...

КАРТОНОВ (*Семафору*). Надо было вылезть тебе.

ОТЕЦ БАНИОНИС. А-а! (*махнув рукой*). Боги от нас от-вернулись.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*прижимаясь к Банионису*).
Ничего, мужики, раньше времени не помирайте.

Опять возникает сирена. На фоне ее опять же кукует кукушка.
Картонов считает: «Раз, два, три...»

КАРТОНОВ. Чегой-то они сегодня? Ай сдурели?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Да учения по гражданской обороне, учения. А под видом учения на Чернобыль собирают шоферов, бетонщиков, плотников... Как Картонова...

ОТЕЦ БАНИОНИС (*Картонову*). Кавун уж три раза приходил.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Милиция тут не при чем! Это должно делаться через военкомат!

СЕМАФОР (*на Картонова*). Вот ему аппарат сделать надо. Специально. Без аппарата, говорят, в Чернобыль нельзя, не допускают. Самогон, говорят, лучше водки нуклиды эти нейтрализует.

Дашутка Похлебаева берет руки Картонова, глядит ладонь по всем линиям жизни.

КАРТОНОВ (*невесело*). Вишь ли, три раза уж Кавун приходил. Тут записано.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Небось, подождут.

КАРТОНОВ. Дай с друзьями-то хоть посижу.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*склоняясь к нему*). Милай, милай, где ж ты раньше был?

СЕМАФОР. А где, ребята, фляга у нас? В какую борозду я ее кинул?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*как бы очнувшись*). Да в десятой, в десятой справа, вон там.

ОТЕЦ БАНИОНИС. По Дону гуляет, по Дону гуляет...

Маруся раз, два, три...

СЕМАФОР (*Картонову*). Август! Для полного счастья жены тебе сюда не хватает.

КАРТОНОВ. Как говорят у нас в Древнем Риме, Дашута раз-два-три-и...

Дашутка садится теперь на колени Картонову.

ОТЕЦ БАНИОНИС. На сладенькое развесила губы?

КАРТОНОВ. Нет, почему же?

ОТЕЦ БАНИОНИС. А потому что потому. Однако я родился под белой звездой, а ты под горькой, под полыновой. Ты у нас по военной специальности «водитель-шофер», а я – «необученный солдат». Меня еще учить надо. *(Дашутке.)* Иди, иди ко мне...

КАРТОНОВ *(удерживая ее)*. Как говорят у вас в Паневежисе...

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА *(соскакивая с коленок Картонова)*. Что я вам бутылка на троих, что ли? Смеркается уж, а аппарат еще не отремонтирован. Когда же гнать-то родимую будем?

АКТ ПЯТЫЙ

Двор частного домика. Бабка Сонечка в телогрейке нараспашку, в обрезанных по щиколотку валенках.

БАБКА СОНЕЧКА *(поглаживая рукой агрегат)*. Домой вернулся, родимый, – кормилец бабкин, поилец народный. Из магазина принесла уж сахарку на пару затирок. А когда ты пропал, так ноженьки мои и подломились: как жить-то буду, – старая кляча, списанный человек? А с тобой бабку Сонечку в Дымове знают все. С другой стороны улицы здороваются, сам участковый шапку ломает... Помню, кормилец, сломался, так едва огород упростила вспахать. Едва без картошки на зиму не осталась... Ох, да что же меня колотит-то всю? Невры эти. Участковый мне: небось, попиваешь, бабка? Вольная, свой чимергез. А я на дух его не принимаю, нельзя. Кто ж, как не я, милые, ваши ятреба огненные ублажать будет?.. Не бабка, говорит, а

прямо-тебе ликеро-водочный завод. Без которого ни бюджет районный не устоит, ни зарплаты не выдаются. Милиция жуликов перестанет ловить, государство развалится... Ой, да что же это? Язык немеет, в сторону всю кидает. Перваку надышлась, дух святой никак не выйдет из грешного тела.

Бабка Сонечка выпускает из рук змеёвик, тот падает наземь. Бабка Сонечка отгоняет видения. Искажённое лицо ее проецируется на белой стене.

БАБКА СОНЕЧКА (*в ужасе*). Чур, чур меня! И мужики все пьяные в дупель! Вся моя клиентура. (*Хрипит.*) Спасите, не душите меня, карраул!

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ (*чудится ей*). Пьяный бюджет страны... пьяный бюджет... пьяный, пьяный... А помнишь, мужику с Арнаутовой налила трехлитровую банку? Так он жену свою после зарезал... А бабу растрепанную с Серебряного поселка? Пить трехлетнего сына заставила...

БАБКА СОНЕЧКА (*отпрянув*). Господи, страсти какие! Что ж вы к бабке-то ходите, как прицепились?! (*Пытается перекреститься, рука повисает в воздухе.*)

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Кхм, кхм, кхм!

БАБКА СОНЕЧКА. А, это ты, Кавун?!

ГОЛОС УЧАСТКОВОГО КАВУНА (*за сценой*). Анадысь и мне какую-то дрянь подсунула, едва не лишила работы. Пришлось краснеть перед начальством. Молись, бабка, за грехи свои тяжкие, куда дела мой револьвер?

БАБКА СОНЕЧКА. Свят, свят! С ума спятил? Расстреливать бабку, да? За плохое качество?.. Больше тада не приходи ко мне, не проси, на коленки не падай – все равно не налью-ю-у-у...

Тени на стене шевелятся. Каркают вороны где-то над головой.
Бабка Сонечка лежит наземь без движения.

БАБКА СОНЕЧКА (*приподнимая голову, слабеньким голоском*). Участковый!.. Участковый!..

Пауза. Тишина.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ (*реальный*). Кто тут милицию вызывал? Кому я понадобился?!

Появляется участковый Кавун с пустой трехлитровой банкой под мышкой.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*расталкивая ее*). Бабка Сонечка, бабка Сонечка! Да проснись же, проснись! Я опять к тебе.

Бабка Сонечка приподнимается. Встает на ноги через силу.

КАВУН. А налей-ка, кума, вчерашненького! Жигалкин с Акуловым оценили твой трудовой подвиг. Говорят, хоть на медаль выдвигай, как раз сейчас медали дают за ветеранство. В такой немислимый период ты, говорят, снимаешь стрессы с людей. Героическая бабка!

БАБКА СОНЕЧКА (*прикрывая рот ладошкой*). Хи-хи, так и сказали? А меня страх отчего-то объял. Револьвер при тебе, заряжен? Вы, милиция, только по бабкам таким и стреляете.

КАВУН. Это они так думают. А я думаю, медаль тебе, бабка, давать рановато. Не набрала еще качеств. «Чимергез» твой самогонный пока что вровень с человеческим телом – 36,6 градусов.

БАБКА СОНЕЧКА (*кокетливо*). А сколько ж надо тебе?

КАВУН (*строжась*). Сама знаешь, хотя бы сорок!.. Да вот что, бабка, завтра же аппаратец свой тащи в райотдел. Регистрация начинается, будешь в числе первых.

БАБКА СОНЕЧКА. Пеле... пеле-легистрация! А зачем?

КАВУН. Что ж ты думаешь, только людям медали дают? Глубоко заблуждаешься.

БАБКА СОНЕЧКА. И сахар?

КАВУН. За шампанские вина раньше медали выдавали. А теперь еще и за народное творчество.

БАБКА СОНЕЧКА. У меня, как в аптеке, смертных случаев ни одного. А то в Шаблыкино давеча – сразу пятерых

привезли, как и впрошлый раз на «аспос». То исть на «спас медовый».

КАВУН. Хочешь, скажу по секрету для чего регистрация? Секретные данные... для хороших людей...

БАБКА СОНЕЧКА (*живо придвигаясь*). Ну-ну.

КАВУН. Действительный факт, сахар на такие дела выделяется. Исключительно на каждый учтенный аппарат! Да живее, шевелись, бабка! Не то, сама знаешь, как у нас: в миг растощут все, ассигнации для нации, тебе не достанется.

Сцена вторая

Кабинет и. о. начальника Дымовского райотдела Жигалкина. Перед ним навтыяжку стоит участковый Кавун, а также все остальные: бабка Сонечка, Картонов, отец Банионис, Семафор. Отдельно от всех, понуриг голову, держится Дашутка Похлебаева.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*Жигалкину*). Докладаю! Вот привел злоумышленников, невзирая на личности, гуртовались все вместе. И, наконец-то, первого добровольца. (*Показывая на Картонова.*) По профессии водитель.

ЖИГАЛКИН. А эти чего?

БАБКА СОНЕЧКА (*выступая вперед*). Гражданин начальник, и мне бы на такие дела сахарку. Что я – рыжая?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*на бабу Сонечку*). Скажу прямо, она тоже добровольно явилась, сама. Это та самая бабка и ее аппарат... А вот она (*на ухо Жигалкину, указывая на Дашутку Похлебаеву*), можно сказать, захвачена в тех же кустах, на месте, так сказать, преступления. И, что обидно, ведь наш работник, а с ними, туды ее мать.

ЖИГАЛКИН (*сдвигая брови*). Какой аппарат? Что там у этого субъекта федерации? Ну-ну... А это что – фляга? И что во фляге? О, родимая! Значит, «вещдок» – вещественное доказательство. (*Выходит из кабинета, тут же возвращается, обращаясь к Кавуну.*) Отраву народную вылить немедленно – сюда вот, в окно! А аппарат ликвидировать!

Пауза. Кавун, как и все остальные, в растерянности. Жигалкин ноль внимания на Похлебаеву, Похлебаева – на Жигалкина.

СЕМАФОР (*опадая весь*). Как ликвидировать?!

КАРТОНОВ (*следом*). Как ликвидировать?! Наш аппарат, нашенький...А чего мне бояться-то, мне бояться теперь нечего. Кабинетики тут у себя пообставили, телефончики поустроили...

Кавун пытается оттеснить всех в угол.

БАБКА СОНЕЧКА (*сопротивляясь*). Гражданин начальник, гражданин нача... а сахар?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*подталкивая Картонова туда же, к друзьям*). Нате, берите героя своего!

И только после того, кряхтя и отхаркиваясь, Кавун подтаскивает флягу к распахнутому окну, и, перекинув ее через край подоконника, начинает сливать вниз туда содержимое. Все так и обалдевают. Немая сцена, Первой к окну кидается бабка Сонечка.

БАБКА СОНЕЧКА (*нараспев*). Ах, кусочки, ах, оглоеды, чего вытворяют!! А еще в форме. (*И гогочет вдруг вниз туда, перегнувшись через подоконник.*) Гляньте-ка! Этот льет отседова, а там двое сидят на карачках и ловят струю из этой фляги в такую же флягу.

ЖИГАЛКИН (*реагируя, тут же участковому Кавуну*). Чьи это? Это не наши! Ах, коллеги из соседнего, соревнующегося района? А чего они тут у нас ошиваются? Ах, за опытом приехали?.. Дежурный! Выливать ценный «вещдок» – отставить! До выяснения обстоятельств. Аппарат взять под стражу! А этих молодцов (*на Картонова, Семафора и отца Баниониса*) в КПЗ – пусть протрезвеют.

БАБКА СОНЕЧКА. А как же с сахарком-то, сынок? На общее дело, ведь, всего с полмешочка хотя бы.

ЖИГАЛКИН (*веселя*). С сахарком, бабушка, так. Сахар у тебя изымать не будем пока, пусть остается... на общее дело... Иди-иди, милая, сладкая ты наша, горе ты наше луковое. (*Обо-*

рачиваясь к дружкам.) А вы, орлы, у меня долетаетесь! Стаканы орловские, скважина артезианская... А вас, Похлебаева, да, именно вас, гражданочка, попрошу задержаться для личной беседы...

СЕМАФОР. Сперва научают пить, потом запрещают.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ. Мы ребята из Орла –

Водку содим из горла!..

БАБКА СОНЕЧКА (*застряв в двери*). И аппарат унесли! А я без него, как без рук. Вот начальники, умные головы. Средства узкие, а горла широкие! Как же я буду без аппарата существовать? Существование без него невозможно. Утлая жизнь, гроб с музыкой без аппарата.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

АКТ ПЕРВЫЙ

КПЗ – камера предварительного заключения Дымовского райотдела милиции. Зарешеченное окно. В окно врываются звуки марша. На нарах – трое: Картонов, отец Банионис и Семафор.

КАРТОНОВ (*встает, принимаясь расхаживать*). Как говорят у нас в Древнем Риме, в городе праздник по случаю заключения нас под стражу, бросили в этот застенок.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*Картонову*). По случаю твоего отправления в Чернобыль.

СЕМАФОР. Дашута любит сразу вас обоих – и тебя, и Жигалкина.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*в сторону*). Главное – ты за кулисами, нет прямой связи со зрительным залом.

КАРТОНОВ (*морщась*). С магазином связи нет, головушка горькая.

СЕМАФОР. А зачем? Дашута нас не забудет, придумает что-нибудь. А в магазине шаром покати. Из Австралии вче-

ра на комбайне приезжали, так там в Сиднее тоже нет ничего. Как в пустыне Сахаре, пусто-пусто.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*взрываясь*). Друга, можно сказать, на смерть провожаем! А мы тут – без телевизора и радиотелефона. И на всех троих однокомнатная, в зоне «сухого закона».

СЕМАФОР. А чего б ты хотел? За что боролись...

ОТЕЦ БАНИОНИС. А вот Гесс – главный нацистский преступник – сидел в Шпандау в двухкомнатной. С цветным телевизором и библиотекой.

СЕМАФОР. Так он был заключен пожизненно, смертник.

КАРТОНОВ. А я, можно сказать, тоже смертник, а в однокомнатной да еще и на троих. К тому же музей у меня на дому...

СЕМАФОР. Какой там музей! Что ты мелешь? Вон как Дима Ерохин в Колпне собирал экспонаты, так в комнате у себя через зуб мамонта переступали.

КАРТОНОВ. У меня музей единственный в своем роде, может, единственный в мире – венков сонетов... штук на сто уж собрал...

ОТЕЦ БАНИОНИС. На могилку? А чего же молчал, мы не знаем?

КАРТОНОВ. Говорил, а вам все не интересно.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Слушай, может, ты человек уникальный, не надо тебя туда?

КАРТОНОВ. Всю Европу, говорят, может одним сонетом накрыть.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Сонетом нет, а сонатой можно: Семфора туда вместо тебя. Все равно от безделия мучается.

СЕМАФОР (*колотя в дверь кулаками*). Эй, начальники, аппаратчики! Прожигатели жизни!

Звякают замком, дверь отпирается.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Чего орешь?!

СЕМАФОР (*хватаясь за живот*). Надо мне.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Вон «параша» в углу.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*на Картонова*). Как говорят у них в Древнем Риме, он же директор музея, к нему должно быть «галантерейное» отношение.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Мудохаюсь с вами тут, как будто вы сицилийская мафия. А дома ни корова не поена, ни баба не чикана.

ОТЕЦ БАНИОНИС. А человек есть человек. Вот он (*на Картонова*) занесет тебя в книгу Гинесса, только с черного хода, тогда узнаете кто есть кто.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. А мы в органах кто тебе? Тоже не какая-нибудь шушера-мушера.

ОТЕЦ БАНИОНИС. А Дашутка что тебе, Похлебаева?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Успокойтесь, неврастеники! Сами за мной гоняетесь, нарывааетесь на героизм.

СЕМАФОР. Кто нарываεταιся, кто? Я, что ли, я?!

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Жигалкин говорит, не хрена им по чужим огородам лазить, по чужим погребам отсиживаться. Включаем всех троих в список.

Пауза.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*прислушиваясь*). Марши в городе, праздник какой-то, да?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Для вас таких, добровольцев, культурная программа – марши в районном клубе играют.

СЕМАФОР. Мы тут сидим – добровольцы, а им там марши играют, вино рекой. А тут посты одни, заставляют поститься. Мент, хоть бы бутылочку нам принес.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Нет вина ни там, ни тут – никому! Сами знаете, в магазине одна мухота. Зона действия «сухого закона».

СЕМАФОР. Кто ввел его, тот сам пусть пьет молоко на трибуне, это его личное дело. А мы живем один раз...

ОТЕЦ БАНИОНИС и КАРТОНОВ (*в один голос*). Да, конечно. По члену как по конечному результату.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*непреклонно*). Нет и еще раз нет!
КАРТОНОВ. Я прошу, как идущий на все! Иду спасать
ведь вас, идиоты!

ОТЕЦ БАНИОНИС и СЕМАФОР (*в один голос*). В самом деле, спасать. Как говорят у них там в Древнем Риме, со щитом иль на щите.

Участковый Кавун переступает с ноги на ногу, мнется.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Ну, позови хоть Дашутку, Дашутку
хоть позови!

Участковый Кавун прислушивается к маршам за окном, шумно
вздыхает.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Ладно, пойду скажу, мол, страдают ребята. А ведь и правда, может, будущие герои.

Звякнув замком, участковый Кавун уходит. Все трое сидят, свесив ноги с нар, ожидают.

СЕМАФОР (*мечтательно*). Так принесет или не принесет? Бабка Сонечка все для меня сделает, бабка Сонечка ничего для меня не пожалеет.

КАРТОНОВ И ОТЕЦ БАНИОНИС (*в один голос*). Придет Дашута или не придет? Скрасить наше одиночество.

СЕМАФОР. Нальет или не нальет бабка Сонечка? Первачка, что на похороны себе приберегла.

КАРТОНОВ. Что из конфет выгнала типа «помадка», да?

ОТЕЦ БАНИОНИС. Из «белого аиста».

КАРТОНОВ. Я утром должен быть уверен,

Что с вами днем увижусь я.

СЕМАФОР. Хотя бы «сучок», из «сучка»...

Слушают марши за окном. С надеждой смотрят на дверь.

СЕМАФОР (*гадая на спичках*). Принесет или не принесет?

КАРТОНОВ и ОТЕЦ БАНИОНИС (*в один голос*). Не принесет... не принесет... но пронесет...

Гремят запоры, входит участковый Кавун.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*улыбаясь вовсю*). Вот вам, ребята! Лечитесь.

СЕМАФОР (*глаза на лоб*). Ш-шо это!!

КАРТОНОВ и ОТЕЦ БАНИОНИС (*оба разом*). Ничего себе!

Кавун достает из кармана домино, рассыпает кости по столу.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Жигалкин говорит, пусть добровольцы твои разгрузятся... психологически...

ОТЕЦ БАНИОНИС (*взволнованно*). Так и сказал – «добровольцы», во множественном числе?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Однозначно.

Марш за окном обрывается. Слышно тяжелое дыхание отца Баниониса и Семафора.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Одна надежда теперь на Дашутку.

СЕМАФОР (*Кавуну*). Так мы, дядя, в домино не играем. Мы же блатные.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*неодобрительно*). Как не играете?

ОТЕЦ БАНИОНИС. Как говорят у нас в Пане...

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Самогонку жрать – это мы можем! А вот в «козла» забивать, нет, не можем!

КАРТОНОВ. Не можем, мы в карты.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Как же ты в Чернобыль собираешься? Что ж там будешь без этого делать-то?

СЕМАФОР. Кто может в «козла», пусть и отправляется. А нам и тут хорошо.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Начальство разрешило – знает, что делает. (*В размышлении, затем решительно*.) Ладно, садитесь, буду учить!

Присаживаются к столу. Разбирают кости.

В окно врываются звуки марша. Входит дежурный офицер.

ДЕЖУРНЫЙ ОФИЦЕР (*Кавуну*). А-а, вот ты где! А Жигалкин ищет тебя, с ног сбился... А у вас тут пир во время чумы.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*веселя*). Что же им так и уезжать в Чернобыль, на ликвидацию? Провожу сеанс психологической разгрузки... курсы молодого «козла»...

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Кабинет Дымовского райотдела милиции. В углу бабкины атрибуты – фляга и аппарат. Тут же сам Жигалкин и участковый Кавун.

ЖИГАЛКИН (*положив руку на телефон*). Ну, и что ты скажешь о ситуации?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*подтягиваясь*). О ситуации ничего плохого сказать не могу. Но положение хреновое, сами усугубляем.

ЖИГАЛКИН. Как это «сами». И в чем?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Как аппаратуру реквизировали, так бабка Сонечка всякую творческую деятельность прекратила. И другие, глядя на нее, так же. Жизнь в городе замерла. А потребности, в связи с Чернобылем, возрастают не по дням, а, можно сказать, по часам.

ЖИГАЛКИН. И комиссии прибывают.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Каждому добровольцу, как раковому больному, в день бутылку вынь да положи. А район – в зоне действия «полусухого закона». Вот и катится вал преступлений. В магазины полезли за водкой!

ЖИГАЛКИН. И как там они у нас... чувствуют себя... ну, у кого аппарат мы изъяли?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Да сидят, в «козла» забивают.

ЖИГАЛКИН (*внушительно*). От нас еще никто не убежал... Чем комиссию, говорю открытым кодом, будем встречать?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Бабку Сонечку придется реанимировать.

ЖИГАЛКИН. Аппарат возвращать? Закон обратной силы не имеет.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Понял вас, понял. Будем изыскивать внутренние резервы... Задействуем флягу с бардой и опять-таки аппарат...

ЖИГАЛКИН (*усмехнувшись, подходит к окну*). Вот он город, стихия! Как сок забродивший, того и гляди, в бутылки дно высадят активисты. Московские власти далеко, а мы туточки, близко. Еще этот Чернобыль... Есть от чего голове пухнуть. (*Обращаясь к залу*.) От того (*за окно*) или от этого (*щелкнув себя по кадыку*), вы-то как думаете, а?

В окно влетают бравурные звуки марша.

Сцена вторая

В камере – Картонов, отец Банионис и Семафор. Забивают в «козла». Входит участковый Кавун.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Ну как, освоили новое дело?

СЕМАФОР. Что ж, ты думаешь, мы тебе мальчики? Чем, по-твоему, занимались всю жизнь на работе?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Значит, хрены валяем – в «козла» забиваем, а Родине помочь не желаем.

СЕМАФОР (*отвлекшись*). Не темни, чего надо?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Граждане аппаратчики! Сидим и вроде бы не понимаем. Да ситуация же критическая, грозит взрывом народного возмущения: добровольцев – проводить, чрезвычайную комиссию – встретить! А бабка Сонечка парализована. Но нас – народных умельцев своего дела – это вроде бы не касается.

КАРТОНОВ. Я утром должен быть уверен...

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Флягу с аппаратом вам внесу сюда, а вы тут как знаете. Ни я вам ничего не говорил, ни вы ничего не слышали. А то карманы хотим иметь широкие, а горло какое?

СЕМАФОР. Тоже широкое.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Но мы этого не позволим. Надеюсь, граждане аппаратчики, я до вас достучался.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*мрачно*). Похлебаеву приведи, Дашутку. Для души.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. И это все?

СЕМАФОР. Однозначно.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. А мы ее и не держим. Пожалста.

Выходит и возвращается в камеру с самогонным аппаратом. Затем втаскивает флягу.

СЕМАФОР. Так печка нужна, атомный реактор.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Вон «буржуйка».

СЕМАФОР. Так что, прямо здесь?

КАРТОНОВ. Я утром должен быть уверен,

Что с нею днем увижусь я.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*строго*). Ты где находишься! Собираешь хоть или совсем ум отшибло? Вот и применяйтесь к местным условиям, включайте смекалку. А где-нить в сарайчике гнать каждый дурак сумеет.

КАРТОНОВ. Как говорят у нас в Древнем Риме, я жену не гоню, наоборот – зову сюда, привлекаю. Вот кого не хватает мне для полного праздника.

ОТЕЦ БАНИОНИС. А у нас в Паневежисе...

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Родина вас не забудет. После того, думаю, долго тут не засидитесь.

Сцена третья

Та же камера. Те же трое – Картонов, отец Банионис и Семафор. Труба от «буржуйки» выведена в окно. Все в хлопотах, каждый знает свой участок работы. На столе уже трехлитровая банка, налита наполовину.

Входит Кавун.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*бодро*). Ну, и как вы тут, граждане аппаратчики?

СЕМАФОР (*запевая, во весь голос*).

Стою я раз на стреме,

Держуся за наган.

И вдруг ко мне подходит

Не знакомый мне гражданин.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Как с качеством?

КАРТОНОВ (*кивнув на банку*). Не вишь, божья роса.

СЕМАФОР. Он говорит, в Марселе

Какие кабаки.

Какие там девчонки,

Какие бардаки!

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Полегше, полегше глотку дери!

СЕМАФОР. Мы сдали того парня

Войскам НКВДе.

С тех пор его по зонам

Таскают за м-м-му... зашиворот...

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*отирая губы*). Так! Качество со знаком плюс. Теперь гоните количество.

СЕМАФОР (*наконец*). Таскают за ... му...му....

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Где, где? Надо тебе повторять! До чего же злой человек!

СЕМАФОР (*наглогато*). А чего ты мне исделаешь?

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН (*растерянно*). Ну, арестую.

СЕМАФОР. И куда посадишь? Ха-ха-ха... Там же девчонки танцуют голые,

Там же дамы в соболях.

Лакеи носят вина,

А воры носят фрак.

Картонов разливает в жестяные кружки – на пробу.

СЕМАФОР. С тех пор, друзья и братцы,

Одну имею цель.

СЕМАФОР и ОТЕЦ БАНИОНИС (*подхватывая*).
Хоть как-нибудь пробраться
В тот солнечный Марсель.

Наливают еще под одной.

ВСЕ ВМЕСТЕ (*и Кавун с ними, руки на плечи*).
Там же ж девочки танцуют голые,
Там же ж дамы в соболях.

Входит Дежурный офицер.

КАРТОНОВ (*вошедшему*). А вот и камер-юнкер!
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.
ДЕЖУРНЫЙ ОФИЦЕР (*увидев Кавуна*). А ты чего?
КАВУН. А я? А я ничего, я на работе.

Сцена четвертая

Снова гремит засов, дверь отпирается. Голос за дверью: «Кавун, на выход!» В камеру вбегает Дашутка Похлебаева с огромным пухлым мешком.

ВСЕ ТРОЕ (*бросаясь к ней*). Урраа!!
ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Травки вот принесла: зверо-
робую, душицы. Бабка Сонечка передала.

СЕМАФОР (*поникнув*). Н-да, и душицы?

ОТЕЦ БАНИОНИС (*обнимая Дашутку*). Ничего, ничего!
Ярлыки теперь будем клеить, давать ассортимент: коньяк
«Древний Рим», ликер «Паневежис»...

КАРТОНОВ. Для музея моего и вдохновения поэтов!

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Ну-ка, дайте попробовать...
вашего «Древнего мира....»

ОТЕЦ БАНИОНИС. Тебе нельзя, ты тут все-таки в
штате.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. А я уволена, Жигалкин прогнал... Окончательно и бесповоротно... Приехала комиссия – отца Дионисия.

СЕМАФОР. Там же девочки танцуют голые...

КАРТОНОВ (*совершенно трезво, как из другого мира, прорезая все помещение*). А здесь, на этой территории, будут вскоре жить другие народы и государства!

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Кабинет и. о. начальника Райотдела милиции. В кабинете – сам Жигалкин и участковый Кавун.

ЖИГАЛКИН (*вразумляя подчиненного*). Знаешь хоть, что такое государство?

КАВУН (*с готовностью*). Государство – это мы.

ЖИГАЛКИН (*внушительно, показывая на цветные телефоны*). Государство – вот они, понял меня? И самый главный – этот вот красный. Как зазвонят оттуда (*показывая наверх*), все остальные бросай, хватайся за него. Демократический централизм, называется... Ну, как там у нас народное творчество?

КАВУН (*съедая глазами начальство*). Я демократию не люблю. Вот она где у меня! (*Ладонью под горло.*)

ЖИГАЛКИН. Ежели б не бабка Сонечка, по миру бы пошли.

КАВУН. Как это?

ЖИГАЛКИН. Кто обеспечивает нам тюрьмы, дает нам работу? Бабка Сонечка со своим аппаратом. Творя невозможное. Вон нас, юристов, сколько тут сверху донизу. В этот год есть, допустим, работа, а на другой ее меньше. Что же нам сокращаться, расформировываться, да? А вдруг снова на Солнце

«пятна»?.. Заметил? Как в камерах пустовато, так снова брать начинаем и порой ни за что? Что прощается бабке Сонечке, за то же самое другим после по полной.

КАВУН. Откровенный какой-то вы – просто жуть, товарищ начальник.

ЖИГАЛКИН (*наливая себе из графина*). А че нам скрывать? Все лепят сейчас, что хотят. Заметил, за брехню теперь не сажаем... Так про что я? Ах да, государство и революция! Заметил? Что до того, что после того – аппарат как аппарат, наш аппарат. Бабкин аппарат против нашего никуда. А наш аппарат, ежели взять и уменьшить число посадочных мест...

КАВУН. Как в столовой, да?

ЖИГАЛКИН. По числу сажаемых... Ежели сократить «папу – юриста», цепь оборвется. А вдруг люди на Земле опять разыграются? Что – снова цепи ковать?

КАВУН. Ух, какой вы умный!

ЖИГАЛКИН. Не умный, а мудрый, дурак! (*В третий раз наливая себе из графина.*) Умный – кто из ситуации выкручивается, а мудрый – в ситуацию не попадает.

Наливает из графина и Кавуну во второй раз.

КАВУН. Ясновидец! Уму просто непостижимо, постичь вас невозможно, товарищ Жигалкин – начальник.

ЖИГАЛКИН. Комиссия вот где у меня, вот!

КАВУН. Это мы понимаем, начальник.

ЖИГАЛКИН (*принюхиваясь*). Спиритус вини ректафигатус... споднизу тянет... Ты у меня мужик умный, деятельный, надеюсь, в ситуацию не попадешь. А я ничего тут не видел, не знаю.

Кавун уходит.

ЖИГАЛКИН (*задумчиво*). Пятна на Солнце, черные пятна на Чернобыля. Комиссия – отца Дионисия. Одна работа, никакого тебе просвета, такая-то канифоль.

Сцена вторая

Там же. Жигалкин нажимает на кнопку, появляется Дашутка Похлебаева.

ЖИГАЛКИН. Ты все еще в приемной сидишь, все еще секретарша?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. А кому ж там сидеть-то? Никого пока вы не назначили.

ЖИГАЛКИН. Может, я тебе уже не доверяю. А проходит все же важная документация.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. А кто ж еще вам тут будет за одну зарплату сидеть – и на коленках, и при документации? Найдете какую-нибудь проститутку.

ЖИГАЛКИН. Ну, ты даешь! У меня на коленках сидишь, а с этим... «народным артистом» путаешься?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Я его люблю.

ЖИГАЛКИН. А я как же?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Вы меня вынуждаете. Чуть что, – лейтенант Похлебаева, встать по стойке смирно! Вот я и сижу у вас, чтоб не стоять.

ЖИГАЛКИН. Наоборот, стоишь, чтоб... стоял?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Дурак, похабник! Зачем вызывали?

ЖИГАЛКИН. Отца Баниониса пригласи и сама сюда же. Разбираться будем.

Дашутка выходит, вскоре является вместе с отцом Банионисом.

ЖИГАЛКИН. Ну что, артист, влип в нехорошее дело? Могу на полную катушку дать, «добровольцем» в Чернобыль оформить... Ты чего к Дашутке прицепился?!

ОТЕЦ БАНИОНИС (*мрачно*). Она меня любит.

ЖИГАЛКИН (*нервно, хохоча*). Кто – она? Да она любить уже не способна! Только на коленках у меня может сидеть... А ну, Дашута, подойди, сядь ко мне на коленки.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Вы же меня уволили.

ЖИГАЛКИН. А приказ еще не подписан.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Не подойду. Делайте со мной, что хотите.

ЖИГАЛКИН. Хахаля твоего в черныбыльский список включу.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Не включишь, я читала – артисты не требуются!

ЖИГАЛКИН. А я включу! Когда спортсмены едут на Олимпийские игры, им туда Винокура или Петросяна включают. Для поднятия духа... Вот возьму и включу в Дымовскую команду отца Баниониса... Иди-иди ко мне, Похлебаева, садись на коленки!

Вот, видишь, список, вот беру авторучку...

Дашутка Похлебаева медленно приближается к столу буквой «Т».

ОТЕЦ БАНИОНИС. Не смей, Дашутка! Он же над тобой издевается.

ЖИГАЛКИН. А тебе-то что? Говорил, что не любишь ее, тебе все равно.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Ее спросите, она вам скажет.

ЖИГАЛКИН. Ну что, Дашута? Как будем судьбу решать? Включать его в список или не включать?

Дашутка Похлебаева обнимает отца Баниониса, целует в засос темпераментно. Жигалкин вызывает Дежурного офицера.

ЖИГАЛКИН (*на отца Баниониса*). Проводите вниз... к остальным...

Сцена третья

КПЗ. Дверь в камеру нараспашку. Отец Банионис шурует в «буржуйке». Картонов возится с аппаратом, Семафор ведет учет на столе готовой продукции.

Входит жена Картонова Муся.

МУСЯ (*оторопев при виде Картонова*). И тут любимым делом своим занимаетесь?

КАРТОНОВ. Кто тебя сюда пропустил?

КАВУН (*входя следом*). Я, я пропустил!

КАРТОНОВ (*мельком глянув на него*). Оно и видно.

КАВУН. Что видно? Что пропустил маленько?

ОТЕЦ БАНИОНИС. Любовь проходит сквозь стены.

СЕМАФОР. Давайте и мы по маленькой – по маленькой, чем поют лошадей.

Наклоняется к жене Картонова, напевает «Мурку».

МУСЯ (*встыхнув*). Вы меня в свои блатные дела не впутывайте! Винзавод устроили где!

КАВУН. Проводим следственный эксперимент. А то бабка Сонечка заявляет одно, а они говорят другое.

МУСЯ (*Кавуну*). Картонова хоть отпустите. Пусть последнюю ночь дома переночует.

СЕМАФОР. Ну, Муся – Мурочка! Мы же без него никуда. Ни там (*показывая наверх, над собой*), где рай, у цветных телефонов. Ни тут (*показывая вниз, под ноги себе*), где ад, Чернобыль.

КАРТОНОВ (*жене*). Ладно, домой иди. Чемоданчик мой собери – по полной форме, какой беру в дальний рейс. Нас, наверное, скоро выпустят. Че им держат тут нас? Сделаем свое дело – и вон отсюда.

Муся, однако, не уходит, пристраивается в уголочке, сидит себе тихой мышкой. Кавун берет бутылки – сколько может. Гремя засовом, уносит наверх.

СЕМАФОР (*ухмыльнувшись*). Начальству на дегустацию.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*шуруя в буржуйке*). А мы тут жарку подадим! Век будут помнить семь кругов ада... «Божественную комедию»...

СЕМАФОР. Как побежало-то! Бежит-то как струйка! Прямо по банкам. Божественно.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Они там в прохладных кабинетах, а мы тут, как в Освенциме, дышим миазмами.

КАРТОНОВ (*напевая*). Я утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я... Отец, в случае чего – оставлю тебе адресок. Напомнишь, чтобы стихи про меня присылали в райгазету.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Так Жигалкин и меня в чернобыльский список загнал.

СЕМАФОР. Тебя? А с какой стати? Не шофер ведь, не каменщик!

ОТЕЦ БАНИОНИС. А мы жарку поддадим, поддадим! Так что все полетит к чертовой бабушке.

Гремят замком, входит Кавун. За ним вбегает Дашутка Похлебаева. Бросается к первому попавшемуся на шею – это Картонов. Обнимает, целует, причитая: «Дорогой наш, прощай... до свиданья...» Муся пулей вылетает из своего уголочка, вцепляется в волосы Дашутке.

МУСЯ. Ах ты, сучка! Ах ты, шлюшка такая!!

Дашутка Похлебаева стоит, опустив голову, плачет.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*приходя в себя, Мусе*). А я к Жигалкину ходила, за Картонова хлопотала.

МУСЯ (*резко*). Не надо нам ничего твоего, не надо!

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*отцу Банионису*). А тебя в чернобыльский список Жигалкин все же включил.

Сцена четвертая

Углом полкабинета и.о.начальника Дымовского райотдела. За столом – сам Жигалкин, перед ним – участковый Кавун.

ЖИГАЛКИН (*показывая на пол под собой*). Ну и как там у нас... в связи с Чернобылем... в народных низах?

КАВУН (*радостно*). Кипит вовсю! Говорят, скоро все полетит к чертовой матери!

ЖИГАЛКИН. Ну и чему радуешься?

КАВУН (*выставляя бутылки*). Вот, вот и вот! Это на встречу, если комиссия отца Дионисия.

ЖИГАЛКИН (*убирая бутылки в шкаф*). Вы это... полегше там, надо, сержант, снизить давление. Дровишек туда им поменьше. И шланг, шланг перекрой!

КАВУН. Так производительность же упадет, это в зависимости. А то к утру задержанных пора выпускать, срок истекает.

ЖИГАЛКИН. Утром и так выпускать, «добровольцев» провожают в Чернобыль.

КАВУН. И Похлебаеву жалко. Все же столько лет секретаршей у вас, проработали вместе.

ЖИГАЛКИН. Собою не управляет. Любвеобильна больно, «слуга двух господ».

Сцена пятая

КПЗ. Все те же. Отец Банионис шурует в «буржуйке». Картонов хлопчет у аппарата, Семафор клеит на бутылки этикетки.

Вбегает участковый Кавун. Изумлен длинным рядом бутылок.

УЧАСТКОВЫЙ КАВУН. Ого, батареи! Как под Сталинградом.

СЕМАФОР. Стараемся. Даем номенклатуру! Водка, ром, коньяки.

КАВУН (*обратив внимание на буржуйку*). Полегше там! Не то взлетим к чертовой бабушке!

ОТЕЦ БАНИОНИС (*скаля зубы*). Как говорят у нас в Паневежисе, нет Дымова без огня.

Кавун пытается поскорее схватить бутылки, чтобы тут же бежать наверх.

ОТЕЦ БАНИОНИС. А ну поставь!

КАВУН. Чего это ты?! Офонарел?
ОТЕЦ БАНИОНИС. Пусть Жигалкин от Дашутки отлепится.

Поднимает полено над батареей бутылок.

КАВУН (*выхватывая полено*). Но-но! Полегше на поворотах. С ума, что ли, вы тут все походили, надышались миазмов!

Сцена шестая

Углом полкабинета и.о.начальника Дымовского райотдела. За столом – сам Жигалкин. Вбегает участковый Кавун. Бухает перед ним бутылку на стол.

ЖИГАЛКИН (*обеспокоясь*). Ну и что там с производительностью?

КАВУН. Нет Дымова, говорят, без огня. Все, говорят, подымем в воздух к чертовой матушке! И ваш кабинет.

ЖИГАЛКИН. Как возбудились! Ну-ка, Кавун, че тут на этикетке?

КАВУН. Коньяк «Древний Рим».

ЖИГАЛКИН. Почему «Древний Рим», что за фантазии?

КАВУН. Похлебаеву просят восстановить.

ЖИГАЛКИН. Какое их собачье дело?

КАВУН. Иначе содержимое – на пол!

ЖИГАЛКИН. Ух, какие мы шантажисты! Поди и скажи им, Похлебаева – мой кадр. Сам с ней как-нибудь разберись.

Сцена седьмая

Там же. Кабинет и. о. начальника Дымовского райотдела. За столом – сам Жигалкин. Вбегает участковый Кавун.

КАВУН. Вот! Как говорят у нас в Древнем Риме – теперь у нас есть коньяк «Паневежис». А как говорят у них в Пане-

вежисе – ром «Древний Дымов». Вот на этикетке, специально для вас.

ЖИГАЛКИН. И что они там говорят?

КАВУН. А ничего! Выражают горячее желание все втроем отправиться хоть куда, только не в Чернобыль. Может, пойдём, прохиндеям навстречу, раз они спелись так, сицилийская мафия.

ЖИГАЛКИН. А чего они просят?

КАВУН. Дак все то же самое, за Похлебаеву выступают.

ЖИГАЛКИН (*принимаясь расхаживать по кабинету*). Комиссия эта – отца Дионисия... То просят собрать «добровольцев», а то, когда включаешь ресурс, палки в колеса, иезуитство!

КАВУН. И на солнце бывают пятнышки. Без пятен мы не можем, как говорят у нас в Древнем мире. Тьфу ты, господи! Вот прицепилось.

ЖИГАЛКИН (*с грустью*). Совсем скоро мух ловить перестанешь. Все начальник за вас отдувайся... Осенью яблоки в хозяйстве для всего коллектива доставал, теперь вот картошку. Ладно, езжайте, в Подолянь, договорился. А то у вас все зарплаты маленькие, на жизнь не хватает.

КАВУН. Вот спасибо, отец родной! Но картошка лично мне не нужна.

ЖИГАЛКИН. И за что же тогда «спасибо»?

КАВУН. За коллектив.

ЖИГАЛКИН (*глядя Кавуну прямо в глаза*). Ну! А знаешь, куда вылетает начальство?

КАВУН. Куда?

ЖИГАЛКИН (*скорбно*). В форточку.

КАВУН (*глядя в окно недоуменно*). Ну так что мне сказать ребятам?

ЖИГАЛКИН (*махнув рукой*). А что хочешь. Только я Дашутку не увольнял. Говорил лишь с восклицательным знаком.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ночь. КПЗ Дымовского райотдела милиции. Все те же – Картонов, отец Банионис и Семафор. Самогонный аппарат на столе накрыт пиджаком. Входит Кавун.

КАВУН (*кивнув на пиджак*). Ну что, отдыхаем, умельцы?

ВСЕ ВТРОЕМ. Кабы всех троих в Чернобыль не зататарил начальник-то, а?

КАВУН. Раскудахтались! Да у нас в органах каждый раз, когда на серьезное дело идем, на возможную «кровь», всяко думаем. А ведь молчим, не выражаемся.

СЕМАФОР. Так вы же милиция. Вам за это «башлы» кидают.

КАВУН. Какие «башлы»! Кидали бы «башлы» – «чимергез» бы тут с вами не пили.

Присаживается к столу.

КАВУН. Скорее всего, отправят в Чернобыль одного – вот его (*на отца Баниониса*). Там артисты сейчас нужнее всего, дефицит!.. Дайте-ка я с вами тут посижу. У вас закусь хорошая, знатная снедь...

ОТЕЦ БАНИОНИС (*челюсть так и отвисает*). Да ну?! А вот супруга ему принесла кой-чего тут как смертнику. (*На Картонова.*)

КАВУН (*потирая руки*). Эх, да огурчики да соленьюшкие!

Достает из кобуры шматок сала, выкладывает на стол.

СЕМАФОР (*мурлыча «Мурку», Картонову*). Ну а ты что мрачный такой? Ведь не тебя же посылают, а вот его. (*На отца Баниониса.*)

ОТЕЦ БАНИОНИС. Да замолчите вы, надо вам повторять!

СЕМАФОР. Последнее желание свято. Вот он (*на отца Баниониса*) перед этим... что да что?... как ехать... желает, чтобы Дашутка Похлебаева тут оказалась, в постельке с ним. Может, это его последняя ночь... Ну что, участковый?

Кавун берет бутылку, разливает по кружкам. Встает.

КАВУН. Ну что, за «именинника»?

ОТЕЦ БАНИОНИС. За к-какого «именинника»?

КАВУН. Ну тогда «за виновника».

ОТЕЦ БАНИОНИС. За какого «виновника»? Вот менты!

КАВУН. За виновника торжества. Пусть герой держит марку и там в Чернобыле. Пусть знают, люди в нашем районе не хуже других!

КАРТОНОВ (*заметно веселя*). Ну и как насчет Дашутки?

КАВУН (*хитровато*). Да выручил я вашу Дашуту, выручил! Говорю начальнику, соображаешь, мол, как ее уволнять? Да она же своим подолом полрайона накроет, а так держит нас, дисциплинирует. Уволишь – что начнут вытворять, узнают все, разбегутся, как тараканы. Краля такая, магнит!

ОТЕЦ БАНИОНИС (*хватая Кавуна за грудки*). Так и сказал на нее? Извинись!

КАВУН. Ну-ка, ну-ка, коллега, полегше! Но начальник вроде отстал.

СЕМАФОР. Вот что значит народная милиция – наши мужские и женские органы!

КАВУН (*хватая теперь уже за грудки Семафора*). Извинись! Извинись перед органами!

КАРТОНОВ и ОТЕЦ БАНИОНИС (*разнимая их*). Да вы что! Вы что! Свои же люди мы, дымовские.

КАВУН. Картоныч, ставь бутылку вот за него. (*На отца Баниониса.*) Он же идет за тебя в Чернобыль!

СЕМАФОР. За отца Баниониса, за отца! За народного артиста города Дымова! И за Картонова! За всех водителей и руководителей нашего безнадежного дела!

Гремят засовом, входит Дежурный офицер.

ДЕЖУРНЫЙ ОФИЦЕР. Ну и что тут у вас?

КАВУН. Да героя на аварию провожаем, спасти едет нас от чумы.

В незапертую дверь входит жена Картонова.

КАРТОНОВ (*обернувшись*). Муся!

МУСЯ. Да я не плачу, не плачу! Плакать будем потом.

СЕМАФОР. Могу обрадовать. (*Мусе.*) Не Картонова, а вот его (*на отца Баниониса*) провожаем. «Шумел камыш, деревья гнулись...»

За окном ветер свистит – высвистывает мелодию этой песни в окно.

КАВУН (*отцу Банионису*). А ты чего не поешь? Ты же артист.

ОТЕЦ БАНИОНИС. А я артист драматический, другая прерогатива.

КАВУН. Ах, другая, не такая, как наша?

КАРТОНОВ (*тревожно*). Буря поднимается.

МУСЯ (*заглядывая в окно*). Черная туча как раз над нами зависла.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Стронций это. Как говорят у нас в Паневежисе, Древний Рим погубили варвары.

КАВУН. Нас ничто погубить не может! Поедете туда – там все дырки заделаете и вернетесь, надеюсь, ничего не случится.

СЕМАФОР (*с саркастическим смехом*). Правильно!! Там дырки заделаем – тут откроются. То в бюджете, то в четвертом блоке, Тришкин кафтан.

МУСЯ (*оглядчиво*). Ты это, парень, гляди.

ОТЕЦ БАНИОНИС. А за язык посодють.

СЕМАФОР. Родные стенки-то (*гладит ладонью по серому шершавому бетону*), родные стеночки.

Появляется бабка Сонечка тихонечко, незаметно стоит у двери.

МУСЯ (*положив голову на плечо Картонову*). Тебе нельзя туда, у тебя трое детей.

КАРТОНОВ. В случае чего – у бабки Сонечки деньжонок займешь. У нее чулок безразмерный.

БАБКА СОНЕЧКА (*выходя на свет*). Это кто ж тут деньжонки мои считает?! Вдовьи-то денежки (на Семафора). Ты, что ль, поганец?

СЕМАФОР. Ты откуда взялась, старая ведьма?

БАБКА СОНЕЧКА (*замечая участкового Кавуна*). А-а, и ты тут?

КАВУН. А ты зачем сюда?

БАБКА СОНЕЧКА (*перекривясь, слезы близко*). Это ты велел мне сюда аппарат притащить... как его, зале... залегистировать, и где теперь мой аппарат?

КАВУН. У начальства спрашивай, у Жигалкина.

БАБКА СОНЕЧКА (*нараспев*). А я вышла на двор – гляжу, звезды, как медные пуговки, и запах ее – родимой. Вот по запаху к вам сюда и пришла... Сидите тут, заседаете, содите «чимергез» с моего аппарата, а бабку угостить не догадаетесь. А бабка всю жизнь горбачила на вас, таких мудаков, все страну воздымала... Вот, вот ладошки мои – шрамы, шрамчики от конопелочки... по семь копеек, бывалыча, за световой день... Пьете сами, без бабки своей, ишь, распарились...

(*Замечает Мусю в углу*.) И ты тут?? (*Глядит на участкового Кавуна*.) Карраулл!! Милиция-я-я!!

Входит Дежурный офицер.

ДЕЖУРНЫЙ ОФИЦЕР. Чего орете?!

КАВУН (*на бабку Сонечку*). Да вот нового члена в мафию принимаем.

БАБКА СОНЕЧКА. Я для кого «чимергез» гнала, сажать меня не за что.

КАВУН. По телевизору показывали, одна женщина – кандидат наук в Харькове – аппаратик построила. Всего на один стакан, но на хрущевский, с накатом, вот это я понимаю. А у тебя прямо-таки агрегат. Что – горло такое широкое?

БАБКА СОНЕЧКА. Душа широкая, горло обнаковенное... (*запевая*) «В низенькой светелке огонек горит, молодая пряха, эх, да во тюрьме сидит».

КАВУН. Крупнокалиберная какая! Глянь, втроем не обхватишь. Гонят самогон да еще и орут, будто крапивой их стебают по голой заднице.

БАБКА СОНЕЧКА (*совсем другим тоном, вполголоса и оглядливо*). А че вы впотьмах тут сидите? Места другого себе не нашли?

КАВУН. Лишь бы бомбы не сыпались. Да вот друзей провожаем, в Чернобыль, аварию ликвидировать.

БАБКА СОНЕЧКА (*обхватив голову руками*). Господи! Опять беда... Дурраки!! Настроили кое-как, напартачили, а теперча «дыры» телами детей своих затыкаем.

КАВУН. Не обобщай, бабка, не обобщай.

БАБКА СОНЕЧКА. Ох, да как же вы без бабки-то будете, без мово аппарата? Этот, что ли, что молоко по трибунам пьет, вас утешит? Ой, да речка Ока переполнится скоро слезьми, вот попомните бабкино слово.

КАВУН. Не каркай, старая ворона, докаркаешься.

БАБКА СОНЕЧКА. Да, милые вы мои, вот тогда поглядите. Все под горку покатится с полыновыми, черными водами.

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Утро во все той же милицейской камере Дымовского райотдела. В камере – по-прежнему трое: Картонов, отец Банионис и Семафор. Входит участковый Кавун.

КАВУН. Все, ребята, на выход! Все трое! Просьба ваша удовлетворена. Кончилось тут ваше время.

СЕМАФОР. Праздник, что ли, какой? Марши еще со вчерашнего врываются в форточку.

Одна за другой вбегают жена Картонова Муся и Дашутка Похлабаева.

ОБЕ СРАЗУ. Митинг же! Дымовцев провожают в Чернобыль.

МУСЯ (*замирая на груди у Картонова*). Не отпущу, не отпущу! У тебя трое по лавке. Без тебя обойдутся, кто детей твоих будет докармливать?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*целуя в открытую грудь отца Баниониса*). Тебе-то что делать там? Ведь на бетонщик, не плотник... Почему именно соглашаешься за всех отдуваться?

Картонов стоит, опустив голову.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Да не один я – втроем мы! Как говорят у нас в Паневежисе, не переждешь ведь, не отсидишься. Вся Европа взлететь может к чертовой бабушке. Если не мы, то кто же – французы, что ли, закроют нам амбразуру?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Вон Семафор пусть едет, уж два раза женился и разженился.

СЕМАФОР. Чего тебе Семафор, Семафор тебе крайний? Как с работы увольнять, так Семафора первого. А как родину защищать, так тоже все первым суют...

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Ладно, сиди. Тогда мы с Банионисом.

КАВУН. Кончай балаган! Начальник ждет, сначала к нему в кабинет!

Сцена вторая

Кабинет и.о.начальника Дымовского райотдела милиции. За столом – сам Жигалкин, перед ним – участковый Кавун. Тут же все трое: Картонов, отец Банионис и Семафор. Жигалкин уткнулся в бумаги. В форточку рвутся звуки марша откуда-то с площади.

СЕМАФОР (*откашливаясь*). Интересно, праздник, что ли, сегодня какой?

ОТЕЦ БАНИОНИС. День пионерии.

ЖИГАЛКИН (*распахивая окно*). Какой день – пионерии? Лето уже ведь, картошка цветет! Лучших направляем, лучших. (*Неожиданно Картонову.*) Вот ты один и поедешь, шоферы требуются... Не посылать же этих балбесов. (*Показывая на отца Баниониса и Семафора.*) Артисты там не нужны, там артистов своих хватает.

ОТЕЦ БАНИОНИС (*становясь в позу*). Как это не нужны?

В кабинет врывается Муся – жена Картонова.

МУСЯ. А у него трое детей... трое... это вам не интересно? Только цветочки потом на могилку положите.

КАРТОНОВ. Чего ты меня позоришь, отпеваешь заранее!

ОТЕЦ БАНИОНИС. Меня включите вместо него, какая вам разница?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Даже двоих, меня тоже.

ЖИГАЛКИН. Сказано, нужны специалисты. Ну что там таким лоботрясам делать (*показывая на Семафора*)? Там носилки таскать не надо, техника будет работать.

ОТЕЦ БАНИОНИС. А я все равно поеду!

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. И я с ним.

ЖИГАЛКИН. Сговорились тут у меня за спиной – в КПЗ. Иезуитство какое-то, сицилийская мафия!

Сцена третья

Главная площадь города Дымова. Марш обрывается. На трибуну поднимается Голова города Акулов.

АКУЛОВ (*жизнерадостно и торжественно*). Дорогие сограждане, жители и гости нашего города! Приветствую и поздравляю вас с этим выдающимся праздником в жизни нашего Дымова и лично каждого из нас. Этот день ставит нас в авангард планеты, в колонну энтузиастов... В Москве, например, есть даже шоссе Энтузиастов, что в переводе с греческого...

ГОЛОСОК ИЗ ТОЛПЫ (*ехидненько*). Что вам – праздник, что ли? Сначала взорвут, а потом вдохновляются.

АКУЛОВ (*невозмутимо*). ...В прошлом году мы собрали рекордный урожай зерновых – вдвое больше, чем в позапрошлом...

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Ближе к телу... выносите гробы...

АКУЛОВ (*словно наткнувшись на стенку, совсем другим тоном*). Да хрен с ним, с этим Чернобылем! Не паникуйте, мы войну прошли и не такое видали!

ГОЛОСОК ИЗ ТОЛПЫ. За себя выражайся, за других не расписывайся!

АКУЛОВ (*реагируя*). Не бойсь, если пошлют – поеду! У меня тоже отец не вышел из боя, так на войне и остался... А все же надо, ребята! Суровая необходимость! Дорогие, родные, земляки мои, – надо.

Сцена четвертая

Кабинет Жигалкина. В распахнутое окно долетают слова Акулова. Муся висит на плече Картонова.

ЖИГАЛКИН. А че? Золотые слова.

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. Дотрепались.

ЖИГАЛКИН. А о чем же, по-твоему, надо ему говорить?

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА. О любви.

ЖИГАЛКИН. Скажешь, тоже мне, царство небесное.

ОТЕЦ БАНИОНИС. А Нерон сжег Древний Рим.

СЕМАФОР. Заметили? Дымов – русский город, а улицы-то с немецкими и еврейскими именами. Одна даже имени МЮДа – Международного Юношеского Дня.

ЖИГАЛКИН (*рассмеявшись*). Действительно! То пионеры, то пенсионеры.

КАРТОНОВ. Грудью трещины закрываем.

ЖИГАЛКИН. Ну это ты брось! Может, тебе памятник поставят в Дымове. Однако слушайте Акулова, все-таки голова! И при чем тут евреи и немцы?

КАРТОНОВ И СЕМАФОР (*хором*). Как при чем? Не при чем. А потому что бардак.

Сцена пятая

За окном кабинета Жигалкина все та же главная площадь Дымова.

АКУЛОВ (*завершая речь*). ...Мы провожаем славный отряд мастеров своего дела. Пожелаем же им здоровья и успехов на этом поприще...

ГОЛОС БАБКИ СОНЕЧКИ (*из толпы*). А правда, лучшая защита там, в Чернобыле, «чимергез»?

Голоса в толпе, выкрики.

АКУЛОВ. Н-не зн-наю... все может быть...

Бабка Сонечка вытаскивает из сумки канистру и ставит на трибуну перед Акуловым.

БАБКА СОНЕЧКА. Вот, сынок. Передай им туда, в Чернобыль-то, пушай там спасаются. Скажи, бабка Соня передала, мол, спасателям. Если че, и еще поможем.

Включают марш «Прощание славянки». Крики в толпе, рыдания, слезы. «Возвращайтесь, домой, возвращайтесь!» «А ля гер ком а ля гер»... «Страшно как! Выживите, вернитесь живыми, люди!..»

Сцена шестая

Все те же в кабинете Жигалкина, сгрудились у подоконника. У другого окна – Картонов и его жена Муся.

СЕМАФОР. Вон уже и к автобусам двинулись, грузятся.

ЖИГАЛКИН. Ну что, Картонов, пора?

МУСЯ (*кидаясь на грудь мужу*). Не отпущу, не отпущу!

ДАШУТКА ПОХЛЕБАЕВА (*беря под руку отца Баниониса*). А мы тоже идем.

МУСЯ. Ну, а ты, Картонов, а ты?

Картонов как-то потерянно озирается, не смотрит ни на кого.

ЖИГАЛКИН (*хватает со стола бабки Сонечки аппарат*). На, Картонов, бери! Это тебе от нас! Мы тут как-нибудь обойдемся. Семафор еще нам сделает, сделаешь, Семафор?

Уходят. В кабинете остаются Жигалкин и Семафор.

СЕМАФОР (*на весь кабинет*). Смотрите, идут по площади, переходят улицу имени МЮДа, к автобусам. Под марш «Прощание славянки». Картонов несет аппарат под мышкой, а Муся держит Картонова под руку.

Семафор с Жигалкиным машут рукой-им туда в окно.

СЕМАФОР. Прощай, друг Картонов, до свидания. Неси, как сердце под солнцем, бабки Сонечки аппарат.

ЖИГАЛКИН. Орлы, каких поискать. Иди-иди, Картонов! Иди под марш «Прощание славянки»! Как деды когда-то уходили еще на турецкую...

Появляется отец Банионис.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Вернулся, добра не будет. Трубку от аппарата забыли.

ЖИГАЛКИН. Ну вот и наша система что-то сделала. А то все военные, через военкомат.

ОТЕЦ БАНИОНИС. Как говорят у нас в Паневежисе и у них в Древнем Риме, сначала напартачим, а потом исправляем. И я туда с ними. Эй, эй, дружки мои, погодите!

(Обращаясь к залу.) Видите, люди уходят в историю, в вечность, впечатываются в мозги, в сознание людей? Финита дя комед.

ЖИГАЛКИН. Вон в углу еще один самогонный аппарат, вчера реквизировали... Забирай туда с собой, если надо.

* * *

По стене проплывает косматая тень – это Картонов, Семифор, отец Банионис с Сонечкиным аппаратом под мышкой. Под марш «Прощание славянки» скользит по стене их тень, за ним еще тени, тени. Жигалкин машет рукой им в окно. Медленно опускается занавес.

26 февраля 1996 г.,
г. Орел

ВЕСЕЛЫЙ ПОЕЗД

(Из маленьких комедий)

Спектакль идет под песни Вячеслава Добрынина.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФИЛИПП КАСАТОЧКИН – молодой журналист.

СТУДЕНЬИЙ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ – начальник станции, академик местного значения.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА – проводница поезда, коллега Студеного.

ВАТРУШКИНЫ СТЕПАН ФЕДОСОВИЧ и **ФЕДОСЬЯ СТЕПАНОВНА** – супружеская пара, пассажиры дальнего следования.

МАРГАРИТА БУЛКА – она же Прекрасная Марго, студентка медуниверситета, невеста.

ЕВГЕНИЙ УБИЙДЯДЬКО – сокурсник Прекрасной Марго, жених из Габрово.

Прекрасная Марго

(День первый)

Все происходит на глухой одноколейной ветке, у станции Студеная, где-то в срединной России, прямо в степи, где, едва выйдя из пункта отправления, поезд наткнулся на снежные заносы. Бурная реакция пассажиров напоминает пир во время чумы.

Сцена первая

Купе пассажирского вагона. Рассвело, но многие все еще спят.

ПАРЕНЕК *(с верхней полки, приподнимая голову)*. А чего это мы стоим?

ПРОВОДНИЦА (*проходя мимо*). Всю ночь простояли.

ПАРЕНЕК. Да ну? А я на работу опаздываю.

ПРОВОДНИЦА. Да, но вы всегда опаздываете, к сожалению, вместе с работой. Подумаешь! Да тут весь наш большой паровоз остановился, вся страна, ее европейская часть...

ПАРЕНЕК. Товарищ проводник, как ваша фамилия?

ПРОВОДНИЦА. Чье – мое, да?

ПАРЕНЕК. Нет, ваша.

ПРОВОДНИЦА. Ах, наша! Рябинина Женя. А ваша?

ПАРЕНЕК. Касаточкины мы, Филипп, но не Киркоров, а просто Филя. Простофиля. Я тут в командировке, везу в редакцию срочный пакет.

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА (*проходя далее, напевая*).

Наш паровоз, вперед лети!

В коммуне остановка.

МУЖСКОЙ ГОЛОС (*с верхней боковой полки*). Какая, какая остановочка?

КАСАТОЧКИН. Коммуна, говорят, уже все, дед, выходи. Вся страна выходит... из себя...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*с нижней боковой полки*). А кому не остановка? Нам выходить еще рано, только сели. Нам до самой Сибири... в гости едем...

КАСАТОЧКИН. Небось, за проезд деньжищи-то какие отпала! А раньше туда бесплатно возили.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*обиженно*). Не какие-нибудь, всю жизнь терпужим. Мы – фермеры Ватрушкины, супружеская пара – Степан Федосович и Федосья Степановна. Нас, Ватрушкиных, весь район знает.

КАСАТОЧКИН. Район-то знает, вся страна знает, а сами-то хоть знаете, кого в Сибирь возили бесплатно?

ВАТРУШКИНА. Жуликов каких-нибудь.

На нижней полке включают радиоприемник. Сквозь потрескивание раздаются позывные «Маяка» и крепкий мужской голос: «Сильный циклон в некоторых районах европейской части страны...

снежные заряды достигали... под Нижним Новгородом остановилась поезда»...

КАСАТОЧКИН (*вниз туда, владельцу радиоприемника*). А нельзя ли к вам в «Маяк»... как-нибудь передать? Так и так, мол, сидят тут в снегах знаменитые на всю страну Ватрушкины...

ДЕВУШКА (*с нижней полки, вскакивая*). Ой, да что же мы стоим-то?! Нам же на свадьбу!»

КАСАТОЧКИН. А кто, извините, невеста?

ДЕВУШКА. Я – невеста.

КАСАТОЧКИН. А жених, извините?

ДЕВУШКА (*показывая на другую нижнюю полку*). А вот он.

КАСАТОЧКИН (*веселя*). Ну и как ваша фамилия?

ПАРЕНЬ (*владельцу радиоприемника*). Чье – мое, да?

КАСАТОЧКИН. Нет, ваша.

ПАРЕНЬ (*расплываясь в улыбке*). Да они у нас еще разные.

КАСАТОЧКИН. Вижу, вижу, вы на разных полочках спите.

ПАРЕНЬ (*показывая на боковые*). И они тоже.

КАСАТОЧКИН (*поднимая указательный палец*). Ну они-то вертикально, а вы – горизонтально. Принципиальная разница.

ПАРЕНЬ И ДЕВУШКА (*то вместе, то вразной*). Мы из Курска... с последнего курса медицинского университета... мы и есть жених и невеста... В Ливны едем, к родителям Марго, на свадьбу... Мы экзамен сдавали, задержались, ребята наши вчера уехали...

КАСАТОЧКИН. Значения не играет. Ну и как ваша фамилия? У меня такая привычка, газетная. Но особо отличившихся я не записываю, в сердце держу. Хотите – поздравим вас через нашу молодежную газету.

ДЕВУШКА (*с готовностью*). Маргарита Булка.

ПАРЕНЬ. Марго, Прекрасная Марго – самая красивая девушка в университете!

ПРЕКРАСНАЯ МАРГО. А его фамилия – Убийдядько.

КАСАТОЧКИН. Что, такая фамилия?

ПАРЕНЬ. Зато ни с кем не спутаешь. У нас на Украине полсела с такой фамилией. Как встречу кого-нибудь с такой фамилией, так родич, стало быть, из нашего места.

ПРЕКРАСНАЯ МАРГО. Вот мы и спорим все, никак не можем договориться, чью фамилию брать?

ПАРЕНЬ. Да Габров я, Габров уже! Сменил фамилию – по знаменитому болгарскому Габрово.

ПРЕКРАСНАЯ МАРГО. Ну уж тоже!

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Ну не Булка же. Фамилии будут разные, надо смотреть стратегически. Чтобы съели хоть, да не сразу обоих.

КАСАТОЧКИН. От смеха поперхнутся.

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА (*возвращаясь*). Наш паровоз, вперед лети!

Кому не остановка?

КАСАТОЧКИН. Кому как, а вот им зеленая улица. У них свадьба, они – жених и невеста.

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА. Там паровоз отцепляют. Собираются одним паровозом в Ливны пробиваться.

ВАТРУШКИНЫ. А мы-ы-ы?!

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА. Невесту с женихом, может, и возьмут. А у вас, гляньте, сколько харчей – на месяц. Небось посидите.

КАСАТОЧКИН (*хохоча*). Во дает!

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА (*строго*). Это кто так речет? Оптимист!

КАСАТОЧКИН. Нам баян бы сюда, все же свадьба.

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА. Баян будет. Им-то что. (*Кивнув на Ватрушкиных.*) А я на тебя посмотрю без куска-то на третий день.

КАСАТОЧКИН. На третий??

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА. А ты думал как, раньше вряд ли вырвемся.

Сцена вторая

Дело к обеду. Ватрушкины принимают за трапезу. Касаточкин посвистывает в окно. Жених с невестой как ушли к машинисту договариваться, чтобы их взяли с собой на паровозе, те пока что еще не вернулись.

КАСАТОЧКИН (*в сторону*). Хорошо, что одноколейка. А то бы все встречные – поперечные, все бы «Федосья – Москва», «Федосья – Воркута». Пустите Дуньку в Европу, а Федосью – в Сибирь.

ВАТРУШКИНА (*мужу, разламывая курицу*). Вот такие-то всю страну и просвистели, профукали. На кусок себе не работали.

Проходит проводница, подсаживается за боковой столик к Касаточкину.

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА. Ну что, герой, не показался соседям? Глядикось, а сами в три горла прут.

Ватрушкина отламывает кусочек Касаточкину, тот отказывается.

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА. Тут, небось, все и поедят. До Сибири не довезут.

КАСАТОЧКИН (*Ватрушкиной*). А зачем вам в Сибирь-то ехать, в этакую даль? Тут отдохайте... со своими харчами...

ВАТРУШКИНА (*въедаясь по уши в курицу*). Да ведь билеты же взяли!

КАСАТОЧКИН. Зато на обратный не тратиться. А домой приедете, скажете, видали, мол, мы эти ваши Сибири.

ВАТРУШКИНА. Видали мы вас таких.

ПРОВОДНИЦА РЯБИНИНА (*поднимаясь, Касаточкину*). Ладно, побудь тут, скоро приду.

Касаточкин сидит, вслушиваясь во взрывы смеха из дальнего купе. Там включили магнитофон, доносится мужской голос: «Год прошел с тех пор, как мы расстались...»

КАСАТОЧКИН (*ожив, Ватрушкиным*). Добрынин это, его песня «Две погасшие свечи».

ВАТРУШКИНА. Две! Теперь и сорок-то мало. Давай все сто пятьдесят.

ВАТРУШКИН (*наливая себе и пытаясь налить Касаточкину*). А что – сорок и два по сто пятьдесят. Ну давай?

Появляется проводница.

РЯБИНИНА. Не надо, у нас своя, свойская.

Достаёт из сумки, ставит на стол бутыль. Выкладывает кусок сала, соленые огурцы.

КАСАТОЧКИН. Где это ты разжилась, стюардесса?

РЯБИНИНА. Да на станцию сбегала. Станция Студеная – Северный полюс и однокашник тут тоже Студеный... вместе учились. Начальником станции, академик местного значения.

Проводница разливает в жестяные кружки – себе и Касаточкину.

РЯБИНИНА. Будем греться, как тебя, – Филипп?

КАСАТОЧКИН. Просто Филя. А за что пьем-то хоть?

РЯБИНИНА. Как за что? За молодых!

КАСАТОЧКИН (*утирая губы*). Эх, баян бы сюда! Сам бы себе на кусок заработал.

РЯБИНИНА. Студеный в деревню за баяном послал, принесут скоро.

КАСАТОЧКИН (*подпевая магнитофону*).

«... И совсем случайно оказались

Мы с тобой в компании одной.

И как будто не было разлуки

И всего, что разлучило нас.

Словно мы узнали друг о друге

Только в этот вечер в первый раз.

РЯБИНИНА (*подпевая Касаточкину*).

Две погасшие свечи
Снова вспыхнули в ночи,
И шальная искра вновь в душе зажглась.»

Возвращается жених – Женя-студент.

РЯБИНИНА. А где же невеста твоя, Убийбатько?

ЖЕНЯ-СТУДЕНТ. Убийдядько! И не Убий уже, а Габров, Евгений Габров! С машинистом Марго договаривается.

ВАТРУШКИНА (*пережевывая яйцо*). Ой, парень! Гляди, кабы не договорились.

ВАТРУШКИН. Если бы да кабы! Я, например, вот ее (*на жену*) увел у одного из-под носа.

ВАТРУШКИНА. Да сиди ты, сиди!

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО (*Ватрушкиной*). Небось, уж седьмое яйцо дожимаешь.

ВАТРУШКИНА. И вторую курицу. Свои собственные – не американские эти... окорочка...

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО (*Рябининой, печально*). Да она там задержалась в купе... друг детства ее оказался...

ВАТРУШКИНА (*всплеснув руками*). Ну вот, что я сказала-то!

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. А сидела бы ты, тетка, со своими окорочищами! Молодые все тонкие, звонкие. И откуда только потом что берется? Печки печками становятся.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Вот что, парень! Уши-то не развешивай! Иди и зови всех сюда с магнитофоном. Вот он (*на Касаточкина*) из ансамбля песни и пляски имени Пятницкого. И тут у нас целый ликеро-водочный завод.

ВАТРУШКИНА. Сама иди, ты хозяйка. Нет у него такого авторитета, у него не получится.

Сцена третья

То же купе, те же. Входит проводница Рябинина, следом за ней Евгений Убийдядько, он же жених из Габрово, вносит магнитофон. Раздается гудок паровоза – длинный и два коротких.

КАСАТОЧКИН. Азбука Морзе: тире, точка, точка. Интересно, что бы это значило?

РЯБИНИНА. Одна точка его. *(Показывая на студента.)* А другая наша – сидеть нам тут, в этих глубоких снегах, три дня и три ночи, – вот тебе тире и точки. Все, уехала невеста в Ливны... на свадьбу.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Как это – без меня?

РЯБИНИНА. Со школьным другом. А тебе игрушку оставила вот – магнитофон.

КАСАТОЧКИН. Свадьба состоится при любой погоде, несмотря на снег и на отсутствие присутствия.

ВАТРУШКИНА. Я же говорила, говорила!

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Да сиди ты, тетка! И без тебя тошно.

ВАТРУШКИН. Фамилию надо было вовремя менять.

КАСАТОЧКИН. Булка-то, видать, аппетитная.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Боже, как все обеспокоены! А вот нам, татарам, все равно.

РЯБИНИНА. Хорохор какой! Ладно, давай плесну для поднятия тонуса, мой дорогой.

КАСАТОЧКИН *(жениху из Габрово)*. Это на этой бандуре *(показывая на магнитофон)* исполнялись «Две погасшие свечи» Вячеслава Добрынина?

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Это - на этой.

КАСАТОЧКИН. Так в чем же дело? Коля, давай!

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Я не Коля, я – Женя.

КАСАТОЧКИН. Ты – Женя, она *(на проводницу)* – Женя... А Коля это из «Свадьбы с приданным». Коля Курочкин со своим свадебным гармонистом.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Опять про свадьбу! Голодной куме одно на уме. Да не будет там никакой свадьбы, жених здесь.

ВАТРУШКИНА. А паровоз что сказал? Точка эта тебе, твоей свадьбе, даже две точки.

КАСАТОЧКИН. Да не слушай ты ее, тетку эту! Она думает, если поезд недельку – другую тут постоит, то ее Сибирь куда-нибудь денется. За океан, что ли, тетка, Сибирь твою перенесут? Сиди, жених, спокойно, нет такой точки земли, чтобы можно было тут вырезать, а туда вставить... Слушай сюда, друг! Да сделай ты мне эту – «Две погасшие свечи», душу сверлит.

РЯБИНИНА. Женя! Ну, сделай, сделай ты ему, если сверлит. Уважь человека.

Студент вставляет в магнитофон кассету. Возникает голос Добрынина, песня «Две погасшие свечи».

КАСАТОЧКИН (*подхватывая*). ...Снова вспыхнули в ночи. (*Делая реверанс Жене Рябиной.*) Разрешите на танец?

РЯБИНИНА. Пожалуйста.

Танцуют в узком проходе.

РЯБИНИНА (*студенту из-за плеча Касаточкина*). Ну и как?

КАСАТОЧКИН. Слушайте, я в экстазе.

РЯБИНИНА. Какой энтузиазм!

КАСАТОЧКИН. Вы, действительно, не были стюардессой? На линиях «Аэрофлота» не летали? Вы очаровательны, женственны, сексуальны, наконец. Как моя первая любовь.

РЯБИНИНА. И последняя?

КАСАТОЧКИН. Она мелькнула передо мной в самолете и растворилась. А образ ее стоит передо мной. Я даже начал писать стихи для «Неизвестной» Иванова – Крамского. Перечитал роман «Аэропорт» Тура Хейердала.

РЯБИНИНА. Женя! Ну куда же ты, подожди.

КАСАТОЧКИН. Я ревную.

РЯБИНИНА (*отстранясь*). О, да вы эрудит! Юрий Сенкевич. Он утверждает, что это они с Туром Хейердалом на плоту переплывали Тихий океан.

КАСАТОЧКИН. Это был другой Тур – водный! А Хейли – воздушный, моя стихия.

РЯБИНИНА. И она исчезла, да?

КАСАТОЧКИН. Кто именно?

РЯБИНИНА. Первая любовь – стюардесса твоя.

КАСАТОЧКИН. Она утонула.

РЯБИНИНА. На плоту?

КАСАТОЧКИН. В пучине любви того, кто стоял у трапа в ее ожидании, когда мы прилунились.

РЯБИНИНА. Вы и на луне уже побывали?

Пауза. Между тем голос Добрынина:

«В зале на столах горели свечи,

Но сто крат сильнее их огня

Твои руки, волосы и плечи

В танце обжигали вновь меня.»

КАСАТОЧКИН (*глубоко вздохнув*). Да не верьте мне, Женя, я все это вру. А зачем – не знаю. Не было ни самолетов, ни стюардесс – есть только эти снега, этот поезд, эти «свечи» Добрынина, которые сводят с ума... Вы, Женя, танцуете удивительно легко, мне хорошо с вами.

РЯБИНИНА (*напевая*). «Две погасшие свечи

Снова вспыхнули в ночи,

И шальная искра вновь в душе зажглась.»

КАСАТОЧКИН. Какие синие окна, это от синих снегов. Розовым подсвечивает глаза... вечереет...

РЯБИНИНА. Да вы еще и художник, да?

КАСАТОЧКИН. Какая красивая фамилия у вас – от рябины, не от рябинок же на лице?

Музыка обрывается. Тишина.

КАСАТОЧКИН (*бросаясь к жениху из Габрово*). Слушай, студент! Я убью тебя! Ты мне мешаешь. Взял и вырубил маг на самом интересном моменте.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Я уже десять раз вам одно и то же кручу. Не дай бог кому таких предков, с такой же фамилией.

Сцена четвертая

В вагон шумно входит Студеный – начальник станции. С баяном в руках.

КАСАТОЧКИН (*радостно*). Ну вот инструмент, это я понимаю!

Принимает баян, разводит мехи. Пробегает по пуговкам, останавливается на той же мелодии.

КАСАТОЧКИН (*глядя выразительно на Женю Рябинину*).

«Две погасшие свечи

Снова вспыхнули в ночи.»

ВАТРУШКИНА (*топнув ногой, во весь голос*). Русского, Русского давай!

КАСАТОЧКИН. «Две погасшие свечи-и-и...»

ВАТРУШКИНА. А что еще можете?

КАСАТОЧКИН. Вот, «Полонез Огинского».

ВАТРУШКИН. А что-нибудь пониже взять, повыше поднять. «Цыганочку», например.

КАСАТОЧКИН (*продолжая на баяне «Две свечи»*). Если вам нужен театр «Ромэн» и Сличенко, езжайте в другом поезде и в другом направлении.

РЯБИНИНА (*подавая руку Жене*). Ну что танцуем, студент? Или будем сидеть, верным своей Марго?

Прижавшись, близко друг к другу, они движутся, танцуя в узком проходе вагона.

РЯБИНИНА (*положив руку на плечо Жене*).

«Две погасшие свечи...

Ну а мы считали их

Сгоревшими до тла...»

КАСАТОЧКИН (*с рыком сводя мехи*). Это моя песня, наша песня с тобой, Евгения!

РЯБИНИНА (*студенту*). Видал, какой собственник! Между прочим, я тут в вагоне хозяйка.

КАСАТОЧКИН. А я.. а я ... художественный руководитель.

СТУДЕННЫЙ (*Касаточкину*). А я вообще начальник! Начальник станции, Студеный Николай Сергеич.

КАСАТОЧКИН. Ты не начальник станции, ты – диктатор! Как какой-нибудь Бокассу из Центральной Африки. Присвоил себе фамилию станции.

СТУДЕННЫЙ. Я тут в ссылке, срок отбываю. А ты сиди и играй, баянисты не должны реагировать.

КАСАТОЧКИН (*едва не плача*). Мою песню уродуют! Ну, а если баянист – наливай, сколько стоит – выливай.

СТУДЕННЫЙ. Ладно, что-нить придумаем.

РЯБИНИНА (*Касаточкину из-за плеча Жени – студента*). Он придумает, он у нас головастый, академик... местного значения.

СТУДЕННЫЙ. Почему местного? Меня знают далеко за пределами...

КАСАТОЧКИН (*подсказывая, под язык ему*). ...Никарагуа.

СТУДЕННЫЙ (*останавливая взгляд на Ватрушкой*). Вот и она сейчасотреагирует.

Подходит галантно к Ватрушкиной.

СТУДЕННЫЙ. Мадам, приглашаю вас на белый танец.

ВАТРУШКИНА (*автоматически вставая, правда, оглядываясь на мужа*). Почему «белый» хоть танец-то?

СТУДЕНЬИЙ. Потому что вы, мадам, необыкновенной чистоты, деревенская женщина. Как вот эти снега, которые, перекрыв путь, позволили встретиться нам на тернистом жизненном отрезке... Слушай сюда, что там у тебя в сумарях, есть чего-нить для баяниста?

ВАТРУШКИН (*раскрасневшись*). Для вас – да.

Делает отчаянные знаки мужу, чтобы тот не убирал со стола бутылку.

СТУДЕНЬИЙ (*оценив ситуацию*). Ах, мадам! Это не Марго! Та Марго – это вы, мадам, Прекрасная Маргарита! «Две погасшие свечи»...

Поскольку я одинок, я готов забрать вас у этого... павиана... Видите, как он насупился? Как будто у него забирают фору... Как, изволите, вас величать, если по-русски?

ВАТРУШКИНА (*смахивая бисеринки со лба*). Федосья... Федосья Степанна...

СТУДЕНЬИЙ. Да, действительно, что-то железнодорожное. А его?

ВАТРУШКИНА (*кокетливо*). Кого это?

СТУДЕНЬИЙ (*сквозь зубы*). Ну деспота, кровопивца твоего, императора Бокассу!

ВАТРУШКИНА. Степан Федосович.

СТУДЕНЬИЙ (*в сторону*). О фамилии уж и не спрашиваю! Поезда идут у нас по одной узкоколейке, но в разные стороны. Без графина не разберешься, с Аграфеной не развernessя.

ВАТРУШКИНА. Высокие слова, недоступные... Степа, Степан! Хватит пить-то! Что это тебе бензин, что ли? Достань еще одну, да не ту, не из синей сумки. А такую же, как на столе.

СТУДЕНЬИЙ (*Касаточкину*). Учись, студент!.. Лед надо колоть ледоколом... Слушай, а где же эта Рябинина?

Касаточкин, сведя баян, бросается по вагону. Берет Рябинину за руку, ставит прямо перед собой.

КАСАТОЧКИН (*задыхаясь от гнева*). Вот! Целовалась даже не в тамбуре, а в своем служебном купе. С женихом, которого ждут на свадьбу.

СТУДЕНЬИЙ. Целовалась? Вот и прекрасно. Сейчас мы такую разведем вакханалию! Не разберутся, кто чей муж и кто кому чья невеста.

(*Прямо в зрительный зал.*) А что делать? Не погибать же от тоски зеленой на этой богом забытой станции. Что же нам тут делать без Задорнова, Петросяна и сцены Большого театра?

Сцена пятая

Там же, те же, кроме Студеного.

Темнеет. Электролампочки едва цедеят свет. Касаточкин вяло поигрывает на баяне. Ватрушкина сидит, положив руки на свои сумари. Проводница проходит мимо в фартуке и с ведром.

РЯБИНИНА. Подбросить угольку, что ль, небось, замерзли?

ВАТРУШКИНА. А куда ж это пассажиры подевались? В вагоне, кроме нас, никого.

РЯБИНИНА. А кто куда. Кто сошел да по своим деревням.

КАСАТОЧКИН (*отставляя баня*). Сейчас махновцы наскочат, грабить начнут.

ВАТРУШКИН. А тебе-то чего бояться?

ВАТРУШКИНА (*пряча за спину пальцы в кольцах*). В самом деле, у меня и разу взять нечего.

КАСАТОЧКИН (*улыбаясь*). Вот с тебя, тетка, и начнут. Небось, про Сибирь для отвода глаз гуторишь, а сама-то на вострилась «Мерседес-Бенц» покупать.

ВАТРУШКИНА. На иномарку еще не заработали.

КАСАТОЧКИН. Груди пузырятся – золота напихала. Вышла бы в тамбур да поглубже куда-нибудь определила.

ВАТРУШКИНА (*обхватив сумари*). Куда это я выйду, чего это мне прятать?

КАСАТОЧКИН. Тебе бы магнит какой-нибудь в тряпочку, в укромном местечке.

ВАТРУШКИНА (*толкая мужа в бок*). Не спи, дурак, просыпайся.

ВАТРУШКИН (*встряхиваясь*). Да кто ж знал, что поезд-то остановится.

КАСАТОЧКИН. А говорим, бедно живем. Денежки из федеральных и местных бюджетов трясем, а сами не знаем, куда валюту девать.

ВАТРУШКИНА. Трепаться-то трепись, да не заговаривайся. А то боженька язык откусит.

КАСАТОЧКИН. Ладно, тетка, хрен с ним, с твоим капиталом. Сиди, как вкопанная, идолище языческое, в своем долларовом пространстве, это нам не интересно. (*Жене – студенту.*) Интересно: что с Марго сейчас происходит? А то жених из Габрово – тут, а невеста из Ливен – там.

Появляется проводница. Снимает фартук, садится рядом с Касаточкиным.

РЯБИНИНА. Угольку со станции принесла, от Студеного. Сейчас жарко будет. (*Трогая пальчиком кнопки баяна.*) Кабы мехи не разошлись.

КАСАТОЧКИН (*оставляя баян*). Студеного что-то нет.

РЯБИНИНА. Звонит по линии, никак не дозвонится. Со связью неладно.

КАСАТОЧКИН. Забыли про нас. Бросили поезд в снегах.

РЯБИНИНА (*прижимаясь к студенту*). Чего это ты, милоч, пригорюнился? Ну и что ж, что со школьным другом твоя невеста укатила, тебя одного тут в снегах погребла? А ты вида не давай, молодой еще...

ВАТРУШКИНА (*встревая*). Мало обстуканный.

РЯБИНИНА. Вот закончишь свой институт, пойдешь на работу – люди обстукуют.

ВАТРУШКИН. А Студеного нет.

РЯБИНИНА (*смеясь*). Да горючее добывает в соседней деревне, паровозное топливо. Мы с ним тут в первый раз встретились после скамейки.

ВАТРУШКИНА. Какой... скамейки?

РЯБИНИНА. Вместе учились. (*Сразу обоим – Касаточкину и студенту.*) Ох, да заболталась я тут с вами! Пойду в топке пошурю.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. И я с тобой.

РЯБИНИНА (*иронично*). Вон у кого спрашивай разрешения, у Касаточкина. Он теперь хозяин мне, ха-ха-ха.

Рябинуна уходит. В тамбуре слышится шум, возгласы. С бумом вваливается Студеный – начальник станции. Выставляет на стол бутылки, провизию.

ВАТРУШКИНА. Набрал, как на свадьбу.

СТУДЕНЫЙ. А мы тоже тут свадьбу сыграем!

Выходит с Женей Рябининой в тамбур. Слышатся голоса: «Нет и нет! Не прощаю!» И мужской в ответ: «Ну хорошо, хорошо».

Появляются снова, оба смущены, даже расстроены.

СТУДЕНЫЙ. Дико извиняюсь, конечно, за столь долгое отсутствие. Связывался с Ливнами, передали телефонограмму. Тебе, студент... Так и так, свадьба, мол, состоится... но скорее всего, с другим...

ВАТРУШКИНА. Что я говорила! Дружка прежнего встретила!

РЯБИНИНА (*глядя преданно на Студеного*). У одной моей подружки друг три раза женился и все не на ней.

СТУДЕНЫЙ. Пррредлагаю! И тут сыграть свадьбу. Ну, хотя бы фиктивную.

ВАТРУШКИНА. А чью ж свадьбу-то? Кого с кем?

СТУДЕНЫЙ. А вот ее выдадим – Женю Рябину. Близкого мне, замечательного человека.

ВАТРУШКИНА. И за кого же?

СТУДЕНЬИЙ. А за кого пожелает.

Женя Рябинина резко встает, решительно подходит к студенту.

РЯБИНИНА. Я – Женя и он – Женя. Одна судьба... согласен?

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО (*растерянно*). Согласен.

Выходя из оцепенения, Студеный решительно подходит к Ватрушкиной.

СТУДЕНЬИЙ. Тогда две сразу давайте сыграем. (*Ватрушкиной.*) Согласна?

ВАТРУШКИНА (*глядя на мужа растерянно*). Да у меня же вот он – живой... пьедестал...

СТУДЕНЬИЙ. Так мы же фиктивно, как в кино.

ВАТРУШКИНА. Да, Степа? Можно, не возражаешь для смеха? Тогда мы со Степой согласные.

СТУДЕНЬИЙ (*Ватрушкиной*). А вот он будет свидетелем... этого нашего разврата.

ВАТРУШКИН. Лжесвидетель.

СТУДЕНЬИЙ. Покрасим, подбелим – сойдет и за настоящего.

ВАТРУШКИНА. Вот закажем свадьбу, ух!

ВАТРУШКИН (*в сторону*). Вот проститутка! Видали какие наклонности?

СТУДЕНЬИЙ. Не превращайте серьезное дело в фарс, в балаган! Итак, на повестке – две свадьбы. Есть предложение невестам сменить имена.

КАСАТОЧКИН. Для запутанности сюжета?

СТУДЕНЬИЙ. Предлагаю: Ватрушкину назвать Прекрасной Марго. Согласна, Федосья Степанна?

ВАТРУШКИНА. Я согласна, согласна.

СТУДЕНЬИЙ. А ты, Женя?

РЯБИНИНА. А я остаюсь под своим флагом. (*Касаточкину.*) Так, Филипп?

КАСАТОЧКИН. Филя я, просто Филя.

СТУДЕНЬИЙ. Простофилей у нас нет! Есть согласные и несогласные. Даже Ватрушкин, у которого прямо на глазах изумленной публики уводят жену, и тот согласен.

ВАТРУШКИН. Я согласен, мы согласны!.. Вот заварушка, это я понимаю! Всю бери, всю! (*Крича своему сопернику.*) Всю Сибирь прямо тут, ох, а до Сибири, видать, так и не доберемся. Как застряли тут в срединной Руси, в этих глубоких снегах! Так и сидим, когда хоть от сюда выберемся-то?

22-24 августа 1999 г.,
г. Орел

Великолепная шестерка

(День второй)

Действие происходит там же, на далекой, глуховатой станции Студеная. В том же пассажирском поезде, застрявшем в глубоких снегах.

Сцена первая

Утро. Тот же вагон. Те же на нижних полках попарно: Женя Рябинина со Студентом, Студеньи с Ватрушкиной, Ватрушкин с Касаточкинным.

КАСАТОЧКИН (*просыпаясь первым, Ватрушкиной*). Марго, а Марго! В Сибирь ехала, а куда приехала? Глянь. Студеньи какое развлечение нам тут устроил. Вот жизнь! Неспа?

ВАТРУШКИН. Не спал, не спал. Всю ночь наблюдал за вами.

ВАТРУШКИНА (*потягиваясь сладко*). Качается вагон...

ВАТРУШКИН. Дура! Где же он качается – стоим уж вторые сутки.

ВАТРУШКИНА. И не заметила.

СТУДЕНЬИЙ (*одевая рубаху*). А сейчас продолжим действия, продолжение следует.

Берет баян, и сразу же во всю свою луженую глотку:

«Качается вагон,
Стучат колеса глухо.

Так хочется сойти, но остановок нет.»

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*просытаясь*). Вот бессовестные, поспать не дают. (*И тут же, включаясь, как магнитофон.*)

«От станции Любовь
До станции Разлука
У нас с тобой билет,
У нас с тобой билет.»

Вставай, Женька, вставай! Проспишь все царство небесное.

Целует студента – жениха из Габрово.

ВАТРУШКИН. А целоваться нельзя, вы еще не расписывались.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Можно, мы состоим в морганатическом браке.

ВАТРУШКИН. В каком браке?

СТУДЕНЬИЙ (*Ватрушкину*). Ну под ей-богу. Как мы вот с Ватрушкиной.

ВАТРУШКИН. Э, нет, так мы не договаривались.

СТУДЕНЬИЙ. Как не договаривались? Так мы можем с ней и расписаться. Распишемся, Марго? Тут же, в присутствии мужа. Целуйся тогда, сколько хочешь. Хоть с Ватрушкиным, хоть со мной, Ватрушкин согласен.

ВАТРУШКИНА. Совсем одичал мужик, у-у, дубина стосеровая!

СТУДЕНЬИЙ. А еще в Сибирь претесь. Нет, я тебя, Марго, туда не отпущу. Своих узнавать перестанешь... Ватрушкин, нельзя вас туда отпускать, да? Вот-вот, Ватрушкин... (*Касаточкину.*) Учись, студент! Я тут выборы проводил в местные органы, так всем мозги тут закомпостировал. А какая разница – все равно деньги не платят ни те, ни эти. Вот

только и всего, что приклеили мне имечко «Академик местного значения».

ВАТРУШКИНА. Ну запудри, запудри мозги и мне.

СТУДЕНЬИЙ (*косясь на Ватрушкину*). У тебя муж есть, пусть он тебе пудрит.

ВАТРУШКИНА. Еще не расписывались, а уже клеймишь.

СТУДЕНЬИЙ. А потом я тебя назад сдам Ватрушкину... Ну, Марго! Это я пошутил, шуток, что ли, не понимаешь! А вообще ты, Ватрушкина, с содержанием: по краям тесто, а в середине – творог. Вас с Ватрушкиным долго еще строгать надо, деревня.

Касаточкин, а ты молчаливый какой-то, подозрительный. Как магнитофон иностранного производства. Зае... зае... зае...

КАСАТОЧКИН. Вы меня подавили, Николай Сергеич! Прямо какой-то фонтан! Думаю, ну когда он иссякнет? А он все функцио... функцио... вот черт, язык за зуб зацепился... зубов во рту 0,5 процента... а он все фун-кци-они-рует, вот.

СТУДЕНЬИЙ. Это кого ж ты критикуешь, бия себя в грудь? Если в грудь каждый начнет себя колотить, жизнь остановится. Говорю чистую правду, а никто не верит. Хочешь – продемонстрирую? Видишь, Марго, домик возле станции?

ВАТРУШКИНА. Ну вижу.

СТУДЕНЬИЙ. Курень, называется. Я его приватизировал и курю в нем самогон. Первого сорта, слеза. Не на элеватор, а сюда ко мне прямо с поля комбайнеры везут пшаничку машинами, тут я ее и прихожусь... А вишь, Ватрушкина?...

ВАТРУШКИНА. Федосья Степанна.

СТУДЕНЬИЙ. Федосья Степанна, королева Марго, видишь далее коттедж двухэтажный? Небось, даже у вас с Ватрушкиным такого нема.

ВАТРУШКИНА. Вижу, вижу!

СТУДЕНЬИЙ. Так вот этот коттедж я возвел уже с помощью энтузиазма. На спичках, с помощью курения. А ведь зарплату уже с полгода не платят.

ВАТРУШКИНА. Затруднительно верить.

СТУДЕНЬИЙ (*Ватрушкиным*). Согласны с тобой.

ВАТРУШКИНА. Согласны, согласны.

СТУДЕНЬИЙ (*Касаточкину*). Деньжищ у меня от ликеро-водочного производства уже полкаби... Крысы, боюсь, погрызут – засалены больно, так я ими подкупил полколхоза, всю местную милицию. Потому что милиции тоже зарплату не платят. А не так давно стали платить, зато жить стало опасно. Милиция охранять перестала.

КАСАТОЧКИН. Врешь, подлец, наши органы не подкупны! Студеньий, а так разогрелся, лепишь все напрямую.

СТУДЕНЬИЙ. Так вы люди проезжие, канете во тьму веков, и усе табе. Говорю, как в могилу.

Сцена вторая

Там же, те же.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*Студеному, с дрожью в голосе*). Ну хватит, хватит вам всем, перестаньте! Всегда такой был, еще с института. Пришел из армии капитаном, в одном кителе, а в ресторан водил каждого встречного-поперечного, пока последнее с себя не спустил. Ну к чему самому на себя наговаривать-то?

СТУДЕНЬИЙ (*Касаточкину*). Учись, студент! Вишь, как женщины за Студеного держатся? Ты вот, Ватрушкину настрополяешь прятать золото весьма изобретательным способом – с применением магнита. А мне Ватрушкина все, что есть, сама выложит.

ВАТРУШКИНА. Нет у меня никакого золота, нет.

СТУДЕНЬИЙ. Ни орденов, ни медалей, даже ордена Победы с бриллиантами, как у румынского царя Михаила? Или, наоборот, у Хрущева – ожерелье Большого Нила с алмазами? Так, Ватрушкина?

ВАТРУШКИНА (*бледнея вся и трепеща*). Какого Михаила с бриллиантами, какого Нила с алмазами? Степа-а...

СТУДЕНЬЙ. Ну хорошо, хорошо. Пойдем далее, по полной программе... Итак, будем расписываться, Ватрушкина? Ну фиктивно, фиктивно, конечно (*Касаточкину*) Эффективно и дефективно...

ВАТРУШКИНА. Будем, будем, мы со Степой согласные. Раз в такое дело ввязались.

СТУДЕНЬЙ. Ватрушкин! Как у нас со свидетелями?

ВАТРУШКИН. Да готовы, готовы мы с Касаточкиным.

СТУДЕНЬЙ. Касаточкина переименовываю – пусть он теперь будем Студентом, ему много чему еще надо учиться.

ВАТРУШКИНА. А как же с этим, из медуниверситета? Ведь он же студент.

СТУДЕНЬЙ. Он – жених. Как вы сказали – жених из Габрово. Итак, кто у нас первый?

ВАТРУШКИНА (*с готовностью*). Я – первая.

СТУДЕНЬЙ (*смерив взглядом ее сверху донизу и переводя затем глаза на Женю Рябинину*). Гражданка, давайте уступим, кому помоложе. Все же первая любовь у них, первые впечатления.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*краснея, но твердо*). Первая любовь у каждого из нас была уже, да, Женя? Нас обоих не так поняли?

СТУДЕНЬЙ (*морщась*). Ну хорошо, хорошо. А на чем мы будем расписываться?

ВАТРУШКИНА (*с готовностью*). На паспорте!

СТУДЕНЬЙ. Да ты что, милая моя! Так сразу на паспорте? Ага, вот мой приказ по станции. Так мы на его обороте. Ватрушкин, веди опрос: чью фамилию молодые желают носить?

ВАТРУШКИН (*Жене Рябининой и жениху из Габрово*). Чью фамилию носить желаете?

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Ну не его же – Убийбатько.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Убийдядько.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Какая разница!

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Как какая разница? Существенная.

КАСАТОЧКИН (*ухмыляясь*). С этого у них с Прекрасной Марго все и началось! Отчего та и укатила в Ливны с другом своего детства.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*Касаточкину*). Просыпайся, Студент! Студеный тебя усыпил?

КАСАТОЧКИН. С тобой, Женя, мы еще поговорим, однако не при свидетелях же. Как это ты танцевала со мной... «Две погасшие свечи»... а выходишь за этого, извините, ковобя из Габрово?

СТУДЕНЫЙ. Свидетели, не отвлекайтесь! Ватрушкин, ты бы еще за пазуху залез к моей невесте, грея там руки и пряча семейные тайны – свое дикое прошлое, это пресловутое золото.

ВАТРУШКИН. Какие руки? Какое золото? Николай Сергеич, вы начальник, а меня лично, не только супругу мою в качестве вашей невесты, прямо скажу, оскорбляете. Обижаете, начальник.

СТУДЕНЫЙ. Это – минимум, свидетель! Главное – роспись поставить. Объявляй, как в ЗАГСе: «брачующиеся стороны», то есть жених и невеста, позвольте расписаться... объявляем вас мужем и женой... ну фиктивно, конечно, фиктивно....

ВАТРУШКИН... расписаться... мужем и женой... ну фиктивно, конечно, фиктивно...

ВАТРУШКИНА (*целуя Студеного крепко, врасос*). Горько! Горько!!

Студеный берет в руки баян, подходит к невесте – Жене Рябиной. Растягивает мехи, наклоняется к ней, к губам ее. Женя Рябина отворачивается, смахивает украдкой слезинку.

СТУДЕНЫЙ (*проникновенно*).

«Как мы любили,

Теперь осталось вспоминать.

Есть еще крылья.
Но не летать нам, не летать.
Кто бы влюблялся,
Когда б заранее все знал.
Вот и остался
От нас вдали пустой вокзал.»
А теперь все – хором, хором! Ну – ну, все, все!!
«Качается вагон,
Стучат колеса глухо.
Так хочется сойти,
Но остановок нет.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*беря Студеного под руку*).

От станции Любовь
До станции Разлука
У нас с тобой билет,
У нас с тобой билет.»

СТУДЕНЬИЙ. Ватрушкина – Марго! А ты чего не включаешься?
ВАТРУШКИНА. А я, Николай Сергеич, ревную. Она вот
(*на Женю Рябинину*) – чужая невеста, а держится за вас.

СТУДЕНЬИЙ (*продолжая играть на баяне*). Вон Ватруш-
кин – муж и то не ревнует. Не ревнуешь, Ватрушкин?

ВАТРУШКИН (*доставая из сумаря вторую бутылку*).
Эхма! И эта не доехала до Сибири.

СТУДЕНЬИЙ. Ватрушкин!

ВАТРУШКИН. Чего?

СТУДЕНЬИЙ. Не ревнуешь, говорю?

ВАТРУШКИН (*ставя бутылку на стол*). Нет, Николай
Сергеич, вроде как не ревную.

СТУДЕНЬИЙ. Тогда куда ставишь бутылку – прямо на
подпись в акте гражданского состояния.

ВАТРУШКИНА (*Студеному*). Так все же согласные, со-
гласные.

СТУДЕНЬИЙ. Все смешалось в этой Системе. Скоро, ви-
дать, ей конец.

Сцена третья

Там же, те же, в едином потоке.

СТУДЕНЬИЙ (*входя в раж*). Хором, хором! Все, все! Аж приседаем.

КАСАТОЧКИН. Да мы слабы в коленках.

СТУДЕНЬИЙ. Аж приседаем, проседаем, вот так, вот так! Все, все разом, разом!

«Ка-ка-качается вагон,

Стучат колеса глухо.

Как хочется сойти.

Но остановок нет.

ВАТРУШКИНА. Как мы любили,

Границ, казалось, счастьем нет.

Может, забыли

Какой-то важный документ.»

СТУДЕНЬИЙ (*сводя с рыком баян, Ватрушкиной, сверкнув глазами*). Какой документ?! Дура ты, дура деревянная! Передовая доярка! Какой это документ ты забыла? Тем более, важный?

ВАТРУШКИНА (*несчастливая, аж трепеща*). Паспорт, наверное.

ВАТРУШКИН (*выручая жену*). Да не забыла, не забыла! Вот паспорт твой, вот! У меня, у нас.

СТУДЕНЬИЙ. А ну, Женя Рябинина, ты! Как там надо, какие слова? А ты, Ватрушкина, помолчи! Раз нет у тебя мозгов, бог не дал, где их взять?

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*воодушевляясь, под баян Студеного*).

«Как мы любили,

Границ, казалось, счастьем нет.

Может, забыли

Какой-то важный... документ.»

СТУДЕНЬИЙ (*снова сводя с рыком баян*). Да вы что, сговорились что ли, спятили? Какой вам «документ»?! (*Каса-*

точкину.) Вот бабы, дался им «документ»! «Может, забыли, какой-то важный мы секрет»... А ты, Рябинина, помолчи... Касаточкин, а ты покройся платочком. У Ватрушкиной возьми или у Рябининой. Ты молодой, на девушку похож. Вот и запевай... Ну запевай, запевай же, свидетель Иеговы! Да не ты, Ватрушкин, Касаточкин пусть запекает. А ты что – тоже разве на девушку похож, ты же старый, от Чернобыля уже, что ли, черный?

ВАТРУШКИН. Я – свидетель.

СТУДЕНЬИЙ. Да, ты свидетель, но на девушку не похож. *(На Касаточкина.)* Вот он, только он один похож. А с твоей физиономией... вашей, извините, с Ватрушкиной... только самовары кирпичом чистить.

ВАТРУШКИН. Что ж мы с ней на одну рожу, да?

СТУДЕНЬИЙ Отвали в сторону, Касаточкин. С кем это?

КАСАТОЧКИН. Да с Ватрушкиной, с Ватрушкиной! С Прекрасной Марго.

СТУДЕНЬИЙ. Муж и жена – одна сатана. Копия.

ВАТРУШКИНА *(топнув ногой)*. Кто же я, по-твоему?! То Марго, а то... Не хочу больше невестой, выхожу из вашего бардака.

ВАТРУШКИНА. А я выхожу из свидетелей.

Студеный, воздевая руки, останавливает разбушевавшуюся стихию. Сдвигает баян тихо, совсем тихо.

СТУДЕНЬИЙ *(шепотом для всех)*. А что с браком – он совсем будет фиктивным, да? *(Озлясь вдруг.)* Вот брошу сейчас баян на вашу голову, и мне ничего не будет.

ВАТРУШКИНА *(хватаясь за баян)*. Не надо, не надо! Его в Туле делали.

СТУДЕНЬИЙ *(совершенно трезво)*. Нет, надо, надо! А тебя где делали, ватрушки твои, – на кухне?

И, урезоненный, снова на плечо набрасывает ремень от баяна.

ВАТРУШКИНА (*из-за спины мужу*). Ну, негодяйчик! Приедем домой – борщ варить перестану!

ВАТРУШКИН. А я-то причем, я ничего, я же свидетель. Это все они (*на Студеного*), начальники и свидетели, все перепутали.

КАСАТОЧКИН (*поднимая палец*). Да, ты на кого? Он в своем деле эпоха! Не вишь, все замерло в снегах... в смысле поезда... а он всему этому безнадежному делу паровозной системе на пердячем пару – придает жизнь. Понял или нет? Студеный горяч, прямо дизель тебе, бешеный темперамент!.. Федя, давай! Вся держава ждет, ну качнули, пошли поезда!.. Эх, раз, еще раз, еще много, много раз!

ВАТРУШКИН. Молодец, Студент! А ну «Цыганочку!» С выходом!

СТУДЕНЬИЙ. Не отвлекаться, свидетели! Качаем вагон, а не поезд, не всю железную дорогу, страну, эпоху...

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Эпоха сама качается.

СТУДЕНЬИЙ. Ну, и слава богу. Тонко подмечено. Показали вагончик, покатали-поехали! А паровоз? – что паровоз? А, паровоз, вперед лети...

«Кача-кача-качается вагон,

Стучат колеса глухо.

Как хочется сойти,

Но остановок нет.

От станции Любовь

До станции Разлука

У нас с тобой билет,

У нас с тобой билет.»

Смелее, решительнее, смелее! Раскачиваемся, аж приседаем, сгибаем коленки! Катим, катим вагон свой, ускоряем движение, нашего дорогого, любимого, пассажирского нашего поезда!

ВСЕ ПОЮТ. «Как мы любили,

Границ, казалось, счастьем нет.

Может, забыли
Какой-то важный... документ...»
СТУДЕНЬИЙ. Какой документ? Одурели?! Ладно, хрен с
ним, с «документом» вашим! Далее едем.
«Тучи нависли,
И звезды грустно смотрят вниз.
И не сойтись нам,
Как этим рельсам, не сойтись.»

Наконец прикрывает мехи ладонью.

СТУДЕНЬИЙ. Все! С Пифагором этим покончено... А «документик» вы все-таки вставили, ввернули-таки, молодцы!

КАСАТОЧКИН. И про какого нам это вы Пифагора, Николай Сергеич?

СТУДЕНЬИЙ. В геометрии же аксиома: две параллельные прямые не пересекутся, сколько бы мы их не пересекали.

КАСАТОЧКИН. Дураки! Это нас надо всех пересечь, плеткой по плоскости – по Пифагору, по заднице.

СТУДЕНЬИЙ. По плоскости, плоскости, где же еще? Но вот по Лобачевскому в сфере уже пересекутся.

КАСАТОЧКИН. А у Студеного как?

СТУДЕНЬИЙ. Молодец, тоже Академиком будешь... местного значения. Но только после меня. Я – романтик, а у романтиков параллельные всегда кривые, прямых параллелей нет и быть не может. Вот паровоз и застрял в наших-то глубоких снегах, при нашей системе. Ждем-с, когда выручат.

Сцена четвертая

Там же, те же.

СТУДЕНЬИЙ. А теперь пауза. Это дело надо отметить. Ну свадьбу, свадьбу, конечно, что же еще? За молодых, за счастье в генах и аборигенах!

ЖЕНЯ РЯБИНИНА Ого! (*Резко вставая и уходя.*)

Все провожают ее глазами.

КАСАТОЧКИН. Николай Сергеич, вы анадьсь сказали, что Ватрушкину можете разоружить. Что она сама свое золото может выложить. Бац – и выставит все перед всеми. А я вот не знаю, какой такой важный «секрет» Добрынин имел ввиду?

Студеный встает и уходит вслед за Рябининой, возвращается с ней.

СТУДЕНЫЙ (*Рябининой*). Пойду еще угольку принесу. (*Жениху из Габрово.*) А ты что же это жену свою отпускаешь? Та укатила, и эту (*на Рябину*) хочешь, чтоб увели?... Командуй тут, студент прохладной жизни! Скоро буду...

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*вслед Студеному*). Незаменимых нет, гулять так гулять!

ВАТРУШКИНА (*вдыхая*). Незаменимых нет, а заметить некем.

ВАТРУШКИН. Студеный, а не оправдывает фамилии, человек необнаковенный.

Пауза. И тишина. Все устали так, что опять уже все засыпают.

КАСАТОЧКИН. Я вот бы что хотел предложить. Если, все, конечно, не против. Давайте каждый вспомнит какую-нибудь историю... Ну случай, случай, что ли, из ряда вон, из жизни... про человека необыкновенного, незаурядного... Опять первая ты, Ватрушкина? Ах нет, тут мы в кусты. Это когда под венец, так мы первые, да, Ватрушкина?

ВАТРУШКИН (*вступаясь за жену*). Это какой у кого талан.

КАСАТОЧКИН. Ты, Степан Федосыч? Тоже из тех. Ах, не из тех, а из этих? Первым не хочешь? Что, сперва лучше другого послушаешь? Молодых пощадим, у них – свадьба. Что ж, придется начать с себя.

ВАТРУШКИН. Ты тут опосля Николая Сергеича в каждую бочку затычка.

КАСАТОЧКИН (*женеху из Габрово*). Это я к тому, как фамилию выбирать надо... Итак, почему я Касаточкин, а не Куроедов, скажем. А ведь по деду материному мы Куроедовы... Отец мой, Филипп Григорич, в войну попал в кавалерийский корпус генерала Доватора. Тот, как известно, действовал под Москвой. Зима, снежно, вот как сейчас. Танки вражеские стоят, а кони наши гуляют у них по тылам. И был у отца нутрячок такой, ну нутрец – жеребчик, стало быть, извините при дамах, однояичный. Слегчен, но не до конца. Чтоб силу мужскую имел, но по бабам, извините, не шастал. Привязанность больше к хозяину, к человеку имел. И звали нутреца женским именем почему-то Касатка-Касаточка..

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Это акулы такие в океане – касатки.

КАСАТОЧКИН. Короче, сразили в атаке отца пулеметной очередью. Упал он в снег и лежит. И так бы, возможно, и кончился. Но слышит вдруг теньканье – вроде снег где-то тает, переливается. Приоткрыл глаз, а это Касаточка над ним, тенькает удилами. Двое суток конь над ним простоял, а потом взял в зубы отца да так в зубах и принес в ближайшую деревеньку. Так вот и стали мы, Куроедовы, – Касаточкиными.

ВАТРУШКИН. Памятник собаке есть в Польше, кенгуру – в Австралии. А вот про коня – не слыхал... Фамилия у тебя, парень, что надо, природная. Блюди. Я тоже вот (*на жену*) после нее – лошадей люблю до смерти... А то вот тоже история. Но это про другое, не про коней. А история удивительная, необнаковенная. Вот только как войти в ее смысл, не знаю. Может, вы, грамотные, подскажете.

Я рыбалку люблю до ужаси! Молодым еще был, неженатым. Сижу как-то с удочкой на рассвете, придремнул маленько. Слышу, вроде как за плечо ворохнуло. Приотк-

рыл я глазик-то: боже, столб такой синеватый как раз супротив за речкой, над родником. Колышется, движется, дышит весь. Пригляделся – девушка неописуемой красоты. Вот она – Степанна (*на жену*), какой в молодости была. Улыбнулась, значит, и рукой мне этак, знак заманчивый сделала и исчезла. Рыба шла потом тут, кипя, сила силой... И в лес, бывало, пойду – за грибами, как встанет столб голубой предо мной, так на месте этом грибов опосля хоть косою коси. И с орехами также, и с земляничкой... Столбом синим она все стояла предо мной, пока не нашел ее в дальней деревне и не женился на ней. А ведь до того не видел ни единого разу...

КАСАТОЧКИН. Красивая легенда.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Это – любовь! Это любовь в вас была, Степан Федосович. Светила столбом голубым.

ВАТРУШКИНА. И, заметьте, к удаче вела.

ВАТРУШКИН. Каждый раз.

КАСАТОЧКИН. И сказать-то другого нечего, Степан Федосыч. В самом деле, это – любовь.

ВАТРУШКИН. Только вот что удивительно. Как эта женщина, что получалась из голубого столба, обличье вот ее – ее именно, а не кого-то еще, имела? Ко всем ученым обращался, какие в село приезжали, – ни один не ответил.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Академика надо спросить – Студеного.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Тут, я думаю, сердцем надо брать, чувствами.

ВАТРУШКИНА. Да, умом, видать, не поможешь.

ВАТРУШКИН. Голубем надо, что тут в груди, голубком. Этот видит через всю жизнь... (*Жениху из Габрово.*) А ты не горюй, парень, не убивайся. Уехала в Ливны твоя распрекрасная – стало быть, не стоишь ты синим столбом перед ней. А любит коли, вот тогда мне поверишь, – вернется.

Сцена пятая

Там же, те же. В тамбуре шум, хлопанье дверью. В купе появляется Студеный.

СТУДЕНЫЙ. Подбросил угольку, сейчас жарко станет.

КАСАТОЧКИН. Контрибуция с вас, Николай Сергеич. Требуется рассказать про что-нибудь необыкновенное. Ну, например, про любовь. Так, Ватрушкина?

ВАТРУШКИНА. Так, так.

СТУДЕНЫЙ. Про любовь? Необыкновенную? Да у меня ее и обыкновенной-то не было.

Косым, долгим взглядом смотрит он на Женю Рябинину, пытается сбежать в соседнее купе.

КАСАТОЧКИН. Ну нет, Николай Сергеич! Просто так не отделаешься, контрибуция есть контрибуция. Гони деньгу в налоговую инспекцию

СТУДЕНЫЙ (*ворча*). Все в одну кучу свалил: и контрибуцию, и налоговую инспекцию.

КАСАТОЧКИН. А как же, приметы времени – прошлого и настоящего.

СТУДЕНЫЙ. И вспоминать-то не хочется. Ну да была не была, пусть только Женя Рябинина выйдет, тогда расскажу.

КАСАТОЧКИН. Почему это? Она полноправный член коллектива.

СТУДЕНЫЙ. Выводы не те сделает из черных пятен действительности.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Какие надо, сделаю.

СТУДЕНЫЙ. В общем, я в Афгане был... командиром роты... где-то под Кандагаром... Ну и ранило меня. Лежу, значит, в адских условиях, вывезти невозможно – «духи» не дают, в подкову взяли. Зарок тогда дал себе: выживу если – никакой войны в душе, никакой ненависти, только любовь. Девушка была у меня, решил: выберусь из этого ада – женюсь. Тем и

держался... Друг мой получил приказ вырваться из кольца. Ушел с моим письмом... Потом уже в госпитале, близ Кабула, мне сообщили. В общем, вела она себя так, как будто меня встречала, лично меня... А конец пошел, неинтересен...

ВАТРУШКИН. Обнаковенный, так?

КАСАТОЧКИН. Нет, не так. Необыкновенен по своей пошлости.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*горячо*). Николай Сергеич все извратил, все наизнанку вывернул. Да, она встретила друга как его самого и проводила друга как его самого. Со всем, что только было в душе ее, чистого, искреннего...

СТУДЕНЬИЙ. Ну да. И в постели с ним не была, и до Термеза его не провожала. В общем, на войне как на войне, рядовой военно-полевой роман. Но зачем тогда претендовать на тургеневскую девушку, нести себя высоко?

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*строго*). Капитан Студеный! Прекратите! Афганистан все в вас перевернул, сделал на самого себя не похожим.

СТУДЕНЬИЙ (*иронично*). По крайней мере, соответствующим фамилии. Шрамы, милая, не ордена – не снимаются, остаются навечно.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*подавая баян Студеному*). Вот, играй! Совсем заморозить нас всех тут хочешь, Студеный? Забыл, день у нас какой – свадьба!

СТУДЕНЬИЙ. Пусть Касаточкин сменит.

КАСАТОЧКИН. Да я, кроме «Полонеза Огинского», ничего не умею. А от полонеза – тоска. Был написан поляком одним перед отъездом, говорят навсегда из Польши.

ВАТРУШКИНА. Нет, пусть Студеный лучше про вагон играет, мне больше нравится.

КАСАТОЧКИН. Играй, Студеный! Играй Ватрушкиной, куда играется – про вагон, который качается... Ка-ча-ется вагон!..

СТУДЕНЬИЙ. Высоковато взял, кенарь. Сейчас, сейчас – вот так. Ну покатали – поехали.

«Ка-ча-ется вагон,
Стучат колеса глухо.
Так хочется сойти,
Но остановок нет.
От станции Любовь...»

Рябинина, чего не поешь? Ах, Ватрушкина пусть поет?
Что ж Ватрушкина одна тебе будет петь?

«Как мы любили,
Границ, казалось, счастьем нет.
Может, забыли
Какой-то важный...»
Что, Ватрушкина?

ВАТРУШКИНА. Документ.

СТУДЕНЬИЙ. Так и знал! Да не документ, не документ...
откуда ты хоть взяла это, проверено – паспорт у тебя на мес-
те... так, Ватрушкин?

ВАТРУШКИН. Проверено – мин нет. Это же женщины!
Из дому выходит – газ ведь закрыла, а как дверь на замок, так
опять открывать – газ не забыла ли выключить?

КАСАТОЧКИН. Неописуемый восторг!

СТУДЕНЬИЙ. Не женись, Касаточкин, никогда не же-
нись! Будь, как птица... как я – академиком станешь...

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. ... местного значения.

ЖЕНИХ ИЗ ГРАБОВО. Вспомнил, – не документ! «Ка-
кой-то важный там... секрет».

СТУДЕНЬИЙ (*расхохотавшись*). Петух! Сидел, сидел на
нашесте и вспомнил на третьи сутки.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. На вторые. Мы тут только вто-
рые сутки.

СТУДЕНЬИЙ. Это – вспомнил, другое – забыл. Что свадь-
ба именно у тебя, голубчик! У тебя-я! Жених ты наш из Габро-
во, дорогой наш, желанный... Ну, ладно, покатали – поехали...

Может, забыли
Какой-то важный...

Всем молчать, одной Ватрушкиной говорить. Так что забыли, Ватрушкина?

ВАТРУШКИН (*шепотом*). Секрет.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Секрет, секрет.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Секрет, Ватрушкина! Секрет забыли...

КАСАТОЧКИН. Тсс, Ватрушкина! Так что же все-таки окончательно забыла Ватрушкина? Да-да, совершенный секрет.

ВАТРУШКИНА. Паспорт, наверное, да?

СТУДЕНЬИЙ (*не обращая внимания*). Может, забыли

Какой-то важный...

ВАТРУШКИНА. ... документ!

СТУДЕНЬИЙ. Для Ватрушкиной специально – секрет, секрет, секрет!

«Как мы любили,

Теперь лишь можно вспоминать.

Мимо проплыли

Вагоны встречные опять.»

КАСАТОЧКИН. Видите, как, даже в песне, Студеный искажает действительность? Где вы в реальной жизни видите, чтобы вагоны плыли да еще встречные – здесь же одноколейка. Мы просто примерзли тут к рельсам. Пока Прекрасная Марго из Ливен не вернется сюда за нами на паровозе! И привезет с собой на груди что, Ватрушкина? Да паспорт, паспорт! Важный такой документ!

Жених из Габрово

(на третьи сутки)

Сцена первая

Купе этого же поезда. Опять рассветает.

Касаточкин поднимает голову: вся спят также попарно, но в иных сочетаниях: Женя Рябинина с Ватрушкиной, Ватрушкин с женой из Габрово. Сам он лично изволил почивать, оказывается, со Студеным. Студеный все норовит во сне заключить его в объятия.

КАСАТОЧКИН (*отводя руку*). Студеный! Эй, Студеный!.. Слышишь меня? Вставай! Надоел хуже горькой редьки... А никакой реакции... Вставай, Студеный! Принеси землицы – из теплицы, у Ватрушкиной имеются семена, будем рассаду сажать. Пока постоим тут до апреля-месяца, как раз подойдет... Никак не реагирует. И никто не реагирует. Как за два дня уходокались!.. Студеный! Товарищ начальник, что у тебя там творится на станции? Глянь-ка, вывеску сперли, другую повесили. Как теперь станция называется? Габрово.

СТУДЕНЫЙ (*вскакивая*). Где, где?

Просыпаются Женя Рябина, Ватрушкина.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО (*приподнимая голову*). Где это мы, где?

КАСАТОЧКИН (*улыбаясь*). Да мы уж в Болгарии. Вот и Габрово красуется вместо Студеной. С чем вас и поздравляю.

СТУДЕНЫЙ (*спросонья*). Где Габрово, почему в Болгарии?

КАСАТОЧКИН. Действительно, пока тут стоим, в Болгарию бы съездили уж туда и обратно.

Студеный одевается и уходит.

КАСАТОЧКИН. Вывеску на всякий случай пошел посмотреть. В самом деле, не натворили ль чего злоумышленники?

Студеный возвращается, запыхавшись.

КАСАТОЧКИН. Ну как?

СТУДЕНЫЙ. Поезд еще один прибывает – на запасной.

Немая сцена. Вытянутые лица.

КАСАТОЧКИН (*наконец*). На полном серьезе? А чего они жрать-то тут будут? Всю траву под снегом выщиплют, деревья попилят... Это тебе не Габрово. В Габрово яблоки растут и зимой – не спа, жених?

ВАТРУШКИН. Он спал, спал сегодня. Вчераь намаялся.

КАСАТОЧКИН. Анадысь.

ВАТРУШКИНА. Не анадысь, а намедни.

КАСАТОЧКИН. Слышишь, Студеный? Зимут тут проканту-емься, в такие недра народные влезем! Просто шпрехен зи дойч.

ВАТРУШКИН (*Касаточкину*). Это же по-немецки! Вам что – все свое не ндравится?

КАСАТОЧКИН. Нравится, нравится, но без «д», Степан Федосович.

ВАТРУШКИН. Как это без «д»? Прошу извинения, так говорить в присутствии женщин.

КАСАТОЧКИН. Студеный! Как это можно без «б» обойтись... в новом названии станции – Габрово?

СТУДЕНЫЙ. Да никакого нового – старое все, откуда ты взял?

КАСАТОЧКИН. Вишь, Студеный, какой ты высокий начальник! Прямо-таки культ личности. Вся страна вывески меняет. Колхозы даже заменили на какие-то КСП, а ты как уцепился за старое, вынь да положи тебе Студеную. Чтобы соответствовало собственному твоему внутреннему содержанию...

ВАТРУШКИН. Это вот она, Ватрушкина, с содержанием.

КАСАТОЧКИН. Во, блин, память! Раз услышал – век будет помнить, внукам передавать... Студеный! О чем вот ни говорю, а все сверлит. Как это ты меня насчет «магнита» уел? Ну насчет золота у Ватрушкиной. Что это надо свершить, чтобы Ватрушкина сама из недр золото свое вытащила? Просто невозможно поверить.

СТУДЕНЫЙ. Увидишь скоро – поверишь.

КАСАТОЧКИН. А насчет валюты мы, конечно, загнули. Нет ее у Ватрушкиных.

ВАТРУШКИН. Гляньте, солнце какое встает из снега – тарелища красная! И столб ввысь – к морозу.

СТУДЕНЫЙ (*Касаточкину*). В деревне долларовую систему не признают, рубли обожают. С рублями ездят в Москву за иномарками.

ВАТРУШКИНА. Где это видел ты иномарки в деревне? Это вон Паша – мерседес по Москве на своем «Мерседесе» раскатывает.

СТУДЕНЬИЙ (*поднимаясь, торжественно*). Желаю сделать соответствующее заявление! Но сначала спросить хочу, какой мы имеем месяц?

ВАТРУШКИН. Ну, декабрь.

СТУДЕНЬИЙ. А число? Праздник какой сегодня по народному календарю? Верно, Никола зимний. Так вот, я урожден зимой, в январе. Имя мое Николай – стало быть, у меня именины. Объявляется праздник по гарнизону! Вы тут, дамочки, подчепуритесь, припудритесь, а вы, мужички, стол накрывайте. А я пулей в деревню – за «паровозным топливом»... за своейской...

Выходит из купе, гремит в тамбуре ведром.

КАСАТОЧКИН (*заглядывая в окно*). Вон помчался – джигит... с тарой, чем поят лошадей.

ВАТРУШКИН (*принимаясь резать хлеб, жениху из Габрово*). Ты, Евгений, еще не старый. Марго твоя в Ливных, а ты тут, а завтра – тю-тю, и в Сибирь.

КАСАТОЧКИН. Чего это ты парня в Сибирь направляешь?

ВАТРУШКИН. Так после институтов умных куда направляют – куды подальше.

КАСАТОЧКИН. Ватрушкин! Вот его (*на Женю-студента*) женихом больше не обзывай. Не для того Марго в Ливны то на паровозе укатывала, чтобы носить его фамилию. Теперь у нее фамилия уж другая, небось.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. И какая же?

КАСАТОЧКИН. Смотайся в Ливны – узнаешь. Если тебе интересно.

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. Самая красивая девушка была.

КАСАТОЧКИН. Порода. Говорят, цари в Ливнах выбирали невест.

ВАТРУШКИН. Не дразни, не доводи человека.

Сцена вторая

Там же. Появляется Студеный – с мороза пышет здоровьем, жаром внутренним, энтузиазмом.

СТУДЕНЫЙ (*валя полную суму на сиденье*). Насобирал. Как для космонавтов – по дворам, никакого отказа.

КАСАТОЧКИН. Ура, гуляем!

Студеный разливает по стаканам, встает.

СТУДЕНЫЙ. Полагается что-то сказать. За именинника. Сам скажу...

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Коля, не надо, Николай Сергеич.

СТУДЕНЫЙ. Нет, скажу. Знаете, кто я такой? А Николай-угодник. Людям, значит, угодный. Где я, там и заварушка. Люди липнут ко мне, как мухи. Даже поезда останавливаются...

КАСАТОЧКИН (*вполголоса*). Не хватало еще самолетов.

СТУДЕНЫЙ. Да, да, Касаточкин! Вот почему этот поезд застрял именно тут – в Студеной. Что ему станцией раньше снега, что ль, не хватило? А вот именно тут ему надо было застрять – у Студеного, под Студеной! Это я, Николай-угодник, так делаю. Небо молю, чтобы снежку именно тут у нас побольше подсыпало, чтобы именно ваш поезд остановило... Чтобы с подружкой молодости встретиться, с вами – людьми хорошими. Женя, знаю, плохих не возит...

КАСАТОЧКИН. Как по людям соскучился. В глуши-то своей. Истосковался.

ВАТРУШКИН. А почему так: на одной скамейке сидели, но вы – начальником, а Рябинина – проводницей?

СТУДЕНЫЙ. Лучше ее спросите.

Женя Рябинина ставит стакан на столик и выбегает. Студеный бросается следом. Пауза.

КАСАТОЧКИН. Зато где проводницей! На столичной линии, мимо Студеной каждый раз – станции имени Николая-угодника.

ВАТРУШКИН. Нет, тут что-то не то.

ВАТРУШКИНА. А давайте-ка танцевать, петь давайте.

ВАТРУШКИН. Так баянист же ушел.

ВАТРУШКИНА. А вот Касаточкин сыграет.

КАСАТОЧКИН. Только этот могу... полонез...

ВАТРУШКИН. А «Две свечи» можно? Включите в свой репертуар. Магнитофон давайте.

КАСАТОЧКИН (*жениху из Габрово*). Ну, Студент! И эту невесту, кажется, уведут.

ВАТРУШКИНА (*беря свою сумочку*). Вы тут включайте, а я сейчас.

Выходит в соседнее купе. Жених из Габрово возится с магнитофоном. Наконец, раздается голос Добрынина.

«Две погасшие свечи

Снова вспыхнули в ночи,

И шальная искра вновь в душе зажглась.»

Появляется Ватрушкина. Она радостная, сияющая, в новой вязанной кофте. В ушах ее золотые сережки, на шее – золотая цепочка.

КАСАТОЧКИН. О!

ЖЕНИХ ИЗ ГАБРОВО. О!

КАСАТОЧКИН. Мадам, нет слов! Разрешите пригласить вас на танец.

ВАТРУШКИНА. На «белый»?

КАСАТОЧКИН. Нет, почему же... Ах, да! Ну, конечно, на «белый». Необыкновенной белизны, как все эти глубокие, непроходимые снега, в которых застряли мы с вами тут, в этом с ума сводящем, черто... совершенно прекрасном поезде...

ВАТРУШКИН (*грозя пальцем*). Гляди! Она же невеста Студеного. Только Николаю Сергеичу разрешаю.

КАСАТОЧКИН. Помню, помню: синий столб... если что – кулачищем по шее... И, однако, бросаюсь в омут. Федо-

сья Степановна, урезоньте вы своего бегемота – пусть уберет в карман куличичи-то, не держит их на столе.

ВАТРУШКИНА. Степа, не дури.

Ватрушкин убирает руки со стола. Входит Студеный. Тут же замечает на Ватрушкиной золотую цепочку, золотые сережки.

СТУДЕНЫЙ. О, мадам! Вы – блеск, северное сияние, просто слепите всем нам, смертным, глаза!

ВАТРУШКИНА (*кокетливо*). Скажешь тоже, начальник!

Студеный забирает Ватрушкину у Касаточкина, танцует с Ватрушкиной.

КАСАТОЧКИН (*Ватрушкину*). Черт возьми! Как она ему улыбается, как прижимается, не правда ли? Прав Студеный, тысячу раз прав: она сама выставила свое золото миру!

ВАТРУШКИН. Так Академик же...

КАСАТОЧКИН... местного значения подход нашел.

СТУДЕНЫЙ (*танцует с Ватрушкиной и подпевая Добрынину*).

«В полутемном зале ресторана

Все сказали мне, глаза твои

Словно выплывали из тумана...»

СТУДЕНЫЙ (*Ватрушкиной*). Всю молодость, небось, под коровой просидела, радость моя?

ВАТРУШКИНА (*сияя вся*). Ага, просидела.

СТУДЕНЫЙ. А зачем?

ВАТРУШКИНА. И что они там? (*На тамбур, где была Рябинина со Студентом.*)

СТУДЕНЫЙ (*снимая с пальца своего золотое кольцо и передавая Ватрушкиной*). Это тебе – для полного набора.

ВАТРУШКИНА. Да вы что?!

СТУДЕНЫЙ. Не вишь, ношу на мизинце.

Одевает кольцо на палец Ватрушкиной, подпевая Добрынину.

«В зале на столе горели свечи,
Но сто крат сильнее их огня
Твои руки, волосы и плечи
В танце обжигали вдруг меня.»

КАСАТОЧКИН (*Ватрушкину*). Это что ж такое творится? То с одной, то с другой. А чего ж мы с тобой сидим, отставники!.. Во темперамент-то, ну!

ВАТРУШКИН (*утирая шапкой отсыревший лоб*). Темперамент кавказский.

КАСАТОЧКИН. Сидишь, как аршин проглотил. Не знаешь, что и сказать?

ВАТРУШКИН. Баба моя, как корова, – сзади не подходит.

КАСАТОЧКИН. Дурак! Ну, а мы считаем их «сгоревшими до тла».

Сцена третья

То же купе, те же. Студеный с Ватрушкиной продолжают танцевать «под Добрынина». Ватрушкина рассматривает на пальце своем кольцо, надетое Студеным. Входит Женя Рябинина.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*замечая на Ватрушкиной золото*).
Ого! Разрядилась, как елка!

ВАТРУШКИНА (*улыбаясь*). И кольцо подарили.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*улыбаясь*). Кто?!

ВАТРУШКИНА (*на Студеного*). Да вот они подарили.

От неожиданности Рябинина отступает на шаг. Затем бросается вперед, на Ватрушкину.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. А ну снимай!

Ватрушкина прячет руку за спину. Рябинина хватается ее за руку, пытается снять кольцо.

СТУДЕНЬИЙ. Ну, девочки, девочки... ну что вы, милые...

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*в спину Ватрушкиной*). Марш отсюда! (*Замечая всех остальных.*) Все марш из вагона, я тут хозяйка!

С рыданьем выбегает из купе. Пауза.

КАСАТОЧКИН. Вот тебе и «ого»! Бешеный темперамент.
ВАТРУШКИН (*утирая отсыревший лоб*). Кавказский.

Ватрушкина снимает кольцо. Возвращая, пихает его в лицо Студеному. Студеный берет Ватрушкину за талию. Подпевая Добрынину, они продолжают движение в танце.

«И совсем случайно оказались
Мы с тобой в компании одной.
И как будто не было разлуки.
И всего, что разлучило нас.
Словно мы узнали друг о друге
Только в этот вечер в первый раз.»

КАСАТОЧКИН (*Ватрушкину*). А ты что молчишь, не скажешь свое мужское, веское слово?

ВАТРУШКИН. Он несчастный. От несчастных все за-
всегда вокруг гибнут.

Студеный подводит Ватрушкину к мужу, усаживает рядом.

СТУДЕНЫЙ (*Жене – студенту*). А ты чего тут сидишь? Муж – объелся груш! Расписался же, иди в служебку – жену свою успокой. (*Ватрушкиной.*) А мы с тобой сейчас тоже распишемся (*глядя на хмурое лицо Ватрушкина*). Ну фиктивно, фиктивно, конечно... Я же Николай-угодник, мне сегодня все можно... Дай сбегаю на станцию, обстановку провентилирую...

ВАТРУШКИН. Ну вентилируй, вентилируй.

Студеный уходит. Появляется Женя Рябинина, неся пальто Студеного.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Ушел раздетый.

ВАТРУШКИНА. Да обстановку пошел провентилировать.

Женя Рябинина приглашает на танец Касаточкина. Они танцуют.

КАСАТОЧКИН (*глядя на нее сверху вниз*). А как же муж?
(*На Женю – студента.*)

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Вы меня извините... за срыв...

КАСАТОЧКИН (*нажимая пальцем на носик ей*). Пи-пи, я больше не бу-у-ду! Как паровоз, который оставил нас тут, в этих снегах.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Студеный хороший. Только все у него...

КАСАТОЧКИН. Набекрень? (*Подпевая.*)

«Две погасшие свечи

Снова выпыхнули в ночи,

И шальная пуля вновь в душе зажглась.»

Мелькнул, Женечка, возможный призрак счастья, и он исчезает, да?

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Вообще, ты хоть когда-нибудь серьезным бываешь?

КАСАТОЧКИН. Я на полном серьезе, Женя.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Это вот он, Студеный, на полном серьезе, а ты – перелетная птица.

Топот в тамбуре, кто-то сбивает снег с ног. Входит Студеный.

СТУДЕНЫЙ (*оценивая обстановку, Жене – студенту*). Ну, жених из Габрово! Кажется, дело наше труба. И никому мы не нужны в этом безумном, безумном мире. Кроме, конечно...

ВАТРУШКИНА (*вскакивая*). А я?

СТУДЕНЫЙ. Кроме, конечно, я – Ватрушкиной, а ты вот – Рябининой... Из Ливен звонили. Связь эта – ну прямо блеск! Не разобрал ни черта. Но все про свадьбу. Свадьба, надо полагать, там у них в полном разгаре. Приглашают к себе туда, надо думать, тебя, жених из Габрово...

ВАТРУШКИН. Свидетелем?

ЖЕНЯ – СТУДЕНТ. Нет, я свидетелем не хочу, не поеду!

КАСАТОЧКИН. Студеный, да какой же он жених, когда он женат вот – на Жене Рябиной? Твоя станция, брат, переименована именно в Габрово. Это ты, Студеный, все никак не женишься... на ней – на Ватрушкиной!

СТУДЕНЫЙ. Молоток! Через год кувалдой будешь. Но только после меня.

Подходит к Жене Рябиной, приглашает на танец – та отказывается. Подходит к Ватрушкиной – она кладет руку ему на плечо. Женя Рябина забирает Ватрушкину у Студеного, усаживает ее обратно рядом с Ватрушкиным.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Очახни хоть, посиди с мужем, золотко.

Неожиданно Ватрушкина пытается вцепиться ей в волосы. Одной рукой Рябина отражает нападение, другой – хватает со стола миску с солеными огурцами и одевает ее Ватрушкиной на голову. Ватрушкина так и оседает. Сидит рядом с Ватрушкиным, недоумевая.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*гремя на весь вагон*). А ты, если муж, так гляди за женой! Хватит бутылки-то таскать (*Ватрушкину*) из сумаря, а тебе (*Студеному*) – по деревне носить за «чимергезом»!

ВАТРУШКИН. А ты кто, ты что – милиционер?

ЖЕНЯ РЯБИНИНА (*оглядывая все общество*). А то я всех тут вас на место поставлю! Алкаши несчастные, разыгрались, меры не знаете (*Жене – студенту*). Идем-ка со мной, нечего тебе здесь делать.

И тишина. Пауза. Все смотрят куда-то в сторону, только не друг на друга.

СТУДЕНЫЙ (*наконец*). Она, конечно, права. Все же исполняющая обязанности.

ВАТРУШКИН (*щелкает себя по кадыку*). Меня вот жена... никогда... в этом деле...

КАСАТОЧКИН. ...не упрекает?

Ватрушкин врезает ему промеж глаз. Касаточкин валится на руки Студенному. Ватрушкина виснет на плече мужа.

КАСАТОЧКИН (*приподнимаясь*). Брр, все! Обеденный перерыв. Разгрузочный час, будем баньки и – на паровоз. Господи! И какой же русский не любит быстрой езды? Да еще в этих таких глубоких русских снегах.

Сцена четвертая

Там же в купе. Все отдыхают, лежа опять же попарно, но в новом сочетании: Ватрушкин с Ватрушкиной, Касаточкин со Студеным. Касаточкин, приподнимаясь на локоть, оглядывается.

ВАТРУШКИН (*замечая*). Ну как?

КАСАТОЧКИН (*тряхнув башкой*). Как в лучших домах Лондона и Парижа.

ВАТРУШКИН (*на жену*). Скажи спасибо, она меня окоротила, быка убиваю ведь наповал.

СТУДЕННЫЙ (*энергично вставая*). Где Рябинина, где Студент?

ВАТРУШКИН. В соседнем вагоне. Этот, говорит, сильно качается.

Студенный собирается и выходит. Касаточкин расталкивает Ватрушкину.

ВАТРУШКИН. Бесполезно.

Появляется Студенный. Он конвоирует Женю Рябинину и Женю-студента. В руках у Жени Рябининой пустой поднос.

СТУДЕННЫЙ (*Рябининой*). Не дам испортить мой день! Помирись с Ватрушкиной.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Кольцо пусть вернет.

ВАТРУШКИНА (*лежа спиной поперек сиденья*). Да отдала уж, вернула. А сережки – так дело мое! Хочу ношу, хочу в окно выкидываю.

КАСАТОЧКИН. Смотрите, как интересно! И у Ватрушкиной прорезается характер. Вставай, Ватрушкина, не чуди. Вот человек пришел извиняться, прощения просит, да, Женя?

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Извиняться – да, просить прощения – да ни за что!

КАСАТОЧКИН (*глядя на Студеного*). Ну хорошо, хорошо. Надеемся, инцидент исчерпан, больше не повторится

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Ладно, вставай, Федосья из Феодосии.

КАСАТОЧКИН. А чего?

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Чай сейчас принесу, вставайте, подъем.

Рябинина уходит.

КАСАТОЧКИН (*Студеному*). Гляди, подносом Ватрушкину кабы не охоячила. Ты, Федосья Степанна, присядь-ка лучше подальше, к окну, пусть тебя муженек твой прикроет.

Появляется Рябинина. Она в белом переднике, со стаканами на подносе.

ВАТРУШКИН (*протирая ладони*). Ага, чаек пришел, вот это я понимаю!

Студеный поднимается со стаканом в руке, оглядывает собравшихся.

СТУДЕНЫЙ (*торжественно*). Приступаем ко второй – тверезой фазе нашего праздника Миколы-угодника. То есть моих именин. Правда, некоторые из-за бугра пытались нам помешать... не в упрек будет сказано тебе, Женя... Но что же мы так и будем все время клеймить Хрущева? Пора и Горба-

чева вспомнить, преподнесшего нам «сухой закон» – трезвую жизнь, которая так и не оторвала от соски нашего мужика, что в конце концов и создало эту самую перестройку, разнеся в щепки, как хороший колхозный бугай, все это стойло к чертовой бабушке...

КАСАТОЧКИН. Ближе к теме. Николай Сергеич. Чаек простывает.

СТУДЕНЬИЙ. Реагирую и поздравляю вас... с днем моих именин.

КАСАТОЧКИН. Во, во! Не Студеньиый, а прямо-таки как будто из этого знойного Габрово. Николай Сергеич, юмор какой-то соленый.

СТУДЕНЬИЙ. Николай-угодник... зимний ты наш... поздравляем... (*глядя на Ватрушкина*) и всех твоих боевых соратников...

КАСАТОЧКИН (*потирая переносицу*). Ну нет, что-то не то. Не того все ждут от жениха из Габрово номер два. Мы от главной своей программы не отступаем... Величаем, магнитофончик включаем. Или, может, баяниста попросим? «Качается вагон».

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. «Две погасшие свечи». Только с тобой, Касаточкин, только с тобой танцуем!

КАСАТОЧКИН. Ватрушкина! А ты?

ВАТРУШКИНА (*зардевшись*). «Две погасшие свечи».

КАСАТОЧКИН (*Студенному*). Именно с тобой, жених из Габрово номер два, Ватрушкина продолжит интимную связь.

ВАТРУШКИНА. А я за... «Качается вагон»...

КАСАТОЧКИН. Все ясно. Ты, Ватрушкина, любишь качаться. Ты, конечно, как и Ватрушкин, за секс. Вагоны все бы тебе качать... Итак, мнения разделились. Есть предложение: сначала дать отличиться имениннику, пусть покачает вагон вон с Ватрушкиной. А как вовсе стемнеет, приступаем к коллективному сексу – зажжем, так сказать, «Две погасшие свечи»... Согласны?

ВАТРУШКИНА. Согласная я. Мы с Ватрушкиным всегда согласны, да, Ватрушкин?

КАСАТОЧКИН. Ватрушкина все равно будет теретьсяazole баяниста. Ну а я тогда буду танцевать с Рябиной Женей. Последний мой, так сказать, шанс... *(Студеному.)* Коля, давай!

СТУДЕНЬИЙ. Если вы имеете в виду «Свадьбу с приданым», так там «Федя, давай»!

КАСАТОЧКИН. Николай Сергеич, не мелочись.

СТУДЕНЬИЙ *(усаживаясь с баяном)*. Ну валяйте, танцуйте! А мы посидим тут с Ватрушкиной, покачаемся...

Студеный обхватывает ее за талию, запевая во всю свою луженую глотку:

«Как мы любили,
Границ, казалось, счастьем нет.
Может, забыли
Какой-то важный...»

Что, Ватрушкина, какой «документ»?

ВАТРУШКИНА. Какой-то важный документ, мы в секрете.

СТУДЕНЬИЙ. Молодец! Мы в декрете. *(Наклонясь к Жене Рябиной.)*

«Тучи нависли,
И звезды грустно смотрят вниз.
И не сойтись нам,
Как этим рельсам, не сойтись.»

Касаточкин! Не прижимайся, не прижимайся! Раз «сухой закон» – значит, «сухой», без интима.

КАСАТОЧКИН. Тогда сам танцуй! А я буду гнать паровоз... как полонез, написанный кровью...

ВАТРУШКИНА *(Студеному)*. Коля! Не отвлекаемся! Пушай танцует!

СТУДЕНЬИЙ. Пушай!

«Вот и растаял
Счастливый поезд в ранний... в поздний...»

В ранний – поздний, в ранний – в поздний... зае, зае...час...

И! Только оставил,

Не взял он в путь обратный нас...»

СТУДЕНЬИЙ (*резко кладя на лавку баян*). Все! Первая серия окончена. Включайте магнитофон. А я схожу на станцию – организую вам поезд в обратную сторону, откуда приехали. Сзади, говорят, таких переносов нет. Иначе говоря, организуем вывозку пассажиров... (*Касаточкину*.) Тебе ж на работу надо, джентльмен.

КАСАТОЧКИН. Ого! Какие заботы! Вам бы работать в органах.

СТУДЕНЬИЙ. Вот тебе и «ого»! А я в них и работаю.

Сцена пятая

Все там же, все те же. Кроме Студеного.

КАСАТОЧКИН. Какой сурьезный, жених из Габрово! Номер два.

ВАТРУШКИНА. А вы думали как: человек на работе. Начальник станции, третьи сутки тут с нами мудохается.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. А ты уж молчи, Ватрушкина! Тебе то что? Сиди под своей коровой.

ВАТРУШКИНА (*напевая под Добрынина*). «Не отстать мне, не отста-а-ать...» Вот вошла в пилотаж...

КАСАТОЧКИН. Только вкусила.

ВАТРУШКИНА. Вот вы все на него... на Студеного. Ты, Касаточкин, все его подковыриваешь. А что ж ты, Рябинина, замуж за него не выходишь, он же человек хороший. Только какой-то одинокий, несчастный.

ВАТРУШКИН (*на жену*). Она такая, всех несчастных под себя подгребает. А я терпи.

ВАТРУШКИНА. А ты все терпи, а я все на ферме торчи, все сиди под коровой. Слава богу, хоть вспомнил про голубые столбы...

Появляется Студеный. Отряхивает снег со своих ног.

СТУДЕНЫЙ. Опять погода портится. Паровоз из Ливен не пробьется, это уж точно. Совсем там забыли про нас (*Жене – студенту, с раздражением*). Только краля твоя... ну Марго распрекрасная... телефонограммы сюда все содит.

КАСАТОЧКИН. Садит.

СТУДЕНЫЙ. Содит! Не детский сад, а содом и гоморра. Дрезину вызвал, пусть вывозят...

ВАТРУШКИНА. Куда, в обратную сторону?

СТУДЕНЫЙ. Да хоть куда! До Курска, Харькова, хоть до Крыма, где яблоки вроде и зимой растут. До Габрово – там сейчас даже винограда навалом. В соответствии с расстоянием, указанным в вашем билете. (*Ватрушкиной.*) А тебя по километражу можно и во Францию, аж до Атлантического океана, это как до Алтая. Двери в Европу теперь не закрыты, а я уже договорился...

КАСАТОЧКИН. А как же я? Куда мне – обратно в Курск, в сопредельную область? Да меня завтра же с работы выгонят.

СТУДЕНЫЙ. Уж выгнали, небось. Держат всякую бось.

КАСАТОЧКИН. Ну, Студеный! Тебе только на большой станции быть бо-о-о-льшущим начальником! Поезда у тебя практически все пойдут в обратную сторону. Разнесешь в щепки всю идеологию, всю многопартийную систему, на моно сосредоточишься...

ВАТРУШКИНА. Он в Афганистане был, мина рядом разорвалась.

КАСАТОЧКИН. А еще призывает: учись, студент! Родимые пятна.

СТУДЕНЫЙ. Куда тебе – вперед на Ливны? Так там уже рельсы разобраны. А паровоз в Верховье отогнали, на вечную стоянку, на пьедестал.

КАСАТОЧКИН. Какая память! Раз увидел, всю жизнь долдонит.

Голос за окном вагона:

Эй, кто там? Кого там везти?

СТУДЕНЬЙ. А вот и махновцы подъехали, богоносики эти! Грабить прибыли ваше сиятельство.

Ватрушкина поспешно срывает с ушей золотые сережки и прячет в сумочку.

СТУДЕНЬЙ (*Касаточкину*). Большой начальник, может, сам глава района, вывоз людей организовал. На лошадях, в обратную сторону... Ватрушкина, за тобой прикатили! Попросил одного тут в деревне – пусть отвезет тебя хоть куда, хоть на печку, а хоть в Западную Европу.

КАСАТОЧКИН. А хоть опять туда к себе, под корову.

ВАТРУШКИНА. Не надо, не на-а-адо в первую очередь! Я еще тут побуду. Хоть вкусила-то с вами... да мне и недалече тут, мы километрах в двенадцати, да, Ватрушкин?

Ватрушкины собирают вещи. Сам Ватрушкин подходит к Студенному, протягивает руку. В душевном порыве обнимает Студеного, они целуются по-русски – троекратно, по-московски -- в губы.

ВАТРУШКИНА (*прослезясь*). Ой, да и не знаю, что и сказать! Прямо как в кино побывала. Смертельное дело, с такими людьми познакомились! А этот деверь нам, что в Сибири, перебьется, да, Ватрушкин? На другую зиму в Сибирь опять соберемся.

СТУДЕНЬЙ. Да уж мимо не проедете.

Ватрушкины уходят, валяются в сани.

Слышится голос за окнами вагона:

Гей-гей!

СТУДЕНЬЙ. Вот и уехали. А что за шум двигателя? (*Жене – студенту*.) Дрезина! Ну это уже за тобой. Отвезут тебя, братец, на ближайшую станцию, оттуда поезда уже движутся на Курск.

И Женя – студент уходит. Остаются трое – Студеный, Рябинина и Касаточкин.

СТУДЕНЫЙ (*отдуваясь*). Наконец-то всех раскассировал. Опять один останусь. Как перст в этих глубоких снегах.

КАСАТОЧКИН. А мы?

СУДЕНЫЙ. По правде сказать, отпускать не хочется. Ну сыграй, брат, свой этот поляком написанный ... или лучше свои «Две свечи»... А мы, Женя, с тобой потанцуем.

Касаточкин берет баян, Студеный с Женей танцуют – поют все втроем.

«Год прошел с тех пор, как мы расстались.

Но судьбы каприз очередной,

И совсем случайно оказались

Мы с тобой на станции одной.

И как будто не было разлуки...

Две погасшие свечи

Снова вспыхнули в ночи...»

Студеный обнимает Женю, целует. Она кладет голову ему на плечо.

Раздается длинный гудок паровоза, затем два коротких.

КАСАТОЧКИН. Пробился – таки! Ура!

В купе вбегает Прекрасная Марго.

МАРГО. А Женя где?

СТУДЕНЫЙ. Уехал.

МАРГО. Как уехал, куда? В Болгарию, в Габрово? А как же свадьба?

СТУДЕНЫЙ. Чья?

МАРГО. Наша, чья же? Я уехала на паровозе одна, к маме, чтобы все там организовать...

КАСАТОЧКИН. Да, уехал в Габрово твой жених. Невезуха.

СТУДЕНЬИЙ (*вздыхнув глубоко*). Не судьба. (*На Касаточкина*.) А вот чем не жених? Парень видный, мировой парень! (*Рябининой*.) Правда, Женя?

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Влюбилась бы в него, если бы не этот... Студеный...

СТУДЕНЬИЙ. В чем же дело, Марго? Все равно родители не видели ни того, ни другого... покажешь им этого, Фило... Простофилю...

МАРГО. О господи! У того – фамилия, у этого – имечко.

КАСАТОЧКИН. Так, Филипп же, ты что! Филипп Киркоров, Жерар Филипп. Разве не нравится?

МАРГО. Нравится.

СТУДЕНЬИЙ. Ну вот и договорились. А у того, Марго, откровенно сказать, не тот темперамент.

ЖЕНЯ РЯБИНИНА. Что, кавказский?

КАСАТОЧКИН. Ну, Студеный! Академик! Всех устроил, кроме самого себя. Хватит, Женя, ездить туда – сюда мимо Студеного. Пора застревать окончательно в этих глубоких, совершенно невыносимых снегах. Так вы приглашаете нас на свадьбу, Марго?

МАРГО. Господи, все как снег на голову.

КАСАТОЧКИН. Так что – приглашаем? Этих замечательных, симпатичных людей – наших друзей, приглашаем или не приглашаем?

МАРГО (*краснея*). Ну приглашаем.

КАСАТОЧКИН. Без «ну».

МАРГО (*вспыхнув вся*). Приглашаем, приглашаем!

СТУДЕНЬИЙ (*обращаясь к залу*). А мы приглашаем всех вас. Представляете, две свадьбы на одном перекрестке!

Слышится гудок паровоза – два длинных, один короткий. Еще два длинных, один короткий.

Обнявшись попарно, они слушают голос времени, под перестукиванье колес наплывающую откуда-то с неба – от звезд мелодию: «Две погасшие свечи снова вспыхнули в ночи». Слышно, как падают, тенькая с крыши, тающие снега.

Занавес.

15–18 сентября 1997 г.

СУМЕРКИ В КАРФАГЕНЕ

(одноактная психологическая драма)

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО

(одно-единственное)

ЛЕВШИН ВОЛОДЯ, он же Адольф Генрихович, – бывший учитель, ныне пенсионер без никакого значения, воображающий себя художником.

Действие происходит в обыкновенной двухкомнатной квартире, в обыкновенном микрорайоне обыкновенного областного города в срединной России конца XX века.

Картина первая

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*приподнимаясь и потягиваясь в постели*). Утро уже или все еще вечер? И сумерки, сумерки, все пыль кругом – на руках, на шкафу, на стенах, на полу. Серая, серая пыль... Нет, скорее, пыль с черноватинкой – черныбыльская или курская, с синеватым отливом, воронова крыла. Черные дрозды – синяя птица... Кажется, этой синей птицей занялось уже МАГАТЭ? Конец апреля – и ветры с Чернобыля, из Курчатова, начинают дуть именно сюда, в нашу зону? И тогда синяя птица садится на нас. Не погода, а тигр полосатый – то жара, то холод, то снова жара. А скажи – непатриотично, не повезут к нам сюда в регион денежку, товары наши перестанут покупать...

Через стенку слышится голос Ларисы Долиной:

«Важней всего – погода в доме,
А все другое – суета.
Есть я и ты, а все, что кроме,
Легко уладить с помощью зонта.»

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Это радио, у соседа. Сосед – писатель, и у него работает радио, телевизор, магнитофон, а у меня даже телефон отключили. Спасибо еще дают газ и электричество... Нет, это уже, пожалуй, утро. Я осознаю себя в мире и мир вокруг себя. Квартира двухкомнатная на одного, а все равно тесно. Вон сколько всякого барахла мной натащено. Материна комната забита почти целиком, и в этой – трудноато пройти. И в коридоре, и на балконе все какие-то острые углы, все цепляется, впивается в плечи... Куски досок, шифера, металлические обрезки... Ну, хорошо, это все для дачи, а ящики-то картонные для чего? Где я всего этого добра понабрал – на свалках, возле магазинов, все тащу к себе... И мыши, мыши ходором. Соседка – Жена Писателя – говорит, от меня туда к ним колоннами идут тараканы, зловоние распространяется. Где они, те тараканы, – не вижу. И зловония также – не ощущаю...

Мама, мама! (*Во весь голос, в другую комнату.*) Есть дома у нас тараканы? А также зловоние?... Ах да, мать моя умерла. И, кажется, уж два года тому назад. А может, и более. Ну да, тогда, когда мне еще не платили пенсию. И я тогда продал все, буквально вынес все из квартиры, чтобы как-то прожить. А теперь вот опять тесно...

Левшин встает с постели, одеваясь, начинает расхаживать по комнате, лавируя между ящиками, досками, палками с какими-то острыми углами, гвоздями. Они цепляются за него, он отцепливается от них с трудом, извергая проклятия, не замечая новые дыры на одежде. Замирает на месте, уставясь в одну точку, взгляд его стекленеет.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. А если утро, то надо умыться, надо бриться, да? Да ладно, все равно никуда не идти. Ни в школу, ни в присутственные места. Дня четыре тому назад принесли пенсию, но деньжонок уже с гулькин нос. Вон на столе хлеб и пара консервных банок, две луковицы – все, что осталось от пиршества. А соли нет... И пока у меня есть денешки хотя бы на пару луковиц, я чувствую себя еще ничего...

Соседка – добрая женщина – дает займы ежемесячно и говорит при этом: «Ты не умеешь тратить деньги. Прошло меньше недели, а у тебя от пенсии уже рожки да ножки. И десять талонов на обед проел за два дня». Или еще говорит: «Ты же на золоте сидишь, у тебя двухкомнатная квартира. Сдавал бы одну комнату». – Или еще, еще говорит: «Продал бы дачу, что ли, если не можешь ее содержать». – Однажды я принес ей вот такоище золотистое яблоко, вот такие синие, сизые сливы – с моей дачи, говорю, вот!

С мужем ее – Писателем – мы знакомы еще с молодости. Когда учились в другом городе и жили у одной бабушки какое-то время, на частной квартире. И вот мы здесь – в одном доме, в одном подъезде, даже соседи мы самые близкие. Дверь к двери, в одном коридорчике – «предбанничке». Писатель, наверно, думает, что это случайно, а я так не думаю... Его отец не вернулся оттуда, из 37-го. А мой отец в 39-м там же был, но подполковником. Хотя мать моя всегда говорила всем, что он, как и все, не вернулся с войны. Но я-то знаю, откуда он не вернулся... С Писателем мы люди разных категорий... Мой папа – юрист... И это он назвал меня Адоликом, когда перед войной мы дружили с Германией. А мать всю жизнь звала меня дома и велела людям так называть – Володя, Владимир Владимирович. Но я-то знаю, что я по паспорту Генрихович... ну почти как Жириновский... Ему, значит, можно, а мне, что ль, нельзя?

Ну-ка, ну-ка послушаем, о чем говорят там у Писателя?

Левшин берет алюминиевую кружку, прикладывает ее к стене, вслушивается.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Опять эта музыка! Это Лариса Долина с жиру бесится. *(Подпевая ей.)*

«Главней всего – погода в доме,

Все остальное – ерунда.»

Главнее всего не погода, – чихать мне, что дождь за окном, что снег. Чтобы пенсию приносили два раза в месяц, а прино-

сят лишь раз... и то задерживают... и тогда хоть в стенку лбом бейся... Вот я ей, Жене Писателя, и говорю, когда приносят мне пенсию: это вам долг, вы мне после опять дадите. А что делать, и так приходится.

Левшин кладет на ящик фанерку, на фанерку – хлеб, пару луковиц, ставит алюминиевую кружку.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Эй, мама! Иди со мной завтракать! Ах да, ее нет. И если это завтрак, значит, утро сейчас. Но почему в кружке вода холодная? Ах, она из-под крана? Может, чайник вскипятить? Ах, да, чайничек прохудился. Ну тогда вскипятим воду в кружечке. В самом деле, газ пока еще не отключили.

Картина вторая

Левшин завтракает, восседая за импровизированным дощатым столиком. Большой квадратный стол посреди комнаты завален черт знает чем: банками, склянками, пустыми рамами для будущих картин.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*вставая и проходя к выходу*). А мы сейчас дверь приоткроем в «предбанничек»-то. Так слышнее, что там у них на кухне творится, о чем они там говорят?

Раздается звонок, Левшин перестает жевать. Звонят еще и еще – Левшин недвижим. Затем раздается звонок у соседей – открывает Жена Писателя, вступает в переговоры.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Это ко мне. Дети принесли мне пустые ящики, подобранные на свалке, банки со старой краской, выброшенной магазином. Я встретил их с неделю назад, стоял с ними более часу во дворе перед окнами. Кажется, я обещал, как только закончу портрет Матери, так возьмусь и за них, за вас, мои маленькие Гавроши. Другая соседка, по ту сторону коридора, за лифтом, тут же сделала вывод: он имеет дело с мальчиками, живет с ними, педофилик, развратник. И к ней туда на кухню с моей кухни ползут тараканы.

Прислушиваясь, Левшин подходит к двери.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Кажись, ушли, наконец. Так, приоткроем дверь. И пусть тараканы, мыши идут отсюда в «предбанник». А в полу «предбанника» – щели, прямо в кладовку к соседям... Слышал, как та соседка разговаривала с этой, что надо написать на меня, куда следует, и пусть отправят меня, куда следует. А эта соседка, правда, не соглашалась. Но держит сторону сестрицы моей, когда та приходит ко мне, и я ей не открываю. И тогда сестра оставляет ей для меня продукты, оплаченные счета – за квартиру, газ, электричество... И соседка – Жена Писателя – говорит словами сестрицы. Сначала говорила, мол, пусти к себе жить племянницу – дочь сестры, она же порядочный человек, врач, с ребенком, мать-одиночка. Теперь говорит: ну хоть пропиши. А то ведь, случись что с тобой, – квартира бездарно отойдет ЖКО, сантехникам этим, пьяноте этой, достанется. А то, мол, ты все долдонизишь каждому, развешиваешь объявления об «обмене по договоренности», а тебя или облапошат, или хлопнут где-нибудь...

О Господи! опять эта серая пыль – на руках, на стенах, висит в воздухе. Только что было утро, а уже сумерки. Еще не вечер, а опять сумерки, сумерки. Это я забыл снять с окна одеяло. Но как только я снимаю одеяло, в комнате появляется Он... кто Он? ... Катилина... Вот и сейчас ... вот-вот... Он появляется почти каждый день, каждую ночь, по два, даже по три раза в сутки – особенно к концу месяца, когда кончаются деньги и я жду с нетерпением пенсию... Так снять одеялку или не снять?...

Левшин замирает в нерешительности, бормочет что-то себе под нос.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*отрывисто*). Да, я собака на сене... Да, я сижу на золоте... Да, я могу сдавать комнату, прописать племянницу, но меня тут же отправят в психушку...

Решительно сдергивает одеяло, отступает на шаг, смотрит со страхом в темный угол за шкафом.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*делая шаг назад, плюхается в постель, поднимает руки перед собой*). А вот и ты, мой Призрак, мой Катилина! Сенатор! Откуда ты взялся, прошел через стену? В белом весь, в сандалях, с алой лентой через плечо. Вот уже в какой раз ты говоришь одно и то же, одно и то же в римском сенате: «Карфаген должен быть разрушен!» И это все обо мне! Как будто оттого, что Карфаген будет уничтожен и по тому месту, где был цветущий город, будет проведена борозда, как будто от этого всем станет легче. Лишний народ, лишний город, лишний человек!..

Все путается во мне, предо мной – уходи, Катилина! Мне страшно, ужас берет меня всякий раз, когда я ощущаю рядом с собой твое исторически мертвое тело. Глаза твои закрыты, и я боюсь, что ты вдруг распахнешь их, и меня опалит знойным дыханием Африки. Там Сахара съела уже зеленые мили – плодородия, жизни и счастья, надвигается и сюда... Катилина, уйди! Почему ты так ненавидишь меня, сенатор? Что дурного сделал я тебе, чем тебя обесчестил? Ах да, скорее всего, как в боксе, я твой спарринг-партнер? Ты проверяешь себя на мне в этом мире – мире перепутанных ценностей. Посмотри же, как хил я и слаб, ну какой я партнер тебе, облаченному в римскую тогу? И если ты не можешь мне сделать добро, так и хоть зла не делай... Посмотри на меня – что съел я на завтрак, какую малость, а ты съел быка. И за тобой империя, государственная машина, целый римский сенат, а за мной лишь тени мои... Что ты говоришь? «Ах, это еще хорошо, что являюсь тебе из угла, как видение? А если явлюсь в двери, как все, что станет с тобой?»

Левшин делает отчаянные усилия, хочет совершить движение навстречу Призраку, ушедшему в угол и глядящему теперь из угла.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*щупая пальцами ткань*). Ах, это твой белый халат на гвоздике? Это ты, Катилина?! (*При-*

ставляя кружку к стене.) И это голос там, за стеной, - голос Писателя, он что-то читает вслух? Пишет, наверно, роман о тебе, Катилина, о падении Римской империи – историческое полотно. И терзает душу мою. Он – Писатель, его все читают, он стал таковым, пройдя сквозь тени отца из 37-го, через всю свою жизнь. А я ведь тоже мечтал стать Художником. Но когда учился в художественном, топил котельную. Когда однокашники писали картины, просто работал в школе. Се ля ви... И вот этот халат в углу, из которого всегда выходит ко мне Катилина. Почему он белый – он давно уже серый? Серая, серая пыль... тут у меня так тесно Катилине...

Левшин снимает с гвоздя халат. Поискав глазами, куда бы его определить, не найдя ему места, в забывчивости снова вешает на тот же гвоздик.

Картина третья

Сбросив одним махом все со стола, Левшин, подперев кулаком подбородок, сидит почти в позе роденовского «Мыслителя».

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Всем говорю, что я Художник, мои однокашники давно члены Союза, имеют персональные выставки, даже лауреаты, а что мной написано до сих пор? Дарил натюрморты коллегам по школе – не брали, мазня. Делал магазинам рекламу – платили фиговию. Теперь то же самое делают те, из Союза художников, за куда более крупные суммы. Мое высшее достижение – это рисованные клише в газетах, раз в полгода. А хожу ведь каждую неделю, они еще и спрашивают меня: «Ну и как там Писатель, все пишет?» – «Да пишет все, – говорю, – теперь вот за Римскую империю взялся, за «Катилину»». – И все до подробности надо им – кто куда и зачем? И в военкомате, куда хожу, то же самое. И в благочинных обществах. Зато хоть талоны дают на обед. И пальто в прошлом месяце выдали – с плеча американского миллиардера, господина из Сан-Франциско...

Что-то страшно, ужасно – нет, даже не от серой пыли, не от серых мышей, не от Катилины даже, а от звонка, которого жду в дверь каждый день. Так и звенит в ушах. А как же тогда «черные вороны» в 37-м – по ночам, бывало?.. Пора браться за что-то серьезное, крупное, чтобы потрясло мир, сделало тебя человеком. У каждого в жизни должен быть свой Шедевр: у архитектора – свой дом, своя крепость, у мэра – свой город, у садовника – свой сад, своя вишня или яблоня. У художника – это Картина! Я тоже рисую, создаю свою донну Монну, Дульсинею Тобосскую, просто Мать. Беру из пыли, из воздуха прямо перед собой, из памяти, просто из ничего и делаю снова живой, чтобы снова было с кем жить, разговаривать. Вот она – за этим белым халатом в углу у стенки. Узкое полотно, в рост человеческий. Как фотопортрет Горбачева у Курского вокзала, с которым, помнится, работал какой-то прыткий фотограф и который врзался в меня, когда я был лет восемь назад тому в Москве. Фотограф брал «Горбачева» и переставлял, куда хотел, – хоть в Форос, хоть в Америку, а хоть вообще никуда... Теперь ни в Москву не съездишь, ни на Горбачева не поглядишь – всюду «мэк моней», делают деньги, а денег все нет, не хватает. Просто денег столько же, да купить теперь есть чего, вот и вынь да положи каждому эту денежную массу, а раньше ее пихали в чулок, и были довольны.

Что-то опять есть охота. А, кажись, недавно позавтракал. Надо попить еще чайку, но только горяченького, погреть на газе... Стой, опять звонок в дверь?! Не из общества милосердия, не почтальонка с пенсией, а больше мне никто и не нужен... Где-то должен быть сахарок, куда я его заховал? А может, сахар в этой бутылке, как у Плюшкина, – вина на доннышке, с мухами, чем, кажись, и угощал он Чичикова... Вот до чего докатился – ни вина с мухами, ни самой бутылки, а сахар-то мышки, наверное, съели... вместе с мухами.. А потом мышки ночью съедят и меня, «лишнего» человека. Сначала объедят уши, потом нос...

Левшин выходит и возвращается с кружкой кипятка.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*глядя в угол, где висит белый халат*). Ты бы, Катилина, сахарку бы лучше подбросила мне, чем так вот бездарно являться с пустыми руками. Это ты, Катилина, сахар куда-то задевал, и чай – заварку, и хлеб бородинский, – уже кончается, осталось менее полубуханки. Это все ты, Катилина – у, прорва, римский сенат, Древнеримская империя! На тебя, брат, не наготовишься... Где-то читал, один такой рот за жизнь схрупает товарняк. А если шахтеры займут Транссибирскую магистраль – и нету тебе товарняка... Все дрожит, все выходит из строя, устареваает физически и морально. Вон в Нижегородской губернии огромный цех ушел под землю за двадцать минут, в преисподнюю, оползень... А небо гудит над головой, так это летают отсюда в Москву всего двое на персональных – губернатор на свои слеты, а также, пока что живой, «господин Сан-Франциско», инвестор наш, курирующий в городе коку-колу... Так и живем – и снизу, и сверху, и по бокам... А звоночек в дверь того и гляди, я жду... Сестрица продукты принесла, как волк в образе лисы – петуху...

Так, отогрелись чайком, можно и за трудовые подвиги браться. Трудовые будни – праздники для нас...

Левшин снимает белый халат, извлекает из угла высокое узкое полотно в раме, в рост человеческий. Это Пиковая Дама, недорисованный портрет Старой Женщины – седой, со строгим, скорбным выражением лица, в черных прорезях по щекам. Это Матерь.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*вглядываясь в портрет Матери*). Ну вот и опять расхлюпалась – слезы обильные, опять плачешь. Да нечего, нечего за меня переживать, все сейчас так живут... Вот возьми (*подставляя кружку*) чайком тоже побалуйся. А где же сахар все-таки? Да-да, оставалось немного, сам съел, тебе, как всегда, ничего не оставил... Ах, с голоду я тебя уморил, кормил одними таблетками? Таблетками пичкал, чтобы поддержать в тебе жизнь, а есть – много ли надо старому человеку? Вишь, портрет пишу с тебя – жизнь даю на века, хочу тебя увековечить.

Что в нашем деле главное, мать?
«Важней всего – погода в доме,
(*слышится голос Ларисы Долиной через стенку*)
А все другое – суета.
Есть я и ты, а все, что кроме,
Легко уладить с помощью зонта.»

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*кивая на стенку*). Вот она говорит
«с помощью зонта»? А я говорю с помощью кисти.

Приступая к работе, делая первые пробные движения кистью.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Так что самое главное в нашем деле, мать? Главное в нашем деле – это импровизация, концепция! Без нее никуда – ни страна, ни сатана... Да, действительно, ты права: концепций битья, а я вообще не слышу ничего – Катилина является ко мне неслышимо, невидимо, через стенку. Кончается не только век, но и тысячелетье, мать. В двадцать первом веке эстетика будет еще удивительнее...

И опять эта пыль! Эта серая, серая, черная пыль. Она висит в воздухе, ложится на плечи, на пальцы, на кисть, въедается, мать, в твой портрет... Ах, ты не видишь никакой пыли? Так ты и не можешь видеть ее – Чернобыль случился уже после того, как ты умерла... Ну да, или ты была еще жива, но не придала этому значения, да? И сумерки, сумерки, а ведь еще только полдень. И голос Катилины все явственней, резче, когда звучит в римском сенате: «Карфаген должен быть разрушен!» А Карфаген, мать, для него – это я!

Картина четвертая

Левшин, работая над портретом, прислушивается, однако, к звонку.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Мать! А что это у меня в ушах – цикады какие-то? Или птичка – не знаю, как называется... Как-то

в мае был у другой сестры в деревне, где она работает учительницей, и вот, слышу, соловей поет. Ну, ясное дело – виртуоз. И тут взялась состязаться с ним эта самая птичка – сверлит, как цикада. И чтобы выразить себя, свой талант, обойти соловья, как взялась сверлить – досчитал до пятидесяти, а в другой раз до ста. Вонзилась в мозги, крыша чуть ли не поехала... Вот и сейчас, как только начинается эта цикада, Катилина встает в неясных своих очертаниях, и эта птичка черной точкой висит в ясном нимбе над Иисусом...

В общем, концепция такова: в мире всегда что-то чему-то должно противостоять, натягивать струны, иначе цветок завянет. Народам нехристианского вероисповедания – это евреи, а среди христиан – Игнатий Лойола, среди цветов – татарник, для меня – Катилина... Мать, тому с неделю ты плакала, и я зачертил тебе слезы. Раздвинул в стороны губы, смягчил взгляд – ты теперь вроде бы улыбаешься, а все равно слезы вот-вот брызнут снова из глаз... У отца была другая фамилия – своя, настоящая, эту же дали ему там, где он состоял. А ты носила свою фамилию – девичью и все добивалась, чтобы я носил твою. Но я настоял на своем! и вот я Левшин, да, Левшин! И не Володя, а Адольф! и не Владимир Владимирович, а Адольф Генрихович, почти как Жириновский... я всегда хотел быть самим собой в этом мире перепутанных ценностей. На что иное – не знаю, но хоть на собственную фамилию имею я право, мать?

В детстве ровесники били меня за то, что я Адолик, Адольф. «Гитлер, Гитлер!» – кричали они – дети погибших на фронте отцов. Однажды они набили в рот мне земли, так что меня откачали уже синего, едва живого. И так всю мою жизнь... Плачу за то, что мы когда-то перед войной дружили с Германией, а отец мой был фанатиком, ревнивым хранителем власти... И Карфаген должен быть разрушен, а по месту, где был в пустыне когда-то прекрасный город, должны провести плугом... Когда я слушаю Вадима Козина, я думаю о

двух культурах, о двух мирах в одной стране – любой, какой бы страна ни была, об этой и той, в каждой из них свои, особые песни. Когда я смотрю на Христа, я думаю о человеке, о двух философиях, двух концепциях – света и тьмы, из глубины сознания и подсознания, от белой и черной магии в белом и черном халатах. На них держится весь дух человеческий. В конце прошлого века в погоне за Разумом «джина» выпустили из сосуда. Во мне, знаю, черно-белые цвета этих двух халатов смешиваются, переплетаются, переходят легко и свободно из одного полушария в другое, придают мучений, сокращая цветную жизнь...

Я знаю, прежде таких, как я, сжигали как чумных, на кострах святой инквизиции.

И я начинаю видеть то, чего не видят другие, и мне становится страшно, просто ужас охватывает меня, словно пана Твардовского. Но я не хочу из этого мира туда, цепляюсь за этот мир. А все скользит, ускользает. Левшин – моя фамилия, да? От слова «левша»? Но так называли одного из героев Лескова, подковавшего английскую блоху. И вспомните, плохо кончил этот лесковский герой, золотые руки, - в беспробудном пьянстве, где-то под забором... Слышишь, мать меня, слышишь? Ах, слышишь, но не можешь ответить мне? Сейчас мы маленько рот тебе приоткроем, так, пошире-пошире, чтобы ты могла говорить... и еще Левшин, говорят, это что-то от иудейства...

Делает несколько коротких движений кистью по портрету.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Вот так будет лучше... У меня, мать, имеется сильное подозрение насчет тульского Левши, подковавшего английскую-то блоху. На мой взгляд, Лесков имел ввиду Льва Толстого... Ты что говоришь, я сумасшедший? Ну да, я сумасшедший, у меня свободно все переходит из одного полушария в другое, а все остальные, кто в здравом уме, у них все на месте. Но в том-то и дело, что Толстой был не только

Лев, но еще и Лев-ша. С детства лучше двигал левой рукой. При рождении сына мать, скорее всего, прижала его к себе, но не к сердцу, а к правой груди своей его левой ручонкой. Вот в нем все и перепуталось, все в полушариях стало наоборот... Сам-то – Лев, а английского льва недолюбливал – Шекспира. За блоху считал Англию, прыгающую по континентам. А может, с того недолюбливал, что вообще поэзию ни в грош ценил. Сказал однажды, как отрубил: «Стихи писать – это все равно, что пахать и за сохой танцевать, это прямо-таки неуважение к слову». Сам-то Лев Толстой, что в поэзии? Да написал всего одну «Солдатскую песню». Из поэтов признавал только Фета. За то, что тот сумел словами передать невыразимое – состояние перехода от жизни к смерти...

Так вот, мать (слышишь меня?), у меня есть такое подзрение, что человечество давно знало про все это – белое, черное, однако искусно, даже искусственно держалось за белое. Всеми фибрами, даже с помощью инквизиции. Но у больших-то писателей что-то ведь прорывалось, например, у Нострадамуса-предсказателя. А когда «джина» в конце девятнадцатого века все же выпустили из бутылки, тут-то все и началось, бедлам этот. А что в двадцать первом будет, какая еще такая эстетика? Я думаю, если сейчас черное выныривает из глубины, то в грядущем-то черного будет гораздо больше. А может, люди и вовсе цвета всему поменяют? Опять у тебя слеза показалась. Страшно тебе, не то говорю, не туда? Ну хорошо, хорошо, я молчу... Сейчас закрасим тебе слезинку, сделаем потемнее – родинку, просто родинку. Как у всех...

Ах, вот ты про что! Про Репина?.. Да, он писал тоже левой рукой. Но когда? Уже при конце своем, на закате, когда от трудов великих, особо после «Государственного совета», правая у него вовсе отсохла. Тогда он и взял кисть левой... Ничего, говоришь, с этого не получилось? А чего б ты хотела – всю жизнь есть черный хлеб и вдруг пересесть на белый? Да и ученики Репину потом помогали, и их почерк чувствуется... Но

какую же родинку, я тебе посадил – чернишную, вместо белой слезы. Одна она на всем лице и торчит... Ну-ка, ну-ка...

Отходит от портрета, насколько возможно. Смотрит на портрет Матери так и этак, справа и слева.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Ужас какой! Прямо черная дыра, Марракотова бездна. Все лицо втянуло туда, ничего не осталось. И еще эта серая, серая, черная пыль... Устал я, что ли? Прежде меня хватало на большее. Вот уж и настоящий вечер, настоящие сумерки. Предстоит страшная, страшная, просто ужасная ночь.

Картина пятая

Левшин ходит нервно по комнате. Острые углы от всяческих ящиков, обрезков досок, кусков фанеры и шифера цепляются за одежду, рвут ее в клочья. Левшин не обращает на это внимания.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*бормоча под нос себе*). Сейчас мы построим себе защиту, укроемся от Катилины (*ставя над постелью полуобручи – один, второй, пятый*). Так-то он до меня не доберется, так-то будет спокойнее. (*Накрывая полуобручи одеялом, подлезая под крышу, лишь голова торчит из-под созданного им строения.*) Догадался хоть заказать эти «железные ребра». Вон и голос Писателя за стеной. Читает что-то, кажись, свои переводы с французского. Стихи Малларме. Про Бодлера. Вот и я шевелю вслед губами, повторяю за ним.

«Разверзнута гробница. И всюду злые толки.

Кому не лень, в поэта швыряют снова грязь.

Плюются, брызжут пеной, скалятся, как волки.

Как будто бог Анубис ощерил свою пасть.»

Я сплю уже, все это мне снится?

«Под бременем житейским

Душа изнемогала.

Через невзгоды века переступал поэт.
И на костре библейском
Всего его сжигало
От дерзновений мыслей, конца которым нет.»
Это прямо-таки про меня. Про меня, как будто сегодня,
сейчас.

«И в городе усопших, где длится, длится день,

Листва увядшая, лишь ты благословенна.

На мраморе могильном строка жива, священна.

Встает из-за ограды величественно тень.»

Опять эти тени вокруг меня. И тут они, тут, как у Бодлера.

«И эта тень дурманит. И яды на устах.

И мертвых воскрешает открытый саркофаг.»

Ах, это у меня саркофаг так называется, – «мое жилище»?
И я в саркофаге? Я что – уже не живой? Или все это только во сне? Ах, все это переходит во мне из одной половины в другую, из этого полушария в то? И я уже ясновидящий, яснослышающий? Для меня не существует ни этой стены к соседу, ни стены наружу, ни расстояний. Все истончилось, натянуто, дрожит, как струна. Тут где-то над речкой проносятся ласточки, как они щелкают клювами, ловя налету мошкару. А дальше, в районе вокзала, постукивают колесные пары, идут поезда. И где-то в стороне, но над городом, шумит турбинами – летит в Москву «господин из Сан-Франциско» за новой партией кока-колы, хотя и так уже весь город залит ее красно-белой краской. А русского кваса нет.

И этот – Писатель – я знаю, почему он тут, а не там, не в том городе, где он родился, и откуда увезли его полтора лет, после 37-го. Кому-то понадобилась их квартира, в самом центре, и кто-то написал донос на его отца. И в той квартире поселили такого же, каким тогда был мой отец, сначала дали отцу-ударнику квартиру, потом – забрали ее для себя вместе с жизнью. А время идет, и все ходит кругами. И у меня заберут квартиру, и тоже, возможно, заберут ее вместе с жизнью. Вот зачем прихо-

дит ко мне из органов Катилина, твердит сказанное когда-то в римском сенате: «Карфаген должен быть разрушен, разрушен!» И Карфаген – это я ... И мой саркофаг пока меня защищает... И это уже не явь, это отход ко сну, в промежуточное состояние. И я вздрагиваю, покидая с ужасом мир, в котором живу...

Вот я смотрю на портрет своей Матери, и что же я вижу? Смотрите, как глубже прорезаются впадины по щекам, искривляются губы в сатанинской улыбке, диковатее становится взгляд. И Мать моя уже не Мать, а какая-то Пиковая Дама из Пушкина. Но и она изменяется, дрожит лицом, переходит в иное состояние, ее лицо становится похожим на мужское – видите? – Катилина, но почему-то в белом стоит он опять передо мной. Ах, белый цвет скорби у восточных народов.

Но нет, это не Катилина, это мой отец в образе Катилины. Слышите? Я спрашиваю у него: – Это правда, что Карфаген должен быть разрушен? – И он отвечает мне: – Да, это правда. – Я спрашиваю у него: – Это правда, что ты в том городе отнял квартиру у Писателя вместе с жизнью его отца? – И он отвечает: – Да, это правда. Но отнимал не я, а такие, как я, – из органов. – Я спрашиваю у него, наконец: – А это правда, что вместе с тобой и в тебе самом ко мне является Катилина, чтобы взять меня к себе вместе с моей квартирой? – Не знаю, не знаю, ха-ха-ха, – расхохотавшись, отвечает мне не то отец с Катилиной, не то голубь – сизарь, свивший гнездо на балконе...

Левшин приподнимает голову над своим «саркофагом», озираясь вокруг себя.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Ну да, это голубь на балконе – божья птица. Значит, не такой уж я грешник. Ну почему, почему является ко мне по ночам Катилина? Выходит, я спал? И это был сон? И мой отец с Катилиной не забирал, выходит, квартиру у Писателя вместе с жизнью его отца? Сон, слава Богу, не в руку. Однако надо развеяться, встать и попить чайку, чтобы сны такие не возвращались. Нечего бродить им, пе-

реходить из одного полушария в другое, пусть остаются там, где и были.

Левшин выныривает из-под «саркофага», выходит из комнаты. Возвращается с алюминиевой кружкой, наполненной кипятком.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Газ, слава богу, не отключили. Перемрут скоро такие, как я ... пенсионеры... некому будети в Москве ходить по магазинам... Куда-то, однако, делся мой сахарок? Может, в банке он? Тут мышка. Ага, попалась, родимая. Сейчас мы тебя освободим – «Свободу Манолису Глезосу!» Приоткроем дверь в «предбанничек» – иди, иди к Писателю, через щелку в кладовке, там скорее найдешь, чем поджиться... А чайку попьем голого – без заварки...

Уже середина месяца – критическое положение. Деньги уже и забыл, когда были. Ноги едва таскаю, почти не вылезая из-под «саркофага». Все ужи какие-то извиваются перед глазами и тени, тени. Катилина все страшнее является, в страшном облике, скоро явится с топором. Ну не с топором, а как его... ну что держат на плече охраняющие сенат... Надо завтра десяточку занять у Жены Писателя, иначе труба...

Так, попили чайку, хоть и голенького, без ничего, а кипятком душу-то отпустило. И в «люлю»...

Левшин ныряет обратно в свой «саркофаг» – под крышу из одеяла на «ребрах» – металлических обручах.

Картина шестая

Голова Левшина торчит из «саркофага», освещаемая не то бледным светом луны, не то светом с электрического столба. В комнате сумеречно, мрачно-таинственно.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Надо бы настольную лампу включить, да лампочка перегорела. Однако для того и ночь, чтобы спать, не се па (не так ли)? – так, так, пан (так говорят, на За-

падной Украине, с польским акцентом, где живет сестра моей Матери)... И опять эта явь не явь, сон не сон – зыбкое, промежуточное состояние... Сейчас явится опять-таки этот мучитель мой Катилина. Мать, а мать! (*Говорит Левшин в угол, где висит белый халат, а за халатом – портрет Матери.*) Ты его придержи, Катилину-то, не пускай сюда, дай маленько сосну хоть, передохну.

Подкладывает под голову руки, смотрит в пространство прямо перед собой.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*ныряя в постель, под ребра железные, под саркофаг*). Едва смежаю веки, как он уже тут, – Катилина этот! Рвется сюда ко мне, хоть мать его и не пускает. Мало того, что прошел сквозь стену, он еще хочет пройти сквозь меня. Но подобному через подобное пройти невозможно. И тогда (смотрите что!) Катилина этот вновь меняет свои очертания и меняет слова. И теперь он уже не твердит: «Карфаген должен быть разрушен!» А, переходя черту чертами отдельными, соединяется в облик Соседки по ту сторону коридора, за лифтом, в лицо той Соседки, у которой кухня примыкает к моей кухне. И она уже, эта Соседка, говорит кому-то там, а мне тут слышно, елеиным таким голоском: «То ты жил со своей старой матерью, то живешь теперь с мальчиками, всех со двора привечает, развратитель этакий. Конечно, мужчина ведь, должен же с кем-нибудь жить». И тогда уже Мать моя не выдерживает – (видите?) сходит с Портрета и говорит Катилине (слышите?): – «Да угомони ты ее, угомони! Как мужчина. А то страдает ведь, мужик он нее ушел, а другие мужики на бабу такую не зарятся». – «Нет, Мать, – говорю, – ты не совсем права. Соседка эта за устои Системы держится, как за бычьи яйца. На выборах агитировала за сына бывшего владельца завода Хрущева, даже хека холодного копчения за это мне приносила. Я тогда не понял смысла этого «хека», но одно мне понравилось: клеймила Катилину. А теперь орет на

весь двор, что меня с моим Катилиной надо в психушку. – Я доверчивый, да, мать? Да, мать, я слишком доверчивый».

Левшин ворочается, переворачивается с боку на бок. Поправляет одеяло на обручах, ныряет обратно внутрь – в свой «саркофаг». Через минуту голова опять возникает снаружи.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Ф-фу, просто нечем дышать, задыхаюсь! Надо спать, надо спать. Завтра много работы, много работы завтра. И силы нужны, держать Катилину, выдавливая из себя Карфаген.

Пребывает в неподвижности. Тишина.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*к залу*). Ничего не слышите, нет? Вроде что-то пищит под полом. Мышки, наверное, в норках. Как повадились на зиму сюда, в дома, а на лето – в поле. Надо доски в полу приподнять... А может, это земля шевелится от мелких землетрясений и дом дает усадку? Никто не слышит, а я вот слышу. Даже как в зале кресла скрипят, даже как кости перетираются в человеческом организме, особо у худых, как у этой Соседки... Опять она появляется, но уже не в облике Катилины – сама. И Мать уснула, некому встать за меня, защитить...

В какой-то прострации, в сомнамбулическом трансе Левшин поднимает руки навстречу Соседке.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Не подходи ко мне, не подходи! отойди же! Умоляю, прошу! У меня уже нет сил быть с тобой, чувствовать тебя рядом. Твое худое, гибкое, женское тело. Которое дурманит меня то запахами левкоя, то серебристого ландыша. Не хватай же за руку меня, не тащи – я знаю, куда! – ты такая развратная.

«В синем платье муаровом,
В синем платье муаровом,
Ты такая эстетная,
В ландолетте резиновом.»

Это кто – Бальмонт или Игорь Северянин? Нет, этой мой сосед Писатель, он читает еще и их, этих поэтов, и звуки проходят ко мне через стенку. Ты такая эстетная, наваливаешься на меня, хватаешь за горло, душишь меня! Закрываешь дыхание! синим платьем муаровым, синим платьем муаровым... зачем я тебе – жалкий такой и бессильный? Давеча я познакомил тебя с настоящим мужчиной – самим сенатором, с Катилиной, который внешне тихий, до ехидности скромный, гремит, однако, в римском сенате на весь мир всего одной фразой, которая вошла в историю: «Карфаген должен быть разрушен!» А Карфаген – это я, зачем же сегодня ты выполняешь ту его, давнишнюю волю? Зачем серой чернобыльской пылью садишься на меня и уже черным въедаешься в самое сердце мое, испепеляя всего? Я не могу составить счастья тебе, о женщина, у меня нет денег, их отняли у нас, как и отнимают все, постепенно, даже жизнь...

Левшин вздрагивает, как бы просыпаясь. Садится на постель, как на пьедестал. Сидит на римском своем пьедестале статуей Катилины, одним махом смахнув с него «железные ребра» на пол, весь этот свой саркастический, охранительный «саркофаг».

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН *(набирая голосу)*. У меня нет денег, да? *(К залу.)* А у вас? *(И далее в зал.)* Все делится теперь на простое и сложное – не на добрых и злых, не на честных и проходимцев, не на мирных и во истину жестокосердных, а на тех, у кого есть деньги и у кого их нет.

Она приходила за мной в эту ночь – моя Смерть! И я нашел главное средство защиты – нет денег, мы с ней в разных весовых категориях. Она еще где-то там, но тянется сюда, в этот мир, а я еще тут, но уже ухожу туда... так утро еще или все еще вечер? И на окне, а не на «саркофаге» моем – одеяло, заслонившее свет... Но слышите все? Как воркуют голуби на балконе, ласточки ловят струю, свою мошкарку над рекой. Стучат вдалеке поезда, и где-то высоко над нами летит на Москву «господин из Сан-Франциско». И жизнь, как во сне, продолжается тут, как и где-то в Америке – благополучной стране.

Картина седьмая

Левшин стоит в раздумье перед портретом Матери.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Ужасная ночь, просто ужасная ночь позади. Ловлю себя на подозрении, что начинаю ждать почтальонку, хотя до пенсии еще далеко. Но, как говорится, под лежащий камень вода не течет. Будем принимать меры, чтобы с голоду не утянуло в иные миры.

Находит уголок на большом столе посреди комнаты. Кладет стопку бумаги, ищет ручку. Разворачивает кипу писем, завернутых в газетку.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Это моя корреспонденция. Входящие и исходящие, копии и оригиналы. Так, а это бумаги с моими рисунками – печатная продукция-репродукция. И все это – вопли души, слезницы мои. В райсобес, в облсобес, в Белый Дом – во все комитеты, в общества милосердия, в школы, где я когда-то работал, в роно и, как теперь называется, в облуну. Во все «облуненное», «лунное», и даже в Москву, в министерства. В общем, деньги в стране вроде бы есть и вроде бы нет. Для одних – масло с шишом, для других – шиш с маслом. Бюрократическому аппарату Черномырдин назначил «лунные» зарплаты, «лимонные» пенсии. Веские основания: имея приличный доход, чиновники не будут брать взятки.

Люди, это же наши чиновники! А наши брать будут! В России искони, родовые пятна – местничество еще с времен Алексея Михалыча. Когда, создавая аппарат, предписывали кормиться на «местах», за счет народа. Кто же такое вековое порушит? Въелось, как ржа, не способны стереть никакие тебе войны, революции и эволюции, абстракции и абструкции, конституции и контрибуции... Итак, для начала пишем в самое близкое, родное учреждение – в райсобес, ныне райотдел социальной опеки населения (СОН в сокращении, ничего в себе не имеющий), блеф для отвода глаз. Как бы это выра-

зиться – получше, чтобы раскрыть картину своего жалкого существования.

«Дорогие... какие они дорогие... уважаемые... какие они уважаемые... товарищи... какие они товарищи... гусь свинье не товарищ... господа, это ближе к истине, но тоже нехорошо»...

«Граждане чиновники» («народные мстители», – это не пишем, оставляем в уме).

«Обращается к вам бывший учитель, ныне пенсионер, а вообще-то Художник, впавший в отчаянное положение из-за курса проводимых реформ. По причине смерти моей Матери, я теперь, проживая один, влачу все вериги подлого своего одиночества. Я богат, но духовно, как Художник с большой буквы, ибо на малое не согласен. Человек звучит гордо! И вы это хорошо знаете, ибо я говорил вам лично все это при встречах, неоднократно писал, даже показывал свои рисунки в обл. газете. И вы мне оказывали помощь, спасибо. Но рот – такая неблагодарная тварь, его не ублажишь, до конца ублажить его может лишь Смерть.

И вот по причине отсутствия денег ко мне из Древнего Рима стал приходить Катилина. Ну все его знают, кто с образованием, даже с начальным по истории, а не только с высшим художественным, как я, например. Или с литературным, как например, мой сосед через стенку – Писатель. Большой, скажу вам, оригинал – отстаивает не только свои, но и чужие интересы, слава Богу, не американские... воспевают народ, когда по нему надо плакать... Так вот, я работаю над большим художественным полотном, которое в будущем может вполне состояться шедевром. Это как «Боярыня Морозова» Репина, «Княжна Тараканова» – не помню какого автора, а также «Иван Грозный убивает своего ... заметим, своего, а не чьего-нибудь ... сына», и также еще «Мона Лиза», которая, как мне кажется (у меня такое видение), чем-то смахивает на Лизавету Матвевну – «Лизаньку», которая работала у нас когда-то в райисполкоме, когда я был еще в школе учителем... Про

шедевр нельзя говорить словами, его надо видеть слезами. А слезы увидеть можно, лишь когда закончу над ним работу, но закончить его не могу, ибо скоро не буду вставать с постели от хронического недоедания, чтобы дотащить до мольберта, то есть рисуемого мной произведения...»

Левшин встает, начинает бродить по комнате между острых углов, бормоча под нос проклятья себе и людям, что-то вроде: «Дока- тился... стыдно... да, но совесть уже не при чем...»

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*резко, останавливаясь*). Короче, так!.. «В общем, прошу выделить мне какую-то сумму или вы- дать, как в тот раз, талоны на обеды в благотворительной сто- ловой. К сему... к сему... ну кто я – «к сему»?... К сему – Адольф Генрихович (почти Жириновский) Левшин, ваш пенсионер без орденов и медалей, но с художественным значением».

Запечатывает конверт и кладет его в стопку отдельно. Прини- мается за следующее письмо.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*пошатнувшись*). Что-то тошнит, голова кружится. Это все от Катилины. Или, может быть, от Соседки в серебристых ландышах и с длинным, змеиным, с закорючкой на кончике, языком... Это письмо надо бы поко- роче. И куда? Адресат. А в школу, где с молодости когда-то работал – в пригородном райцентре....

«Дорогие коллеги, учителя! («Народные просветители, детей мучители», но это кладем на ум и там оставляем).

Я знаю, и вам несладко. Но все же решил напомнить о себе. Помните, работал у вас учителем по труду и рисованию учитель такой, чеканутый немного? Это я, наконец, отыскал- ся. Так вот, после вашей школы, я пошел по художествен- ной стезе. И уже где-то на подступах, к несчастью, меня сра- зил финансовый кризис. Однако, наперекор всему, я творю величественное полотно – шедевр, можно сказать, Картину. Это Мать моя во весь рост! Она у меня имеет такое свойство –

менять лики. То вроде как она сама, но в скульптуре отчего-то грузина этого Церетели, то вроде «Боярыни» из Древней Руси истинно русского художника Ильи Глазунова. И эти изменения ее амплитуды, такой разброс национальности происходит от моей жизненной, финансовой неустойчивостей... Прошу повысить мне тарификационный разряд и разницу за все прошлые годы выслать по адресу. Левшин Адольф Генрихович – ваш бывший коллега, ныне Художник – портретист реалистического направления, а не какого-нибудь шик-модерна из фонда Карнеги, куда я из патриотических соображений еще не обращался и, надеюсь, не обращусь».

Левшин заклеивает конверт и довольный собой кладет письмо сверх первого. Замирает, снова глядит в одну точку, в угол, своим стекленеющим взглядом. В воздухе висит тихий, какой-то замедленный погребальный звон с голосом Ларисы Долиной:

«Важней всего – погода в доме,

А все другое – суета.»

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*вздрагивая*). Это через стенку, опять у Писателя. (*Напевая все громче, веселее, бесшабашнее, аж приплясывая.*)

Всюду деньги, деньги, деньги,

Всюду деньги без конца.

А без денег жизнь плохая,

Не годится никуда.

А это, еще одно письмо – куда подалее – в Кремль, в пространство небесное, в министерство собесное. Вот, всего в три строки: «Дорогие министры! О себе вы не забываете, вспомните и обо мне – бывшем учителе, ныне пенсионере. Прошу пересчитать мне пенсию по 82 статье «Закона о пенсиях», по которой я бы значился у вас как Художник, создающий шедевры. А то создаю шедевры, а пенсию получаю могильную. Но художника надо ценить при жизни. К сему Адольф Левшин, имейте ввиду, а не какой-то другой Адольф, вредный для всего прогрессивного человечества».

Чувствуя в себе опять тошноту, Левшин резко встает.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. А пойду-ка я к Соседке – Жене Писателя да займу-ка десяточку. Пора. Как говорили по неопытности еще декабристы в начале эры, «теперь или никогда».

Картина восьмая

Левшин, радостно потирая руки, переходит в другую комнату.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Много ли человеку надо? Всего-то червонец, горячая десятка! Занял у Соседки – Жены Писателя, – и доволен. Зашел в магазинчик – поставили, негодяи, у самого подъезда, нос в нос, для раздражения... Купил вот хлеба буханочку, песочку сахарного да чаю индийского пачечку – вот тебе десяточка и, тю-тю, улетела. Деньги, что воробьи, – с крылышками. Сейчас устроим себе пикничок. Вскипятим чайник, заварим чаек. Как это в Сибири-то говорят: чай не пил – какая сила, чай попил – совсем ослаб.

Выходит и возвращается с горячим чайником, наливает в кружку себе, пьет с удовольствием, прикусывая хлеб и подсыпая в ложку по чуточку сахару.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Вытекло половину – худой чайник то, а то, может, выкипело?.. Вот послал, куда надо, депеши – теперь жди от жизни еще большего результата. А завтра схожу в военкомат, все же отец был подполковник. В прошлый раз военкоматские больше всего помогли. Фонд у них такой есть – для семей погибших военнослужащих. Пусть и помогают, раз отец когда-то был подполковником.

И все же страх необъяснимый во мне. Сейчас, при дневном-то свете, осознаю, что нет никакого Катилины, это все грезы. История ведь, как северное сияние. Когда льды кругом, сплошные снега, слепит так, что в глазах чернота. Даже солнце кажется черным. Тогда капитан отправляет каждого

ослепленного в трюм, всю команду по очереди... чтобы так не слепили нам всякие культы личности... все там в трюме перебивали или перебивают...

Вот пью чай, а сам на взводе, звонка жду в дверь. Придут, позвонят, а я не открою. И будут они караулить меня снаружи, у подъезда... Соседке – Жене Писателя – говорю: перееду, мол, обменяю квартиру назад на «Ботанику», где жили мы с Матерью прежде. Там люди хорошие, относятся к нам хорошо. – «Да, да, – отвечает она. – Сестре бы вот позвонил». – «Сестре, – говорю, – звонить не хочу. А на «Ботанику» возьму вот и съеду. Или еще с кем-нибудь поменяюсь», – «Облапошат ведь, – говорит она сердобольно. – Обведут вокруг пальца, жаль тебя. Такие аферисты пошли, развелись всякие конторы. С ними-то не водись».

Но, как весна, я разговоры подобного рода снимаю. Мол, дача у меня, то да се. Не до обмена. А осенью снова про то же, съезнова на прежний курс ложусь, как буксир. Они с Писателем к таким разговорам привыкли. У меня на этот счет военная хитрость: разговорами об обмене я статус свой поднимаю. Напоминаю, есть у меня что менять. Не бомж какой-нибудь, которыми нынче хоть пруд пруди, а собственник двухкомнатной, почти в центре. Да еще и дача впридачу. Вот люди и прут ко мне, прут. Звонят в дверь всюю, а я им не отвечаю. Сижу за дверью, как суслик, и мне хорошо. А они там бесятся, злятся. Потом начинают звонить соседям. Выходит Жена Писателя и говорит: «Чего вы нас беспокоите?» – А они ей: «Так он же не отвечает». – А она им: – «Ну, значит, приходите тогда, когда он дома». – Они уходят, а я, обождав немного, выхожу в «предбанничек» и стучу в соседскую дверь. Выходит Жена Писателя и говорит: – «А, ты уж пришел? А к тебе только что приходили. Спрашивали насчет обмена... или продажи дачи» (это кому что я скажу). – Тогда я вспыхиваю и говорю: «А вы ни с кем на эту тему не разговаривайте! Пусть ищут меня, если я им надобен, а не ведут переговоры через посредников! Это дело серьезное, пахнет большими деньгами». – «Убьют ведь», – говорит она печально.

После таких разговоров, заметил я, она легче мне занимает десяточку. Как навидится всяких рож, которые приходят ко мне, так, небось, и думает: «Господи! Этот хорош, а те еще лучше! Этого хоть муж мой давно уже знает, а то ведь бандит какой-нибудь попадется, притон тут организует – вот жизнь-то будет...»

Раздается звонок. Левшин замирает, смотрит остекленелыми глазами в угол, на белый халат, за которым – Портрет Матери и куда в эту ночь опять ушел в стену этот проклятый Катилина из Карфагена, Древнего Рима.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*сжимаясь, однако*). Кто бы это, кто звонит? Неужто все тот же – майор из Сибири, из таежного поселка, медвежьего уголка, с каким пошутил я на той неделе насчет обмена? Или уже из райсобеса – эскадрон быстрого реагирования? Едва написал, как уже проводят обследование, в каких живу я условиях? – А в собачьих! – закипаю я. – В бесчеловечных!... – И тут же затихаю: «Вдруг офицер тот еще не ушел, из хитрости затаился и ждет под дверью, чтобы, как только выйду, хоп на меня, словно коршун: – А вы, оказывается, дома. – Да я, извините, спал. – Так спят же ночью. – А я вот днем сплю, а ночью работаю. – И где, извините, – ночным сторожем, как один тут доцент с соседней улицы? – Да нет, – говорю, – шедевры создаю. Но они требуют озарения, Катилина приходит лишь ночью».

И дверь перед его носом хлоп – неча разговаривать. Жизнь коротка, времени в обрез – шедевры создаем, шедевры. Значит, мне условия обмена не нравятся. Или деньги ваши мне не нужны – фальшивые американские доллары из Китая не предлагать. И из Нью-Йорка тоже, из Чечни. А в Центробанке, если начистоту, только мыши, извините, гоняют сейчас по коридорам в ожидании, когда напечатают новые... После таких переговоров я лежу разбитый, наверное, сутки. И Катилина в ту ночь не приходит.

Левшин подкрадывается к двери, прикладывается к ней ухом.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*заговорщицки*). Ага, Жена Писателя вышла в «предбанничек»-то. А-а, сестрицу мою впустила. Та принесла мне поесть...

Ушла сестрица-то. Сейчас Жена Писателя сюда ко мне постучит. Нет, опять звонок снаружи. И кто же? Сестрица, что ли, вернулась? – Ну нет, тем более ей он не откроет! – Опять звонок, но к соседям. Опять выходит Жена Писателя: – Ах, из райсобеса? К Володе? (заметим себе, Адольфом меня не называет, и муж ее тоже называет меня Володей, и все в подъезде, – какие ленинцы, лениниана! А я им Адольфа, Адольфа подсовываю, сидит же во мне что-то такое... гитлеровское...)

Уходит и эта – из райсобеса. Жена Писателя тоже уходит к себе. И тишина. Уффф, можно и передохнуть.

Картина девятая

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН (*утирая лоб рукавом*). И прутся, и прутся. Ну никакого покою! Еще и шедевр не создан, а какое внимание... Ага, опять стучат! Соседка – Жена Писателя – снова, кто же еще...

Левшин выходит, слышится скрип отворяемой двери. Испуганный голос Левшина:

Ах, это не вы, не Соседка? Это ты, сестрица моя! Вы что – сговорились, да? Заговор Катилины?.. Но я не хочу тебя видеть, не хочу!..

Левшин вбегает в комнату. Обедя все глазами, хватая портрет Матери и бросается с ним к двери. Слышится шум, разгоряченный голос Левшина, затем скрип захлопываемой двери. Левшин возвращается в комнату, плюхается на стул.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Сестра, сестрица! Ну просто нет никакого спасения! ... Хочет подставить мне свою вторую дочь, мою племянницу. Ну чтобы я прописал ее вместе с ре-

бенком. А потом знаю, что будет: квартиру – ей, а меня – в психушку... Они уже договорились с Соседкой, они все против меня. Они выживают меня, сживают со света. Это они пишут по панели в коридоре возле моей квартиры: «Идиот», «Зверь, а не человек», «Дикобраз»... Когда я показал сестрице Портрет нашей Матери, она отпрянула, ужас исказил ее черты, она стала похожа на Катилину. Да, похожа на Катилину, сенатора, который мягкими, ватными губами жует это свое жестокосердное: «Карфаген должен быть разрушен!» Однако вместо этих извечных слов она вдруг упала на колени перед Портретом Матери и закрыла лицо руками. Плечи ее затрясись, она заплакала...

Почему в ней плачет этот Катилина жестокосердный? Неужто он может плакать? Нет, это все же не он, а сама сестра, сестра моя. Сестра моя пала перед Портретом Матери, своей Матери, перед моим шедевром! Такова сила кисти моего художественного таланта!.. Но если это Сестра, то почему у нее был все же голос Соседки? Ну да, Соседки – Жены Писателя. Уж он-то знает его, этот голос, привык к интонациям – не первый год бок о бок с соседями... Значит, это было не Сестра, это все же была Жена Писателя?.. Боже мой, опять одно переходит в другое, из этого полушария в то. И искажает не только черты на портрете, но и черты всех тех, кого знаю я, как себя самого. И это страшно, это ужасно! Они переходят свободно туда и обратно – черты бродят отдельно по лицам, меняют облики, как хотят. А все это Катилина, все эта серая пыль в комнате, вечный вечер, вечные, вечные сумерки Карфагена. Окно выходит на север, мне катастрофически не хватает света, солнца, тепла... Смотрите же, как солнечна итальянская живопись! Как светоносна китайская, японская живопись на шелке! Посмотрите на мансарды богатых художников, какие в них огромные окна, сколько света! Нам всем, художникам этого города, не хватает воздуха, солнца, как же невыразительны, серы картины на выставках! И дело не в красках, порой просто на еду не хватает, даже пурпур в дурном соседстве или режет глаза, или

становится осредненным, ничтожным... как этот вечер, вся эта серая пыль... Это кровь наша – это ничтожество жизни полугодной, это красное, это прекрасное превратилось в серую, серую пыль... Куда только поначалу картины свои ни посылал – на вернисажи в Питер, в Москву, за границу. Вотще! Таланты девать некуда, а то еще ты, провинциал!

Падая на колени перед Портретом Матери.

Мать, спаси меня, сохрани, вывези, богородица! Одна надежда на тебя, Матерь. Я уже не жилец, отхожу туда, умираю. Но умираю не просто от голода и холода, нет, я слишком долго жил в царстве тьмы, страха и ужаса, я потерял способность свет рождать из самого себя. Черные стены окружают меня, серая пыль через кожу въелась в сердце мое... Даже Катилина и тот уж, не ходит ко мне, Катилина...

Слышится стук в дверь. Настойчивый стук, повторяемый трижды.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Это шаги Судьбы? Или опять она – Соседка моя, Жена Писателя – ее символический знак? Чего надо ей? Она перебила мои сокровения...

Выходит из комнаты, разговаривает там через щель в двери. Возвращается.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. В сущности, она – кладезь добра, эта женщина, моя Соседка, Жена Писателя. Им с мужем тоже ведомы муки... Говорит, с утра, в самом деле, приходила Сестра ко мне, но, как всегда, не дозвонилась. Сестра оставила сумку, а в ней еду: колбаски, сырку, и консервы, и яблоки. В другом целлофане – картошка, отдельно мука. И еще оплаченные счета – за квартиру, газ, воду. – «А за электричество?» – спросил я ее. – «А за электричество нет», – ответила она. – «Ну вот, – сказал я, – мука – это мука. Сестра желает мне зла, и потому я не могу принять дары ее неоцененные». – «Бесценные?» – подсказала она, и я понял, что все это наяву, не во сне. – «А яблоки я люблю, – ответил я ей тог-

да наяву. – Яблоки я, пожалуй, возьму». – «Но они же не самое главное тут для тебя, в твоём положении, – сказала она – Возьми лучше пом де тер – яблоки земли, то есть картошку обыкновенную». – Но я отвернулся молча и молча ушел. А теперь вот сижу и думаю: «Зачем я обидел ее – эту простую русскую женщину, у которой хватает всего и своего?»

Пойти постучать к ней и извиниться? Но она обязательно скажет снова то же, что и сказала: «Возьми, Володя, то, что тебе принесли». Муж ее – Писатель, мой товарищ по молодости – еще и станет навязывать какую-нибудь выращенную им самим тыкву, с которой я не знаю, что делать. Или же кабачки. Или банку огурцов, а что они без картошки? Или картошки подаст в целлофане, а что она без масла, которого у меня тоже нет? Конечно, это все с дачи, свое. Но я не беру еще и из гордости – у меня то же есть своя дача, хотя на ней ничего и не растет.

А может, все же просто пойти и просто взять дары? И тогда не надо стучать, извиняться, все само собой разрешится. До пенсии еще больше десяти дней – самых крутых. А если деньги задержат? Тогда иди – броди по свалкам, по мусорным ямам, по подъездным контейнерам в чужих, незнакомых микрорайонах...

А может, взять хотя бы квитанции – почему за электричество-то хоть не уплачено? А может, уплачено, да Соседка не заметила?.. Мать! Скажи мне, идти или не идти? Молчишь. Возьму кисть и раскрою губы тебе еще шире, сделаю рот живее. Может, тогда ты скажешь: идти мне или не идти?

Картина десятая

Левшин сидит перед Портретом Матери все в той же своей почти роденовской позе.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. И дары сестрицыны лежат перед носом, в «предбанничке», и пенсию не несут. Начало другого месяца, мое число, пора бы и принести. Там, наверну, они не

знают, что такое пенсия для одинокого, больного, пожилого человека. Я уже почти не могу вставать, лежу пластом днями, как, бывало, в студенческие годы в постели перед стипендией, опустошенный, ни на что не способный. Но тогда была молодость, было все впереди... А сестрицыны дары лежат тут рядом, перед самым носом, и раздражают, мутят голову... Не знаю, что будет завтра со мной... Мать, помнишь, ты говорила мне: выстоять и переломить, выстоять и перенести...

И что это через стенку? Ах, опять эта Лариса Долина:

«Важней всего – погода в доме,

А все другое – суета.

Есть я и ты, а все, что кроме,

Легко уладить с помощью зонта.»

Какого еще зонта? Атомного? Всемирного потопа? Конца света, который вещают в конце тысячелетия религиозные секты? Вчера опять был звонок в мою дверь, и я, как всегда, не открыл. Зато, как всегда, дверь открыла Соседка – Жена Писателя. Мне и им в почтовые ящики положили бесплатно, в порядке шефства, рекламную газету «Ва-банк». Говорят, самое главное, что есть в номере, так это телепрограмма на неделю. Но у меня же нет телевизора! Зато теперь ест реклама, в ней все продается и покупается: валюта, путевки на курорты Испании, американские окорочка. Но у меня же нет денег! Закрыться от всего, уйти в себя, в свое одиночество. Мать! Где мои обручи – мои железные «ребра»? Ах, ты не знаешь, а кто же знает – я, что ли, должен знать, что тут творится в доме?

А через стенку уже и не голос Долиной. Как-то незаметно все у меня переходит из одного полушария в другое, меняя облик до неузнаваемости. Вот это уже и не Лариса Долина, а другой голос, другая мелодия – сладкая, невообразимая.

«Стелет ночь свой бархатный наряд

Нежно колокольчики звенят.

Стройными рядами, легкими стопами

Баядеры в рощу спешат.

Смотрите, как блеск луны озаряет их магические телодвиженья!

«О Баядера! Легкий, сладостный сон.
О Баядера! Я тобой обольщен...
Я буду звать тебя... я буду ждать тебя...»

Левшин ложится в постель, натягивает на себя одеяло до подбородка, лишь голова торчит из-под одеяла да посверкивают глаза.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Меня покачивает всего, как будто несут на носилках. Я знаю, они несут меня на костер, чтобы сжечь, таков древний обряд... Зачем на мне обручи – эти железные «ребра»? Мои железные «ребра» – железная арматура всего нашего крупнопанельного, железобетонного, фенолового дома. Говорят, она улавливает все, а не только мелодии – голоса звезд, тайны космоса, всего мироздания и передает их сюда нам, жителям этого дома. И мы просто не замечаем, как, покачиваясь на плечах «баядерок», незаметно для себя движемся навстречу кострам своим, к самосожжению.

«О Баядера! Легкий, сладостный сон...
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой...»

Левшин перебрасывает себя с боку на бок, сбрасывает одеяло.

ВОЛОДЯ ЛЕВШИН. Но я не хочу умирать. Почему они несут меня прямо, а не пенсию мне? Мать! Я еще не закончил твой Портрет – мой первый и, может, последний шедевр! Я прожил жизнь, она уже где-то, отдельно от всех, вдалеке, и я истомился, во мне совсем нет тела, я не чувствую его, во мне остается лишь дух.

На днях, как и всем в подъезде, мне положили рекламу: «Производим коррекцию тела! Лечим от ожирения, алкогольной зависимости, курения...»

Мать! Ты знаешь, к какому пришел я выводу о людях, о человечестве. Вот прожил свой век и не знал, что мы-то все,

смертные, разделяемся на три категории. В первой, самой, кстати, массовой – люди борются за кусок хлеба, за место под солнцем. Во второй, уже из гордыни, – за славу свою, за престиж. И третьи, каких ничтожно мало, – эти ни за что не борются, люди духа, для которых главное в их существовании – познание Истины. А с Истиной – Красоты, гармонии мира, законов Вселенной... И я уже читаю людей, как открытую книгу. Ясны становятся причины, мотивы, а в связи с этим и войны, междоусобные распри, самоубийства одних и священный, трепетный, жертвенный огонь в груди у других. Каждый проживает жизнь по-своему единственный раз. И опыт одного часто негоден другому.

«О баядера! Стройными рядами,
Легкими стопами...»

А дом колышется на чьих-то плечах. И сумерки, сумерки, вечер. И весь дом мой несут вместе со мной в Карфаген. А внизу, под полом, скребется мышка. А вверху, над городом, летят пророчески самолеты.

Вот он, который ближе к Понтию Пилату, и говорит мне: «А ничего не получится у тебя, браток». – А я, который ближе к Иисусу Христу, ибо мать у меня тоже Мария, а отец почти что Иосиф, и отвечаю: «А у тебя, браток, что получилось – какая кикимора?» – «Почему?» – спрашивает. – «А потому, – отвечаю, – что ты – Материя, а не Мать, я же Дух святой, свет, ведаю кое-что из того, что повыше» – «Ну и что известно тебе?» – говорит. – «А то, – отвечаю, – что в Материи этой хлеба и зрелищ всегда не хватало. А Дух копится, уходя в мантию, и возвышает возвышенное»... Вот Он, который ближе к Понтию Пилату, взял того, кто ближе к Иисусу Христу, и отдал плебсу, и плебс растерзал его. Но Дух его все равно ушел в Мантию всего человечества и стал бессмертным».

Мать! Ты меня слышишь? Как без легенд бы люди и жили. Истину говорю: в первых двух категориях люди живут, они в жизни, а в третьей – это уже состояние... Да когда же принесут

пенсию, черт побери! Ибо пока мы живы, наши все три категории смертны...

Ага, звонок! Не такой как обычно. Я узнаю его, он неповторим. Раз в месяц связывает он нас с федеральной властью. И одновременно стук в дверь из «предбанничка» – это, конечно, Соседка – Жена Писателя. Одновременно звонок и стук в дверь, стук и звонок одновременно – вот именно: это пришла почтальонка! Вот оно это что-то и получилось, скоро и осуществится.

О Баядерка! Опустит же носилки! Замри, Карфаген, перестань раскачиваться на плечах человечества! Пойду и отдам Соседке не десять уже – целых пятнадцать рублей, чтобы послезавтра, взяв снова в долг, закончить шедевр. Рожденные ползать – летите! Летите, мои дорогие, в живые материи звезд!

21–22 мая 1998г.

На Николу весеннего, пос. Синявский.

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

(одноактная драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АВТОР, его же ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА МЯТЛЕВСКАЯ – мэр города Малоаркановска.

СВЯТОЗАР РОМАНОВ – новый, молодой районный воевода.

ИВАН ПЕТРОВИЧ СВЕТЛЫХ – прежний, пожилой районный воевода.

БУРЦЕВ – зам. губернатора области, главный гость на празднике.

ТРУБИН – подполковник казачьих войск из г.Иваново, гость.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА – жена Автора.

ГЛАФИРА НИКОЛАЕВНА – врач, штатная жена Романа.

ТАМАРА – страховый агент, нештатная жена Романова.

КОЛЮНЯ – ее сын от Романова.

ВАРЯ, ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА КОЛУШКИНА – пассия Автора, со времен его молодости.

ТИША ЗИМИН – сторож парка, он же директор кладбища, глас народа.

ВАЛЕНТИН ЕГУРНОВ – юрист в законе.

ДРУГ МОЙ ВИТЕК КОЛЕДИНЦЕВ в виде призрака, любитель поэзии.

ОТВЕТСТВЕННАЯ ОТ МЭРИИ.

Жители Малоаркановска в Срединной Руси, отмечающего дату своего существования, в своем роде выдающемся с точки зрения войны и мира, истории и современности.

*Когда аркан над головой свистел
И шум пиров катился по улусам.
Другой бы постарел и поседел,
А я русел,
я становился русым.*

Василий Федоров.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Действие происходит в небольшом степном городке с великой, но трудной судьбой. В Отечественной войне он оказался в самом пекле одного из главных сражений, третий по значению, в военной стратегии – после Москвы, Сталинграда. Битва на Орловско-Курской дуге, стратегическое направление. Это столица девонской, белой глины, знаменующая огромные магнетические силы Земли. В степях между Орлом и Курском жили некогда пращуры русских – скифы, а из скифов особые скифы – сколоты, известные тем, что еще за пять-семь веков до н.э., в гомеровские времена, выращивали тут хлеба. Скифско-сколотский хлеб через греческие города-полисы на Геллеспонте – Черном море шел в Элладу и вскормил Аристотеля, Эсхила, Эврипида, Александра Македонского, самого Гомера, а через них поднял и всю европейскую, мировую цивилизацию. Вот какова цена здешнему хлебу, этим степям, людям!

Отмечают 230 лет города с Указа Екатерины Второй, в 1778 году императрица сделала Аркановское село уездным городом. В то же время Тамань (прежде греческое поселение, православная Тьмутаракань) отмечает 2600 лет со дня основания. Откуда же хлеб шел бы туда, если тут тогда не было ничего?

ПРОЛОГ

АВТОР (*выходя на авансцену*). Я – урожденный поэт, затем прозаик, драматург, публицист. Я родился в Воронеже, когда отца моего, ударника труда, чтобы забрать квартиру в

центре города отправили на Север куда-то, на Соловки. И вот я тут, в этих местах, с полутора лет. Тут у меня покоятся мать и дедушка. Многострадальная, горькая, обожженная войной Земля – она стала мне малой Родиной. Тут в сорок третьем солдаты учили меня первым буквам, тут и завещали: «Говори правду, только правду, Истину. То, что видел, сынок». Вот я и говорю. Солдаты на войне, в сорок третьем, тут меня научили читать, а писать потом я и сам научился. Вот и иду по кроме – делаю все по максимуму. Лев Толстой понял смысл войны тысяча восемьсот двенадцатого года к концу века. А смысл тысяча девятьсот сорок первого – сорок пятого годов я воспринимаю сейчас вот, пораньше Льва Толстого, потому что сам все это видел и пережил.

Городок этот на букву «М», как Мценск, как Москва. В июне я был под Мценском, на Фетовской поляне, на поэтическом празднике. С какою народной любовью там все это делается! В Москве день города будет завтра – в субботу, седьмого. Представляю, как это бывает в столице? Сегодня, в пятницу, после обеда, начнется у нас.

В последнее время городок не узнагь: весь в цветах и асфальте. Чистенько все, красиво. Однако это всею лишь косметика, не построено ни одного серьезного здания. Аж слезы вышибает: до чего же он мал и не растет! В начале XIX века по статистике в городке было четыре тысячи сто двадцать пять жителей, сейчас – четыре тысячи триста, представляете? Последние предприятия закрыты, кирпичный завод растворился, недра – белую глину вывозят в Орел... Все такое тут маленькое, маленькое! Убери фонтан, цветы – что останется? Дом культуры в допотопном домишке купца Никитина, по уличному Кочергина... Еще когда утвердили план строительства Дома культуры, в других местах давно уж построили, а тут нет... Героический город в войне был до основания разрушен, а не восстановлен в прежнем, довоенном облике. Не построено ни одного серьезного здания в центре. «Для чего же мы тут по-

гибали тогда!» – говорили, помнится, съезжаясь сюда, со всей великой страны, ветераны битвы на Орловско-Курской дуге.

Целых три ночи пишу я стихи для праздника. Любимый город, так я хочу его поддержать! Знаю ведь, приду с утра – скажут: тебе говорить с трибуны, как в прошлом году у открытия Танка. Пьесу хочу написать, романы – большие художественные произведения, а у них свои законы, свой хозяин – от Бога. А еще от Пушкина, ибо Пушкина тут, по легенде, приняли за ревизора. И вот как у Пушкина, перед дуэлью Онегина с Ленским скажем, наконец: «Начнем, пожалуй»...

Сцена первая

АВТОР. Утро. Стихи о городе еще вчера написаны, а это – песня. У меня с энергетикой все в порядке: сначала песня берется откуда-то с неба, музыка со словами. А как мелодия выльется, так стихи начинают сыпаться, а потом уже проза... Полночи не спал. Имена вспоминались, факты и аргументы. Про историю, про войну. Некому скоро будет что-то сказать. Сосед мой, ветеран, инвалид войны Алексей Иванович пошел на войну с восемнадцати – в сорок третьем и умер вот в мае. Песню твержу, надо спеть ее, не запнуться. Теперь, дети войны, на передовую, вперед!..

Яблоне́вый Спас

«Тук-тук, тук-тук,

Тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук...

Яблоки падают, падают сами.

Где-то поблизости дятел стучит.

Малоаркановск живет голосами.

Материн сад в моем сердце звучит.

Звуки немерены. Звезды бездонны, –

Преобразуются в Яблочный Спас.

Где-то в Осетии падают бомбы.

Что же ты, Спас, тишину там не спас?
Ежик по яблочку носит, по ноте
В песню про август, про Яблочный Спас.
Век двадцать первый. Весь мир мироточит,
Преображенными делает нас»...
И тут в калитку: тук-тук... «Кто это?», – спрашиваю. – «Из горсовета, из мэрии».

ОТВЕТСТВЕННАЯ ОТ МЭРИИ. Вам выступать, говорить, с трибуны, не забыли?

АВТОР (*вслух*). Заходите во двор, заходите. Видите вот, подмел по всей улице, бумажки собиравал, а это вот фото...

(*В сторону*). Демонстрируется впервые: матушка моя с сестрой своей – моей тетей. В сорок третьем, сразу же после освобождения, тетя Дуся была тут первым председателем... Городок, как Цхинвал, разрушенный еще хлеще, лежал весь в руинах. Кобыленку дали – монголку, так дрожала и все мы за нее, а ну как сдохнет, без корму – а тетю мою посодють... С дедушкой ходили по улицам, собирали солому с деревенских подвод...

ОТВЕТСТВЕННАЯ ОТ МЭРИИ. Пять минут вам дается. Строго. Областных много.

АВТОР. А я кто? Тоже из области... фантастики. Одна книга с Путиным в Париже была, другая – с Медведевым в Пекине. а третья с Лысенко – в Питере... Три «П», даже четыре... если Путина брать в расчет...

ОТВЕТСТВЕННАЯ ОТ МЭРИИ. А у меня две «П». Пять минут! Протокол!

АВТОР (*в сторону*). Настроение, конечно, падает, пппадает! Одно «П», но какое! Может, думаю, вообще не ходить? (*Вслух.*) А губернатор будет?

ОТВЕТСТВЕННАЯ ОТ МЭРИИ. В Москву уезжает, на заседание Госсовета.

АВТОР (*в сторону*). Ну вот. Детплощадку открывал, а тут даже на юбилее не будет. А посижу-ка я на лавочке воз-

ле своего дома, лавочка у нас знаменитая. Кто идет, мимо не пройдет. Идет от центра – присядет, бывало, с матерью моей покалякает. Так что я всегда бывал в курсе. Теперь лавочка к соседям переехала, там теперь «Информбюро»...

И стал ждать я жену с электрички. Обещала через два дня приехать. Тоже была тут в школе учительницей. До сих пор помнят... Вот сижу на лавочке в саду, под яблоней, и задумался крепко я о былом. О былом в думах.

ПРИЗРАК ДРУГА МОЕГО ВИТЬКА КОЛЕДИНЦЕВА (*появляясь передо мной, как из тумана*). О чем задумался, де-тина?

Я ВМЕСТО АВТОРА. Да вот, о шести великих принципах: о первом – благе (добре)...

ПРИЗРАК. А еще? Перечисляй.

АВТОР. Ну, любовь, красота... творчество... свобода... ответственность...

ПРИЗРАК. А библейские грехи? Рядом идут, ты их что – не считаешь?

АВТОР. Первый, конечно, зависть... блуд... гордыня...

ПРИЗРАК. Ладно. Давай на добре сосредоточимся? Что скажешь на это?

АВТОР. Теория разумного эгоизма. Делай людям то, что ты хочешь от них получить.

ПРИЗРАК (*превращаясь опять в живого Витька Колединцева*). Да? Ты серьезно? Лев Толстой что говорил: ударили тебе по левой – подставь правую?

АВТОР (*превращаясь в меня*). Конгениально! Концептуально. Будда?

ВИТЕК КОЛЕДИНЦЕВ. От блуда! Чтобы оставаться на месте, надо все время бежать.

АВТОР, ДРУГ ВИТЬКА. Да ты что – пророк, что ли? В призраках там у себя как наблатыкался!

ВИТЕК КОЛЕДИНЦЕВ (*опять уходя в небытие*). Еще не то увидишь на этом празднике. В трехмерном изображе-

нии. А если в натуре, так в зеркальном отражении. Что правое, то уже – левое; а что прямое – то будет кривым... Послушай братаец, что под таким углом будут нести массу с трибуны?

* * *

Автобусная остановка. Вот, наконец, и жена Автора, Светлана Сергеевна. Вот и домик. Мать скончалась недавно, теперь тут у них дача.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА (*сразу же*). Ну что – пошли пройдемся? На народ посмотрим?

АВТОР. Так после пяти, говорят.

Центральная площадь. Возвышается, сбита из досок, трибуна. Вечный огонь. Плакаты: «Мы любим свой город», «Милому городу 230».

АВТОР (*жене*). Новосибирск вон какой городище – столица Западной Сибири, а едва за сотню всего.

Вот и памятник Пушкину. Беломраморный. Видите, как сияет! Берет под козырек: «Здравствуй, племя младое, незнакомое».

Появляется Тиша Зимин, сторож. Глас народа – глашатай народной судьбы.

АВТОР (*в сторону*). А еще и директор кладбища. Он могилы копает. В прошлый раз познакомились. Сроду такого не было: ищешь, ищешь, кто бы это могилку выкопал? А теперь подавай заявочку в мэрию, он и тебе выкопает... Так, на всякий случай... Большой оригинал! Все, что по городу ходит, многое знает. Кто-нибудь что-нибудь скажет, а он глядишь, уж на ус намотал. Авторов любит – рядом библиотека...

ТИША ЗИМИН (*подходя вразвалочку*). А, это ты, Михалыч? А это что у тебя – «Сабуровское поле»? Книжки пишете, а вот не все знаете.

АВТОР. Ну, например?

ТИША ЗИМИН (*наклоняясь на ухо*). А вот мэр только до первого работает.

АВТОР (*оторопев*). Как до первого?

ЖЕНА ЕГО. Как до первого? А потом?

ТИША ЗИМИН. Новый зам. всех меняет.

АВТОР. Да не зам. наверно, а сам. (*Показывая на Воевод-ство района.*)

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА (*рукой широко на весь городок*). Да ведь это она тут все сделала, в красоту превратила.

АВТОР. Бывший Воевода все закоулки заасфальтировал, церковь построил, основу создал...

ТИША ЗИМИН. Да нет. Все этот... Романов, будучи замом... А то детский городок исделали, а мне теленка некуда выпустить.

АВТОР. Вон теленок из папье-маше. Бумажный солдатик, животноводство бумажное. Молока в киоске на час торговли...

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА (*недоумевая*). Ее же (мэрию нашу) Губернатор на детской площадке недавно тут целовал... Благодарность выражал как лучшей...

АВТОР. Лучший в России – среди районов – город Видное. Подмосковье, а среди областных – Хабаровск. Деньги хорошие дают людям хорошим... А тут у нас к соседу брат приезжал из Белоруссии. Проехал, говорит, несколько областей, так ни одного стада не увидел... кое-где только, говорит, коровы к столбу возле дома привязаны...

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА (*мужу строго*). Не обобщай, не обобщай!

АВТОР. Ничего. Книжки мои не сберкнижки, вон спроси хоть у Тишки... Все никак не привыкну. Планы с пробуждением Столицы Белой Глины лично я связываю с Любовью Ивановной...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Пятница – день базарный. Священный ритуал, просто жизненная необходимость: идти с утра

на базар. А тут на площади пока что одни только детишки, детишечки, ау! Да еще кое-какие киоски – малогабаритные, закоперщиков нет, должны появиться к открытию, после пяти.

Автор с женой проходят к Фонтану, присаживаются на скамейку. И тут вот она – Ответственная от мэрии и с нею кто? Главный по протоколу. (*Подходя и подавая руку.*) Валентин Егурнов – юрист в законе... Заворг... я весь в зоне вашего внимания. (*Человек выразительно смотрит на Ответственную от мэрии.*) Вот вы Автор, уважаемый... больше пяти минут нельзя, гостей из области много... Пять минут, договорились?

АВТОР (*себе – в сторону низвергающего Фонтана*). «Скандал в Клошмерле». (*И Заворгу.*) Может, совсем не надо, а, братцы?

ЗАВОРГ (*решительно*). Нет, ну что вы? Вы у народа тут в авторитете, скажите что-нибудь людям с трибуны.

АВТОР. А кто из области?

ЗАВОРГ. Зам. губернатора, губернатор на Госсовете.

Автор с женой подходят поближе к трибуне.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Все понятно. До Быково час полета.

АВТОР. Это основа... алхимия, слова...

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Не говори стихами.

АВТОР. Не говорю, а только подразумеваю.

Сцена вторая

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Там же, на Главной площади. Пока тут в основном дети, младшие школьники. Да еще кое-какие артисты из местной самодеятельности. Но вот потянулись и жители. Образовали два ряда столов. По одну сторону – рукотворные изделия: кружева, вышивки, плетения из соломки, резьба по дереву, глиняная посуда. По другую – дары приро-

ды. Сентябрь, а еще земляника, клубника, местные диковины, цветные фантазии по-русски, по-японски.

Появляется Варя Колушкина, Варвара Васильевна – учительница. Была тут у Светланы Сергеевны – ученицей в школе, потом ее же студенткой.

ВАРЯ КОЛУШКИНА (*целуя Светлану Сергеевну в щеку и кивнув Автору*). С праздником!

АВТОР (*в сторону*). Бермудский треугольник. Кажется, вечность прошла, а стучит. (*Кладет руку себе на сердце*.) Давно ли со Светланой мы были в школе тут учителями? Варя в девятом тогда была. Ходила на квартиру к Светлане. Как магнитом ее тянуло туда, а смотрела все на меня... Я тоже туда похаживал...

Потом на улице меня тогда встретила подружка Варина, сунула записку о месте и часе свидания. Стояли у водокачки, по трубам шумела вода, а по жилам – горячая кровь... Потом встречались в других местах. И всякий раз она говорила: «Я буду любить тебя всю жизнь... всю свою жизнь»... Потом это же повторила ему Светлана Сергеевна, с нею он и остался. А Варя после института уехала с глаз долой, на Дальний Восток... сменила мужа... со вторым вернулись сюда, дом построили тут, похоронила и этого...

АВТОР (*вьявь*). Варя! Варвара Васильевна! И ты пришла? (*В сторону*.) Чтобы увидеть меня...

ВАРЯ ПОЛУШИНА. Какой это праздник? Посмотри-те – никого. Одни малыши да огородники с дарами природы. Где же народ?

АВТОР (*оглядываясь*). Какой народ? Знакомые, старые жители. Иных уж нет, иные уж далече. Последний из моих школьных друзей уехал к дочери в Кострому (*В сторону Вари*.) Однако резкая стала, непохожа на ту, какой была тогда, любила меня... Значит, что-то где-то есть в глубине и сейчас...

Зимой, после долгих лет отчуждения, засобиралась туда обратно, на Дальний Восток... Вернулась – все жалела потра-

ченных денег... Заказала подружке в Москве себе летний костюм. Стоит напудренная, как ветряная мельница...

Побывал дома у нее. Постель застлана нежно розовым покрывалом. Что-то дрогнуло в нем, колокольчик качнулся, как в молодости... на траве тогда, в летних сумерках... Однако стоим, разговариваем. Варвара прижалась щекой к плечу Светланы, искоса взглядывает на меня...

На другом конце площади появляется областное начальство во главе с заместителем губернатора, новый, молодой воевода района, мэр городка Мятлевская.

АВТОР (*в сторону*). Проходят.. лицом к выставке, спиной ко мне... неестественно как-то... Всего с неделю, как хоронили известного поэта, и губернатор на митинге пожимал тебе руку. И был весь фавор, и вслед губернатору подходили, трясли тебе руку... Был бы губернатор, и сейчас бы трясли...

Снуют в голубых беретах десантники, какие-то казаки откуда-то взялись – говорят, из Иванова.

АВТОР (*жене*). Разве казаки бывают в Иванове? Ведь Иваново – город невест.

ВАРЯ. Ряженые, военно-исторический клуб.

Начальство на помосте, расставляются по постам. Перед Автором возникает Заорг.

ЗАБОРГ (*кивнув Автору на его посох*). Ну что же вы? Вам туда.

Автор поднимается на помост, становится крайним, рядом с казачьим чином. Тот в значках весь и в позументах, областное начальство – в аргументах и фактах. Мэр Любовь Ивановна – у микрофона. И шепотом, шепотом по цепи от районного воеводы до него сюда, Автора: «Пять, пять минут, пять». Потом: «Три, три минуты, три». Затем: «Две, две...»

АВТОР (*в сторону*). Куда спешишь-то? Двести тридцать лет никуда не спешили, а тут два месяца как в воеводах, а уже... некогда...

Смолит на площадь. Ищет глазами жену, волнуется. И воевода волнуется: говорить пока не привык.

Голос Любовь Ивановны хрипит в микрофон.

С другой стороны помоста появляется прежний воевода – Светлых.

АВТОР. Этот Светлых скажет, бывало, вполголоса, но так, что дойдет до каждого.

ВОЕВОДА. И последняя, от интеллигенции. Все. И уходим.

Мэр Мятлевская вроде не слышит, ведет все по протоколу...

АВТОР (*про себя*). Вот как?! Выдать, что ли, им по полной программе?

МЭР МЯТЛЕВСКАЯ (*в микрофон*). Подготовиться – земляку нашему – Автору многих книг.

АВТОР (*в сторону*). Так по полной или по сокращенной? Господи, надо шадить этих мэров.

Понимающему достаточно... Малый город кто преобразил? Денежную премию бригадирше по благоустройству, в народе кличут ее «Крокодилом». Цветы для нее – семечки, она в Райпо товароведом работала...

АВТОР (*в сторону*). Ладно, скажем что-нибудь в сокращении. Город третий в войне по значенью – про Берлин не сказал. Рокоссовского видел во дворе старой школы – сказал, а про памятник ему тут, напротив базара, – не сказал. Не сказал и про туризм, будет десять районных бюджетов, если все раскрутить. Пол-Германии приедет, привезут сюда денежки. А также вся Россия, Казахстан, Литва... Сотни тысяч людей в полях лежат, а на обелисках какие-то сотни имен...

Ладно, дочитаем песню просто стихами, так покороче.

Яблочный Спас (продолжение)

«Герника, Герника с облака впросинь,

Прображенная, смотрит на нас.

В Малоаркановске падают в осень

Яблоки, яблоки, Яблочный спас.

Яблоки падают, падают в осень.
Треть мимолетную дятел строчит.
Преображение. С облака впросить
Песня дождя все смелее звучит».

АВТОР (*в сторону*). А стихи «Легендарный городок» на двух листах читать не будем, передадим Мятлевской, потом почитает.

Сцена третья

АВТОР (*даря книгу мэру Мятлевской*). А это повесть «Сабуровское поле», издана к этому дню... Тут, на десяти гектарах, лежат сразу десять тысяч, в основном хлеборобы. Друг мой Геннадий Ефимович Ефремов (был тут директором школы), комбат Валентин Снегирев (прорабом был у нас, школу строил) в этой атаке участвовали. Капитана Евдокимова я нашел на мемориальной плите, крайней справа (третий снизу), а майора Лисунова нет. Где-то там в полях, на подступах... Это в честь их, когда привезли героев с фронта и хоронили, стали стрелять тут из всех видов оружия, -- тогда был тут самый первый салют...

НАЧАЛЬСТВО (*переталкиваясь*). Что это Автор ей подарил?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*рукой махнула*). А-а, да так. Какую-то книгу.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Это чтоб не завидовали. Детям, внукам ее будет что почитать. И тогда они к ивановским «казакам» за значками стали руки протягивать. А потом потянулись за десантными значками. А потом за пакетами со всякими денежными вложениями...

Сошел я с помоста. Люди светлыми лицами ко мне повернуты, рукопожатиями благодарят. А один мужчина боком, боком да и говорит мне:

«Это зачем ты там стоял!
Ты же народный писатель.»

И тогда я понял: почему мало народу на площади. Будет больше, когда к вечеру начнется концерт.

Знаю, вечером будет еще и салют.

АВТОР (*в сторону*). Присоединился я к своим женщинам. И подходит ко мне тот самый мужчина, что сказал мне, чтоб стоял я не там, где все.

Что это там у вас на листах – прочитайте.

Вот я ему, этому любителю поэзии, все наедине и прочитал. Вот оно, читанное ему одному.

Легендарный городок

«Малый, без трамвайчиков обходится.

Тихий, легендарный городок.

Грудью нас закроет Богородица,

Если враг к нам ступит за порог.

Весь в легендах. Путаем обличье:

Пушкин – ревизор тут, я – Карузо.

А Гринев – наш мэр был, городничий,

Так Герой Советского Союза.

Тетя моя – первый председатель.

Мир тогда в руинах весь лежал,

Я еще ее и свою мать

В героизме не осознавал.

Все обсудят тут – по всей России,

Кое-что прибавят от себя.

В легендарной, творческой стихии

Я и рос тут, истину любя.

Только мать, бывало, скажет: «Боже!

Знаешь много – ну и помолчи»,

И как камень на душу положит:

«А не то пойдешь «на кирпичи»»...

АВТОР (*мужчине*). Все пока, на этом закончим. Надо к Фонтану подойти, озончиком подзарядиться.

А Любитель поэзии стоит, мнется, переминается. Все никак не уйдет в массы.

МУЖЧИНА (*он же Любитель поэзии*). Вот вы Автор?

АВТОР. Ну да.

МУЖЧИНА. Драмы пишете?

АВТОР. Да.

МУЖЧИНА. А хотите интригу?

АВТОР. Ну, конечно.

МУЖЧИНА. Видите, женщина перед Трибуной? Напротив молодого районного Воеводы. Стоит и прямо-таки глазами его ест. А рядом с ней мальчик, это их сын.

АВТОР. Да? И кто она ему?

МУЖЧИНА. Страховой агент. Он и ее, и мальчика признает. Штатная у него – врач. Вон у Фонтана, видите? Сначала он к ней подойдет. Сделает вид, а ночевать пойдет к той, другой...

АВТОР. Да как же его это? Век патриархата, матриархата и биархата?

А мужчина уже исчез.

АВТОР (*жене*). Вишь, какие вы с Варей смирные – стоите себе, воркуете. А вон то треугольник бессмертия – два катета при одной гипотенузе.

Автор с женой Светланой Сергеевной и ее подружкой Варенькой Колушкиной проходят к фонтану, присаживаются на скамеечке.

АВТОР (*горячо, на ухо своей благоверной*). Что там было у нас – так, семечки? Мохом все поросло. А то вон – глядите, страдания.

(*В сторону.*) И такие во мне разыгрываются фантазии! Хотя на них я как Автор имею полное право. На то я и профессионал, чтобы следовать не только реальной жизни, но и по-своему ее

поворачивать. С помощью индукции и дедукции, синтеза и анализа... Это я так говорю, чтобы не обижались, кто в прототипах тут у меня выступает... А пока у Фонтана давайте закончим стихотворение, посвященное Малому городу с трудной судьбой.

«Третий по значению за войну,
 А о нем как будто в рот воды.
 Все мы у забвения в плену,
 Все мы маловаты – степь, деды.
 Уж дугу разбили по частям –
 В областях, удельные князья-с.
 Если б розно воевали там,
 Что б сейчас осталось бы от нас?
 Говорю, свое испив до дна,
 От солдат, от имени руин.
 С нами тут была да вся страна!
 С нас удар – отсюда на Берлин!
 Место нашей букве «М» – в столице.
 На плите – за Мурманском, в Москве.
 Штрафники – отверженные лица.
 Хлеборобы с пулею в виске.
 Мал, да дорог золотник. Породистый.
 Тихий легендарный городок.
 Грудью нас закроет Богородица,
 Если враг к нам ступит за порог.»

АВТОР. И тут жена моя подходит и говорит: на такой ноте кончать нельзя, чего-то не хватает. Вот я взял и такой катрен отдельный и присоединил.

«Вот живу, и, нет, не наглядеться.
 В удивленьи жизнь моя прошла:
 Как в такое маленькое сердце
 Ты вместиться, Родина, смогла?»

МУЖЧИНА (*подходя ко мне и живо интересуясь*). И к кому это «маленькое сердце» присоединено – к городу или Автору?

АВТОР. Не сено, разжевывать не надо. Где эффект, где деффект – на то оно и искусство, чтобы ваять.

* * *

Так и сидят они у Фонтана втроем: Автор, Светлана Сергеевна и подружка ее Варя Колушкина, с другой фамилией ныне – от первого мужа.

АВТОР (*Варе*). Рассказала бы, какие тебя охватили чувства, когда через столько лет меня увидела.

ВАРЯ (*резко*). Ты что – совсем, что ли?

Вспыхнула и убежала.

АВТОР (*жене*). Собрала свой пен-клуб. Чаи гоняете, в лирику ударились, в сны летаргические. Гляди, кабы она тебе чего-нить не подсунула.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Тебя-то что? Не нагнетай, обстановку. Вон на героях своих сосредотачивайся, на прототипах и многоточиях.

АВТОР. Как говорит твоя сестрица Сашута, ты так считаешь?

Сцена четвертая

Все там же, у Фонтана. Автор и жена его Светлана Сергеевна.

АВТОР. Дай-ка изобразу эти страсти любовные треугольники от лица нештатных... Что они чувствуют, о чем думают... Сначала одну, потом другую. Как они с Богом, с людьми, сами с собой уживаются?..

ВАРЯ, ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА КОЛУШКИНА (*от первого лица*). Как сейчас помню, лето того самого года, перешла я в девятый класс. Стала уже тогда ходить в сквер, на

танцплощадку. Как взрослая. Июль был. Петров день. Феде я одному, знаю, нравилась. Вот он возьми мне тогда и принеси не просто горсть вишен, а целое вишневое деревцо. Сломил где-то и притащил на танцплощадку, вручил мне перед всеми. Я чуть не сгорела со стыда...

И тут подошел ко мне молодой учитель, он самый – Автор. Он тогда уж известен был своими стихами. И отчитал Федю, а меня пригласил на вальс. Ох, как он танцевал! Как умел он это делать: спортсмен же был, чемпион. А потом был белый вальс, и я пригласила его сама...

Нас была стайка, с нашего края города, и он пошел нас всех провожать. Наверно, просто так, от нечего делать. Я ждать его стала, а он на танцы больше не приходил. Уехал куда-то в деревню – работать учителем. И я стала ходить на квартиру к Светлане Сергеевне – моей учительнице. И вдруг увидела там его и, надо же, окончательно втюрилась. Уже через год в десятом я послала ему через подружку записку, назначив свидание. А на балу в школе сама увела его в дальний класс... А после, когда мы в сумерках лежали на траве, ему шептала: «Я еще маленькая».

Втроем и встречались. Светлана Сергеевна знала про это. С ней он серьезно встречался, а со мной так, кое-когда. В институте, на первом курсе, я сама приходила домой к ним, они жили на окраине уже большого города. И у них родился сынишка... И еще раз встретились. Он однажды пришел в общагу ко мне. И я шептала ему: «Уже можно, можно». Но он, говорил, что любит сынишку и не хочет, чтобы тот, как и сам он, рос без отца...

Потом я стала работать в школе. И встретила парня. И тут Он приехал в село. И я опять вся сомлела... Однако мы поженились с тем парнем. Но тот, другой стоял все перед глазами и мог появиться рядом в любой день, в любой час. И мы с мужем уехали куда подальше – в другую школу, даже в другой район. Так у нас с мужем и не заладилось. Не было у меня к нему той искорки, изюминки той, с которой горы сдвигают...

Вскоре мужа не стало. И я уехала на Дальний Восток. Стала на ГОКе (в горнообогатительном комбинате) кадровиком. Новый муж был изобретателем, тоже вроде бы творческим человеком. Но Автору было отдано все. И меня потянуло назад сюда, в эти места. Вернулись. И стали строить тут дом. Муж хотел сделать его лучшим в городе – для меня и, скорее всего, надорвался... и тоже ушел из жизни, мне его жаль до сих пор...

И вот опять появился Он – этот человек со своей Светланой Сергеевной, моей школьной учительницей, преподавателем в институте, моей лучшей, любимой подругой. И вот опять во мне что-то не то, не могу. На последние деньги купила билет на самолет – зимой, когда билеты дешевле. И опять туда, на Дальний Восток. Думала, может, там и останусь? Но нет, опять вот вернулась, живу одна в большом и красивом доме, построенном мужем вместе со мной, а счастья нет. Сын от второго мужа где-то под Москвой. Летом внучка приезжает. Да еще сад, огород, подработки всякие. Смотрю на Светлану, на них обоих, называю ее на «ты»... и... наверно, жестоко завидую... Но близко Его не подпускаю, не даю смотреть ему долго себе в глаза...

АВТОР. Вот тебе и «бермудский треугольник». Как говорится, все на высоком моральном уровне.

А это Тамара – страховой агент, нештатная жена Светозара.

ТАМАРА (от первого лица). Светозар приехал сюда, в Малоаркановку, не так уж давно. Хотя родом сам и из городка, местной фамилии, однако появился, как говорится, на свет божий и рос в окрестностях, в одном из госхозов. Их тут, в соседнем районе, несколько – с непростой такой производственной базой, запутанной человеческой иерархией.

Хозяйство занималось клубниками и яблоками, а кому они не нужны? Только Бог не ест не пьет ничего, а людям такую продукцию только давай. Недаром район считался экспери-

ментальным, столичным, куда возили, бывало, искушенных московских гостей для укрощения нравов. Это тебе не Бурятия, не Забайкалье, где дарят шкурки песцов, а Русь – матушка, серединная. Что с нас взять, кроме картошки да яблок? А тут все же клубничка, да утки-пекинки, да хлеба зернинки, да сметанка на крынке... В общем, шапки ондатровые (дефицит) таким людям, от которых зависело что-то, тогда дарили уже в области, когда назад в Москву провожали...

Святозар мне в отрывках обо всем этом рассказывал, и у меня составилось на все это свое мнение, свое представление.

Поставили его тут Заместителем райвоенкомата. Военкомат начал стареть, болеть, по курортам ездить. Больше собой заниматься, престижем. Пусть первый зам. пашет, а поле-то наше. Светозар живо понял, что надо ему для выдвижения и продвижения. И стал кричать, стучать, своих от чужих отличать...

Однако! В районе появился настоящий мужчина. Красавец, с усиками, гренадерского роста. Высокого социального статуса и женщины стали обращать на него внимание... Однако! Я знала, от таких надо подальше. Работала я экономистом. Попала однажды в компанию с ним, в командировке. Вдвоем в номере и оказались. Подпил он, разнервничался и давай в грудь себя колотить, грызть край стола, головой о стол биться... Жаль мне стало его, несчастного... В общем, утром проснулись под одним одеялом... И вот теперь это чадо (*показывает на сына*) – Колюня, плод безумной любви...

Надо сказать, сына он любит, привязался к нему. От жены у него нет никого, от Глафиры. Вот он и стал ко мне на квартиру наведываться, подарки, деньги приносить. Не тебе, мол, а сыну. И как оно получилось, не знаю. От людей стыдоба брала сначала, при живой-то жене живем почти что в открытую. Не стесняется, наглый. Кто пикнет – любого придавит. Слышала однажды, как он по телефону на кого-то кричал – это ужас! Я бы ни за что не согласилась работать с таким дирек-

тором, после телефонного разговора пятый угол искать. А со мной он тихоня, даже кроткий...

И только он поднял на меня руку, я ему строго:

– Да кто я тебе – жена, что ли?

И пиджак его вон за дверь: больше сюда не ходи! Приполз через недельку – тише ветра, легче ванских струй. Прости меня, Томочка. Больше этого не повторится. Я, говорит, знаю, что ты терпишь от людей, что ты женщина героическая. Знаю, ценю и всегда буду ценить... А Глафира меня ненавидит. Но терпит. А куда денешься? Всю жизнь как сыр в масле катаешься, нигде не работает, квалификацию всякую потеряла. Сидит дома и только одну функцию исполняет: тылы ему обеспечивать... Так вот втроем и живем, люди говорят, «бермудским треугольником».

АВТОР. А теперь рассказ от Глафиры – действительной, штатной жены Светозара.

ГЛАФИРА. Узнала про нештатную – хотела его посадить. Знаю его кое-какие делишки. Еще когда в госхозе был, да и тут уже, в замах. Да ведь не все только себе берет, но и для всех, для общественных нужд.

Смелых таких, отчаюг, и выдвигают. Замом глава при себе держит такого, чтобы и кулаком стучал, и за все отвечал. Сколько таких... первых замов хоронят до срока, в землю сырую кладут. То от сердца, то от инсульта, а то и в тюрьму прямым ходом. А сам начальник вроде бы не при чем.

Пока сам он тут, в замах-то пребывал, вся изнервничалась я, прямо-таки изнемоглась. Кабы за что-нибудь не посадили. Не убили. Бутылку с зажигательной смесью кабы в окно не бросили, как когда-то первому лицу в Верховском районе, помните?.. Не до Тамары уж тут, да черт с ней! Этот этап в нашей жизни пройти, чтобы или уехать куда-нибудь, или чтоб в область выдвинули...

В магазины сама не хожу. На базар тоже. Шофер все доставляет. Боюсь, чтобы люди не ободрали, особо бабы малоарканов-

ские. Такие досужие! Все знают, до всего докопаются, да еще и придумают сорок бочек арестантов. Слушные дошел (через шофера, конечно, а кого же еще), у Светозара, мол, где-то под Москвой еще один дом – тоже не пустой, еще и третья есть...

– Ну и что, – говорю Тише Зимину, – не на Лазурном же берегу и не во Флориде, как у Абрамовича. А тут – близко. Перемелется – мука будет. А куда денешься? Так-то мы и живем, как по лезвию ходим.

Сцена пятая

Та же площадь. Фонтан, цветники. Пушка повернута стволом на Восток, откуда в сорок третьем, освобождая, наступали наши войска. Под пушкой – Вечный огонь. Автор с женой Светланой Сергеевной проходит Аллеей Героев.

АВТОР (*приостанавливаясь у бюста Марии Чечневой – знаменитой летчицы*). Мать моя дружила с ее матерью, шила одежду ей, а сестра матери – моя тетя – учила Марину в Протасово, в школе. (*Переходя к другому бюсту – к Гриневу Михаилу Андреевичу.*) Был тут мэром, Героя получил за форсирование Днепра. Кстати. тетя моя – материна сестра, тетя Дуся – в самом деле, тоже была председателем горсовета. Первым – в сорок третьем, сразу же после Овобождения... Город лежал весь в руинах тогда, как Герника, как Цхинвал вот сейчас...

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА (*оглядывая парк с мемориалом, Центральную площадь*). В Грассе была, во Франции, так там суд в центр к парку Героев не вынесли бы.. Или это был бы Дворец Правосудия... Все в цветах, ухожено, чистенько, – молодец Любовь Ивановна, мэр! А зданий нет, ничего серьезного не построено. Все маленькое, малоэтаженькое...

АВТОР (*вздыхая, жене*). А ведь говорил Губернатору, обещал. Хотя бы Дом культуры построить. Тусуют как карты: то туда, то сюда переезжают, аж скорбь берет какая-то неохватная...

Народ зашевелился, пришел в движение. Видишь, начальство – появилось и свое тут, и региональное. Проходят к трибуне, спиной ко мне и стоят тоже спиной. Это, чтобы со мной не здороваться, не хотят замечать. Думаю, что-то случилось.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Нужен ты им!

АВТОР. Да нет, Губернатор бы пригласил. Мы с ним знакомы...

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Не фантазируй.

АВТОР. В жизни своей я трех маршалов видел. Тут, в срок третьем, вон там, во дворе старой школы, – Рокоссовского. Как он нагрянул сюда после кровавого месива под Сабурово, как распекал он своих генералов!.. Во Львове, где тетя моя оказалась, мы с двоюродной сестрой Лидой на Октябрьской демонстрации были, так колонна встала как раз перед трибуной. Носом к носу с нами оказался маршал Конев – лысый, как Никита Хрущев. Мне кажется, он обратил внимание на юношу с пылающим взором...

А с маршалом Чуйковым Василием Ивановичем, героем Сталинграда, так с тем вообще сидели за одним столом. Он даже тост за меня поднимал, как за будущее нашей литературы. Пятьдесят лет отмечали журналу «Молодая гвардия», и главный редактор – писатель Анатолий Степанович Иванов (ну что «Вечный зов», «Тени исчезают в полдень») пригласил меня как Автора на юбилей. Меня и еще одну поэтессу из молодых. Дело было летом в ресторане Архангельского, в лесу. Еще Шауро был, из ЦК... Писатели Владимир Солоухин, Валентин Сорокин – хорошие люди...

Сидит начальство в центре стола, а мы с Солоухиным с краю. Вот Иванов встает и подзывает меня. Подхожу. А с ним рядом Чуйков. Вот Анатолий Степанович ему и говорит: «Видите? Только что с БАМа вернулся, был у тоннельщиков, по диким степям Забайкалья. Молодой, но будет романы писать, наша надежда.»

А это, говорит он мне, – Чуйков, герой Сталинграда. А я говорю: да знаю, знаю, как Чапаев, тоже Василий Иванович.

Василий Иванович засмеялся и говорит:

– Ну что ж, предлагаю тост за вон его (*показывая на меня*); нашу надежду. Понимаю, понимаю, настоящая литература – дело тоже ведь героическое. Как в окопах Сталинграда... Не раз придется показать характер. За здоровье молодых!

АВТОР. Вот так-то дело было. А эти сюда спиной прошли (*показывая на трибуну*). И опять же спиной... пить пошли...

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. А чего же они тебя лично так интересуют, да Господь с ними.

АВТОР. Да я ничего. Но ничего и хорошего. А у Воеводы на издание книжки про Сабуровское поле попросил – так, мизер, на пятьдесят экземпляров, так ноль внимания, фунт презрения... А судьи получают от ста до девяноста... В ЗАГС девицу приняли, так ей восемнадцать... тысяч, разумеется... растление через чиновничество...

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Небось, клинья кто-то к девице той подбивает.

АВТОР. Кто – какие клинья?

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Главный плотник района. А кто, по-твоему, главный плотник был на небесах?

АВТОР. Ну, Иосиф, отец Иисуса... Сама говоришь, язык держи за зубами, а лепишь?

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Не леплю, мнение отражаю.

АВТОР. Ладно, пусть отмечают День рождения города. С утра завтра пойду к Воеводе. Вопросик задам. Ответственный из кооператива литераторов приезжал сюда накануне, – был у Воеводы или хотя бы звонил? Интриган этот, плоский крючок. В июне, перед Пушкинским днем, приезжал Губернатор открывать детплощадку в Никулинском саду. Помните наш обмен фразами? Я ему говорю: «Книжка у меня вышла. Так там, между прочим, есть такие слова:

«Кому-то премии дают,

А хвалят – все меня.»

А он мне: «Поменьше дома надо сидеть».

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Ничего себе, дома! Да ты только и знаешь, что выступаешь, по районам мотаешься.

АВТОР. Думаешь, так это надо... писателю?

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Не знаю.

АВТОР. Не надо. Никому ничего не надо. Книги писать – это надо! Как сказал один поэт на похоронах другого поэта: «Книги – вперед! Слова – назад!»

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Не ерничай, не выворачивайся перед каждым... На всю Россию: вдоль и поперек. А то сидишь, сидишь дома, молчишь, молчишь, в рукопись как уткнешься, а как вышел – в лоб каждому встречному и поперечному...

АВТОР. А что – как на духу. Что мне скрывать-то?

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Не подставляйся. Сети на этом плетут, политику строят.

АВТОР. А я как кристалл. Не служил-с, родственников за границей не имею-с.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Зато отец не вернулся, где-то на Соловках.

АВТОР. Я твоего отца уважаю: погиб под Ленинградом, на Синяевских где-то... И моего не трожь: тоже не из последних. В Воронеже строил завод имени Коминтерна, эмблема буква «К» – «Катюша», гвардейские минометы. Хоть на полгода, а войну сократили, не дали упасть на нас тому, что упало потом на Хиросиму... С Калининым, всесоюзным старостой, сфотографирован. Как ударнику квартиру в центре Воронежа сначала дали, а потом забрали... вместе с жизнью... квартира понадобилась...

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Вишь, куда тянет? Теперь армия Рокоссовского интересуется... приказ № 221...

АВТОР. Ну и что? Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Ладно, иди к стоматологу. Пообщайся хоть с приятным тебе человеком. И книжку подари... «Сабуровское поле»...

АВТОР. Удивительно! Экономика, рынок ведь, а плату за зубы брать отказался. Я сначала даже расстроилась! А он мне:

это вам, говорит, мой подарок. Вы-то дарите: людям, школам, библиотекам... А я, что ж, не могу, что ли... мы поссоримся...

Вот и думаю я: что такое интеллигенция! Поняли, вы, читатели? А тут Сабуровское поле, тысячи тысяч упокоенных, загубленных вопиют к нашим душам, а некоторым все это до фени... Спросят дети нас, спросят внуки...

Многоэтажное здание на окраине. Квартира врача – стоматолога. Звонок, неаполитанская мелодия.

АВТОР (*нажимая еще и еще*). Сколько стоим, все играет, уж пол-оперы бы прослушали.

Светлана Сергеевна, звонит к соседям. Выходит женщина.

СОСЕДКА. К сватьям пошли, убирают картошку.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Передайте книжку. Вот «Сабуровское поле».

Выходят на улицу. Пожилые люди сидят в полисадничке.

АВТОР. «Народ и партия едины», а котлеты отдельно, мухи отдельно.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА (*подходя к людям ближе*). А там ведь (*в центре*) праздник уж начался.

ЗНАКОМАЯ АВТОРА (*сестра его друга*). А че нам там делать? Это для тех, кому дают премии.

АВТОР (*иронично*). Да здравствуют пенсионеры – самые свободный народ на земле!

Сцена шестая

Там же, те же.

ЗНАКОМАЯ АВТОРА (*сестра друга*). Видите, дым столбами по городу?

АВТОР С ЖЕНОЙ. Видим, и что? Как в войну: танки горят на поле сражения?

ЖЕНЩИНА. Мусор жгут по огородам. Смоги над городом встали... От огорода живем, на государство надейся, а сам не плошай. Теперь такого патриотизма не будет.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА (*насторожась*). Почему это?

ЖЕНЩИНА. Людям работать негде. Все позакрывалось: Пищеккомбинат, «Сельхозтехника», маслозавод едва дышит, на заводе техноснасти человек тридцать едва наскребется! Кругом одни сторожа... Единственная дорога свободна – на кладбище... Свекла нынче правда, хорошая, да химией до упору набита. Землю поскупил Толокнянский сахзавод, а сахзавод – миллиардеры московские. Пошла по полям техника, отряды на голладских, немецких, бельгийских машинах. Как налетят, как грачи – раз, два, и все сделали. А наши сидят, сложа руки. Или в бомжей превращаются, на кладбище пачками носят. А эти... деятели... только и знают, что совещания проводят, протоколами прикрываются... Область клонится, но попробуй скажи. Да и кому говорить-то, отговорила роща золотая... Брат мой тоже уехал – к дочери под Кострому, к Ивану Сусанину...

АВТОР. А чего сама-то ни на празднике, ни на даче?

ЖЕНЩИНА. Ноги стали болеть. Вон все сидят, а ведь дачи тут рядом. Деляночки кое-какие остались – для лука...

АВТОР. А где же деньги-то люди берут? Машин частных вон сколько. А после войны, был один Ваня Панов на трехтонке торф возил из-под Мурашихи.

ЖЕНЩИНА. Где берут, да кто ж их знает? Рисуют, самогонку гонят: в Москву, в Турцию, в Китай гоняют за барахлом. Спекулируют, в общем... Раньше таких туда отправляли, где интеллигенцию газетки читать учили – не вдоль и не поперек, а кверху ногами.

(*Объясняя Автору.*) Это Максим Горький на Соловки приехал, а ему и показывают, как там хорошо. Журнал выпус-

кают, газетки. Подошел писатель поближе, пригляделся, а газетки-то в руках у сидящих кверху ногами..

АВТОР. Брату будешь звонить в Кострому, приветик передавай. Скажи, пусть сидит, созерцает, а как насозерцается, так возвращается. Мол, прежний воевода, какой у него отопление отключал, уже не работает... Ну приходи на площадь-то – салют поглядим.

ВТОРАЯ СЕСТРА ДРУГА. А нам и отсюда видать. Чего тут, всего-то через квартал.

* * *

Зеленый домик. Напротив, колодец с красной крышей почти посередине улицы.

АВТОР (*в сторону*). Мой дом деревянный, из дуба. Еще в сорок седьмом, когда голод был, лес, бревна возили из-под Мурмашихи, с блиндажей. На себе, потом на корове. И я подвергался детской эксплуатации, тащили, аж искры из глаз сыпались...

И тут треск раздается, всполохи в небе – салют, фейерверк.

АВТОР (*жене, в упоении*). Говорю, самый первый салют был именно тут, у нас, в сквере! В июле сорок третьего, когда отбили мы их наступление и привезли наших героев хоронить в центр города, в сквере. Хоронили без гробов, одетыми, босиком...

Желтые пятки капитана Евдокимова до сих пор перед глазами. А еще вчера человек был живой, разговаривали... А майор Лисунов где-то в полях... мать моя с сестрой пришивали им подворотнички... От них узнали мы, что Рокоссовский...

СВЕТА. Иди, смотри, как красиво!

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. В самом деле, это военная тайна.

АВТОР. Смотрите, все соседи на улице. (*Валерию – соседу*). Далеко на велосипеде-то разогнался – на небо?

ВАЛЕРИЙ. «Сельхозхимию» охраняю.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И прямо, как был в тапках, Автор пошел навстречу Судьбе. Чего тут – через квартал всего. А к площади уже не подступишь – столько народу, столько машин. Вот когда люди-то в центр ринулись! На концерт, на салют, просто увидеть друг друга. Понаехало машин отовсюду. Вот что такое бывший уезд и все-таки город!

Свет яркий в окнах Районного воеводства.

АВТОР. Земство гуляет! Сколько на площади-то знакомых! То стенды вместе с библиотекарями, то музыканты... учителя из школ... интеллигенция...

И вот он – Тиша Зимин, этот глас народа.

АВТОР (*весело*). Что сторожим, Миша? Могилы предков?

ТИША ЗИМИН. У нас вандализма нет. Пока мы тут, все гутен морен.

Показывает на собаку, возле ноги, на Салют над головой.

ТИША ЗИМИН. Цветы неба. А дети – цветы нашей жизни.

АВТОР (*показывая на светящееся окно*). А там?

ТИША ЗИМИН. А там Крокодил. Премию обмывает.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА. Не заводись, мы работаем не от покойников.

АВТОР (*Тише*). Хочешь, спою тебе то, что там не спел? Прочитаю то, что там не прочитал?

ТИША ЗИМИН. Ну?!

Переходя к бюсту Пушкина, присаживается прямо наземь, на травку.

Автор сперва поет песню «Яблочный Спас», а уж потом читает стихи «Легендарный городок».

ТИШИ ЗИМИН. А че там на собрании не прочитал?

АВТОР. Вот мои впечатления военного детства – о Рокоссовском.

Китель Рокоссовского

«После Сабурово – фронта хозяин
В Малоарканов нагрнул,
Был я мальчишкой, рот свой раззявил,
Не оторвался, как глянул!
Был он высок и красив, в сапогах.
В кителе, сшитом Филиппом.
Был тут такой у нас – Лаушкин, маг,
Специалист по клипам.
В кино хоть полководца снимай –
Вылитого артиста –
Дань Рокоссовской фигуре отдай!
Видел, стоял очень близко
Мы, пацаны, сквозь оцепленье
Как-то пробрались. В кругу
Трость проявляла особое рвенье. –
По сапогу, по сапогу!
Алый околыш, белые лица, –
Мог бы любого в окоп!
Я же на китель не мог надивиться.
Ажник он треснул под мышкой.
Сроду не видел, это уж слишком.
У генералов трескалось чтоб.
В кителе, сшитом Филиппом,
Бил Рокоссовский по клипам,
Сразу по всем кошмарам.
Я бы, напротив музею
Отдал те клипы следом,
А тут бы у школы поставил Рассею
В кителе, сшитом соседом.
Я бы поставил памятник тут,
Сделанный фронтовиком.

Тоже сосед мой!
Годы идут,
Не успокоюсь на том!

* * *

Все говорят, мир – из идей.
Крутится шарик, неистов.
«Филипп» с латыни – любящий лошадей,
А Рокоссовский когда-то был кавалеристом.»

АВТОР. Ну понял?

ТИША ЗИМИН. Понял, а что?

АВТОР. Рокоссовскому памятник в городе надо ставить – вот что! Гению военному, нашему Освободителю.

Сцена седьмая

Там же, под фонарями, в Никулинском саду, у памятника Пушкину. Неподалеку, на площади, звучит на весь городок музыка. Праздничный концерт продолжается. А тут – все те же двое: Автор и Тиша Зимин.

АВТОР. Так будем слушать? О том, чего я недорассказал? Я твой писатель – мученик, а ты мой читатель, тоже мученик.

ТИША ЗИМИН. Ну давай.

АВТОР. По разделам пойдем.

Вопрос: почему я называю городок наш героем? Всего каких-то тысяч пять населения, а все как у большого. Представь себе, дорог вокруг восемь. Как в Москве, Орле, а в войну дороги, коммуникации – главное, так?

Ответ: Центральным фронтом называли. Действительно, от Мценска до Харькова, где в битве было задействовано несколько фронтов он был Центральным, так, да?

ТИША ЗИМИН. Конечно.

АВТОР. И далее.

Вопрос: Рокоссовский был назначен командующим, а не кто-то другой. Было три главные битвы в Великой Отечественной и во всех Рокоссовский – фигура. За Москву: Рокоссовский командует шестнадцатой Армией. Фланговый удар, решающее значение.

Вторая битва: Сталинградский котел. Фланговый удар с севера замыкание кольца, окружение, крышка.

Третья: Битва на Орловско-Курской дуге. Рокоссовский опять-таки на решающем участке, стратегического направления. И где именно? Тут, в треугольнике бессмертия (Малоархангельск – Поньры – Глазуновка). От Поньрей, от Глазуновки, откуда враг вел наступление на Малоархангельск, а он держался и удержался.

«Семь месяцев брали,

Да так и не взяли

Малый наш Сталинград».

Малоархангельск был освобожден двадцать третьего февраля тысяча девятьсот сорок третьего года, а Глазуновка – двадцать восьмого июля, а ведь она всего в каких-то шестнадцати – восемнадцати километрах от города. И все это время великое противостояние по ту и другую сторону, кровавое месиво.

Конечно, участвовали и танки, как в Прохоровке. Но решающее значение имели люди, человеческий фактор, проявление массового героизма. Вот где, в самом сердце Руси, на корне своем, наши встали стеной, где война, действительно, стала народной. Процент героизма, участия в войне жителей больше, чем где бы то ни было... В городе было даже подполье...

Прежде чем понять все это, прочувствовать стратегию, обратимся к истории, военной науке. Начнем с Александра Македонского. Его главная битва с персами была под Гавгамелами: фланговый удар по ставке царя Дария, и десятикратно превосходящее войско противника обращается в бегство.

Продолжим Каменским – младшим, Николаем Михайловичем, прекрасным талантом, русским военным гением. Моя встреча с его потомком – ныне московским предводителем дворянства графом Каменским дала следующее. Стратегия войны – «скифский план ведения войны» был разработан Николаем Михайловичем, а осуществлялась затем Барклаем де Толли, Кутузовым.

Витгенштейн не пустил Наполеон через Пинские болота на северную столицу. Осуществляя план, он заставил Наполеона пойти на Москву. Москву Наполеон взял и тут же бежал из нее, не оставив армию зимовать, почему? А с юга от Молдавии готова была ударить сильно закаленная в битвах с турками Дунайская армия и отрезать от Европы Наполеона.

И еще. С какой широтой действовало в Великой Отечественной нашей Главное командование. На севере в районе Великих Лук, на прорыв был брошен танковый корпус генерала Трубникова, отвлекая танковые силы врага от Сталинграда. В то же время Рокоссовскому, ударом с севера, легче было замкнуть Сталинградский «котел».

Таким образом, Македонский, Каменский и сам же Рокоссовский уже дали возможность проникнуться, оценить концепцию битвы на Орловско-Курской дуге. Наше главное Командование просто переиграло Гитлера, а героизм армии и народа, особо, на том же Центральном фронте и особенно под стратегическим Малоархангельском, дали высшим, исторически выверенным планам осуществиться. Вот некоторые аргументы и факты.

Почему дуга называется? От Поньрей у станции Малоархангельск до Глазуновки – Куракино железная дорога делает дугу. Будете ехать электричкой, например, к вечеру в августе, – обратите внимание: заходящее солнце смотрит слева сначала, впереди, а потом, изгибаясь в дугу, дорога переводит солнце назад за голову. Если бы строили дорогу прямую, она прошла бы вблизи Малоархангельска.

Почему сражение «Орловско-Курское»? Потому что тут стык областей (Поныри – курское поселение, Малоархангельск принадлежал Курской области, а прежде Орловской губернии, Глазуновка, Сабурово, Алексеевка – на Орловщине). Орловско-Курская дуга перед Малоархангельском. В войну командиры просто обожают или ненавидят всякие «стыки»: армий, воинских частей, областей, даже стран.

И еще. Почему Малый город выглядит «стратегически»? В войне не бывает больших городов и малых, есть место битвы и время: Куликово поле, Бородино, Гавгамелы, Фермопилы, Аустерлиц и т. д. Битву на Орловско-Курской дуге уже при Хрущеве переименовали в Курскую битву, в Орле – в Орловскую битву, белгородцы – на щит подняли Прохоровское сражение. И запутали все. А ведь была битва не за города, это была битва за степь, за степное пространство, с единым замыслом, со своей сложной, талантливой военной стратегией, которой дали тут, на подступах, осуществиться.

И еще. Малоархангельск – это не просто кусок земли, это особое, священное место земли. Это магические, торсионные силы недр. Его знали двадцать семь веков назад, здесь предки наши хлеб выращивали. Его везли в Грецию еще при Гомере, Одисей бывал здесь.

Волею судеб, обладая массовым героизмом, явленным тут единством армии и народа, Малоархангельск (удар с юга) вместе с Болховом (удар с севера), стали освободителями Орла, перейдя от обороны к наступлению и фланговому (заметим, возможному замыканию кольца за Орлом) удару на Карачев, Брянск.

Тот же Малоархангельск своей героической обороной фактически стал защитником Курска. Ольховатка с ее угрозой удара врага непосредственно на Курск – более частный фактор. Зачем им Курск, когда бы появилась возможность, замкнув кольцо, где-то за Малоархангельском, с Прохоровским прорывом создать врагу «котел» на подобие сталинградс-

кого. Великий соблазн «котла» всего Курского выступа – вот что такое Малоархангельск. Именно Малоархангельск своей обороной не дал замкнуть Курский выступ где-то во глубине, позади, за Колпной, на дороге Курск – Воронеж, куда, южнее, взяв Прохоровку, уже устремились гитлеровские танки, нацеленные на север, на замыкание Курского выступа.

А дальше? После обороны, в результате нашего наступления от устья Оки, от Малоархангельска, и совместного с Болховым севернее Орла продвижения в направлении на Хотынец, за Орлом – что получилось? А далее – путь на Брянск. И с Брянска стал возможен удар резко на юг, по Украине, отрезая танки врага, вклинившегося – после прохода через Прохоровку – в глубь нашей территории на тридцать пять километров. И резко на север – под Белорусию.

АВТОР. Тиша! Чуешь, чем пахнет, как рассуждаю?

ТИША ЗИМИН. Стратег! Тебе надо в Генштабе работать.

АВТОР. Слушай сюда. И вот после освобождения Брянска Гитлер стал выводить свои танки из «мешка» за Прохоровкой, выравнивать оборону... И что еще дальше? После Брянска мы подошли к Белоруссии, с юга. Назрела операция «Багратион». Как его проводить – этот удар по освобождению Белоруссии? В лобовую от Москвы – за нее Сталин и Жуков, за фланговый удар – кто «за»? Рокоссовский. Его поддержал Жуков. В итоге план Рокоссовского – фланговый удар по Белоруссии, удар с юга, стал главным. А удар от Москвы, в лоб – отвлекающий. В результате враг был отброшен за пределы страны, а операция, «Багратион», заметим, одна из всех в великой войне, вошла в учебники военных академий мира...

ТИША ЗИМИН. А дальше-то, дальше-то что?

АВТОР. А дальше уже напрямиком на Берлин. Центральный фронт – это уже Первый Белорусский. Перед штурмом Берлина Верховный назначил командующим Первым Белорусским Жукова, а Рокоссовского передвинул севернее, на фланг, в Померанию. Опять-таки это «конек» Рокоссовского: с севера им наносился фланговый удар по Берлину.

Вот так развивалось все стратегически. Центральный фронт, во главе с Рокоссовским (главное сражение в районе Малоархангельска) выходил именно на Берлин. Кто бы мог подумать тогда: Малоархангельск – Берлин!

И еще. Конечно, Прохоровка – это техника, танки. Это так. Однако и на подступах к Малоархангельску поля тоже были набиты танками, лет пять их потом вывозили отсюда на переплавку. Но и была тут и другая военная техника: повторяю, «бог войны» – артиллерия из РГК (Резерва Главного Командующего). А главное, повторяю, человеческий фактор. «Штрафники, т. н. «штрафная», народная армия Рокоссовского, люди, которым вменили несуществующую вину и которые, еще раз повторяю, проявили тут поистине массовый героизм, налицо оказалась настоящая дружба народов, война в сознании по истине стала народной. Да на этом можно людей, молодежь свою да веками воспитывать, а не стирать все это из памяти человеческой! Только недавно все это осознал, связал воедино, наконец, и говорю. На такие исторически дела нужно время; Лев Толстой осознал Отечественную войну тысяча восемьсот двенадцатого года где-то под конец века. А я сделал все это быстрее, потому что, хоть и в «детях», а был участником этой войны, сам все на шкуре своей испытал, многое видел, слышал, встречался с фронтовиками, потом с ветеранами, и знаю обо всем не по наслышке. А когда мы знаем, уверены – нас не сломишь. За Родину! Россия, вперед! Мы и тут победим, победа будет за нами. Будет и на нашей улице праздник...

В Орле – Егор Щекотихин собрал «ординар» – выпустил том «Орловская битва». В Курске Виктор Давыдков опубликовал тоже том – «Анализ Курской битвы». Документы и цифры известно какие, чего повторяться-то? Всякий кулик свое болото хвалит. А я про что?

ТИША ЗИМИН (*явно заинтересованный, вскакивая с травы*). Да, про что?

АВТОР. А про то, что и с Малоархангельском надо работать. Сделать город привлекательным для туризма. Пол Гер-

мании деньги сюда повезут, вся Россия, другие братские народы. Потомки участников битвы... Казаки, литовцы, сибиряки, украинцы... всех, кто был тут тогда. На туризме больше, чем даже на хлебе, можно тут зарабатывать. Только вложить надо в инфраструктуру первоначальный капитал.

Три дня везли сюда гаубицы из РГК (Резервы Главного Командования). Видел в Луковце их – новенькие, под красочку, прямо с завода. А увозили назад – черные, раскуроченные, в гари – всего часа три каких-то обратно везли... Даже крыши сносило с домов от гаубиц, когда стреляли. Покрышки, помню, отвалило в доме на том месте, где живут сейчас на Красноармейском переулке.

Рокоссовскому памятник надо ставить в Малоархангельске, я знаю! И где? У церкви, напротив рынка – хорошее место. А главную улицу от памятника назвать проспектом Рокоссовского. Рокоссовский взял на себя такую ответственность: без согласования со Ставкой назначил час артиллерийского удара по передовой противника и тем ослабил наступление врага. Жуков его потом выручал. И вот я уже нашел в Москве скульптора. Начальники! Да дайте же увековечим память героя нашего, военного гения... Спасителя всея Руси, всей огромной страны, всего человечества...

Ну что? Хватит, что ли? Уже ночь наступила, праздник закончился. Тиша, пора и отдыхать.

ЭПИЛОГ

И как мне это слово на язык подвернулось «Герника»? В песне сказал о Цхинвале, Южной Осетии, а тут на язык легла песня, «Герника» – из Испании, Страны Басков. Ну и как там об этом поется в песне моей о Яблочном Спасе? Во-втором варианте? Освежим в памяти, повторим.

«Герника, Герника с облака впросинь,
Преображенная, сморит на нас.

В Малоаркановске падают в осень
Яблоки, яблоки, Яблочный Спас.»

Герника, юго-осетинский Цхенвал, Малоархангельск, Сабуровское поле, где на десяти гектарах в одной атаке, брошенные на минометы и пулеметы почти без оружия, легли сразу десять тысяч, в основном, хлеборобы.

Сделанные штрафниками после известного приказа № 221 (после Куликово, Бородино, Прохоровки) – участники сражения под Сабурово – герои четвертого поля России. Своего рода это военный ГУЛАГ. С пятого июля сорок третьего, когда началась битва на Орловско-Курской дуге, уже с восьмого июля заканчиваются всякие описания боев в военно-исторической литературе. Столько напутано, столько неясного. Битву на общей дуге разбили даже по секторам, областям. Но Центральный фронт был! Рокоссовский тут был! Массовый героизм, «кровоное месиво»... Треугольник бессмертия (Малоархангельск – Поньры – Глазуновка). Тут на подступах к Малому городу, по обе стороны железной дороги Орел – Курск, лежат великие тысячи. Больше населения нынешнего Орла. Поезда мимо станции Малоаркановск, я знаю, будут идти, сигналив, как под Брянском, у Памятника Военному шоферу, когда проезжаю автомашины.

Помню, в Днепропетровске, на научно-писательской конференции, мне дали слово, и я закончил речь единственным четверостишьем, но каким!

(Сказал сначала.)

«Прекрасная Франция,
Испания – «ложе быка»,
Сумрачно-рыцарская Германия,
Англия – туманный Альбион,
Бельгия – «страна на подносе» (Жак Брель)
Святая Русь.»

(И закончил.)

«Страна моя, страна не на подносе –
На всем столе, равнинная, своя, –

Она лежит, как яблоко под осень.

Ну откуси попробуй от нея!»

Вечером, во время дружеской встречи, столы были завалены яблоками.

Память стучится в дверь – тихо, тихо. Как может стучать только сердце, только любовь, только надежды и вера.

Не сотвори себе кумира. Но и грешника из кумира тоже на сотвори.

6–8 сентября 2008 г.,
г. Малоархангельск.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Золотарев Леонард Михайлович

СУМЕРКИ В КАРФАГЕНЕ

Трагедии, драмы, комедии

Издатель Александр Воробьев

Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

Верстка – Лещенко Ю. В.

Пописано в печать 24.12.2009 г., Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 24,18.

Заказ № 128. Тираж 500 экз.

КАМЕНЬ У ДОРОГИ

*...Пошлите мне, што и моей Руси!
Немножко сладгья да краюшку хлеба.*

*Языцеские, фресеские боги!
Велес и Пан, с Христосом во смеси!
Ещё пошлите, в качестве подмоги, —
Шо, што и мне, моей святой Руси
На всю страну — хорфрошине дороги!*